

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.В. Кирчанов

НАЦИОНАЛИЗМ:
политика, международные отношения,
регионализация

Учебное пособие для вузов
(курс лекций)

Издательско-полиграфический центр
Воронежского государственного университета
2007

УДК 32(091)
ББК 66.1(0)
К 436

Утверждено научно-методическим советом факультета международных отношений «17» октября 2007 г., протокол № «__».

Р е ц е н з е н т ы

Ф.Г. Войталовский
к.полит.н., старший научный сотрудник
ИМЭМО РАН

И.В. Крючков
проф., д.и.н.
Ставропольский государственный университет

Д. В. Офицеров-Бельский
доц., к.и.н.
Пермский государственный университет

Учебное пособие подготовлено на кафедре международных отношений и регионоведения факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

Рекомендовано для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета всех форм обучения.

Для направления: 080200 (521300) – регионоведение
Для специальности: 030701 (350200) – международные отношения

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретические и методологические подходы к изучению национализма в социальных науках	4
--	---

I. ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА

1.1. Классический социокультурный модернизм: теоретические исследования национализма в работах Эрнэста Геллнера	20
1.2. Интеллектуальный конструктивизм и изучение национализма: теория «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона	40
1.3. Дискурсивная теория национализма: исследования Крэйга Калхуна	58
1.4. Конструктивистский этносимволизм Энтони Смита и проблемы «исторического» в теориях национализма	73

II. ДИСКУРСЫ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА»

2.1. Народный протонационализм и этничность	90
2.2. Периферия, маргиналы и идентичность в процессе развития национализма	107
2.3. Национализм и идентичность в контексте развития интеллектуального сообщества	127
2.4. Интеллектуальная рефлексия и «воображаемые сообщества»	141
2.5. Периферийный национализм в контексте интеллектуального конструктивизма	157
2.6. Проблемы развития пограничных идентичностей в контексте европейского национализма	177

III. НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3.1. Националистические нарративы и историческое воображение	199
3.2. Маргинальность в контексте развития национализма	224
3.3. Перспективы применения нарративной теории при изучении идентичностей и национализма	238
3.4. Национализм в современной Российской Федерации: тенденции и противоречия	261
Заключение	279
Список литературы	283

Теоретические и методологические подходы к изучению национализма в социальных науках

В современном мире национализм является одной из наиболее влиятельных идеологий. В европейской историографии XIX век нередко осознается как «столетие национализма». Век национализма продолжался и в XX столетии, новый XXI век так же имеет все шансы стать очередным столетием национализма. Национализм как новая и универсальная идеология пришел на смену идеологиям социальным, сословным и религиозным.

Среди всех политических доктрин в истории человечества именно национализм, вероятно, обладает универсальным характером. В XX столетии национализм столкнулся с тремя опасными идеологическими оппонентами – фашизмом, нацизмом и коммунизмом. Два первых пали к середине XX века, коммунизм – к началу 1990-х годов. Это только подчеркнуло необычайную способность национализма изменяться, развиваться и приспосабливаться к новым условиям. Национализм – сложный феномен, изучение которого возможно в рамках различных гуманитарных наук, в том числе – и международных отношений.

Для историка национализм интересен как фактор в истории государств нового и новейшего времени – без национализма невозможно представить объединение Германии и Италии, появление на политической карте мира во второй половине XX века целого ряда стран – Индонезии, Малайзии, Индии, Пакистана. Появление независимых государств в Южной Америке и деколонизация Африки – самые крупные триумфы в истории региональных национализмов. Более того, современная (начиная с XIX века) история большинства стран Европы и Америки – это история местных национализмов, история формирования национальных идентичностей, история постоянной конкуренции различных националистических дискурсов и концептов.

Для литературоведа национализм так же представляет немалый интерес. Значительная часть современных литератур возникла на волне национализма. На протяжении последних трех столетий литература была той сферой, где местные интеллектуалы выражали свои политические националистические симпатии или указывали на принципиальное несогласие с ними. История каждой литературы знает писателей националистов. Иван Франко в Украине, Николай Лесков в России, Янис Райнис в Латвии, Сеспел Мишши в Чувашии – признанные националистические авторитеты, негласные «отцы нации» в своих странах и регионах.

Для политолога национализм интересен в контексте политических процессов, рекрутирования политических элит, формирования и развития политических режимов и систем. Многие государства, возникшие в XX веке, сознательно конструировали свои политические режимы, руководствуясь националистической идеологией, намеренно вытесняя за пределы по-

литического дискурса оппонентов и противников, которые разделяли другую / чужую национальную идентичность.

Наконец, изучение науки международных отношений и регионоведения (как вспомогательной и специализированной, в данном случае, дисциплины), как дисциплин, которые связаны с тремя вышеупомянутыми науками, невозможно без обращения к национализму. Фактор национализма нередко дает о себе знать в рамках двусторонних отношений, в период международных кризисов и конфликтов. Приведем два примера из новейшей, актуальной, истории.

Пример первый – военная операция США в Ираке показала ту значительную роль, которую играет национализм в иракском регионе. В Ираке США столкнулись не просто с курдским, но и иракским национализмом, который оказался расколотым, так как в нем сравнительно быстро обозначились два дискурса – суннитский и шиитский. Пример второй – косовский кризис. События в Косово-Метохии – это классический пример конфронтационного соседства и столкновения двух национализмов – сербского и албанского. Как бы ни предрекали футурологи и социологи скорый крах и гибель национализма и даже национального государства в контексте глобализации и интеграции, национализм, тем не менее, не спешит уступать свои позиции т.н. универсальным ценностям и идеологиям.

Даже такой удачный международный региональный проект как европейская интеграция не смог вывести за пределы отдельных политических дискурсов национальных государств, членов Европейского Союза, национализм. Во всех странах ЕС существуют и успешно действуют националистические партии и движения. В Европе, особенно в Центральной и Восточной, национализм смог не только сохранить, но и укрепить свои позиции. Тем более очевидна роль национализма в тех новых государствах (в первую очередь – в Украине и в Грузии), которые совсем недавно продекларировали свое желание стать членами Европейского Союза.

Таким образом, значение изучения национализма для воспитания специалиста в сфере международных отношений и регионоведения не может вызывать сомнений. Настоящее учебное пособие создано специально для студентов-международников и студентов-регионоведов факультета международных отношений Воронежского государственного университета. В учебных планах факультета присутствует ряд курсов («История Европы», «История Северной Америки», «Международные отношения в Европейском регионе», «Теории национализма в политических науках», «Национализм и проблемы регионализации», «Модернизационные процессы в Западном полушарии», «Модернизационные процессы в Юго-Восточной Азии»), в рамках которых обращение к проблемам национализма становится актуальным.

Как видим, тематика этих курсов очень широка. В такой ситуации, студентам, которые приходят в университет уже со сформированными

благодаря усилиям СМИ, представлениям о национализме, приходится их радикально пересматривать и переосмысливать. Российские СМИ нередко формируют крайне односторонний дискурс национализма, как ненависти и неприязни к представителям других наций и носителям других языков. Такое восприятие в корне отлично от европейской и американской перцепции национализма. То, что в Европе или Америке назовут проявления шовинизма и политического экстремизма, отсутствием элементарной политической и даже бытовой культуры диалога и сосуществования, в России нередко называют национализмом.

В западном мире нет ничего плохого и зазорного в том, чтобы быть националистом. Например, украинцы, которые родились и выросли в Канаде, говорят на украинском языке – это националисты. Но они националисты только из-за того, что маркируют свою принадлежность к украинской культуре и не отказываются от своей украинской идентичности. В таком национализме нет ничего негативного. Но те граждане Канады украинского происхождения, которые настроены, например, антипольски или антироссийски, не могут быть украинскими националистами. Это – не политические, а этнические националисты и маргиналы. Запад сделал много для того, чтобы изжить этнический национализм и забыть о нем. В западной перцепции национализм не может базироваться на отрицании других / чужих культур – националист всегда вырастает и воспитывается на уважении к своей собственной культуре и языку. Если люди, называют себя националистами, но утверждают, например, что их соседи не являются нацией, но представляют собой сборище сепаратистов, которые не умеют говорить на правильном и литературном языке, это, для западного исследователя не националисты. Такая тактика характерна только для политических экстремистов, маргиналов и шовинистов, которые пребывают на периферии политического спектра в западных сообществах.

В России, к сожалению, сложилась иная ситуация. Проблема современной Российской Федерации состоит в недоразвитости политического национализма. Вместо политических (или гражданских) националистов в политическом поле современной России под видом националистов нередко действуют политические экстремисты и маргиналы. В России ситуация выглядит сугубо прискорбной, если принять во внимание, что многие движения (РНЕ, Славянский Союз), которые склонны позиционировать себя как националистические, в стране, победившей нацизм, оперируют откровенно нацистскими лозунгами.

Еще более опасно выглядит ситуация, если принять во внимание тот факт, что Российская Федерация частично является этнической федерацией, где часть субъектов Федерации создана по национальному признаку. Великодержавные тенденции российских националистических маргиналов вызывают ответную реакцию и рост национализма в национальных республиках. В этой ситуации позитивным остается только то, что и русские

и, например, татарские крайние националисты в Российской Федерации, в целом, и в Республике Татарстан, в частности, являются политическими маргиналами, выставленными за пределы политического поля.

В такой ситуации обычному студенту достаточно непросто ориентироваться в этой проблематике. Поэтому, изучение национализма становится актуальной задачей. Студенты-международники, которые занимаются изучением национализма, могут обратиться к разнообразной литературе, посвященной национализму. Современная литература, посвященная национализму, поражает своими размерами. Интернет дает массу возможностей для изучения национализма – одна только поисковая система Google на запрос «nationalism» выдаст несколько сотен разнообразных сайтов. Кроме этого в отечественной и зарубежной научной традициях создано немало исследований о национализме, а на Западе – возникли целые исследовательские школы.

Национализму, который вместе с христианством, сформировал западную цивилизацию, на Западе повезло с исследованиями. Отечественный дискурс исследования и восприятия национализма формировался не так просто. Вероятно, он складывался мучительно. В дореволюционной историографии с ее воспеванием обрусения, национализм был почти ругательным словом. Для российских гуманитариев до 1917 года националистами были евреи (не будем забывать, что дореволюционная Россия была страной почти официального антисемитизма, черты оседлости и еврейских погромов) или католики-поляки. Российские интеллектуалы в царской России не смогли выработать своего цельного и единого восприятия национализма нерусских народов и российский национализм в жесткой конкурентной борьбе с грузинским, украинским, белорусским и прочими национализмами после февральской революции и большевистского переворота едва не проиграл. Большевизм, сохранивший значительную часть территорий бывшей Российской Империи кроме Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии и Польши фактически пошел на диалог с местными националистическими движениями, которые отличались завидной мимикрией и с одинаковой легкостью оперировали как национальными, так и социальными лозунгами.

Во второй половине 1930-х годов советский политический и исследовательский дискурсы сомкнулись, правящая элита больше не была заинтересована в союзе с местными националистами, и восприятие национализма начало меняться. Появился буржуазный национализм – украинский, белорусский, казахский, татарский, узбекский, молдавский, латышский... Национализм стал осознаваться как идеологическая диверсия местной национальной буржуазии и западных стран с целью оторвать массы от классовой борьбы или не дать народам Советского Союза строить социализм и / или коммунизм. Такая ситуация в исследовательском и политическом дискурсе

безраздельно доминировала до начала 1990-х годов – до распада Советского Союза, который распался частично и из-за национальных противоречий.

В 1990-е годы российские исследователи получили возможность свободно ознакомиться не только с оригинальными изданиями работ западных авторов, но и с российскими переводами. В целом, к настоящему времени научно-исследовательская литература, посвященная национализму просто неизмерима. Она заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования. Ниже (по сложившейся традиции исследователей национализма) приведу своеобразный short list (точнее – несколько подобных short list'ов) общетеоретических и методологических книг, продиктованный личными предпочтениями, которые следует прочитать при изучении национализма:

- Эдвард Саид¹, «Ориентализм», 1978;
Джон Армстронг², «Нации до национализма», 1982;
Джон Брейли³, «Национализм и государство», 1982;
Эрнэст Геллнер⁴, «Нации и национализм», 1983;
Бенедикт Андерсон⁵, «Воображаемые сообщества», 1983;
Мирослав Хрох⁶, «Социальные предпосылки национального возрождения в Европе», 1985;
Энтони Смит⁷, «Этнические истоки наций», 1986;
Патра Чаттерджи⁸, «Националистическая мысль и колониальный мир», 1986;
Эрик Хобсбаум⁹, «Нации и национализм после 1788 года», 1990;
Энтони Смит¹⁰, «Националистическая идентичность», 1991;
«Нации и национализм»¹¹, 1996;
Энтони Смит¹², «Национализм: теория, идеология, история», 2000;
Крэйг Калхун¹³, «Национализм», 2006.

В этом (преимущественно – методологическом и теоретическом списке) списке доминируют американские авторы – исключение составляют чех Мирослав Хрох и Эдвард Саид. Последний, правда, хотя и был палестинским арабом, тем не менее, жил, учился и как ученый состоялся в

¹ Said E. Orientalism / E. Said. – L., 1978.

² Armstrong J. Nations before Nationalism. – Chapel Hill., 1982.

³ Breuille J. Nationalism and State / J. Breuille. – Manchester, 1982.

⁴ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.

⁵ Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983.

⁶ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

⁷ Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986.

⁸ Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает / П. Чаттерджи // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 283 – 296.

⁹ Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780 / E. Hobsbawm. – NY., 1990.

¹⁰ Smith A. Nationalist Identity / A. Smith. – L., 1991.

¹¹ Mapping the Nation. – L.-NY., 1996.

¹² Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History / A. Smith. – Oxford, 2000.

¹³ Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2007.

Америке. С другой стороны лидирует Энтони Смит, работы, которого выходят не просто часто, но и были переведены на ряд языков Восточной Европы, в том числе – на русский¹⁴ и украинский¹⁵. Наследие Эдварда Саида на постсоветском пространстве доступно на украинском¹⁶ и русском¹⁷ языках (украинский перевод вышел раньше и выполнен более качественно). Хобсбаум переведен на русский¹⁸ и румынский¹⁹. Андерсон – на русский²⁰ и украинский²¹. Исследования Э. Геллнера доступны на русском²² и украинском²³ языках. Сборник статей «Нации и национализм»²⁴ (в 2002 году вышел русский перевод) представляет собой уникальную подборку статей о национализме и является незаменимым источником для изучающих этот феномен.

Второй short list оправдывает свое название – в нем всего четыре книги:

*Георгий Касьянов*²⁵, «Теории нации и национализма», 1999;

*Виктория Коротеева*²⁶, «Теории национализма в зарубежных социальных науках», 1999;

*Владимир Малахов*²⁷, «Национализм как политическая идеология», 2005;

*Т. Сидорина, Т. Полянников*²⁸, «Национализм: теория и политическая история», 2006.

Особого внимания заслуживают две книги соответственно украинского и русского исследователей. Работа Георгия Касьянова стала первой попыткой на постсоветском пространстве синтезировать западные теории национализма с местной (украинской) спецификой. Книга, к сожалению, на русский язык не переведена. Владимир Малахов более склонен к обоб-

¹⁴ Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004.

¹⁵ Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

¹⁶ Саїд Е. Орієнталізм. Західні концепції Сходу / Е. Саїд. – Київ, 2001.

¹⁷ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. Саид. – СПб., 2006.

¹⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

¹⁹ Hobsbawm E. Națiuni și naționalism din 1780 pînă în prezent / E. Hobsbawm. – Chișinău, 1997.

²⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.

²¹ Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

²² Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.

²³ Гелнер Е. Нації та націоналізм; Націоналізм / Е. Гелнер. – Київ, 2003.

²⁴ Нации и национализм. – М., 2002.

²⁵ Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму / Г. Касьянов. – Київ, 1999.

²⁶ Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. Коротеева. – М., 1999.

²⁷ Малахов В. Национализм как политическая идеология / В. Малахов. – М., 2005.

²⁸ Сидорина Т., Полянников Т. Национализм: теория и политическая история / Т. Сидорина, Т. Полянников. – М., 2006.

щениям. Его работа – ценное введение в проблему национализма и исследований национализма.

Третий short list – исследования, посвященные конкретным национализмам, различным проявлениям националистического дискурса в политике, истории, языке, литературе, двусторонних отношениях, взаимных представлениях. К сожалению, среди них доминируют зарубежные авторы, а число российских работ минимально:

*Синтия Кокберн*²⁹, «Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах», 1998 (русский перевод вышел в 2002 году³⁰);

*Жерар Пюимеж*³¹, «Шовен – солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма», 1999;

*Мырослав Шкандрий*³², «Россия и Украина. Литература и дискурс империи от наполеоновских войн до постколониальной эпохи», 2001;

*Тамара Гундорова*³³, «Femina Melancholica. Пол и культура в гендерной утопии Ольги Кобылянской», 2002;

*Отто Данн*³⁴, «Нации и национализм в Германии», 2003;

*Ярослав Грыцак*³⁵, «Страсти по национализму», 2004;

*Сергей Екельчик*³⁶, «Сталинская империя памяти. Российско-украинские отношения в советском историческом воображении», 2004;

*Виктор Шнирельман*³⁷, «Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе», 2006;

*Валер(ка) Булгаков*³⁸, «История белорусского национализма», 2006;

*Тамара Гундорова*³⁹, «Франко и Каменяр. Франко не Каменяр», 2006.

Эти исследования интересны в контексте переложения отдельных теоретических подходов и исследовательских методик к различным казусам национализма.

²⁹ Cockburn C. The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict / C. Cockburn. – L. – NY., 1998.

³⁰ Кокберн С. Пространство между нами. Особенности гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. – М., 2002.

³¹ Пюимеж Ж. Шовен – солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма / Ж. Пюимеж. – СПб., 1999.

³² Шкандрий М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрий. – Київ, 2004.

³³ Гундорова Т. Femina Melancholica. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

³⁴ Данн О. Нации и национализм в Германии / О. Данн. – М., 2003.

³⁵ Грицак Я. Страсті за націоналізмом / Я. Грицак. – Київ, 2004.

³⁶ Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination / S. Yekelchik. – Toronto, 2004.

³⁷ Шнирельман В. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе / В. Шнирельман. – М., 2006.

³⁸ Булгаков В. История белорусского национализма / В. Булгаков. – Вильнюс, 2006.

³⁹ Гундорова Т. Франко і Каменяр. Франко не Каменяр. – Київ, 2006.

В виду того, что настоящее учебное пособие рассчитано на студентов факультета международных отношений Воронежского университета особое внимание следует уделить и отечественным традициям в изучении феномена национализма и наций в виду того, что значительная часть студентов не проявляет интереса ни к зарубежным, ни к отечественным работам прошлых лет. С другой стороны, автор вынужден констатировать существенное снижение общего уровня подготовки студентов, особенно – первых курсов – которые уже не в состоянии самостоятельно прочесть и усвоить научный текст.

Первые научные попытки выработать собственную теорию наций и национализма были предприняты в рамках гуманитарных исследований советского периода. Советская историография национализма имеет ряд характерных особенностей, а именно:

1) изучение национализма было всегда политически ангажировано (если националисты выражали симпатии советской власти или СССР, то национализм признавался прогрессивным, если наоборот – реакционным, буржуазным и антисоветским);

2) незначительное соприкосновение советской историографии с новейшими для того времени западными концепциями (иными словами, исследования национализма протекали в своеобразном интеллектуальном вакууме);

3) одностороннее восприятие феномена национализма как ненависти представителей одной нации в отношении других наций, что автоматически исключало из исследовательской сферы значительное число проблем, непосредственно связанных с национализмом, которые активно изучались в западной политической науке;

4) попытка создать общую теорию национализма, унаследованная, вероятно, от русской философской традиции, что привело к тому, что национализм изучался в контексте явлений с ним практически несвязанных – с фашизмом, расизмом, нацизмом...

5) перенос на изучаемый национализм в периферийных регионах мира (Латинская Америка, Юго-Восточная Азия) советских схем, клише и историографических нарративов (поэтому, в исследованиях советских авторов, посвященных, например, Индонезии, могли фигурировать «реакционные» помещики и духовенство⁴⁰); хотя, с другой стороны, именно в рамках этих исследований советские гуманитарии робко пытались выйти за строгие границы советского официального и идеологизированного дискурса, используя, в частности, и западные исследования.

Ниже предлагается два очередных short list'a работ советского периода, которые демонстрируют общий дискурс восприятия национализма, ко-

⁴⁰ Насколько термины «помещик» и «духовенство» применимы, например, для Индонезии, преимущественно мусульманского государства, является отдельной проблемой исследовательского инструментария и понятийного аппарата.

торые были очерчены выше. Первый short list представлен преимущественно идеологическими работами, которые в настоящее время представляют совокупность текстов, нуждающихся в анализе в контексте изучения советской интеллектуальной истории, но не исследований национализма:

«Предательская роль “Сфатул цэрий”»⁴¹, 1969;

А. Малашко, «Воинствующий национализм»⁴², 1971;

«Критика национализма – реакционной идеологии современной буржуазии»⁴³, 1981;

А. Трояновский, «Современный национализм на службе антикоммунизма»⁴⁴, 1981;

Ю. Вилков, «Методологические основы критики буржуазного национализма»⁴⁵, 1985;

И. Иванченко, «Буржуазный национализм-средство идеологической диверсии. Критика буржуазных националистических концепций и практика их использования в идеологической диверсии против СССР»⁴⁶, 1985

Ю. Римаренко, «Буржуазный национализм и клерикализм»⁴⁷, 1986;

Н. Хмара, «Буржуазный национализм и милитаризм»⁴⁸, 1986;

А. Лихолат, «Национализм - враг трудящихся. Анализ исторического опыта борьбы против национализма»⁴⁹, 1986;

Второй short list демонстрирует более научный, а не идеологический, в отличие от первого, дискурс восприятия национализма. В исследовании Т. Таболиной 1985 года советские исследователи смогли ознакомиться с основными на тот момент западными перцепциями национализма и наций. С другой стороны, в работах приводимых ниже их авторы нередко пытались использовать американские теоретические концепции национализма. Из всех западных исследователей больше всего «повезло» Бенедикту Андерсону, который часто цитировался, вероятно, не из-за высокого качества его работ⁵⁰, а из-за того, что сам пострадал от режима генерала Сухарто⁵¹, ко-

⁴¹ Предательская роль «Сфатул цэрий». – Кишинев, 1969.

⁴² Малышко А. Воинствующий национализм / А. Малышко. – Мн., 1971.

⁴³ Критика национализма – реакционной идеологии современной буржуазии. – М., 1981.

⁴⁴ Трояновский А. Современный национализм на службе антикоммунизма / А. Трояновский. – М., 1981.

⁴⁵ Вилков Ю. Методологические основы критики буржуазного национализма / Ю. Вилков. – М., 1985.

⁴⁶ Иванченко И. Буржуазный национализм-средство идеологической диверсии. Критика буржуазных националистических концепций и практика их использования в идеологической диверсии против СССР / И. Иванченко. – М., 1985.

⁴⁷ Римаренко Ю. Буржуазный национализм и клерикализм / Ю. Римаренко. – Киев, 1986.

⁴⁸ Хмара Н. Буржуазный национализм и милитаризм / Н. Хмара. – М., 1986.

⁴⁹ Лихолат А. Национализм - враг трудящихся. Анализ исторического опыта борьбы против национализма / А. Лихолат. – Киев, 1986.

⁵⁰ Оно, вероятно, было очевидно для советских исследователей, но писать об этом они не могли, так как Андерсон не был «прогрессивным» историком, так как не обладал внешними качествами прогрессивного ученого, важнейшим из которых было членство в местной коммунистической партии.

торый в советском индонезиеведении подвергался резкой критике, в первую очередь, за расправу над местными коммунистами:

О. Мартышин, «Социализм и национализм в Африке. Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки»⁵², 1972;

«Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения»⁵³, 1976;

«Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока»⁵⁴, 1978;

«Национализм в современной Африке»⁵⁵, 1983;

Г. Левинсон, «Идеология филиппинского национализма»⁵⁶, 1983;

Т. Таболина, «Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций»⁵⁷, 1985.

Литература, посвященная национализму, как видим, очень значительна. Среди всех концепций, которые в разное время высказывались относительно национализма, мы можем выделить несколько важнейших теорий, которые доминировали или продолжают доминировать в исследовательском дискурсе, формируя, направляя и изменяя его. Проанализировав вышеупомянутые работы, мы можем предложить несколько типологий интерпретации национализма.

Примордиализм является одной из старейших, но наименее востребованных в научном сообществе теорий национализма. Согласно этой точке зрения, нации изначальны и в неизменном виде существовали всегда. Например, в России и в Украине основоположниками и теоретиками примордиализма были Н. Карамзин, В. Ключевский, М. Грушевский, Н. Полонська-Васыленко, И. Крипьякевич. Иными словами, историографическая классическая традиция почти всегда представлена примордиалистами. Эта концепция популярна среди историков-ортодоксов, противников междисциплинарного синтеза и диалога, сторонников чистой, сугубо событийной, истории. Концепция получила наибольшее распространение в российской и украинской постсоветских историографиях. Примордиальные концепции характерны для националистов, с другой стороны, примордиальные парадигмы широко изучаются в рамках идеологизма, интеллектуаль-

⁵¹ В 1965 году Бенедикт Андерсон, собиравший в Индонезии материал для научной деятельности, был депортирован из страны, впрочем, как и другие иностранцы.

⁵² Мартышин О. Социализм и национализм в Африке. Очерки развития новейшей общественно-политической мысли в странах Африки / О. Мартышин. – М., 1972.

⁵³ Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения. – М., 1976.

⁵⁴ Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. – М., 1978.

⁵⁵ Национализм в современной Африке. – М., 1983.

⁵⁶ Левинсон Г. Идеология филиппинского национализма / Г. Левинсон. – М., 1983.

⁵⁷ Таболина Т. Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций / Т. Таболина. – М., 1985.

ного институционализма и нарративных теорий национализма. Примордиализм – не плох и не хорош, это – важнейший и неотъемлемый этап в становлении современных теорий национализма.

Примордиальный институционализм представляет собой совокупность слабо оформленных «теорий», методологически расположенных на грани классического примордиализма и различных модернистских теорий. Известный российско-украинский историк Георгий (Джордж) Вернадский и современный российский исследователь И.В. Данилевский, вероятно, могут определены как примордиальные институционалисты. Сторонники этой концепции, как и классические примордиалисты, признают изначальность нации (и в ряде случаев – национализма), но пытаются синтезировать примордиалистскую традицию с западным исследовательским инструментарием. Иными словами, примордиальный институционализм – попытка доказать, что нация – изначальный феномен, для которой характерен изначальный национализм и стремление оформить и закрепить свое существование в виде политических и социальных институтов. Примордиальный институционализм иногда представляет собой политическую историю, написанную и / или описанную с национальных позиций.

Идеологический антинационализм был характерен для гуманитарных наук советского периода. Этот метод отличался сугубо идеологизированным восприятием национализма как феномена присущего исключительно для буржуазного общества. Национализм прочитывался в категориях социально-экономического анализа, а значительная часть проблем (связанных, например, с идентичностью, национализмом в культуре) не пребывала в центре исследовательского дискурса. В исследованиях носителей этой методики национализм прочитывался как сознательная антисоветская диверсия. Ограниченные элементы идеологического антинационализма сохранились с современной российской публицистике и иногда проявляются в научных исследованиях. В отличие от советского периода, когда в центре критики пребывал национализм вообще – в настоящее время ограниченные идеологические антинационалисты в зависимости от политической конъюнктуры и ситуации критикуют различные национализмы – украинский, латышский, эстонский, иногда – даже русский.

Социальноэкономический модернизм представленный исследованиями Тома Нэйрна⁵⁸ и Майкла Хечтэра⁵⁹, предлагает видеть в национализме явление современной истории, возникшее в результате появления новых социальных, политических и экономических факторов, которыми были капитализм, региональные особенности и диспропорции в развитии регионов.

⁵⁸ Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism / T. Nairn. – L., 1977; Nairn T. Faces of Nationalism / T. Nairn. – L., 1997.

⁵⁹ Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966 / M. Hechter. – L., 1975.

Социокультурный модернизм, согласно которому, в лице его крупнейшего теоретика Эрнэста Геллнера⁶⁰, национализм возникает как неизбежное последствие модернизации. Местные интеллектуалы создают «высокую культуру» и, как результат, нацию, которая поддерживает индустриализацию, порождающую, в свою очередь, политическую идеологию национализма.

Политический модернизм, представителями которого являются Джон Брейли⁶¹, Энтони Гиддэнс⁶² и Майкл Манн⁶³, предлагает понимать под национализмом как сознательный политический проект, который призван построить политическую нацию и, как результат, национальное государство, или, наоборот, стремится разрушить политическое единство одного государства и привести к институционализации другого, оппозиционного, национализма в виде новой политической нации и нового национального государства.

Национально-политический р(и/е)вайвализм, представленный исследованиями Мирослава Хроха⁶⁴, склонен интерпретировать историю национализма как историю постепенного revival'a традиционных крестьянских сообществ, как бунт против доминирующей и этнически чуждой «высокой культуры», как процесс постепенной трансформации традиционной культуры в культуру политическую, которая стремится к институционализации национального движения сначала в виде политических партий и движений, а затем – национального государства.

Идеологизм, представленный Эли Кедури⁶⁵, предлагает понимать под национализмом, в первую очередь, идеологию, идеологический концепт, основная историческая и политическая роль которого состоит в идеологическом обосновании разрушения многонациональных империй и утверждения национальных государств.

Конструктивизм (или этносимволизм), видными представителями которого являются Эрик Хобсбаум⁶⁶ и Энтони Смит⁶⁷, понимает под национализм – явление современной (в смысле – новой) истории, которое изначально имело социально (и уже вторично – религиозно, культурно и

⁶⁰ Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.

⁶¹ Breuilly J. Nationalism and the State / J. Breuilly. – Manchester, 1993.

⁶² Giddens A. The Nation-State and Violence / A. Giddens. – Camb., 1985.

⁶³ Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. – Camb., 1993; Mann M. A Political Theory of Nationalism and its Expresses / M. Mann // Nations and Nationalism / ed. S. Periwal. – Budapest, 1995.

⁶⁴ Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985.

⁶⁵ Kedourie E. Nationalism / E. Kedourie. – L., 1960; Nationalism in Asia and Africa / ed. E. Kedourie. – L., 1971.

⁶⁶ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998.

⁶⁷ Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації і націоналізм і глобальну епоху / У. Сміт. – Київ, 2006.

т.д.) маркированный характер и значительное число дискурсов – в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях.

Интеллектуальный конструктивизм – теория, автором которой признан Бенедикт Андерсон⁶⁸ и, согласно которой, национализм принадлежит к числу современных феноменов, имеет ангажированный (социально, политически, религиозно, культурно) маркированный характер и значительное число проявлений-дискурсов (в политике, культуре, идеологии, литературе, международных отношениях), но формируется благодаря усилиям националистов-интеллектуалов, носителей «высокой культуры», которые совершенно сознательно и намеренно «воображают» (именно поэтому эту теорию мы можем называть неудобоваримым для славянских языков словом – имэджионализм / імеджіоналізм) нацию.

Нарративная теория национализма, возникшая благодаря исследованиям американских и канадских специалистов по восточно-европейским литературам, представлена исследованиями Джорджа Грабовыча⁶⁹, Тараса Кознарського⁷⁰, Максима Тарнавського⁷¹, Олега Ильницького⁷². Ее сторонники предлагают анализировать различные националистические дискурсы через различные авторские и коллективные нарративы (narratives), отталкиваясь от анализа литературных произведений как не просто памятников литературы, а как памятников националистической мысли, как «чистых» текстов. Эта теория нередко ведет к разрушению традиционного националистического дискурса в политической сфере, а ее сторонники и носители, которые в США, Канаде и России имеют репутацию украинских националистов, в Украине (даже в академическом сообществе) воспринимаются как украинофобы⁷³. В настоящее время имеет массу соприкосновений с другими теориями национализма, в первую очередь – с интеллектуальным конструктивизмом и постколониализмом.

⁶⁸ Anderson B. *Imagined Communities* / B. Anderson. – NY., 1983; Андерсон Б. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма* / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. *Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму* / Б. Андерсон. – Київ, 2001.

⁶⁹ Грабович Г. *Поет як міфотворець* / Г. Грабович. – Київ, 1996; Грабович Г. *До історії української літератури: Дослідження, есе, полеміка* / Г. Грабович. – Київ, 1997.

⁷⁰ Кознарський Т. *Із суржикіади* / Т. Кознарський // Жолдак Б. *Бог буває. Drive Stories* / Б. Жолдак. – К., 1999.

⁷¹ Тарнавський М. *Між розумом та ірреальністю: Проза Валер'яна Підмогильного* / М. Тарнавський. – Київ, 2004.

⁷² Ильницький О. *Український футуризм (1914 - 1930)* / О. Ильницький. – Львів, 2003

⁷³ Автор этой работы сам столкнулся с подобным отношением, когда один из украинских коллег старшего возраста (для украинских гуманитариев за сорок характерно возведение Т. Шевченко в ранг своеобразного «националистического» отца нации) в ответ на реплику, что автор, когда читает Т. Шевченко понимает что он пишет, но не видит в этом особого «националистического» смысла (тексты Т. Шевченко интересны как тексты, а не как националистическое Евангелие), указал на то, что молодые ученые, ориентированные на новейшие западные методики, «уничтожают украинскую классику».

«Имперские» теории национализма представлены в исследованиях американского автора А. Мотыля⁷⁴ и его российского коллеги А. Миллера, являясь совокупностью теоретических и методологических подходов к истории национализма, в рамках которых предлагается изучать национализм в имперском контексте, как имперский, так и антиимперский национализм. В настоящее время имеет массу точек соприкосновения с национально-политическим ривайвализмом и интеллектуальным конструктивизмом.

Системная теория характерна для работ американского политолога, социолога и исследователя международных отношений Иммануила Валлерстайна, который предлагает анализировать националистический феномен в контексте не просто системы международных отношений, но в контексте отношений центра и периферии. В настоящее время очевидно, что системная теория оказала значительное влияние на постколониализм.

Постколониализм (ориентализм), основы которого заложил Эдвард Саид⁷⁵, а на восточно-европейскую почву переложил Мырослав Шкандрий⁷⁶, склонен синтезировать элементы модернизма, конструктивизма, интеллектуального конструктивизма, анализируя национализм в категориях интеллектуальной истории, истории отношений центра и периферии, колонии и метрополии, бывшей колонии и бывшей метрополии, угнетателя и угнетаемого / угнетателя и угнетенного, истории взаимных представлений.

Дискурсивная теория национализма, виднейшими представителями которой следует признать Джэффри Эли⁷⁷, Крэйга Калхуна⁷⁸ и Роналда Суни⁷⁹, полагает, что национализм следует анализировать не в контексте общих и локальных особенностей различных национализмов, а уделять внимание конкретным формам и проявлениям националистического дискурса.

Гендерная теория национализма. Вероятно, корректнее эту совокупность теоретических подходов называть *гендерными теориями национализма*. Эти концепции возникли в англо-американской политической науке (Силвия Уолби⁸⁰, Синтия Кокберн⁸¹), но в настоящее время получили оригинальное прочтение и в восточно-европейском (Соломия Павлыч-

⁷⁴ Motyl A. *Revolutions, Nations, Empires* / A. Motyl. – NY., 1999.

⁷⁵ Said E. *Orientalism* / E. Said. – L., 1978; Саїд Е. *Орієнталізм. Західні концепції Сходу* / Е. Саїд. – Київ, 2001; Саид Э. *Ориентализм. Западные концепции Востока* / Э. Саид. – СПб., 2006.

⁷⁶ Shkandrij M. *Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times* / M. Shkandrij. – Montreal – L. – Ithaca, 2001; Шкандрій М. *В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби* / М. Шкандрій. – Київ, 2004.

⁷⁷ Eley G. *Reshaping of German Right* / G. Eley. – Oxford, 1980.

⁷⁸ Калхун К. *Национализм* / К. Калхун. – М., 2006.

⁷⁹ *Becoming National. A Reader* / eds. G. Eley, R. Suny. – NY., 1996.

⁸⁰ Уолби С. *Женщина и нация* / С. Уолби // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 303 – 331.

⁸¹ Cockburn C. *The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict* / C. Cockburn. – L. – NY., 1998; Кокберн С. *Пространство между нами. Особенности гендерных и национальных идентичностей в конфликтах* / С. Кокберн. – М., 2002.

ко⁸², В. Агеева⁸³, Т. Гундорова⁸⁴) исследовательском дискурсе. Национализм анализируется в категориях гендера, гендерной идентичности, отношений между полами как отношений между рабом и господином. Имеет ряд точек соприкосновения с интеллектуальным конструктивизмом и постколониализмом.

При написании этого учебного пособия автор попытался использовать тот опыт, который получил при подготовке и защиты кандидатской диссертации, посвященной истории латышского национального движения. В настоящем пособии, вероятно, можно найти элементы влияния от более ранних опубликованных работ, посвященных различным национализмам – латышскому, украинскому, чувашскому, македонскому, хорватскому... При работе над этим пособием автор пытался «провести» несколько основных идей, а именно: национализм – не хорош и не плох, национализм – объективная реальность, которую лучше изучать с позиций научного анализа, но не пополнять ряды его апологетов или критиков. И последнее: вероятно, не следует пытаться выработать единую теорию национализма (от чего автор отказался в уже опубликованных работах, пытаясь сочетать различные теоретические разработки зарубежных и отечественных коллег) – гораздо продуктивнее обобщить и проанализировать уже сложившиеся и состоявшиеся теоретические перцепции и методологические подходы к изучению и исследованию национализма.

В центре настоящего учебного пособия – национализм. Учебник состоит из трех крупных частей. В центре первой части – различные теории национализма, как в отечественном, так и зарубежном научно-исследовательском дискурсе. Во второй части – лекции о состоявшихся национализмах, о тех сообществах, которые уже смогли выработать и сформировать свою идентичность, или смогли в этом направлении значительно продвинуться. При составлении второй части автор придерживался принципа, чтобы проанализированные в ее рамках националистические дискурсы соотносились с различными теоретическими концептами национализма, речь о которых идет в первой части. В третьей части анализируются различные локальные и государственные национализмы на современном этапе.

Автор осознает, что все три части получились в значительной мере отличными друг от друга. Автор не отрицает того, что в некоторых местах текст лекций может оказаться сложным для чтения и понимания, что приближает его, скорее к научной монографии, чем учебнику. С другой сторо-

⁸² Павличко С. Фемінізм / С. Павличко. – Київ, 2002; Павличко С. Націоналізм, сексуальність, орієнталізм: складний світ Агатангела Кримського / С. Павличко. – Київ, 2000.

⁸³ Агеева В. Поетеса здаму століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації / В. Агеева. – Київ, 1999; Агеева В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеева. – Київ, 2003.

⁸⁴ Гундорова Т. *Femina Melancholica*. Стаття і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.

ны, не могу согласиться с возможными замечаниями о том, что учебники должны быть простыми и не содержать научно-справочного аппарата. Мои предшественники, которые посвятили свои учебные пособия национализму, так же не смогли избежать этой проблемы. Вероятно, учебная литература, посвященная национализму, как междисциплинарной проблеме, органически обречена на эту двойственность.

Издание имеет чисто образовательные цели и предназначено для использования в учебном процессе. Вся информация, использованная при написании пособия и нашедшая в нем отражение, взята из открытых опубликованных и интернет-источников. В период работы над пособием автор не получал никакой помощи (материальной, финансовой и пр.) от российских и зарубежных общественных и научно-исследовательских организаций. Работа написана исключительно на базе факультета международных отношений ВГУ. Издание предназначено для студентов факультета международных отношений Воронежского государственного университета, для всех интересующихся проблемами и местом национализма в контексте истории, современных идеологий и международных отношений.

I. ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА

1.1. Классический социокультурный модернизм: теоретические исследования национализма в работах Эрнэста Геллнера

Крупнейшим представителем и теоретиком социокультурного модернизма был британский социолог Эрнэст Геллнер (Ernest Gellner, 1925 – 1995). Ряд исследований он посвятил проблемам национализма, важнейшее из них – «Нации и национализм». Первое английское издание вышло в 1983 году. Следует сказать и несколько слов о самом Э. Геллнере.

Эрнэст Геллнер⁸⁵ родился в 1925 году в Париже в семье чешских эмигрантов. Центральноевропейские корни оказали значительное влияние на формирование круга его научных интересов, что позволяло ему неофициально и, шутя называть себя «хранителем габсбургского исторического наследия»⁸⁶. С 1944 по 1945 год Э. Геллнер участвовал в войне, находясь на службе в британской армии. После войны Э. Геллнер поступает в Оксфордский Университет, где и остается преподавать по его окончании. Позднее Э. Геллнер переходит в Лондонскую школу экономики, где в 1962 году становится профессором. В 1984 году Э. Геллнер возглавляет кафедру социальной антропологии в Кэмбридже. За период своей научной деятельности Э. Геллнер написал и опубликовал более десяти научных книг⁸⁷, часть из которых переведена на русский язык⁸⁸. В своей научной и издательской деятельности Геллнер проявлял устойчивый интерес к двум великим историческим зонам – Центральной и Восточной Европе (давали знать чешские корни) и Востоку (интерес, пронесенный от университетской скамьи на протяжении всей жизни).

Под национализмом Э. Геллнер понимал «...политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать...»⁸⁹. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Геллнер писал, что «...национализм является следствием новой

⁸⁵ В российских публикациях встречается несколько вариантов написания фамилии «Gellner» на русском языке – Геллнер, Гелльнер, Геллнер. Автор придерживается последнего варианта, хотя правильнее было бы, вероятно, «Джэллнэр».

⁸⁶ Крупник И.И. Об авторе этой книги, нациях и национализме (вместо послесловия) / И.И. Крупник // Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 305.

⁸⁷ Gellner E. Words and Things / E. Gellner. – L., 1979; Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983; Gellner E. Plough, Sword and Book / E. Gellner. – Chicago, 1988; Gellner E. State and Society in the Soviet Thought / E. Gellner. – Oxford, 1988; Gellner E. Culture, Identity and Politics / E. Gellner. – Cambridge, 1988; Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals / E. Gellner. – L., 1994.

⁸⁸ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991; Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Э. Геллнер. – М., 2002; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146 – 200; Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М., 2004.

⁸⁹ Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23.

формы социальной организации, которая опирается на полностью обобщенные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством...»⁹⁰. Кроме этого, Геллнер указывал на то, что национализм представляет собой «...соединение государства с национальной культурой...»⁹¹. Эрнэст Геллнер, полемизируя с примордиалистами, полагал, что «...вопреки убеждению людей и даже специалистов национализм не имеет глубоких корней в человеческом сознании, которое оставалось неизменным на протяжении многих тысячелетий существования человечества и не стало не лучше не хуже за сравнительно короткий, совсем недавно наступивший, век национализма...»⁹².

Принимая национализм как продукт современной истории, Геллнер отрицал и изначальность наций, полагая, что «...мы не должны руководствоваться мифом... нации не даны нам от природы... они не являются политической версией теории биологических видов...»⁹³. В такой ситуации понимание самого феномена национализма у Геллнера в корне отлично от примордиалистских концепций: «...национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ...использующих...историческое и прочее наследие донационалистического мира...»⁹⁴.

В теоретических исследованиях Э. Геллнера присутствует дихотомия «национализм / нации» и эти два явления анализируются им в неразрывной связи. В такой ситуации возникает вопрос о том, какой из феноменов первичен – нация или национализм. Анализируя динамику развития, как наций, так и национализма, Э. Геллнер полагал, что первичен национализм, который усилиями своих носителей, националистов, создает нации. Комментируя эту ситуацию, Э. Геллнер писал, что «...именно национализм порождает нации, а не наоборот... национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное разнообразие, хотя он использует его очень выборочно, и чаще всего трансформируя...»⁹⁵.

В этом контексте становится очевидным еще одно измерение национализма. Национализм может выступать и выступает в качестве мощного канала политической и культурной модернизации и трансформации ценностей и институтов, которые сложились в эпоху, предшествующую его существованию. Комментируя это креативную функцию национализма, Э. Геллнер писал, что «...мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена...»⁹⁶.

⁹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

⁹¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 146.

⁹² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

⁹³ Там же. – С. 114.

⁹⁴ Там же. – С. 115.

⁹⁵ Там же. – С. 127.

⁹⁶ Там же. – С. 127.

Но такой мощный потенциал национализма, направленный в ряде случаев на восстановление того, что, как казалось предыдущим поколениям, было безвозвратно утрачен, согласно Э. Геллнеру, вовсе не означает того, что «...национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ...»⁹⁷. Геллнер признавал, что определение национализма, предложенное им в первой половине 1980-х годов, базировалось на двух принципах – на неизбежном наличии, как нации, так и государства⁹⁸.

Анализируя сложный феномен национализма, Э. Геллнер указывал на то, что следует разделять националистические чувства, с одной стороны, и националистические движения, как их политические проявления, с другой. По мысли Э. Геллнера, националистические чувства могут быть двоякого характера: во-первых, это могут быть чувства раздражения в связи с игнорированием самого принципа национализма – совпадения национальной и политической единицы. Во-вторых, это могут быть, наоборот, позитивные чувства, вызванные реализацией этого важнейшего националистического принципа на практике. Под националистическими движениями, в свою очередь Э. Геллнер понимал движения, которые в своей деятельности и практике руководствуются националистическими чувствами. Анализируя национализм, как политическое явление, Э. Геллнер указывал и на то, что определение, которое он предложил, нигде не было реализовано полностью, в чистом виде.

Геллнер указывал и на объективные сложности, которые не дают националистам одной нации объединить всех своих соотечественников в рамках одного государства. Этому могут способствовать и то, что представители одной нации проживают в различных государствах. С другой стороны, среди представителей определенной группы могут проживать представители другой, что объективно исключает построение «чистого» и гомогенного национального государства⁹⁹. Геллнер полагал, что националисты могли смириться с этими проблемами. По его мнению, национализм сталкивался с более опасным и серьезным вызовом, чем отсутствие территории компактного проживания и / или соседство с представителями другой, совершенно чуждой, нации.

Такую ситуацию Геллнер определял как чрезвычайно неприятную и болезненную для националистов. Геллнер полагал, что таким нарушением национального принципа могла стать ситуация при которой в рамках одной территории этническое большинство управлялась представителями другой этнической группы, чужой нации. Такая ситуация могла стать ре-

⁹⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 127.

⁹⁸ Там же. – С. 27.

⁹⁹ Там же. – С. 23.

результатом «...присоединения национальной территории к большому государству или результатом доминирования чужеродной группы...»¹⁰⁰. В такой ситуации Геллнер указывает на возможность сформулировать более четкое определение национализма. Иными словами, национализм – «это теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими»¹⁰¹.

Для Э. Геллнера нации и национализм / национализмы были постоянно развивающимися и изменяющимися феноменами. Поэтому, он полагал, что современный мир обречен на то, чтобы быть заложником процессов развития и активизации национализма, национальных возрождений и попыток одних наций заявить о своих правах на самоопределение («...на земле существует огромное количество потенциальных наций...»¹⁰²) при желании других подавить подобные попытки национального освобождения. Примечательно, что в данном случае обе гипотетические нации, потенциально вовлеченные в конфликт, будут руководствоваться одним и тем же принципом – национализмом.

В концепции, предложенной Э. Геллнером, современное государство было той единственной и монопольной сферой, где разворачивался и развивался национализм. Геллнер полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «...когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает...»¹⁰³. В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма. Геллнер попытался доказать, что национализм неизбежно возникнет в том случае, если государство становилось «...слишком ощутимым...»¹⁰⁴.

В такой ситуации националистический принцип возникал постепенно: доаграрные сообщества не знали ни национализма, ни государства; аграрные общества знали государство, но не знали национализм; индустриальные – знали и то, и другое. Такая трехэтапная хронология, по мнению Э. Геллнера, имела универсальный характер, но, с другой стороны, он полагал, что не все общества, прошедшие через два первых этапа в своей истории, в третьем неизбежно обречены на то, чтобы испытать на себе силу воздействия национализма, если не своего, то хотя бы чужого. Государство сможет узнать, что такое национализм только в том случае, если возникнет нация. Хотя Геллнер допускал и отклонения от этого общего правила: «...

¹⁰⁰ Там же. – С. 24.

¹⁰¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 24.

¹⁰² Там же. – С. 26.

¹⁰³ Там же. – С. 30.

¹⁰⁴ Там же. – С. 30.

государство возникло без помощи нации, некоторые нации, безусловно, сложились без благословения своего государства...»¹⁰⁵.

В такой ситуации анализ феномена национализма будет неполным, точнее – просто невозможным, без анализа нации как системообразующей категории. Под нацией Э. Геллнер понимал сообщество, представители которого не только имели общую культуру, но и признавали сам факт своей принадлежности к той или иной нации. Для Э. Геллнера нации возникали в результате развития отдельных человеческих сообществ: «...нации делает человек, нации – это продукт человеческих убеждений, пристрастий и наклонностей...»¹⁰⁶. Примечательно, что Геллнер не сводил процесс формирования наций исключительно к внешней, социально-экономической, стороне, что было характерно, например, для советского обществоведения. По его мнению, в формировании современных наций очень значительную роль сыграл фактор культуры.

Культура стала той категорией, которая сыграла ведущую роль в постепенной трансформации традиционных аграрных сообществ. Важнейшим достижением культуры на уровне аграрного общества, по мнению Э. Геллнера, было изобретение письменности, что позволило создать, с одной стороны, класс грамотных людей, а, с другой, дало возможность записывать, сохранять, транслировать и видоизменять информацию. Именно появление письменности дало возможность начать постепенную модернизацию общества, что на раннем этапе выразилось именно в распространении грамотности: «...поначалу никто не умел читать, затем читать научились немногие и, в конце концов, читать стали все...»¹⁰⁷.

Но само появление письменности не означало мощного культурного рывка вперед. Для аграрных обществ (под которым Э. Геллнер понимал «...общество, основанное на сельском хозяйстве... для которого характерно довольно стабильная технология...»¹⁰⁸) была характерна строго иерархическая культура, которая сдерживала прогрессивные изменения, способствуя тому, что элементы статики преобладали над элементами динамики. Геллнер полагал, что аграрные общества, терзаемые, в первую очередь, социальными противоречиями не смогли сформировать свою идентичность по причине внутренней расколотости. Поэтому, различные социальные группы, которые уже сформировались и существовали на этапе аграрного общества, были заняты, в первую очередь, выяснением отношений между собой, а не выработкой общей культуры и тем более ее более сложной формы – идентичности.

Комментируя подобную ситуацию, Э. Геллнер писал, что «...как для правящего класса, так и различных слоев аграрного общества гораздо су-

¹⁰⁵ Там же. – С. 34.

¹⁰⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 35.

¹⁰⁷ Там же. – С. 37.

¹⁰⁸ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

шественнее подчеркивание культурной дифференциации, нежели общности...»¹⁰⁹. Геллнер показывал, что и сама специфика существования и функционирования традиционных аграрных обществ влияла на то, что на данном этапе не могла возникнуть ни единая культура, ни идентичность. Это было вызвано тем, что в аграрном обществе отдельные производящие сообщества жили, как правило, в сельской местности в условиях изолированности друг от друга. Замкнутость одних сообществ и их отдаленность от других создавали условия для постепенной фрагментации такого традиционного аграрного общества.

В связи с этим Э. Геллнер писал: «маленькие крестьянские общины живут очень изолированно... даже если население данной области имеет общий языковой корень, а это не всегда так, нечто вроде культурного сдвига очень быстро приводит к диалектным и другим различиям... никто или почти никто не заинтересован в сохранении культурного единства на этом социальном уровне...»¹¹⁰. Такие общины обладали своей особой идентичностью, комментируя особенности которой, Геллнер писал, что «...мировоззрение, на котором зиждется это общество не предполагает интенсивного познания и освоения природы... оно предполагает устойчивое сотрудничество между природой и обществом, в ходе которого природа не только доставляет обществу скромное, хотя и постоянное продовольствие, но одновременно санкционирует, оправдывает общественное устройство, служит его отражением...»¹¹¹.

Кроме этого, изучая подобные традиционные сообщества, которые уже стали достоянием истории, исследователь национализма сталкивается с рядом серьезных проблем. Рано или поздно он придет все-таки к выводу, что, с одной стороны, «...локальная культура почти неощутима...»¹¹². В то же время эта локальность значительно усложняет изучение тех условий, в которых мог формироваться или не формироваться национализм: «...замкнутая община обычно пользуется языком, имеющим смысл лишь в определенном контексте...но деревенский говор не претендует ни на нормативность, ни на политическую значимость...»¹¹³.

Именно благодаря этому появление национализма в аграрном традиционном обществе неизбежно будет откладываться на неопределенно долгий срок. С другой стороны, национализм не возникает на этом этапе в силу объективной специфики развития культуры, которая не является единой для высшего общества и для непосредственных производителей. Резкое расхождение различных уровней культуры проявляется, в частности, в развитии языка. Это, по словам Э. Геллнера, проявляется в том, что

¹⁰⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41.

¹¹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 41 – 42.

¹¹¹ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 147.

¹¹² Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 44.

¹¹³ Там же. – С. 44.

«...очень сильна тенденция церковных языков к расхождению с разговорными, как будто уже сама грамотность не создала достаточного барьера между духовенством и мирянами, и эту пропасть следует еще углубить, не только переведя язык в мудреные письма, но и сделав его непонятным для слуха...»¹¹⁴.

Основное препятствие для возникновения национализма на этапе аграрного общества состоит не в специфике развития культуры, а в том, что в аграрном государстве нет возможности для «...проведения политических границ в соответствии с культурными...»¹¹⁵. И если бы на данном этапе, по словам Э. Геллнера, «...национализм был бы изобретен... вероятность его бы распространения была бы минимальной...»¹¹⁶. Национализм был обречен на то, чтобы оказаться на периферии – стать уделом небольшого числа грамотных людей. На данном этапе «высокая культура» пребывала в зачаточном состоянии или была очень слабо развитой и выраженной. Иными словами, до того момента, когда, по выражению Э. Геллнера, «...каждая высокая культура хочет иметь государство и предпочтительнее свое собственное...»¹¹⁷, оставалось еще очень долго.

С другой стороны, не все носители письменного и относительно литературного языка могли бы с пониманием отнестись к изобретенному национализму и стать националистами. Носители письменной культуры, средневековые европейские католические священники и монахи или мусульманские улемы Востока – никто из них в своем регионе не мог стать националистами в силу своей внутренней замкнутости и немногочисленности¹¹⁸. Но частично и от политической воли представителей этого привилегированного слоя зависел будущий триумф и почти повсеместный успех национализма. В Европе он просматривается не так четко как на мусульманском Востоке.

В отличие от Европы, по мнению Э. Геллнера, исламские общества средневекового Востока не знали такой жесткой социальной иерархии и стратификации и именно «...этот скрытый эгалитаризм играет очень существенную роль в успешном приспособлении ислама к современному миру...»¹¹⁹. Вероятно, на том этапе общество не обладало готовностью к национализму и не имело в нем потребности. Национализм не мог возникнуть и в силу того, что в таком обществе, как правило, сосуществовало несколько культур. Комментируя эту особенность традиционного аграрного общества, Э. Геллнер писал: «...условия мира, порождающего множество

¹¹⁴ Там же. – С. 43.

¹¹⁵ Там же. – С. 42 – 43.

¹¹⁶ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 43.

¹¹⁷ Там же. – С. 118.

¹¹⁸ Там же. – С. 49.

¹¹⁹ Там же. – С. 53.

культур, обычно не благоприятствуют тому, что можно назвать культурным империализмом...»¹²⁰.

В этом контексте интересна попытка Э. Геллнера описывать и анализировать национализм без интеллектуальной привязки к исключительно Европе и к только Европе. Геллнер полагал, что исторические условия и политические предпосылки для успешного и динамичного развития национализма существовали и в настоящее время существуют и за пределами Европы, более того – условия для развития национализма существуют и в европейских внутренних перифериях, которые некоторым представителям европейского интеллектуального сообщества кажутся чуждыми и совершенно неевропейскими. В данном случае речь идет о двух исламских анклавах на территории Европы – Боснии и Албании.

Если Эрнэст Геллнер не ограничивал сферу влияния и распространения национализма в Европе исключительно Западной, Восточной и Центральной, то небезынтересно ответить на вопрос: «Как формируется национализм не только во внутренних европейских исламских перифериях, но и в других мусульманских государствах вообще?». Анализируя условия возникновения национализма в Европе, Геллнер писал про сосуществование двух культур – «высокой» и «низкой». Именно триумф первой в контексте модернизации и стал важнейшим стимулом для развития национализма. По мнению Геллнера, для исламского мира была характерна такая же ситуация: «...ислам был внутренне разделен на высокую и низкую культуры, взаимопроникающие и находящиеся в тесной взаимосвязи...»¹²¹.

В 1994 году Э. Геллнер развил свои предположения в отношении ислама в контексте модернизации и развития национализма в своей последней книге «Условия свободы». Геллнер попытался показать, что для ислама, как и для христианства, характерен значительный модернизационный импульс и, поэтому, в возникновении и развитии национализмов в исламских обществах и государствах нет ничего удивительного. Конкретизируя эту идею Геллнер писал, что «...функционирование ислама в традиционном обществе можно описать как длящуюся и постоянно возобновляемую Реформацию, в каждом цикле которой пуританский импульс религиозного возрождения оборачивается усилением прямо противоположных социальных требований и движений...»¹²².

Вернемся к культурному фактору, о котором мы писали выше. Под «культурным империализмом» Э. Геллнер предлагал понимать «...попытку той или иной культуры занять главенствующее положение и заполнить собой всю политическую единицу...»¹²³.

¹²⁰ Там же. – С. 45.

¹²¹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 167.

¹²² Геллнер Э. Условия свободы. – С. 30.

¹²³ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 45.

Само аграрное общество, как полагал Э. Геллнер, исключало возможности для того, чтобы «...культуры стремились к монохромной односторонности и политической экспансии и господству...»¹²⁴. Культуры неизбежно начнут делать это, но уже на этапе индустриального общества и только после появления национализма. В период же, когда доминирует аграрный тип общества, по мнению Э. Геллнера, не могли возникнуть условия для возникновения национализма, что было вызвано целым рядом факторов.

Во-первых, на этом этапе государства в значительной степени отличались друг от друга как территориально, так и политически. Во-вторых, степень политического участия представителей различных социальных групп в разных регионах могла быть различной. В-третьих, традиционное аграрное общество могло не знать и политической гомогенности: иными словами, сильная центральная власть вполне могла сосуществовать с «местными полуавтономными общинами»¹²⁵. Именно эти три фактора, по мысли Э. Геллнера, и делали невозможным появление национализма.

Кроме этого на этапе существования аграрного общества само понятие «нация» и складываемое в него значение не способствовали формированию и развитию национализма. Сам термин «нация» на том этапе еще не получил того широкого и массового распространения, которое он обрел в век национализма. В аграрном обществе термин «нация» ассоциировался скорее с носителями «высокой» культуры, а не с массами, которые его присвоили в период новой и новейшей истории. Эрнест Геллнер полагал, что в аграрном обществе категория «нация» обозначала «...размытое целое, включающее, главным образом, представителей так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни, нежели всю совокупность носителей культуры...»¹²⁶.

Но и сами носители народной и традиционной культуры не могли образовать нацию в силу того, что различия между отдельными локальными сообществами были очевидны и границы между ними не размылись. Кроме этого, сами носители высокой культуры, «нация», например, Речь Посполитой не была гомогенной. Она (польская политическая нация, если таковая тогда и реально существовала) не знала ни этнического, ни языкового, ни религиозного однообразия. В состав польской элиты могли входить и католики и православные, которые необязательно говорили по-польски. Они могли быть носителями украинского или белорусского языка. Не исключено, что в состав шляхты, этого польского аналога нации, могли входить и носители литовского языка.

¹²⁴ Там же. – С. 47.

¹²⁵ Там же. – С. 47.

¹²⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 153.

Как видим, Э. Геллнер полагал, что на этапе аграрного общества культура является значительным и иногда политически значимым и определяющим факторов в жизни и функционирования того или иного локального или более крупного территориального сообщества. Отличительной чертой подобной «высокой» культуры было то, что она имела крайне ограниченную сферу влияния и распространения. На этапе перехода от аграрного общества к индустриальному роль и значение культуры могут существенно измениться, стать совершенно другими: «...при переходе от аграрного общества к индустриальному культура перестает быть средством, которое задает позиции в обществе и привязывает к ним индивидов... вместо этого она очерчивает новую социальную целостность...»¹²⁷. Таким образом, культура обретает новую важную функции консолидации сообщества или общества. Такая консолидация в итоге ведет к вытеснению ряда старых стереотипов, на смену которым приходят новые, формирующие идентичность.

Анализируя феномен традиционных обществ, следует принимать во внимание и тот вариант социализации, который был для них характерен. В связи с этим Э. Геллнер писал, что «...огромное большинство населения принадлежало к самовоспроизводящимся сообществам, которые фактически обучали свою молодежь на практике, между делом, без отрыва от своего повседневного труда, почти или совсем не полагаясь на каких-либо учителей...»¹²⁸. Начало индустриальной эпохи ознаменовало и значительные изменения в таком канале социализации, как образование: «...раньше образование было домашним делом, и человека воспитывали деревня или клан, это время ушло и ушло навсегда...и воспроизводство людей вне тесных локальных социальных групп является теперь нормой...»¹²⁹.

Такая ограниченная и в значительной степени обычная, традиционная и повседневная модель социализации гарантировало одно – постоянное воспроизводство общества, защищая его от новых веяний, которые могли казаться вредными и опасными. Такой консерватизм традиционного общества надежно застраховал его от появления национализма. Кроме этого, по мнению Э. Геллнера, в аграрном обществе с его иерархической структурой национализм неизбежно стал бы принципиально новым явлением. С другой стороны, в подобных обществах крайне слабо развит механизм принятия нового.

Появление нового в политической или / и религиозной сферах могло стать результатом сознательной политики насаждения этого нового сверху. Но и в такой ситуации попытка сделать одну культуру доминирующей (без чего само появление национализма было бы невозможно или маловероятно) могло и не привести к позитивным результатам: «...при аграрном строе

¹²⁷ Там же. – С. 151 – 152.

¹²⁸ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 79.

¹²⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 94.

пытаться насадить на всех уровнях однородную культуру с заданными нормами, закрепленными на письме, было бы пустой затеей...»¹³⁰. Развивая эту мысль Э. Геллнер, писал, что «...социальная организация аграрного общества не способствовала утверждению националистического принципа, слиянию политических границ с культурными...»¹³¹.

Эта «затея» может обрести не только конкретные формы, но и результаты, на этапе индустриального общества, когда традиционные связи разорваны, а «...высокая культура пронизывает все общество...именно в этом кроется секрет национализма...»¹³². Развивая эту идею Э. Геллнер писал, что «...национализм своими корнями очень глубоко уходит в своеобразные структурные требования индустриального общества...»¹³³. Но, с другой стороны, возникновение национализма стало результатом той же исторической и сложно объяснимой случайности, которая привела к разрушению несколько столетий существовавшего и казавшегося незыблемым порядка и появлению нового, капиталистического, общества.

Исторический триумф национализма на Земле, по крайней мере – в Европе, совпал с победным шествием «высокой культуры». В связи с этим, Э. Геллнер писал, что «...распространение высоких культур (стандартизированных, опирающихся на письменность и экзообразование коммуникативных систем) стало процессом, быстро набирающим обороты во всем мире...»¹³⁴. Именно поэтому, в новом обществе постепенно наступает триумф новой культуры, которая в итоге и конструирует такой тип идентичности, которая делает возможным появление и дальнейшее существование национализма.

Нечто подобное исследователи могут наблюдать и в мусульманских обществах, которые так же испытали на себе противоречия «высокой» и «низкой» культур. На момент восстановления политической независимости исламские страны могли в разрешении этой проблемы пойти двумя путями. По мнению Э. Геллнера, с одной стороны, они могли начать модернизацию в форме вестернизации, или, с другой стороны, впасть в воспевание и идеализацию собственного прошлого. Комментируя дилемму восточного исламского националистического выбора, Э. Геллнер писал, что «...обычно в таких обществах всеми силами стремятся избавиться от унижительного ярлыка “отсталости”...после дискредитации старого режима и связанной с ним высокой культуры перед ними открываются два пути: либо копировать иноземные образцы... либо идеализировать местные народные традиции, усматривая в них глубокие внутренние ценности...»¹³⁵.

¹³⁰ Там же. – С. 55.

¹³¹ Там же. – С. 96.

¹³² Там же. – С. 56.

¹³³ Там же. – С. 88.

¹³⁴ Там же. – С. 125.

¹³⁵ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 33.

Но особенность мусульманского выбора в данной непростой ситуации состояла в другом. Мусульманские интеллектуалы отказались и от первого и от второго вариантов. Местные восточные интеллектуальные сообщества «...идеализацию своей народной культуры оставили иностранцам, которые окружили жизнь кочевых племен романтическим ореолом в духе Лоурэнса Аравийского...». В этой ситуации перед восточными интеллектуалами открылась возможность конструирования и утверждения новой идентичности, взяв за основу подлинно местные (а не придуманные европейскими путешественниками, писателями и интеллектуалами) традиции¹³⁶.

Если в раннем, доиндустриальном обществе, у истоков социальной системы стояло абстрактное насилие, воплощенное в далеко неабстрактном палаче, то «...у основания современного общества стоит не палач, а профессор... не гильотина, а государственная докторская степень является основным инструментом и символом современной государственной власти... монополия на законное образование сейчас важнее, чем монополия на законное насилие...»¹³⁷. В новом обществе существенные изменения претерпел язык. Если в традиционном аграрном обществе существовали «...не совсем целые, но иерархически связанные субмиры...»¹³⁸, а языки различных социальных групп образовывали отдельные системы, то индустриальное общество разрушает эту замкнутость, что ведет к унификации языкового дискурса.

Наряду с унификацией языкового дискурса (по словам Э. Геллнера, «...язык становится обязательным и господствующим...»¹³⁹) в рамках индустриального общества возникает феномен социальной мобильности, которая не была известна в традиционном обществе. Культурная унификация в сочетании со значительной социальной мобильностью самым радикальным образом перекроили политический и культурный облик Европы. И именно в этом новом мире с его новой системой координат и ценностей нашлось место для национализма. Такая ситуация стала возможной уже в силу того, что «...век перехода к индустриальному обществу неизбежно становится веком национализма...»¹⁴⁰.

На этом этапе, по мнению Э. Геллнера, для национализма присущ некий универсализм и он легко вписывается в различные политические культуры, иногда сам их конструирует. Национализм, действительно, «...обычно без труда одерживает победу над другими современными идеологиями...»¹⁴¹. В концепции Э. Геллнера национализм тесно соседствовал с «высокой культуры». Эти два явления предстают как глубоко взаимно

¹³⁶ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 34.

¹³⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

¹³⁸ Там же. – С. 61.

¹³⁹ Там же. – С. 85.

¹⁴⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 97.

¹⁴¹ Там же. – С. 103.

связанные и переплетенные. «Высокая культура», точнее – ее носители сыграли немалую, если не решающую роль, в становлении современных национализмов.

В этой ситуации примечательно то, что большинство современных националистов, националистических идеологов, оперируют вовсе не категориями высокой культуры. Разве украинские националисты часто ссылаются на тексты Тараса Шевченко, Ивана Франко, Лэси Украинки (тех исторических персоналий, которые усилиями их предшественников составили пантеон украинской «высокой» национальной культуры), разве русские националисты оперируют цитатами из Льва Толстого и Ивана Тургенева (по мнению некоторых исследователей, два последних имели некоторые проблемы с русским языком и предпочитали писать на французском) – нет, обычные массовые националисты никакого интереса к этой «элитарной» стороне национальной культуры не проявляют. Подобная тенденция (правда, в западных европейских национализмах) была отмечена уже Э. Геллнером, писавшим, что «...национализм обычно борется от имени псевдонародной культуры, он берет символику из здоровой, простой, трудовой жизни крестьян, народа...»¹⁴².

В первой половине 1980-х годов Э. Геллнер в своем ныне хрестоматийном и классическом исследовании, посвященном национализму, попытался смоделировать процесс развития национализма на примере двух несуществующих в реальности сообществ – руританцев и мегаломанцев. Исходные условия этой социологической и политологической задачи таковы¹⁴³:

1) руританцы были сельским населением, которое использовали в повседневной жизни родственные диалекты; мегаломанцы – жителями центральных районов империи; на языке руританцев говорили только они сами, а язык мегаломанцев вообще принадлежал к другой языковой группе; значительная часть руританских крестьян принадлежала к церкви, где служба велась на языке другой группы – соответственно, многие священники говорили на языке, который не был понятен для руританских крестьян; мелкие торговцы, которые обслуживали сельскую местность, принадлежали так же к другой этнической и языковой группе; руританское население в вере этих торговцев «испытывало глубокое отвращение»;

2) в XIX веке руританские территории оставались отсталой аграрной окраиной и периферией; руританское население имело трагическую историю, о чем пело в «народных плачах»; часть руриртанских юношей получала образование, становясь журналистами, священниками и профессорами; руританские интеллигенты получали поддержку от академических институций в других странах, которые были заинтересованы в изучении языка и традиций сельского руританского населения; постепенно деревенские

¹⁴² Там же. – С. 130.

¹⁴³ Там же. – С. 132 – 133.

школьные учителя начали целенаправленно эти народные песни записывать и изучать;

3) часть руританских юношей призывалась в армию и оседала в городах, что создавала поле деятельности для руританской интеллигенции; не следует забывать и о том, что иноязычные угнетатели так жестоко угнетали бедных руританских крестьян, что те в XVIII веке подняли восстание, которое возглавил «знаменитый руританский бунтовщик К.»; сначала его подвиги сберегались только в памяти народа, но потом он стал героем нескольких исторических романов, а еще позднее – и двух фильмов;

4) в итоге на территории, где жило руританское население, после напряженных политических событий была провозглашена Народная Социалистическая Республика Руритания.

История любого национализма может пойти двумя путями, о которых писал Э. Геллнер. Национализм может вообще не получить развития, и в такой ситуации большинство крестьян, носителей народной и традиционной культуры, которая могла бы стать основой для создания современной идентичности, будет ассимилировано. С другой стороны, национализм может развиваться в мощное и сильное политическое течение, которое стремилось к последовательной институционализации – организационной и политической. В связи с этим, Э. Геллнер писал, что «...мы установили, что у руританцев была исконная территория, то есть такая область, “Руританская отчизна”, где большинство населения составляли крестьяне, говорившие на одном из руританских диалектов... у руританцев было два выхода: или ассимиляция с языком и культурой Мегаломании, или образование процветающей независимой Руритании, где бы местный диалект приобрел бы статус официального и литературного языка...»¹⁴⁴.

Сценарий, созданный воображением Э. Геллнера для несуществующей Руритании, не является игрой исключительно его воображения. Геллнер писал, что «...в случае с нашей Руританией национализм объясняется тем, что экономически и политически отсталое население было способно выделиться в культурном отношении и оказаться перед националистическим выбором...»¹⁴⁵. Аналогичные процессы в действительности имели место на территории Центральной и Восточной Европы. Нам не трудно провести параллели с реальными историческими событиями и политическими процессами в Румынии, Венгрии, Словакии, Германии, Австрии и Чехии. Это подчеркивает то, что в большинстве регионов развитие национализма шло одними и теми же путями – от аграрного традиционного крестьянского сообщества к современной нации.

Если в своей книге «Нации и национализм» Э. Геллнер предложил именно этот сценарий развития национализма, то в статье «Пришествие

¹⁴⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 153.

¹⁴⁵ Там же. – С. 229.

национализма» (1993)¹⁴⁶ автор несколько модифицирует свой концепт, указывая на то, что любой национализм на протяжении своего существования может пройти через пять этапов. Первый этап – это своеобразная отправная точка, когда «...существует мир, в котором этническое начало еще не выражено со всей очевидностью и почти полностью отсутствуют политические идеи, так или иначе связывающие его с легитимностью политической власти...»¹⁴⁷. С другой стороны, Геллнер предостерегает от излишнего упрощения такого общества. Оно уже было не таким простым, как может показаться современному читателю, который пережил свою социализацию в совершенно другом, пост(индустриальном)информационном, обществе. Общество Европы накануне возникновения национализма представляло собой динамично развивающееся общество, в рамках которого «...наблюдался неуклонный экономический рост, шли необратимые политические и идеологические изменения, большого размаха достигла урбанизация...»¹⁴⁸.

На втором этапе мы наблюдаем сохранение старых политических границ и институтов, но уже начинается националистическая агитация¹⁴⁹. На данном этапе в рамках отдельных сообществ происходят значительные изменения, связанные с отказом от целого комплекса старых стереотипов. Старый мир начинает восприниматься как архаика, от которой не только можно, но и нужно отказаться. Именно тогда возникает идея о том, что каждой культуре будет соответствовать ее политическая организация, то есть государство. Политические элиты того времени располагали уже значительным арсеналом для реализации своих целей: они понимали, что представителей других сообществ можно убивать, выселять, можно попытаться их ассимилировать, навязав им другие язык и культуру¹⁵⁰. В крайнем случае, элиты могли попытаться изменить политические границы, если три вышеупомянутых метода, в силу тех или иных обстоятельств, нельзя было применить на практике.

На третьем этапе происходит «...распад многонациональных империй, а вместе с ними и всех привычных форм династического и религиозного оправдания власти...»¹⁵¹. На смену принципу империй приходит националистический принцип. Это была эпоха интересного политического эксперимента, когда «...государство должно было странным образом выражать и представлять интересы всей нации, а не всей совокупности своих граждан...». Поэтому, интересы одних наций признавались в то время, как интересы и националистические aspirations других или не были замечены

¹⁴⁶ Gellner E. The Coming of Nationalism / E. Gellner // Storia d'Europa. – 1993. – Vol. 1.

¹⁴⁷ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 161.

¹⁴⁸ Там же. – С. 163.

¹⁴⁹ Там же. – С. 162.

¹⁵⁰ Там же. – С. 166 – 167.

¹⁵¹ Там же. – С. 162.

или были признаны вредными и даже опасными. Комментируя эту ситуацию, Э. Геллнер вынужден был констатировать, что «...в ситуации этнического разнообразия, характерного для Восточной Европы, бесспорная и справедливая политическая карта была просто невозможна...»¹⁵².

Четвертый этап, пожалуй, самый неприятный из пяти периодов, предложенных Геллнером – на данном этапе возможна милитаризация национализма и он обретает свои наиболее уродливые проявления – массовые убийства, ассимиляционистские компании, геноцид¹⁵³. На этом этапе националистические элиты отказываются от того, что Геллнер называл «мягким методом достижения гомогенности», от ассимиляции, делая выбор в пользу более радикального инструментария «в устрашающих масштабах»¹⁵⁴. В этой ситуации, по мнению Э. Геллнера, страшно не то, что подобная политика привела к холокосту евреев и массовыми убийствам польского, русского, украинского и белорусского населения. Геллнер видел опасность в том, что мир, который сложился после военной катастрофы 1939 – 1945 годов, современному обывателю нравится куда больше, чем тот, который существовал до второй мировой войны.

Как не цинично это звучит, но Э. Геллнер полагал, что без ужасов второй мировой войны, не был бы построен современный мир: «...массовые убийства и принудительные переселения позволили привести в порядок этническую карту Восточной Европы, хотя и не полностью... уничтожению подверглись прежде всего народности, которые никак не вписывались в картину будущей Европы, воплощавшую националистический идеал: соцветие гомогенных сообществ, радостно исповедующих каждое свою культуру и озабоченных в первую очередь процветанием именно своей культуры...»¹⁵⁵. Трудно судить как евреи, почти уничтоженные в Европе в период холокоста, не могли вписаться в будущую Европу. Наблюдая проникновение в Европу (как культурную общность) носителей неевропейских традиций (в первую очередь, турки в Германии), можно предположить, что в современной единой Европе нашлось место и для европейских евреев – довоенные евреи были в большей степени европейцами, чем сегодняшние турки.

На последнем, пятом, этапе общество уже насытилось крайностями своего собственного националистического опыта и стремится изжить крайности национализма¹⁵⁶. Националистический идеал тех, кто начал войны, сыграл с ними недобрую шутку: «...те, кто поддерживал романтический культ агрессии и национальной общины, потерпели поражение – по иронии судьбы, в той самой инстанции, которую они считали высшим и окон-

¹⁵² Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 168 – 169.

¹⁵³ Там же. – С. 162.

¹⁵⁴ Там же. – С. 170.

¹⁵⁵ Там же. – С. 170.

¹⁵⁶ Там же. – С. 162.

чательным судом, – на поле брани...»¹⁵⁷. На смену геноциду националисты взяли на вооружение универсальный метод – выбор. Эрнэст Геллнер, в связи с этим, приводил абстрактный и отвлеченный пример, за которым легко просматривается несколько реальных исторических процессов в Восточной и Центральной Европе между завершением второй мировой войны и крушением коммунизма. Носитель языка и культуры А мог со своими родственниками и друзьями говорить на языке А, но на работе и в государственных учреждениях он повсеместно контактировал с носителями языка В. В такой ситуации у него оставался лишь выбор: ассимилироваться или стать националистом¹⁵⁸.

Такой выбор стоял перед украинской, белорусской, молдавской, латышской, литовской и другими национальными интеллигенциями в Советском Союзе, перед словаками в Чехословакии, перед хорватами, боснийскими мусульманами и албанцами в Югославии, перед венграми в Румынии... Примечательно то, что выбор в пользу ассимиляции делали маргиналы, которые не могли реализовать свои возможности в рамках того общества, к которому они принадлежали по факту рождения. Нередко такая добровольная ассимиляция преследовала цели карьерного роста и служебного продвижения. С другой стороны, сложно объяснить, почему их ассимилированные потомки в обществе, в пользу которого сделали выбор их родители, по-прежнему (например, ассимилированные латыши в современной Российской Федерации) остаются политическими маргиналами.

Эрнэст Геллнер полагал, что в процессе своего существования национализм никогда безраздельно не доминировал в мире, а, наоборот, сталкивался с различными конкурентами, вызовы которых нередко носили конструктивный характер. Иными словами, другие течения, кроме национализма, оспаривали его универсальность. Как бы ни была велика роль традиционных оппонентов национализма, коммунизма и религиозного фундаментализма, наиболее серьезные, опасные и конструктивные вызовы против национализма исходят от... другого национализма, если не явного, то потенциального. Периферийный национализм, который нередко противостоит признанному национализму центра, нередко возникает не из-за противостояния центра и периферии, а в силу особенностей политики центра в отношении периферийных районов. Комментируя эту особенность в процессе возникновения и становления национализма, Э. Геллнер писал, что «...неравный доступ к языку и культуре более развитого в политическом и экономическом отношении центра и удерживание коренных жителей в рамках местных культур... возбуждает в их лидерах культурный и политический национализм...»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса. – С. 174.

¹⁵⁸ Там же. – С. 176.

¹⁵⁹ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 147.

Поэтому, в 1983 году Э. Геллнер поставил вопрос, который в условиях существования двух сверхдержав, политической мощи США и внешней незыблемости СССР казался риторическим и перманентно безответным: «Неужели за каждым национализмом стоят еще десять, ожидающие своей очереди?»¹⁶⁰. Отвечая на этот вопрос, Э. Геллнер высказал предположение, что т.н. новые национализмы неизбежно окажутся слабее старых. Это он был склонен мотивировать тем, что такие потенциально националистические сообщества в своей истории так же прошли через аграрный этап. Но в силу того, что на более раннем этапе эти территории были периферийными или не такими развитыми, как центральные, то в то время, когда центр переживает националистическое возрождение, они продолжают вести в значительной степени традиционный образ жизни, «не активизируя свой националистический потенциал и даже не пытаясь этого сделать»¹⁶¹.

Начавшиеся в 1990-е годы военные конфликты на Балканах и на постсоветском пространстве показали, что Эрнэст Геллнер был не совсем прав – новые национализмы оказались не менее агрессивными, влиятельными и мощными средствами политической и национальной мобилизации масс. Кто бы в 1983 году мог подумать о силе и мощи двух внутренних периферийных национализмов – боснийского на Балканах и чеченского на Северном Кавказе. Однако сочетание политической воли местных национальных элит с националистическим чувством масс, изрядно сдобренных религиозным фанатизмом и фундаментализмом привело не просто к институционализации национализма, но к военному конфликту. В Чечне этот мобилизационный потенциал национализма пока «сработал» дважды.

В первой половине 1980-х годов Эрнэст Геллнер не мог предсказать распад Советского Союза и, как результат, своеобразный националистический ренессанс на просторах Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии. В 1994 году, в период работы над своей последней книгой, Геллнер был вынужден обратиться к крушению коммунизма как неотъемлемому фактору в новейшей истории национализма. Геллнер признал, что в свое время «...марксизм сыграл чрезвычайно важную, хотя несколько странную роль в мировой истории...». Конфронтация между национализмом и марксизмом (особенно – в его коммунистической форме) состояла в том, что коммунисты поставили под сомнение не только роль национализма, но и существование самих наций. Эрнэст Геллнер, комментируя эти мессианские устремления и аспирации, которые, по его мнению, были присущи коммунизму, писал, что «...марксизм стал первой откровенно светской системой убеждений, возведенной в ранг мировой религии, ставшей государственной идеологией во многих, часто весьма влиятельных, странах, в том числе в сверхдержавах...»¹⁶². Однако, вероятно, эти амби-

¹⁶⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 106.

¹⁶¹ Там же. – С. 107.

¹⁶² Геллнер Э. Условия свободы. – С. 41.

ции и не позволили марксизму трансформироваться из одного из социально-экономических экспериментов XX столетия в успешный политический проект. С другой стороны, поставив под сомнение сам факт существования наций, марксизм начал отрицать одни из системообразующих элементов общества.

Иными словами, крах европейского коммунизма стал не результатом происков конспирологических кругов на западе (как пытаются доказать националисты в ряде постсоветских стран – причем, для этих националистов характерно удивительное сочетание националистических лозунгов с явно коммунистическими настроениями), которые нередко оказывали помощь и поддерживали местных националистов, находившихся в оппозиции левоориентированным режимам. Внутренние противоречия подточили древо мировой социалистической системы, которая казалась незыблемой и ее оппонентам и ее адептам. Национализм, вероятно, и был среди этих внутренних противоречий, но не ему принадлежит заслуга победы над марксизмом, что понимал и Э. Геллнер. Более того, крах марксизма показал ограниченность националистического вызова, который оказался продуктивным фактически только в Европе. На Востоке же (в первую очередь – в Китае и в Северной Корее) национализм в настоящее время пребывает среди политических аутсайдеров.

То, что в одних регионах национализм развивается как мирное, преимущественно – культурное или языковое движение, а в других приводит к началу вооруженных конфликтов, доказывает, что национализм является далеко не единым и не целостным феноменом. В такой ситуации, появляется проблема типологии национализмов, или, по словам Э. Геллнера, «разнообразия националистического опыта»¹⁶³. В этом контексте Эрнэст Геллнер подчеркивает, что уже его предшественники попытались свести типологию национализмов к дихотомии, разделив национализм на два больших типа – западный и восточный. В то время как западные национализмы оперировали категориями «высокой культуры»¹⁶⁴, нередко действуя именно в ее интересах, то восточные национализмы вообще действовали во имя и ради культур, которым еще предстояло возникнуть, институционализироваться в определенные формы. Геллнер, в целом, принимал эту классификацию, добавляя третий, промежуточный, тип национализма – национализм диаспоры.

Несмотря на то, что Э. Геллнер в ограниченном виде принимал деление национализма на западный и восточный, он не был склонен преувеличивать существовавшие между ними различия и расхождения. В то время, как на Западе «...за Западе национализм возникает в результате того, что высокая культура – культура грамотного меньшинства распространяется до границ всего сообщества и становится отличительным признаком при-

¹⁶³ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 206.

¹⁶⁴ Там же. – С. 209 – 211.

надлежности к нему каждого члена...», для Востока была характерна в значительной степени аналогичная ситуация: «...то же самое происходит и в исламе, только здесь это находит выражение в фундаментализме, чем национализме, хотя порой эти два течения объединяют свои усилия...»¹⁶⁵. В такой ситуации исламский фундаментализм может взять на себя функции, которые в Европе в свое время выполнил политический национализм: «...исламский фундаментализм – это пуританское движение – способен сыграть в точности ту же роль, которую в Европе сыграл национализм – представить новую идентичность...»¹⁶⁶.

Иными словами, Геллнер предостерегал от того, чтобы видеть в фундаментализме исключительно отрицательное и антизападное течение. По его мнению, фундаментализм таит в себе немалый модернизационный потенциал. В свое время пуритане были первыми английскими националистами, а европейские национализмы достаточно долго сохраняли свою активность, периодически перекраивая карту Европы. К середине 1990-х годов, как полагал Э. Геллнер, лучшие годы для национализма остались в прошлом. Геллнер высказывал мнение, что европейская политическая культура, которая в свое время и породила национализм, отказывается от этого плода странной любви политического рационализма и религиозного фанатизма. В одной из последних работ Э. Геллнер был вынужден признать, что европейцы уже не хотят быть ни националистами, ни даже социалистами. В 1993 году, в статье «Пришествие национализма»¹⁶⁷, Геллнер констатировал, что Европе не нужен ни социалистический, ни националистический миф.

1.2. Интеллектуальный конструктивизм и изучение национализма: теория «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона

Основоположником интеллектуального конструктивизма в изучении наций и национализма мы можем считать Бенедикта Андерсона – автора книги, которая уже успела выдержать несколько изданий на языке оригинала и была переведена на несколько европейских языков¹⁶⁸. Речь идет о книге «Воображаемые сообщества», которая стала классическим трудом и

¹⁶⁵ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 32.

¹⁶⁶ Геллнер Э. Условия свободы. – С. 34.

¹⁶⁷ Gellner E. The Coming of Nationalism / E. Gellner // Storia d'Europa. – 1993. – Vol. 1.

¹⁶⁸ См. например издания на некоторых языках Восточной Европы: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001; Андерсон Б. Уявлені спільноти. Міркування щодо походження й поширення націоналізму / Б. Андерсон. – Київ, 2001. Оба перевода выполнены очень качественно (русская версия – В. Николаев, украинская версия – Виктор Морозов). Украинское издание выгодно отличается подстрочными примечаниями и более крупным шрифтом, что несколько облегчает чтение.

прочно вошла в число книг, обязательно рекомендуемых для чтения студентами, изучающими националистический феномен.

Бенедикт Андерсон (Benedict Richard O'Gorman Anderson) родился 26 августа 1936 года в Куньмине на территории Китая, где прошло его раннее детство. Родителями будущего социолога был британский таможенный чиновник ирландского происхождения, а мать происходила из семьи англо-шотландского происхождения. По воспоминаниям Бенедикта Андерсона, его отец отличался прокитайскими настроениями. Кроме этого родители принимали участие в ирландском националистическом движении. Несмотря на семейную предрасположенность, Андерсон сделал выбор в пользу изучения Востока. В 1941 году семья переезжает в США. В 1957 году Бенедикт Андерсон получил степень бакалавра в Кэмбридже. После этого по программе «индонезийских исследований» (Indonesian Studies) Андерсон уезжает в Корнэллский Университет (Cornell University), где начинает работу над докторской диссертацией под руководством ведущих в то время специалистов по Индонезии Джорджа Кахина (George Kahin) и Клэр Холт (Clair Holt).

С 1961 по 1965 год Андерсон жил в Индонезии, откуда был выслан после военного переворота. К тому времени он успел опубликовать три работы, где пытался проанализировать причины событий, произошедших в Индонезии, доказывая, что на вооруженных силах лежит не меньшая ответственность, чем на коммунистах, которых пытались обвинить в перевороте. Это вызвало недовольство военных властей. В результате Андерсон был депортирован без права въезда в страну. После депортации из Индонезии Бенедикт Андерсон прожил несколько лет в Таиланде. В конце 1960-х годов Андерсон начинает преподавать в Корнэллском Университете¹⁶⁹. С конца 1960-х годов Андерсон опубликовал ряд монографий и несколько десятков статей, став одним из крупнейших в англоязычном научно-исследовательском сообществе специалистов по Индонезии¹⁷⁰.

Первая оригинальная версия «Воображаемых сообществ» вышла в 1983 году. Книга была встречена неоднозначно. Одной из первых прореагировала Фадиа Рафиди, которая указала на то, что Андерсон не совсем полно отразил в книге проблемы, связанные с арабским миром. Она акцентировала внимание на том, что история самого арабского языка и связан-

¹⁶⁹ Биографическая информация о Бенедикте Андерсоне доступна в Интернете. См. сайт Университета Эмори: <http://www.english.emory.edu/Bahri/Anderson.html> Информация на русском языке доступна по адресу: http://www.archipelag.ru/index/biography_anderson/ На первом сайте читатель сможет найти фотографию Б. Андерсона, библиографию и интересную коллекцию цитат на английском языке. Второй сайт дает краткие биографические сведения.

¹⁷⁰ Anderson B. Java in the Time of Revolution / B. Anderson. – NY., 1972; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983; Anderson B. Literature and Politics in Siam in the American Era / B. Anderson. – Ithaca, 1986; Anderson B. Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia / B. Anderson. – NY., 1990; Anderson B. Spectres of Comparison / B. Anderson. – NY., 1998.

ного с ним национализма не вписывается в общую концепцию, предложенную Андерсоном. Рафиди отметила, что по сравнению с европейскими языками, арабский на протяжении своей истории изменился незначительно и арабский национализм не знает т.н. лингвистического этапа в своей истории¹⁷¹. Критика со стороны Рафиди основывалась, главным образом, на примордиалистской аргументации и рефлексии о длительной истории арабов и арабского мира.

Андерсон придерживается мнения, что изучение наций и национализма – дело не только крайне интересное для социолога, политолога и литературоведа, но и крайне сложное и опасное: «...нацию, национальность, национализм оказалось очень трудно определить, не говоря уже о том, что трудно анализировать. На фоне колоссального влияния, оказанного национализмом на современный мир, убогость благовидной теории национализма «Воображаемых сообществ» прямо-таки бросается в глаза...»¹⁷².

Бенедикт Андерсон полагает, что исследователь, вставший на путь изучения национализма, берет на себя не только значительную ответственность, но и мужество. По мнению Б. Андерсона, для успешного изучения и анализа национализма мало навыков политологического, социологического и исторического анализа. Андерсон предлагает выделить категорию, которая может в отечественном исследовательском сообществе с его советским прошлым и верой в построение нового общества, показаться неуместной. Андерсон в данном случае говорит и пишет о... стыде. Сама категория стыда не вписывалась в методологический инструментарий советского обществоведения, а советским исследователям было отказано в праве сомневаться в правильности и верности общего направления в развитии гуманитарных наук. Более того, Андерсон полагает, что чувство стыда должно быть характерно и для т.н. профессиональных журналистов. В одном из интервью Б. Андерсон указал на то, что «...если вы не чувствуете стыда за свою страну, вы не можете быть националистом...»¹⁷³. Таким образом, Б. Андерсон пытается в исследования национализма привнести и этическую составляющую.

Для Б. Андерсона национализм – явление, в первую очередь, культурного плана: «...национализм являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью... я также попытаюсь показать,

¹⁷¹ Оригинальная версия текста рецензии доступна на английском языке на сайте Университета Беркли. См.: <http://socrates.berkeley.edu/~mescha/bookrev/Anderson.Benedict.html>

¹⁷² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001. – С. 26.

¹⁷³ См.: <http://www.sai.uio.no/interviews/anderson>

почему эти особые культурные артефакты породили в людях такие глубокие привязанности...»¹⁷⁴.

Иными словами, Бенедикт Андерсон принадлежит к числу наиболее убежденных (и талантливых) сторонников конструктивистского подхода в изучении национализма. От других конструктивистов его отличает оригинальный исследовательский прием: в центре его анализа не национализм в классическом оформленном виде, а национализм и нация в процессе воображения в рамках того или иного интеллектуального сообщества.

По признанию Б. Андерсона толчком для написания послужили военно-политические события 1978 – 1979 годов на территории Индокитая и попытки проанализировать не просто трансформацию национализма в социалистических странах, но и возможности военно-политического столкновения между социалистическими государствами, что казалось для Андерсона тогда актуальной задачей, ибо число подобных государств было велико: «...вооруженные конфликты 1978—1979 гг. в Индокитае, давшие прямой повод для написания первого варианта “Воображаемых сообществ”, теперь, по прошествии всего-то двенадцати лет, кажутся уже принадлежащими другой эпохе. Тогда меня тревожила перспектива грядущих полномасштабных войн между социалистическими странами. Теперь половина из них отправилась в лучший мир, а остальные живут в опасении скоро за ними последовать. Войны, с которыми сталкиваются выжившие — гражданские войны. Скорее всего, к началу нового тысячелетия от Союза Советских Социалистических Республик не останется почти ничего, кроме... республик...»¹⁷⁵.

В «Воображаемых сообществах», которые вызвали достаточно противоречивые отклики в академическом сообществе, Андерсон придерживается достаточно распространенной и популярной среди западного академического и политического сообщества концепции о том, что история XX века может быть описана и написана в категориях острой конфронтации двух «великих» идеологий марксизма (особенно в его советском варианте) и национализма: «...теория национализма представляет собой великую историческую неудачу марксизма ... национализм оказался для марксистской теории неудобной аномалией, и по этой причине она его скорее избегала, нежели пыталась как-то с ним справиться»¹⁷⁶.

И в этой конфронтации победителем вышел национализм в силу того, что коммунизм был только социально-экономическим экспериментом, теоретики которого не смогли отменить нации, хотя они и пытались это сделать, культивируя в СССР идеологему о существовании «советского народа — новой общности людей». Андерсон полагал, что исследователи-марксисты и их оппоненты в изучении национализма невольно или наме-

¹⁷⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — С. 27.

¹⁷⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — С. 19.

¹⁷⁶ Там же. — С. 26.

ренно допустили одну серьезную ошибку. Вместо анализа, они попытались спасти и реанимировать национализм как феномен – движение, идеологию, концепт. В качестве выхода из этого методологического тупика Андерсон видит отказ от выработанного методологического инструментария описания и анализа национализма: «...при обсуждении данной темы как марксистская, так и либеральная теория увязли в запоздалых птолемеевых попытках «спасти явления», а потому настоятельно необходимо переориентировать перспективу в коперниканском, так сказать, духе...»¹⁷⁷.

Андерсон уже в начале 1980-х годов вступил в полемику с советскими идеологическими концепциями национализма и национальных отношений в социалистических странах. В то время, как советские, в первую очередь, обществоведы развивали концепцию, согласно которой в социалистическом обществе идет постепенный процесс размывания границ между отдельными нациями и исчезновение националистически маркированной политической конфронтации, то Андерсон предположил, что фактор национализма является универсальным и политический режим не в состоянии полностью подавить или вытеснить национализм на периферию политического процесса. В связи с этим Бенедикт Андерсон писал, что «...в истории марксизма и марксистских движений настает время фундаментальных трансформаций, возможно, пока еще не вполне заметных. И самые очевидные их приметы – недавние войны между Вьетнамом, Камбоджей и Китаем. Эти войны имеют всемирно-историческое значение, поскольку это первые войны между режимами, чья независимость и революционная репутация не вызывают никаких сомнений, и поскольку каждая из противоборствующих сторон ограничилась лишь самыми поверхностными попытками оправдать кровопролитие, опираясь на легко узнаваемую марксистскую теоретическую перспективу. Если китайско-советские пограничные столкновения 1969 года и советские военные вторжения в Германию (1953), Венгрию (1956), Чехословакию (1968) и Афганистан (1980) еще можно было интерпретировать – в зависимости от вкуса – в категориях “социал-империализма”, “защиты социализма” и т. д., то никто, как мне кажется, всерьез не верит, что такая лексика имеет хоть какое-то отношение к тому, что произошло в Индокитае...»¹⁷⁸.

Как видим, в данном случае Б. Андерсон достаточно легко ориентируется в восточной истории, но для него, профессионального востоковеда, не было характерно замыкание на сюжетах, связанных исключительно с Востоком. Андерсон полагал, что если такая ситуация стала возможной на Востоке, то значительна вероятность ее повторения и в Европе. Андерсон полагал, что на европейском континенте так же возможна конфронтация между государствами, которые указывают на свою социалистическую природу: «...кто может быть уверен, что однажды не вступят в драку Юго-

¹⁷⁷ Там же. – С. 27.

¹⁷⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 24.

славия и Албания? Те разношерстные группы, что так упорно добиваются изгнания Красной Армии из ее лагерей в Восточной Европе, должны вспомнить о той огромной роли, которую играло ее повсеместное присутствие после 1945 года в недопущении вооруженных конфликтов между марксистскими режимами региона...»¹⁷⁹.

Особенность ситуации в Европе состояла бы в том, что там ... не было бы ничего особенного. Конфликт мог разгореться не из-за политических, а, в первую очередь, взаимных национальных и / националистических претензий. В начале 1980-х годов Б. Андерсон полагал, что «наилучшими» кандидатами на участие в этом конфликте являются два государства, которые декларировали свой социалистический характер, но смогли достаточно далеко отойти от того одиозного и догматического социалистического эксперимента, который развивался в Советском Союзе. Андерсон немного ошибся: конфликт стал возможен не между Албанией и СФРЮ, а между албанским Косово и Сербией. Проблема состояла в том, что социалистическая риторика могла бы несколько смягчить остроту этого конфликта. К началу же конфликта и албанское и движение и сербское руководство в одинаковой степени оперировали и отдавали приоритет именно националистическому политическому языку.

Если подобные государства были обречены на то, чтобы сталкиваться именно с этническим национализмом, то, мнению Андерсона, в Европе после завершения второй мировой войны сохранились две державы (которые не просто претендовали на статус великих, но и таковыми являлись – СССР и Великобритания), столкнувшиеся в политическом национализмом: «...то обстоятельство, что Советский Союз разделяет с Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии редкостное качество отказа от национальности в своем именовании, предполагает, что он является в такой же степени наследником донациональных династических государств XIX века, в какой и предшественником интернационалистского порядка XXI века...»¹⁸⁰.

Но по своему деструктивному эффекту политический национализм ничуть не уступает этническому. Иногда этнический национализм стремится к достижению равных прав носителей одного языка с носителями другого. Такие националисты не ставят политических требований. Политические же националисты, наоборот, более радикальны и последовательны в попытках реализации своего националистического опыта, стремясь добиться не только равноправия, но и в перспективе полной институционализации путем создания своего, национального, государства.

Поэтому, Андерсон настроен весьма скептически относительно тех теорий, авторы которых пророчат скорую смерть нации и отмирание национализма перед лицом постепенной, все более углубляющейся, интегра-

¹⁷⁹ Там же. – С. 25.

¹⁸⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 25.

ции и глобализации: «...многие “старые нации”, считавшиеся некогда полностью консолидированными, оказываются перед лицом вызова, брошаемого “дочерними” национализмами в их границах – национализмами, которые, естественно, только и мечтают о том, чтобы в один прекрасный день избавиться от этого “дочернего” статуса. Реальность вполне ясна: «конец эпохи национализма», который так долго пророчили, еще очень и очень далеко. Быть нацией – это, по сути, самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени...»¹⁸¹.

В данном случае Б. Андерсон во многом солидарен с Э. Геллнером¹⁸², который полагал, что за любым национализмом стоит еще десять потенциальных, которые ждут своей очереди. Если подобная участь уготована национализму, то нация обречена на дефрагментацию. Вероятно, к счастью, для мирового сообщества мир в конце XX века столкнулся с вызовом международного терроризма, который, наоборот, привел к консолидации в политической сфере некоторых западных наций. Необходимость борьбы против международного терроризма освободила Европу, Россию и Восток от борьбы с собственной дефрагментацией. В этой ситуации, опасен не сам терроризм, а то, что, рано или поздно, он будет побежден и тогда проблема дефрагментации снова станет на повестку дня.

Вероятно, если выше мы упомянули Э. Геллнера, следует вспомнить, что Геллнер в принципе принимал типологию и разделение национализма по линии «Запад / Восток». Для Б. Андерсона характерно скептическое отношение к этому концепту. Андерсон критикует его за излишний европоцентризм, указывая на то, что его сторонники историю восточных национализмом знают хуже чем историю европейских или не знают вовсе. В связи с этим Андерсон пишет: «...я не думаю, что наиболее важные различия между национализмами - в прошлом, настоящем или ближайшем будущем - проходят по линии Восток-Запад. Самые старые национализмы Азии - здесь я имею в виду Индию, Филиппины и Японию – намного старше многих европейских – корсиканского, шотландского, новозеландского, эстонского, австралийского и т.д. Филиппинский национализм в своих истоках и взглядах по понятным причинам походит на кубинский и на национализм континентальной Латинской Америки; подобие национализма Мэйдзи мы находим в османской Турции, царской России и Британской империи; индийский национализм аналогичен тем национализмам,

¹⁸¹ Там же. – С. 25.

¹⁸² При этом, о взглядах Э. Геллнера на национализм Б. Андерсон отзывался буквально следующим образом: «...I must be the only one writing about nationalism who doesn't think it ugly. If you think about researchers such as Gellner and Hobsbawm, they have quite a hostile attitude to nationalism. I actually think that nationalism can be an attractive ideology. I like its Utopian elements...». См.: <http://www.sai.uio.no/interviews/anderson>

которые можно найти в Ирландии и Египте. Следует добавить, что представления людей о Востоке и Западе со временем менялись...»¹⁸³.

Бенедикт Андерсон считает, что те проявления националистического опыта, которые знает история Европы, вовсе нехарактерны для восточных национализмов. Например, в Европе империи пытались использовать политику т.н. «официального национализма», который проявлялся в потугах русифицировать поляков и украинцев в России, германизировать поляков в Германии, отуречить арабов в Османской Империи. Все эти движения известны в истории Европы. Знает ли такое Восток? Андерсон полагает, что история, например, Японии знает обратный феномен, когда айнам запрещали перенимать японские обычаи и говорить по-японски. Кроме этого, по мнению Андерсона, мы можем найти значительные расхождения в языковой тактике западных (европейских) и восточных (индийских, филиппинских, индонезийских и пр.) националистов. Однако, все эти замечания не носят у Бенедикта Андерсона принципиального характера. Он полагает, что и в Европе и на Востоке национализм преследовал одну цель – создать свое «воображаемое сообщество», свою нацию. Проблема путей, которыми европейские и восточные националисты, шли к этой цели, второстепенна. В такой ситуации для Б. Андерсона «...сколько-нибудь четкого и ясного различия между азиатским и европейским национализмом провести невозможно...»¹⁸⁴.

В этом контексте становится очевидной вся сложность изучения и научного анализа национализма. Исследователь национализма может столкнуться не просто с нежеланием властей, чтобы он не изучал эту тему, которая в многонациональных государствах с неокрепшими демократическими институтами кажется неудобной и неправильной. Главными оппонентами в этой ситуации не являются носителями государственной власти. Главные критики – это профессиональные историки и националисты: «...теоретиков национализма часто ставил в тупик, если не сказать раздражал, следующий парадокс: объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, и субъективная их древность в глазах националиста, с другой...»¹⁸⁵. Но эта почти неразрешимая дилемма не является единственным препятствием на пути научного изучения национализма.

Историк, политолог, социолог или литературовед, который поставит перед собой целью изучения национализма объективно столкнется с одной принципиальной сложностью, суть которой состоит в следующем: в то время, как социальные, политические и исторические науки имеют своих классиков, то национализм, по словам Б. Андерсона, «...так и не породил собственных великих мыслителей: гоббсов, токвилей, марксов или вебе-

¹⁸³ Андерсон Б. Західний націоналізм і східний націоналізм: чи є між ними різниця / Б. Андерсон // І. Незалежний культурологічний часопис. – 2003. – Число 28.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 27.

ров...»¹⁸⁶. В такой ситуации возникает проблема кого и как изучать. Исследователю национализма приходится становиться исследователем национализмов. В изучении трудов немецких и русских националистов (равно как и всех прочих), возможно, и не так много приятного как в чтении классических текстов национальных литератур.

Но, принимая во внимания, что национальные литературы сосуществовали с национализмами, а некоторые были порождениями националистических движений, своеобразными наиболее удачными национальными проектами, не остается ничего иного как анализировать труды националистических теоретиков, некоторые из которых отличаются не только отсутствием системного изложения, но и наличием значительного экстремистского заряда, который отторгается сознанием большинства представителей исследовательского сообщества. Однако от трудов классиков различных националистов абстрагироваться невозможно. Именно националисты в свое время создали свои нации. Они их выстрадали, построили, вообразили, доказали их право на существование. Многие из них в этом процессе и погибли.

Но, вероятно, благодаря значительному националистическому опыту, накопленными разными национализмами во всем мире, который нашел свое отражение, как в научном, так и художественном дискурсе, Б. Андерсон и смог сформулировать определение нации следующим образом: «...поступая так, как обычно поступают в антропологии, я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное...»¹⁸⁷. Почему Б. Андерсон определяет нацию как именно «воображаемое сообщество». В данном случае мы имеем дело с воображением двойственного плана.

С одной стороны, «...оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности...»¹⁸⁸. С другой стороны, нация ежедневно и ежечасно воображается своими интеллектуалами. Это находит отражение в их деятельности. Литература призвана доказать наличие у нации языка и утвердить ее среди других национальных соседних литератур. Вероятно, историческая наука в этой ситуации теряет свой самостоятельный статус, становясь постоянной рефлексией националистически ориентированных интеллектуалов о прошлом своего сообщества.

Но национальное воображение ограничивает националистов – они стремятся вообразить и, тем самым, институционализировать исключительно свою собственную нацию. Другие, соседние, нации им в лучшем

¹⁸⁶ Там же. – С. 28.

¹⁸⁷ Там же. – С. 28.

¹⁸⁸ Там же. – С. 29.

случае не интересны. Таким образом, сила национального воображения и интеллектуального сообщества предстает перед нами в весьма ограниченном виде: «...нация воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации. Ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством. Даже наиболее мессиански настроенные националисты не грезят о том дне, когда все члены рода человеческого вольются в их нацию, как это было возможно в некоторые эпохи, когда, скажем, христиане могли мечтать о всецело христианской планете...»¹⁸⁹.

На этом фоне претензии советских коммунистов, которые в свое время пытались построить новую общность людей «советский народ» и доказать, что коммунизм является «светлым будущим всего человечества», выглядят не более чем аномальными, ничем не подкрепленными амбициями. Вероятно, если бы советские коммунисты строили коммунизм в национальных тонах, как югославские коммунисты, кто знает, прекратился бы этот политический эксперимент в 1991 году? Но история не знает сослагательного наклонения – поэтому, обратимся к различным проявлениям националистического опыта, которые анализирует Бенедикт Андерсон. В той концепции национализма, которую предлагает Андерсон культурный фактор играет очень значительную роль.

В связи с этим Б. Андерсон пишет, что «...я всего лишь предполагаю, что для понимания национализма следует связывать его не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых – а вместе с тем и в противовес которым – он появился...»¹⁹⁰. Культура, особенно – национальная культура, может быть той сферой, где наиболее максимально и крайне широко разворачиваются националистические чувства. Монументальная сторона культуры открывает еще более широкий простор для выражения своих национальных амбиций.

Именно поэтому, Бенедикт Андерсон писал, что «...у современной культуры национализма нет более захватывающих символов, чем монументы и могилы Неизвестного солдата. Публичное церемониальное благоговение, с каким относятся к этим памятникам именно в силу того, что либо они намеренно оставляются пустыми, либо никто не знает, кто в них лежит, поистине не имеет прецедентов в прежней истории...»¹⁹¹. На фоне событий весны 2007 года в Таллине сложно переоценить правоту этого утверждения Б. Андерсона. С другой стороны, таллиннские события, связанные с переносом памятника «Бронзового Солдата» и останков похороненных там советских воинов (сам Андерсон, вероятно, оценил бы эти

¹⁸⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 30.

¹⁹⁰ Там же. – С. 33.

¹⁹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 31.

действия крайне негативно, комментируя подобные мероприятия как «...поистине кощунство странного, современного типа...»¹⁹²) из исторического центра на Военное кладбище, демонстрирует различные дискурсы национализма.

Однако за всеми этими событиями, связанными с таллинскими волнениями и националистической истерией, которая стимулировалась в Эстонии и в России, исследовательское сообщество почти забыло о том, что это памятник вполне интегрируем в особый дискурс эстонского национализма, о котором не хотят вспоминать ни эстонские, ни российские националисты. Речь идет о крайне интересном, но почти неизученном слое в эстонском национализме, связанным с попытками сформировать особую советскую, лояльную Москве, но вместе с тем и эстонскую идентичность. Этот памятник можно в таком контексте понимать не как наследие советской оккупации, а как памятник неудачной попытке соединить эстонский национализм (кстати, позировал для памятника этнический эстонец) с советским коммунизмом.

Памятники неизвестным солдатам – это монументы, которые, в первую очередь, обращаются к национальному чувству. Только национализм является той политической идеологией, которая создает культ павших героев: «...культурное значение таких памятников становится еще более ясным, если попытаться представить себе, скажем, Могилу неизвестного марксиста или Памятник павшим либералам. Можно ли при этом избежать ощущения абсурдности? Дело в том, что ни марксизм, ни либерализм не слишком-то озабочены проблемой смерти и бессмертия. И если националистическое воображение проявляет такую заботу, то тем самым предполагается его тесное духовное родство с религиозным воображением...»¹⁹³.

Памятники неизвестным солдатам универсальны для любого национализма. Они быстро возникают и глубоко интегрируются в любую националистическую культуру. С одной стороны, эстонский национализм недооценил, как важен этот памятник не только для русских националистов, но и для простых русскоязычных граждан и жителей Эстонии. С другой стороны, сами русские националисты выбрали неверную тактику однозначного позиционирования этого памятника не как русского (значительное количество русских памятников мирно существует в эстонском ландшафте), а как «советского» при общей аллергии эстонских властей на все проявления и атрибуты советской оккупации. Иными словами, эстонский националист мог понять русского, но само понятие «советский националист» / «советский патриот» звучит в современной Эстонии как нонсенс.

Но отойдем от постсоветской тематики, анализ которой характерен для Б. Андерсона в наименьшей степени. Мы помним, что в свое время Эрнэст Геллнер значительное внимание уделял фактору ислама, полагая,

¹⁹² Там же. – С. 31.

¹⁹³ Там же. – С. 31.

что он может пролить свет на особенности функционирования национализма и выяснения известного нам «разнообразия националистического опыта». Бенедикт Андерсон, как профессиональный востоковед (специалист по Индонезии), тоже не был чужд интереса к исламу. Андерсон в «Воображаемых сообществах» высказал мысль, что ислам абстрактно или принадлежность к исламской умме в частности могут оказывать и оказывают влияние на формирование отдельных региональных или локальных «воображаемых сообществ».

Ислам может акцентировать принадлежность к воображаемому сообществу как нации (например, индонезийцам, арабам, туркам), но, с другой стороны, более широкому сообществу – большой исламской умме. Хадж – один из наиболее действенных способов подчеркнуть свою идентичность («...религиозные паломничества – это, вероятно, самые трогательные и грандиозные путешествия воображения...»¹⁹⁴), продекларировать для верующих мусульман свою принадлежность к двум сообществам – своей нации, к которой они непосредственно в силу рождения и социализации принадлежат, и к исламской умме, к которой они тяготеют в виду религиозного воспитания.

В связи с этим Б. Андерсон писал, что «...уже ранее отмечалось, странное физическое соседство малайцев, персов, индийцев, берберов и турок в Мекке есть нечто непостижимое без отлившегося в какую-то форму представления об их общности. Бербер, сталкиваясь с малайцем у ворот Каабы, образно говоря, должен спросить самого себя: “Почему этот человек делает то же, что и я делаю, произносит те же слова, что и я произношу, хотя мы не можем даже поговорить друг с другом?” И как только возникает такой вопрос, на него существует один-единственный ответ: “Потому что мы... мусульмане”. Разумеется, в хореографии великих религиозных паломничеств всегда была некая двойственность: огромные толпы неграмотных людей, говоривших на своих родных языках, обеспечивали плотную, физическую реальность церемониального перехода; и в то же время небольшой сегмент грамотных двуязычных адептов из разных языковых сообществ выполнял объединяющие обряды, истолковывая соответствующим группам приверженцев смысл их коллективного движения...»¹⁹⁵.

Но и в данном случае передача не просто религиозного опыта, но и информации о принадлежности / непринадлежности к тому или иному сообществу, как видим, является почти исключительно делом грамотного большинства, интеллектуалов, то есть тех, кого Э. Геллнер называл носителями высокой культуры. Таким образом, нация формируется усилиями интеллектуалов как некое воображаемое и воображенное сообщество. В то время, как большинство носителей того или иного языка являются этниче-

¹⁹⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 76.

¹⁹⁵ Там же. – С. 75.

ской массой, которой силой воображения интеллектуалов суждено стать нацией, эти самые интеллектуалы уже мысленно для себя санкционировали ее существование.

Значительное внимание Б. Андерсон в своих исследованиях, посвященных национализму, уделяет Индонезии. Интерес представляет попытка американского ученого интерпретировать новейшую историю этой страны в категориях национализма, идентичности и серийности. В одной из своих статей по индонезийской тематике Андерсон пишет, что существуют «...проблемы формирования коллективных субъективностей в современном мире посредством рассмотрения материальной, институциональной и дискурсивной основ, которые неизбежно порождают два полностью противоположных типа серийности – неограниченной и ограниченной. Примером неограниченной серийности, восходящей в своих истоках к печатному рынку, особенно к газетам и к ярмарочным представлениям, служат такие открытые к миру множества, как националисты, анархисты, бюрократы и рабочие... серийность делает, например, нормальным, совершенно непарадоксальным институтом Организацию Объединенных Наций. Примером ограниченной серийности, которая восходит в своих истоках к правительственной власти, особенно к таким институтам, как перепись и выборы, служат конечные серии ...»¹⁹⁶.

Для отечественных специалистов по Индонезии и для студентов, которые специализируются на изучении региона, может представлять интерес попытка Б. Андерсона в категориях ограниченной серийности проанализировать один из первых (29 февраля 1920 года) националистических митингов в Деланггу – небольшом городе на Центральной Яве. В центре внимания Андерсона – речь индонезийского националиста, мусульманина и коммуниста, Хаджи Мисбаха¹⁹⁷. Андерсон полагает, что речь сыграла особую роль в конструировании не просто индонезийской идентичности, но националистической перцепции событий, происходящих в Европе. Согласно Б. Андерсону, такие репрезентации были весьма полезны и продуктивны в процессе развития национализма: «...из этой логики серий возникла новая грамматика репрезентации, которая также была предпосылкой для воображения нации. Позднеколониальная обстановка особенно полез-

¹⁹⁶ Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. – 2006. – № 2.

¹⁹⁷ В своем выступлении Хаджи Мисбах сказал следующее: «...современную эпоху вполне можно назвать джаман балик бозоно, ибо то, что обычно находилось наверху, теперь оказалось внизу. Говорят, что в стране Оостенрийк, которой обычно правит раджа, сейчас произошел балик бозоно. Теперь ею правит Республика, а многие амбтенаар убиты Республикой. Как только бывший амбтенаар высовывает нос на улицу, ему сразу же перерезают глотку. Так что, братья, помните! Земля принадлежит только нам...». Следует пояснить значение некоторых слов: джаман балик бозоно – древнеяванское народное выражение, означающее «эпоха мира, перевернутого с ног на голову»; Оостенрийк – голландское название Австро-Венгрии; раджа – монарх на индонезийском языке; амбтенаар – «правительственные чиновники». См.: Shiraishi T. An Age in Motion: Popular Radicalism in Java, 1912-1926 / T. Shiraishi. – NY., 1990. – P. 193.

на для понимания этого развития, потому что она позволяет увидеть, что логика действовала одинаково, хотя и в разной институциональной среде, среди белых правителей и цветных подданных...»¹⁹⁸.

Анализируя феномен собственно воображаемых сообществ, Б. Андерсон уделяет особое внимание истории государств, которые образовались в Северной и в Южной Америках, на базе европейских колоний. Именно в них он склонен видеть не просто одну из первых попыток реализации националистического принципа, а первый удачный эксперимент по созданию новых национальных государств и вместе с ними новых политических наций. Подобные государства Б. Андерсон предлагает определять как креольские: «...ведем ли мы речь о Бразилии, США или бывших колониях Испании, во всех этих случаях язык не был элементом, дифференцирующим их от соответствующих имперских метрополий. Все они, в том числе США, были креольскими государствами, которые создали и возглавляли люди, имевшие общий язык и общее происхождение с теми, против кого они боролись...»¹⁹⁹.

Таким образом, на данном этапе националистический опыт рассматривался как в первую очередь опыт именно политический в то время, как этническая проблематика еще не встала на повестку дня: «...в таких важных случаях, как Венесуэла, Мексика и Перу, одним из ключевых факторов, который с самого начала подстегивал стремление к независимости от Мадрида, было вовсе не стремление вовлечь низшие классы в политическую жизнь, а, напротив, страх перед политическими мобилизациями низших классов...»²⁰⁰. Ранний политический национализм, который был характерен, например, для государств в Южной Америке развивался по законам политического движения и имел намного больше общего с либеральным или консервативным движением, нежели с националистическим движением в том контексте, в котором мы его понимаем.

Поэтому, на этом этапе национализм имел элитарный характер и был более востребован в крайне узком интеллектуальном сообществе, нежели среди широких масс населения. В связи с этим Б. Андерсон ставит несколько вопросов, призванных помочь более полно осознать процессы институционализации и постепенной политизации элитарного национализма в Южной Америке: «...почему именно креольские сообщества так рано сформировали представление о том, что они нации, – задолго до большинства сообществ Европы? Почему такие колониальные провинции, обычно содержавшие большие, угнетенные, не говорившие по-испански населения, породили креолов, сознательно переопределивших эти населения как братьев по нации? А Испанию, с которой они были столь многим связа-

¹⁹⁸ Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности / Б. Андерсон // Логос. – 2006. – № 2.

¹⁹⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 69.

²⁰⁰ Там же. – С. 70.

ны, – как враждебных иностранцев? Почему испано-американская империя, безмятежно существовавшая на протяжении почти трех столетий, вдруг неожиданно распалась на восемнадцать самостоятельных государств?...»²⁰¹.

Ответы на эти вопросы Б. Андерсон не склонен видеть только в репрессивной политике Мадрида и влиянии со стороны европейского Просвещения. По его мнению, в этом случае свою роль сыграл фактор регионализации, постепенного разрушения единства огромных территорий Испанской Империи. Этот фактор постепенной регионализации сыграл недобрую шутку с Испанией, лишив ее большинства колоний, но с соседней Португалией он обошелся еще более жестоко. В то время как Мадрид пытался процессы регионализации если не остановить, но замедлить, Лиссабон сам стал инициатором регионализации собственной колониальной империи. Португальский король сам короновал своего сына Педру в Бразилии и тем самым заложил основы не для регионализации, а для фрагментации португальского политического пространства.

Но к тому времени на территории Южной Америки начал действовать другой фактор, с которым ни португальцы, ни испанцы не смогли совладать: «...сама обширность испано-американской империи, необычайное разнообразие ее почв и климатов и, прежде всего, исключительная затруднительность коммуникаций в доиндустриальную эпоху способствовали приданию этим единицам самодостаточного характера. В колониальную эпоху морское путешествие из Буэнос-Айреса в Акапулько занимало четыре месяца, а обратная дорога и того больше; сухопутная поездка из Буэнос-Айреса в Сантьяго длилась обычно два месяца, а поездка в Картахену – и все девять...»²⁰².

И Испания, и Португалия могли вполне успешно путем военных действий и репрессивным мер бороться с оппозиционным политическим движением в колониях. Иными словами, сепаратизм был подавляем политически. Но ни Испания, ни Португалия не могли ничего противопоставить силе пространства. В такой ситуации местный политический национализм, за которым стояли местные политические элиты (своеобразные для того времени интеллектуальные сообщества) в сочетании с географическими просторами (которым эти самые интеллектуалы постепенно начинают придавать почти сакральное значение) оказался по истине разрушающей силой. С другой стороны, деконструкция целостного испанского и португальского политического пространства привела к тому, что на просторах Южной Америки начал доминировать политический национализм, а сам континент превратился в регион, где политические принципы, цели и идеалы национализма проходили своеобразную проверку на прочность.

²⁰¹ Там же. – С. 71.

²⁰² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 74.

Бенедикт Андерсон полагает, что после образования национальных государств в Южной и в Северной Америке национализм там так и не смог стать этническим. После этого в развитии национализма начинает лидировать Европа: «...почти во всех них центральное идеологическое и политическое значение имели «национальные печатные языки», в то время как в революционных Америках английский и испанский языки никогда не составляли проблемы... все они могли работать, опираясь на зримые модели, предоставленные их далекими, а после конвульсий Французской революции и не столь далекими провозвестниками...»²⁰³. Если в Америке язык играл роль канала для выражения своей политической оппозиционности и нелояльности испанским властям, то в Европе языки превратились в поле битвы между различными националистами и интеллектуалами, которые, изучая и создавая новые литературные национальные языки, тем самым создавали, точнее – воображали, новые сообщества. Поэтому, век национализма в Европе стал и «...золотым веком вернакуляризирующих лексикографов, грамматиков, филологов и литераторов...»²⁰⁴.

Более того, язык был той сферой, где носители «высокой культуры», которые говорили на чужом языке, а не на языке большинства населения той территории, где они жили, учились быть не просто националистами, но именно народными националистами. Комментируя эту особенность развития европейских национализмов, Б. Андерсон писал, что «...одноязычные словари были огромными компендиумами печатной сокровищницы каждого языка, переносимыми (хотя иной раз не без труда) из магазина в школу, из офиса в дом. Двухязычные словари сделали зримым надвигающееся равенство языков: каковы бы ни были внешние политические реалии, под обложкой чешско-немецкого / немецко-чешского словаря спаренные языки имели общий статус. Одержимые подвижники, посвящавшие многие годы своей жизни их составлению, с необходимостью стягивались в крупные библиотеки Европы, прежде всего университетские, или вскармливались ими...»²⁰⁵.

Такая волна постепенной унификации и кодификации языков охватила всю Европу. Правда, не обошлось без парадоксов – первый систематизированный учебник, например, чешского языка был издан по-немецки (*Geschichte der böhmischen Sprache und altern Literatur*), а его автор (Й. Добровски), хотя и имел славянскую фамилию, так же предпочитал говорить именно по-немецки. Первый пятитомный чешско-немецкий словарь издал один из первых чешских националистов, который вообще имел немецкую фамилию – Й. Юнгманн. В Латвии первые словари и грамматики латышского языка вообще были составлены немцами. До 1840-х годов там не могло быть никакой речи о латышах или частично латышах среди предста-

²⁰³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 87.

²⁰⁴ Там же. – С. 91.

²⁰⁵ Там же. – С. 91.

вителей просвещенных классов. Но это было уделом носителей того, что Э. Геллнер называл «высокой культурой».

Мы помним, что эта самая высокая культура в концепции Э. Геллнера имела долгую историю, прежде чем распространилась до границ всего сообщества. Бенедикт Андерсон так же пытался выяснить, как некогда узко распространенная культура образованного меньшинства стала национальной культурой. Андерсон полагал, что успех экспансии национализированной высокой культуры состоял в том, что «...все эти лексикографы, филологи, грамматик, фольклористы, публицисты и композиторы осуществляли свою революционную деятельность не в вакууме...». Они имели своих потребителей – ту часть населения, которая умела читать. В такой ситуации национализм активно и успешно развивался там, где священник выполнял не только полицейские функции, но и играл роль учителя. Поэтому, националистический триумф рано или поздно состоялся в Словакии, Чехии, Латвии, Литве, Эстонии и даже Украине и Беларуси. Из этой цепочки выпадает Россия, где 90 % населения не умело ни читать, ни писать. Поэтому, русский национализм был обречен на то, чтобы остаться национализмом «высокой культуры», а Россия не знала массового русского народного национального движения.

Несколько иначе развивались отношения между языком и национализмом в Британии и на территории Южной Европы. Проблема состояла в том, что если чехи, словаки, украинцы, латыши и прочие были угнетенными нациями, которые стремились к равноправию и независимости, то с чисто внешней стороны во Франции жили французы, в Испании – испанцы. Сложнее было с Великобританией, где кроме англичан были носители языков из кельтской группы: «...английский язык вытеснил из большей части Ирландии гэльский, французский припер к стенке бретонский, а кастильский оттеснил на обочину каталанский. В Британии и Франции по сугубо внешним причинам сложилось относительно высокое соответствие языка государства и языка населения, общее взаимопроникновение, на которое указывалось выше, не имело драматических политических последствий...»²⁰⁶. Если в Восточной и Центральной Европе языковой национализм был политическим, то на Западе и Юге он был обречен на то, чтобы развиваться в контексте постепенной регионализации. В такой ситуации языковой национализм становится региональным и преимущественно культурным.

Дальнейшее усиление в Европе континентальных национализмов следует объяснять кризисом династических империй: «...фундаментальная легитимность большинства этих династий была совершенно не связана с национальностью. Романовы правили татарами и латышами, немцами и армянами, русскими и финнами. Габсбурги возвышались над мадьярами и

²⁰⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 98.

хорватами, словаками и итальянцами, украинцами и южными немцами. Ганноверы управляли бенгальцами и квебекцами, а также шотландцами и ирландцами, англичанами и валлийцами...»²⁰⁷. Европа после первой мировой войны пережила распад империй и перекройку своей политической карты не в силу слабости империй, которые вполне успешно не только существовали, но и конкурировали в начале XX века.

Кризис имперского типа государственности не был связан и с тем, что империя представляла собой архаичный тип государственного устройства. Из трех империй, Австро-Венгерской, Германской и Российской отстала только последняя, но и ее отставание могло быть преодолено в результате политики модернизации, спорадические проявления которой мы можем наблюдать в реформаторской активности, например, П.А. Столыпина. Правда, предшественник Николая II Александр III, получивший у Б. Андерсона уничижительную оценку «русификатора всея Руси»²⁰⁸, несколько подпортил имидж империи, но в начале XX века модернизационные импульсы явно начали преобладать над реакционными. Европейские империи прекратили свое существование в виду того, что у них появились местные национализмы, которые имели мечту, за реализацию которой следовало бороться.

К тому же европейские националисты имели перед своими глазами наглядный пример. Они видели как те же Гогенцоллерны, Ганноверы, посаженные на престолы в новых, что немаловажно, «национальных» (!) государствах мучительно превращались в греков и румын. Но европейским императорам было далеко до их японского коллеги. Комментируя эту ситуацию, Б. Андерсон пишет, что «...уникальная древность императорского дома (Япония – единственная страна, где монархия на протяжении всей ее письменно задокументированной истории была монополизирована одной династией) и его символичная японскость (сравните с Бурбонами и Габсбургами) существенно упрощали использование Императора в официально-националистических целях...»²⁰⁹. Местные националисты видели это, но одновременно они и понимали, что в Австро-Венгрии Габсбурги останутся Габсбургами. Поэтому, европейский национализм быстро из культурной плоскости перетек в политическую.

Националистическая мечта оказалась более привлекательной чем служение империи, которое нередко требовало от латышей и украинцев становиться русскими, от украинцев, хорватов, сербов – австрийцами, от словаков – венграми... В отличие от либералов и социалистов, занятых в политической борьбе, националисты преследовали внешне благородную цель – если социалисты боролись только за права рабочих, то националисты, выступавшие от имени нации в целом, обладали значительным преимуще-

²⁰⁷ Там же. – С. 103.

²⁰⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 108.

²⁰⁹ Там же. – С. 116.

ством. Вокруг националистических движений сформировался своеобразный ареол добродетели, возник имидж националиста, как борца за права и рабочего, и служащего, и крестьянина. Национальное воображение, о котором много пишет Б. Андерсон, местных интеллектуалов-националистов работало едва ли не на реализацию только этой единственной цели.

Но на пути реализации своих политических целей европейские националисты встречались с многочисленными трудностями. Важнейшая из них могла состоять в том, что некоторые культуры в Европе того времени уже обрели два уровня – «высокую» и «народную» культуры. Классический пример, о чем пишет и Б. Андерсон²¹⁰, в этом отношении демонстрирует нам венгерский национализм. Известно, что резкая активизация венгерского национализма пришлось на 1820 – 1830-е годы, что в итоге привело к национальной революции и попытке создать независимое Венгерское государство. Примечательно, что на данном этапе лидировали т.н. «народные» националисты. Только их поражение создало условия для доминирования в рамках венгерского национализма течения, связанного с «высокой» культурой. В этой ситуации интересно то, что некоторые соседние национализмы развивались с точностью наоборот или вообще смогли избежать обращения к опыту «высокой» культуры.

1.3. Дискурсивная теория национализма: исследования Крэйга Калхуна

Среди теорий национализм выделяется дискурсивный метод изучения националистического феномена и самого националистического опыта. В отличие от других, существующих в современном национализмоведении парадигм, сторонники дискурсивного анализа, хотя и признают важность анализа общих социальных институтов и процессов, тем не менее, считают необходимым уделять особое внимание различным конкретным (локальным, национальным, культурным, идентичностным и т.д.) дискурсам в национализме. Одним из сторонников и теоретиков дискурсивного подхода является американский исследователь Крэйг Калхун²¹¹, который принад-

²¹⁰ Там же. – С. 122 – 124.

²¹¹ См. работы Крэйга Калхуна, посвященные различным аспектам национализма: Calhoun C. The Authority of Ancestors: a Sociological Reconsideration of Fortes's Tallensi in response to Fortes's critics / C. Calhoun // *Man. The Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1980. – Vol. 15. – No 2. – P. 304 – 319; Calhoun C. The Radicalism of Tradition: Community strength or venerable disguise and borrowed language / C. Calhoun // *American Journal of Sociology*. – 1983. – Vol. 88. – No 5. – P. 886 – 914; Calhoun C. Classical social theory and French revolution of 1848 / C. Calhoun // *Sociological Theory*. – 1988. – Vol. 7. – No 2. – P. 210 – 225; Calhoun C. Imagined Communities and indirect relationships: large scale social integration and the transformation of everyday life / C. Calhoun // *Social Theory and Changing Society* / eds. P. Bourdieu, J.S. Coleman. – Boulder, 1991. – P. 95 – 120; Calhoun C. Infrastructure of Modernity: indirect relationships, information technology, and the social integration / C. Calhoun // *Social Change and Modernity* / eds. H. Haferkamp, N.J.

лежит и к числу противников создания единой теории национализма, полагая, что «...национализм слишком многообразен, чтобы его можно было объяснить одной теорией»

В качестве введения необходимо сказать несколько слов о самом Крэйге Калхуне. Вероятно, специалистам по американской истории фамилия Калхун может показаться знакомой, а некоторые вспомнят о сенаторе 1810 – 1830-х годов Джоне Калхуне. Крэйг Калхун (Craig Calhoun) – потомок того самого американского сенатора от Южной Каролины, дважды вице-президента и одного из самых влиятельных сторонников рабства. Калхун родился в 1952 году²¹². Крэйг Калхун получил образование в США и Европе, а с 1999 года возглавил Американский Совет по исследованиям в общественных науках. Калхун – ученик знаковой фигуры в политологии, Роберта Мертона. Докторскую диссертацию Калхун защитил в Лондоне, у другого классика – британского историка Э. Томпсона, одного из крупнейших специалистов по истории рабочего движения. Кроме этого, он читает лекции в Нью-Йоркском Университете.

Как и все западные исследователи национализма Крэйг Калхун с почти ритуальной преамбулы, где пишет о том, что в исследовательском сообществе относительно национализма существует полярно противоположные точки зрения, которые варьируются от утверждений, что национализм отмирает до взрыва национализма в современном мире: «...разговоры о национализме не прекращаются на протяжении двух столетий, причем нередко встречаются заявления, что он свое уже отжил...»²¹³. Многие западные аналитики действительно периодически спонтанно переполняются уверенностью, что национализм скоро вовсе исчезнет из политической жизни, уступив свое место универсальным ценностям: «...жители Запада не только недооценили потенциал национализма... но они грезили о его исчезновении во всем мире...»²¹⁴.

В западном исследовательском сообществе одновременно сильна и противоположная точка зрения, согласно которой национализм проявляется не только в период открытого военного противостояния. В преддверии основной дискуссии относительно национализма Крэйг Калхун вновь делает очередной ритуальный для современных исследований национализма

Smelser. – Berkley, 1992. – P. 205 – 236; Calhoun C. New social movements in the early 19th century / C. Calhoun // Social Science History. – 1993. – Vol. XVII. – No 3. – P. 385 – 427; Calhoun C. Nationalism and civil society: Democracy, diversity, and self-determination / C. Calhoun // International Sociology. – 1993. – Vol. 8. – No 4. – P. 387 – 411. более полная библиография работ К. Калхуна доступна в русском переводе его книги «Национализм». См.: Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 284 – 285.

²¹² О Крэйге Калхуне см.: Дерлугьян Г. Организатор мировой науки / Г. Дерлугьян // Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 7 – 19; Смирнов А. «Национализм» и публичная сфера / А. Смирнов // Калхун К. Национализм / К. Калхун. – М., 2006. – С. 263 – 286.

²¹³ Калхун К. Национализм. – С. 25.

²¹⁴ Там же. – С. 68.

жест, указывая на то, что вокруг нации, как и национализма, не утихают дискуссии: «...в литературе о национализме ведутся серьезные споры между теми, кто считает нацию простым продолжением древних этнических идентичностей и теми, кто считает ее явно современной...»²¹⁵.

Отношение к национализму на Западе развивается циклично, о чем, в частности, и пишет К. Калхун: «...каждый раз после спада предшествующей волны многие ведущие ученые и представители общественного мнения облегченно вздохнули и поспешно объявляли недавние националистические движения просто переходными или даже последними, которые видел мир...»²¹⁶. Такая близорукость характерна не только для западного общественного мнения. В России боязнь национализма и вера в его скорое исчезновение, вызванная страхом от того, что национализм сможет замесить политические и государственные «притязания на легитимность»²¹⁷, обрела особые формы.

После «революции роз» в Грузии некоторые российские публицисты и журналисты заявили о том, что это последний акт сознательного антиросийского национализма на пространстве бывшего СССР. Потом подобные политические изменения произошли в Украине (что вызвало волну антиукраинских настроений в некоторых российских СМИ) и в пророссийски и лояльно ориентированном Кыргызстане, чего вообще мало кто в российском исследовательском сообществе ожидал и предвидел. После киргизских событий в отечественном журналистском и публицистическом дискурсе заговорили о том, что эра национализма на постсоветском пространстве заканчивается, и, что новые режимы окажутся недолговечными. Последующие события, наоборот, вылились в рост националистических настроений, периодическое обострение двусторонних отношений (между Россией и Грузией, Россией и Украиной) и то, чего практически никто не ожидал – рост национализма на территории самой Российской Федерации, как национализма официального, так и оппозиционного, в национальных республиках.

В такой ситуации изучение опыта американских исследователей в объяснении столь значительных способностей и жизненных потенций национализма выглядит в России делом почти политически оправданным. Мы можем воспринять национализм как политическую, культурную и идентичностную реальность. Вероятно, западному и российскому обществу придется сбросить маску политической корректности, приняв ситуацию, при которой «...национализм стал основой коллективной идентичности в современную эпоху и определил особую форму государства, преобладающую на протяжении двух последних столетий...»²¹⁸. Поэтому, современ-

²¹⁵ Там же. – С. 35.

²¹⁶ Там же. – С. 68 – 69.

²¹⁷ Там же. – С. 133.

²¹⁸ Калхун К. Национализм. – С. 27.

ные нации обладают своими историческими корнями в старых этнических идентичностях, что позволяет воспринимать национализм как «...особый способ осмысления коллективной идентичности, отличный от этничности...»²¹⁹.

В таком контексте национализм является и «...способом конструирования коллективных идентичностей, который появился вместе с преобразованиями в государственной власти, расширением дальних экономических связей, новыми средствами коммуникации...»²²⁰. С другой стороны, феномен политического и культурного национализма оказался крайне устойчивым и, поэтому, как полагает К. Калхун, современный мир выстроен в национальных / националистических категориях: «...жители богатых стран Запада склонны не замечать национализм, глубоко укоренившийся в наших представлениях о мире – организации гражданства и паспортов, в нашем взгляде на историю, нашем делении литератур и кино, в нашем соперничестве на Олимпийских играх...»²²¹.

В этом контексте нация, по К. Калхуну, является сообществом, для которого характерны «...определенная степень сплоченности между членами предполагаемой нации и коллективной идентичности, признание целого его членами и осознание себя индивидом в качестве части этого целого...»²²². Анализируя феномен нации, как одно из неизбежных условий развития национализма (вопрос о первичности нации или национализма в данном случае не имеет принципиального значения), Крэйг Калхун попытался сформулировать десять отличительных признаков, которые делают нацию нацией.

В качестве этих признаков Калхун упоминает: границы территории и населения; представление о целостности нации; суверенитет или стремление к нему; идея о народе как основе суверенитета; участие народа в жизни государства; прямое «членство» в нации, когда каждый считает себя ее частью; культура; наличие истории или представлений о том, что такая история была; общее происхождение и расовые черты; связь с территорией проживания²²³. Исходной посылкой, от которой отталкивается Крэйг Калхун, является стремление проанализировать различные дискурсы национализма через категорию применения насилия к гражданским лицам.

Крэйг Калхун, хотя и признает, что современной нации могли предшествовать не только более ранние этничности, но даже и идентичности, полагает, что любая современная нация нуждается не просто в постоянном воспроизводстве через возобновление местных интеллектуальных сообществ, призванных транслировать и популяризировать национальные ми-

²¹⁹ Там же. – С. 87.

²²⁰ Там же. – С. 73.

²²¹ Там же. – С. 25.

²²² Там же. – С. 29.

²²³ Калхун К. Национализм. – С. 30 – 31.

фы, но в постоянной интеграции, под которой Калхун понимает процесс не просто сближения социальных групп и страт, а фундаментальные структурные изменения в функционировании наций²²⁴. Интеграция наций может иметь самые разные формы и проявления – от стремления унифицировать язык до этнических чисток, направленные на уничтожение тех, кто местным националистам кажется неспособным на интеграцию в национальное сообщество.

В связи с этим Калхун полагает, что история национализма, и тем более – проявления националистического опыта или националистических аспираций в различных регионах и в разные исторические эпохи, редко отличается. Комментируя это, Калхун писал, что «...во время очередной годовщины уничтожения Герники в 1993 году... мне довелось побывать в Стране басков... в газетах тогда печатались снимки, навевавшие мрачные воспоминания, и описания новых разрушений и случаев применения террора против гражданских жителей, на этот раз в Сараево...». Поэтому, Калхун указывает на целесообразность проанализировать «...такие повторения националистического насилия...»²²⁵.

Но вероятно не эти чудовищные по своим масштабам проявления националистического чувства стали важнейшим стимулом для западного академического сообщества в изучении национализма. В 1991 году прекратил свое существование Советский Союз, что открыло новую страницу в истории новейшего национализма. Практически все новые государства, в той или иной степени, испытали на себе давление со стороны национализма – своего собственного или национализма таких же новых соседних государств. Исчезновение с политической карты мира СССР привело к тому, что возникли новые националистические дискурсы, о которых всего за несколько лет западные советологи не могли и подумать.

Если усиление украинского или латышского национального движения и национализма вполне укладывалось в советологические схемы и концепции, то о своеобразном националистическом ренессансе в периферийных регионах бывшего СССР никто даже и не мог подумать: «...пытаясь провести политическую границу, которая соответствовала бы этническим границам, армяне и азербайджанцы начали войну в Нагорном Карабахе, а чеченские повстанцы выступили против самой России... а правые русские националисты сожалели об утрате бывших владений своей страны...»²²⁶. Казалось бы, что в такой ситуации национализм – удел государств, которые пребывают в стадии политического и экономического транзита.

В такой ситуации может возникнуть в корне неверная мысль, что если мы стабилизируем экономическую ситуацию, укрепим политический режим (в данном случае неважно, каким он будет демократическим или дру-

²²⁴ Там же. – С. 164 – 165.

²²⁵ Там же. – С. 23.

²²⁶ Калхун К. Национализм. – С. 26.

гим), то национализм и соответственно национальные конфликты и противоречия сами собой исчезнут. Крэйг Калхун, выросший в США – стране со стабильной экономикой и политической системой, считает, что ни экономическое, ни политическое благополучие не являются панацеей от проявлений крайнего или даже умеренного национализма: «...при этом обычно забывают о том, насколько границы и народный суверенитет связаны с националистическим дискурсом, при помощи которого мы придаем современному миру концептуальную форму и практическую организацию...»²²⁷.

Как американец в этой ситуации Калхун ссылается на опыт Запада. Мы можем привести пример, связанный с Россией. И первое и второе президентство В.В. Путина с точностью до наоборот повторяю два президентских срока его предшественника Б.Н. Ельцина. На этапе экономического и политического кризиса 1990-х годов в России состоялся небывалый националистический ренессанс, как русского национализма, так и национализмов нерусских народов. Стабилизация, которая нередко ассоциируется с именем В. Путина (хотя корректнее ее связывать с благоприятной экономической и политической конъюнктурой в мире) вовсе не отменила все националистические и национальные проблемы и противоречия, которые Российская Федерация унаследовала от 1990-х годов.

С другой стороны, национализм пережил неоспоримую трансформацию и националистический дискурс из сферы этнического плавно переместился в сферу политического. Национальные конфликты были разрешены политическими методами. Исключение составляет Чеченская Республика, где ситуацию пришлось стабилизировать военно-политическими средствами. Вероятно, мы можем утверждать, что чеченский конфликт является исключением, а не правилом в новейшей истории национализмов на политическом пространстве Российской Федерации. Вот почему, в этой ситуации Калхун предостерегает от того, чтобы сводить проявления националистического опыта исключительно к насилию в ходе межнациональных конфликтов. По его мнению, Западная Европа демонстрирует совершенно иные проявления национализма и националистического опыта отдельных сообществ.

В Европе национализм успел укорениться и институционализироваться в виде различных демократических политических (в частности, электоральных) процедур: «...раскол Чехословакии на Чешскую и Словацкую Республики произошел мирно, Квебеку не хватило нескольких процентов голосов, чтобы отделиться от Канады, норвежские избиратели высказали свои националистические настроения, проголосовав против членства в Европейском Союзе...»²²⁸. Но в этой ситуации не следует условно делить национализм на хороший и правильный патриотизм, с одной стороны, и плохой и неправильный шовинизм, с другой. Калхун полагает, что «...это ос-

²²⁷ Там же. – С. 27.

²²⁸ Калхун К. Национализм. – С. 26.

ложняет понимание каждого из них и ведет к сокрытию общих черт между ними... и негативные, и позитивные проявления национальной идентичности и преданности определяются общим дискурсом национализма...»²²⁹.

Но в такой ситуации иногда бывает крайне сложно понять, где начинается и кончается патриотизм, уступая место шовинизму и ксенофобии. Не исключено, что в этой ситуации многие в качестве примера попытаются привести ситуацию с украино-российскими и / или российско-латышскими (российско-эстонскими) отношениями. Вероятно, мы не можем проинтерпретировать эти отношения в категориях национализма с двух сторон – и с российской, и с украинской (латышской / эстонской). Корректнее, анализировать их в категориях разных уровней развития политической культуры.

Яркая иллюстрация в этом контексте – прилавки российских книжных магазинов. Не уверен, что произведения, написанные на грани публицистики и медицинского анамнеза, демонстрируют нам подлинно российский националистический дискурс. Книжки, где вместо общепринятых названий наций, мы читаем «хохлы» и «чухна» не свидетельствуют о наличии национализма, подчеркивая только крайне низкий уровень не политической культуры сообщества, а той социальной группы (или даже – субгруппы), к которой принадлежат авторы. Но это не является исключительно российской проблемой. Иногда подобные явления мы можем наблюдать и в политической жизни соседних государств.

С другой стороны, на актуальность изучения национализма указывает и то, что с различными проявлениями национализма неизбежно сталкиваются историки и политологи, которые занимаются изучением трансформаций на Западе и Востоке в последние двести или триста лет: «...национализм играл важную роль в революциях и войнах за независимость, но свидетельством успеха националистических проектов служит то, что существование и политическая самостоятельность наций на долгое время смогли стать чем-то само собой разумеющимся...»²³⁰. Но во второй половине XX века способность человека реагировать на вызовы в значительной степени притупилась и ослабла. Относится это и к национализму: западные обыватели начинают замечать его только тогда, когда он «...проявляется в виде конфликтов между государствами и теми, кто стремится к изменению границ или системы управления...»²³¹.

Для Крэйга Калхуна национализм представляет собой сложное явление, представленное многочисленными дискурсами. Более того, история одного национализма может развиваться как постоянная смена различных дискурсов, которые нередко противоречат друг другу. В этом контексте дискурсивной природы национализма Эфиопия является достаточно удач-

²²⁹ Там же. – С. 28.

²³⁰ Там же. – С. 25.

²³¹ Калхун К. Национализм. – С. 25.

ным примером, хотя новейшая история этой страны почти не соотносится с категориями «счастья» и «удачи», о чем, в частности, пишет и К. Калхун. Известно, что сначала Эфиопия была империей, потом ее пыталась оккупировать фашистская Италия, после чего она, по словам Калхуна, «...стала объектом грубых действий коммунистического режима, направленных на создание единой нации...»²³². Новое же правительство попыталось обуздать национализм, предоставив отдельным регионам автономию, что закончилось отделением от Эфиопии Эритреи.

Но случай со злоключениями эфиопского национализма интересен в несколько ином контексте: мы можем проанализировать и наблюдать различные дискурсы националистического опыта и национального строительства, в ходе которого предлагались совершенно разные национальные проекты, базировавшиеся, в свою очередь, на различных типах не только национальной и политической идентичности, но и политической лояльности. Национализм в концепции К. Калхуна разворачивается как многоуровневый феномен, как совокупность различных идентичностей. Поэтому, невозможна однозначная перцепция национализма как явления исключительно политического. Национализм – это и уровень отдельной человеческой личности. В то время как «...дискурс наций выражается в основном на языке страсти и идентификации...», то государственный дискурс в этой же ситуации «...чаще использует язык разума и интересов...»²³³.

Национализм, согласно К. Калхуну, явление историческое, но которое неотделимо принадлежит новой истории: «...представляя национализм как дискурсивную формацию, которая имеет несколько различных измерений, я утверждаю, что хотя одни черты намного старше других, совокупность таких черт, опознаваемая нами в качестве национализма, является отличительной особенностью современной эпохи...»²³⁴. Крэйг Калхун склонен объяснять появление национализма в политическом ландшафте современной Европы как некую историческую случайность, истоки и предпосылки которой сложно объяснить, а дату возникновения и вовсе невозможно назвать: «...никакого первого националиста не существовало, не было какого-то момента, когда люди, которые прежде и понятия не имели о нации, ни о политических устремлениях и идеологических предпочтениях своей собственной страны внезапно начали мыслить в националистических терминах...»²³⁵.

Развивая эту идею, К. Калхун указывает и на то, что «...национализм современен... он не просто возник недавно, он является одной из особенностей современной эпохи – эпохи, в которую дискурс национализма получил почти повсеместное распространение и оказался тесно связанным с

²³² Там же. – С. 27.

²³³ Там же. – С. 28.

²³⁴ Там же. – С. 35.

²³⁵ Калхун К. Национализм. – С. 38.

политической властью и административными возможностями государства...»²³⁶. Но современность национализма не освобождает исследователя от изучения различных исторических дискурсов, неразрывно связанных с национализмом. В связи с этим Крэйг Калхун писал, что «...особые националистические идентичности и проекты продолжают опираться на давние этнические идентичности, на местные родственные и общинные отношения и на заявленную связь с наследуемыми территориями...»²³⁷.

Изначально, будучи явлением, лишенным внутреннего единства, и имея дискурсивную природу, национализм, по мнению К. Калхуна, имеет (может иметь) три измерения. Первое измерение – национализм как дискурс. Комментируя эту особенность национализма, К. Калхун пишет, что «...производство культурного понимания и риторики ведет к тому, что люди во всем мире мыслят и выражают свои устремления с точки зрения нации и национальной идентичности...». Второе измерение – национализм как проект. Иными словами, «...социальные движения и государственная политика, посредством которых люди пытаются преследовать интересы общностей, которые они считают нациями...». Третье измерение – национализм как способ оценки. Под этим К. Калхун предлагает понимать «...политические и культурные идеологии, которые утверждают превосходство отдельной нации...»²³⁸.

Калхун не склонен абсолютизировать и идеализировать роль националистического дискурса в современном мире: «...националистический дискурс – один из наиболее важных элементов глобального культурного развития, который привел к преобразованию этничности и культурных особенностей, повлияв на процесс формирования самого государства...»²³⁹. Таким образом, национализм однако сохраняет статус идеологии, которая в ряде случаев может монопольно определять и направлять ход политических процессов. Национализм стал (точнее – смог оставаться) такой идеологией в силу того, что никто из националистических идеологов, в отличие, например, от марксистов и коммунистов, не попытался монополизировать национальный политический дискурс в своей стране.

Попытки монополизации политического дискурса, как помним, плохо закончились для коммунизма, националисты не спешат повторять ошибки своих оппонентов и критиков слева. Появление национализма как политической идеологии К. Калхун связывает с революционными изменениями, которые произошли в ряде европейских стран в Новое время. Калхун полагает, что определенные элементы национализма мы можем наблюдать на примере событий английской революции, латиноамериканских движений за независимость (в этом отношении он, в частности, солидарен с Бенедик-

²³⁶ Там же. – С. 43.

²³⁷ Там же. – С. 73.

²³⁸ Там же. – С. 32 – 33.

²³⁹ Там же. – С. 41.

том Андерсоном), в Великой французской революции и в немецком романтизме.

Концепция национализма у Калхуна отлична от аналогичных схем Э. Геллнера и Б. Андерсона в том отношении, что в качестве классического примера становления национализма он пытается проанализировать Англию: «...английская нация укоренена в англо-саксонской истории и сформирована норманнским завоеванием... конфликты между Англией, Шотландией и Уэльсом способствовали появлению у каждой из этих сторон своей идентичности, но Англия, которую Генрих V втянул в войну против Франции, стала объектом собственно националистического дискурса вместе с более поздними призывами помнить об Азенкуре в новых политических и социальных контекстах. Именно Шекспир и более поздние историки сделали “короля Гарри” хотя и не законченным, но все же националистом...»²⁴⁰.

Апелляции к далекой и славной истории, битвам и королям в данном случае возникают неслучайно. Крэйг Калхун подчеркивает, что у национализма сложились очень непростые отношения с историей²⁴¹. Сложно переоценить ту роль, которую сыграли националисты в создании национальных историографий и написании первых национальных историй. Первые профессиональные историки – это почти всегда профессиональные националисты, которые сочетали политическую деятельность с историческими изысканиями. Парадокс отношения между национализмом как движением и политической идеей и историей, как наукой, состоит в том, что на историю влияют как классические националисты-примордиалисты с их идеей изначальности нации, так и исследователи-инструменталисты, которые пытаются выяснить роль и долю национального мифа и националистического опыта в развитии той или иной национальной историографии.

Комментируя эту ситуацию, К. Калхун не только указывал на то, что этнические истоки или идея о неких славных древних исторических корнях нередко играет роль доминирующей темы в развитии националистической нарративации²⁴², но и писал, что «...составление линейных исторических повествований, посвященных развитию нации, и утверждение примордиальной национальной идентичности часто идет рука об руку...»²⁴³. В такой ситуации история, точнее – наши представления об истории перестают быть наукой, деградируя до своеобразной воображаемой площадки, где мы все пытаемся утвердить или вытеснить ту или иную национальную идентичность.

Как видим, Крэйг Калхун использует дискурсивный анализ как своеобразный компромисс между сторонниками изначальности наций и при-

²⁴⁰ Калхун К. Национализм. – С. 39.

²⁴¹ Там же. – С. 113.

²⁴² Там же. – С. 126.

²⁴³ Там же. – С. 116.

верженцами теории об их современном характере. Такая схема не исключает ни великого исторического прошлого, ни нарратива о роли интеллектуалов в формировании национальной идентичности. В концепции К. Калхуна доминирует своеобразная дихотомия, словно он пытается примирить примордиалистов и модернистов, интегрировать английский национализм в современное национализмоведеление. Калхун пытается сделать это, отталкиваясь от категории «этничности».

Само понятие этничности в концепции Калхуна возникает, как попытка примирить примордиалистов с модернистами. Этничность исторически развивалась как многообразный и разнообразный феномен, повлияв, тем самым, и на «многомерность националистического дискурса». В такой ситуации этничность, изначально присущая большинству человечества, объединенного в группы и сообщества, становится «...лишь одним из потенциальных источников однородности и взаимных обязательств, хотя однородность и взаимные обязательства характерны для многих наций, они не свойственны им всем...»²⁴⁴.

Этничность – очень важный, но неопределяющий, фактор в развитии и становлении национализма. Калхун полагает, что этничность вовсе не способствует, как может показаться, превращению отдельных социальных групп в нации: «...этнические корни и культурная самобытность – это только часть аспектов создания современных наций...»²⁴⁵. Поэтому, национализм в ряде случаев может только опираться на ранее существовавшие этничности и использовать опыт идентичностей, который сложился под их влиянием. Национализм, наоборот, может самым радикальным образом преобразовать и перестроить этничность.

В такой ситуации может оказаться интересным попытаться проанализировать судьбу этничности в российском дискурсе. Современная Российская Федерация является многонациональным государством, где численно, политически и экономически доминирует одна группа – русские. Рядом с русскими живут представители других народов, многие из которых в состоянии предъявить историю, соизмеримую по протяженности с русской или даже ее превосходящую. Территория будущей России в те времена была совокупностью территорий, которые контролировались той или иной группой. Например, финно-угорские общности стали известны античным авторам раньше, чем славяне. На протяжении истории этничность неизменно фигурировала в России. Вероятно, этничность сыграла свою негативную роль в том контексте, что, если есть локальные особенности, зачем делать еще что-то.

Нация в европейском, западном, понимании в России возникает относительно поздно. С другой стороны, нередко на современном этапе отдельные этнические группы обладают более развитой и четко выстроенной

²⁴⁴ Калхун К. Национализм. – С. 61.

²⁴⁵ Там же. – С. 109.

и сконструированной идентичностью, чем русские. Параллельно в России существует целый ряд национализмов западного типа. Особенность, национального и этнического развития России заключается в том, что она до настоящего времени пребывает на стадии своеобразной дихотомии сосуществования этничности и нации, различных типов идентичности, который Запад успешно миновал на заре националистической эры в своей истории.

Парадокс ситуации в Восточной Европе, по мнению К. Калхуна, состоит в том, что это был регион ярко выраженной этничности (точнее – ярко выраженных этничностей) и дремлющих национализмов, а «...крах коммунизма в 1989 году вызвал еще одну международную волну националистических движений...»²⁴⁶. Другой зоной доминирования этничности в Европе мы можем назвать Великобританию. Если в России на протяжении семидесяти лет ее истории национальные противоречия замалчивались в рамках коммунистического эксперимента, то на Британских островах сложились условия для сочетания социального и национального / националистического движения. Если в России молчаливым проявлением необычайного витализма феномена этничности служит существование финно-угорских народов, то относительно Британии мы можем вести речь о носителях кельтских языков.

Например, валлийцы могут и выражают свое недовольство существующим положением вещей в рамках различных оппозиционных движений. Такие движения могут быть и социальными, и национальными. Комментируя особенности развития национализма и этничности на периферии, К. Калхун пишет: «...валлийцы, недовольные отсталостью своей страны, могут выражать свое недовольство и преследовать свои цели при помощи классового и националистического движения... классовые движения встречали большую поддержку среди валлийского населения – иногда в сочетании с националистическими идеями, иногда совсем без них...»²⁴⁷.

Калхун не случайно в качестве примера сочетания национального / националистического и социального / социалистического движения приводит Уэльс. Россия и Великобритания – страны с устойчивым, но отнюдь не уникальным, националистическим опытом. С другой стороны, анализ различных российских и британских националистических дискурсов может оказаться продуктивным в процессе выяснения расхождений между примордиалистами и модернистами. И Россия, и Британия имеют развитые исторические науки и сложившиеся национальные исторические школы. В этом контексте «...историческое исследование обнаруживает примечательную преемственность между современными национальными культурами и их предшественницами...»²⁴⁸.

²⁴⁶ Калхун К. Национализм. – С. 64.

²⁴⁷ Там же. – С. 66 – 67.

²⁴⁸ Там же. – С. 75.

В такой ситуации перед К. Калхуном встает крайне непростая задача: выяснить не соотношение примордиальных и инструменталистских теорий национализма, а попытаться показать, что каждая из этих групп в каком-то смысле монополизирует знание о национализме. Хотя сложно найти компромисс между теми, кто считает, что нации и национализм возникли в результате социально-экономического и культурно-идентичностного развития общества и теми, кто в существовании наций видит элемент божественного замысла. Калхун пытается разрешить эту проблему, обратившись к тому, что в западной социологии называется «изобретением традиций».

Калхун признает, что в большинстве западных государств национальные традиции являются изобретениями местных интеллектуалов-националистов. В этом он не видит ничего плохого и постыдного. То, что националисты смогли сформировать традиции еще раз подчеркивает ту значительную роль, которую играет национализм в политической жизни большинства стран. Калхун не согласен с тем скепсисом, который нередко вкладывается в эти изобретенные традиции. Можно согласиться с тем, что «...националистические традиции представляют собой недавние и, возможно, манипуляционные творения...»²⁴⁹, но это автоматически не означает, что они хуже исторически возникших и стихийно сложившихся народных традиций.

Гораздо важнее то, что эти традиции являются санкционированными проявлениями национальной идентичности, которую мало кто (если это не националисты-маргиналы из соседнего государства или местные крайние левые, озабоченные проблемами исключительно классовой борьбы) ставит под сомнение. Проблема состоит в другом: одни из этих традиций уже достаточно укоренились, а другие нет. Кроме этого большая часть населения в современных национальных государствах и представления не имеет об изобретенном характере традиций. Поэтому, попытки политологов, культурологов, социологов и историков показать это могут восприниматься как проявления антинациональной и антигосударственной деятельности.

В Армении, например, существует ежегодная традиция поминания жертв геноцида армян, но мало кто знает, что в Армянской ССР траурный митинг мог быть воспринят как проявление «буржуазного армянского национализма». Но то, что становится традиционным национальным ритуалом у одних, вызывает нескрываемое раздражение у других. В политическую культуру стран Балтии в 1990-е годы вошли шествия и возложения венков к национально маркированным памятникам, приуроченные различным историческим датам и событиям. В Российской Федерации подобная практика встречает непонимание.

²⁴⁹ Калхун К. Национализм. – С. 82.

Иногда такая ситуация может складываться и в пределах одного государства. В Украине, например, в западных областях особым почетом пользуются ветераны, которые воевали в УПА в то время, как в восточных областях доминируют ветеранские организации, унаследованные от СССР. Ситуация в Украине осложнена тем, что там нет крайностей той десоветизации, которая прошла в странах Балтии. Ветеран с немецким «железным крестом», например, в Таллинне вряд ли встретит ветерана с советским орденом, так как ношение советских наград в Эстонии запрещено. Украина смогла избежать таких болезненных и крайних проявлений национализма, но, с другой стороны, она не может и уравновесить две по сути своей националистические традиции – национальную и советскую. И в то время, когда ветеранское движение, например, во Львове ориентируется на украинские власти и обращается к ним за помощью, то, например, киевские ветеранские организации могут обратиться за помощью к другому государству. Как же быть в ситуации, когда одна часть общества выработала политическую идентичность, а вторая подрывает ее, ставя под сомнение факт государственного суверенитета? И главная сложность не в том, чтобы, например, в Киеве развести два шествия в разные части города. Основная проблема состоит в том, как преодолеть этот раскол и сформировать единую политическую украинскую нацию в то время, как национальная идентичность уже успела сформироваться. И традиции, пусть и изобретенные, но способные консолидировать нацию, в этом контексте обретают особую роль.

Вернемся к политической составляющей национализма, о которой мы писали выше. Рефлексия над синтезом социалистического и националистического опыта – мост в аналогичные проблемы Восточной и Центральной Европы. Калхун указывает, что социализм и национализм не являются взаимоисключающими идеологиями. И хотя Калхун признает, что «...Советский Союз долгое время считался образцом интернационализма и преодоления национализма и исторического противоборства наций...»²⁵⁰, тем не менее, он, как и западное исследовательское сообщество в целом, не склонны видеть в СССР государство, которое смогло победить национализм.

Националистический феномен смог приспособиться и к советскому авторитарному режиму и к уэльской экономической периферии. В такой ситуации волна националистической активизации, которая захлестнула Европу, в 1990-е годы поколебала веру политиков в первую очередь политические (не важно, какие – либеральные, авторитарные, гражданские) ценности, но укрепила веру националистов в непреходящем значении своей идеологии. Поэтому, национализм оказывается более универсальным явлением, чем политические партии. В такой ситуации, в последнее десяти-

²⁵⁰ Калхун К. Национализм. – С. 68.

тилетие XX века, националистический дискурс разрушил свою замкнутость в границах национальных государств, став международным явлением.

Сами националистические движения оказались тесно переплетенными и взаимосвязанными друг с другом: «...существование одних националистических движений способствовало появлению других и служило для них образцом и идейной основой...»²⁵¹. Подобно другим исследователям национализма Крэйг Калхун пытается определить причины возникновения националистического феномена. Калхун полагает, что ни одно из более ранних объяснений национализма как «...результат сохранения этнических идентичностей, политических и культурных изменений, связанных с индустриализацией, сепаратистских ответов на неравномерное экономическое развитие со стороны жителей периферии...»²⁵² не может по-настоящему удовлетворить и устроить современного исследователя.

Все эти концепции, по мнению К. Калхуна, являются редукционистскими, сокращающими подлинное значение национализма. Вместо концепции национализма, где доминирует какой-либо один принцип, Калхун предлагает анализировать национализм как крайне сложное и многоуровневое явление, как совокупность различных дискурсов: «...на уровне практической деятельности существует множество различных национализмов, идея нации неразрывно связана со множеством различных аспектов нашего понимания мира, противоположными государственными политиками и необычайно многообразными социальными движениями...»²⁵³.

В такой ситуации за любым национализмом, («...общим знаменателем японского экономического протекционизма, сербских этнических чисток, пения американцами “Усеянного звездами знамени”... служит дискурсивная форма, которая определяет и связывает всех их, хотя она может и не давать полного причинного объяснения каждого из этих случаев...»²⁵⁴), стоит конкретный националистический дискурс, связанный с формирующимися или сформировавшимися идентичностями, которые способствуют тому, что все человеческие сообщества, объединенные в виде национальных государств, с одной стороны, отличаются друг от друга, а, с другой, пребывают в состоянии противостояния и конфронтации, которые могут иметь различные формы.

И хотя, в начале этой главы я писал, что Калхун отрицает возможность создания единой теории национализма, тем не менее, концепт, предложенный в его исследованиях, претендует на некую универсальность благодаря дискурсивному подходу. В этой ситуации задача исследователя состоит в определении того, что такое дискурс, его границ и формировании

²⁵¹ Там же. – С. 65.

²⁵² Там же. – С. 57 – 58.

²⁵³ Калхун К. Национализм. – С. 59.

²⁵⁴ Там же. – С. 60.

исследовательского инструментария для изучения национализма. Но на этом пути сокрыта опасность того, что дискурсивный метод может элементарно деградировать до истории национализмов или истории явления А в национализме О, или биографии националиста С в национализме В. В таком случае на каждом исследователе лежит значительная ответственность, а выбор зависит от него самого и традиций того сообщества, к которому они принадлежит.

1.4. Конструктивистский этносимволизм Энтони Смита и проблемы «исторического» в теориях национализма

Британский социолог Энтони Смит – один из крупнейших специалистов по теории и истории национализма. В начале этой лекции скажем несколько слов об Энтони Смите – одном из крупнейших британских социологов. Энтони Смит получил образование в Водхэм-колледже Оксфордского Университета. Степени магистра и доктора Смит получил в Лондонской школе экономике, где позднее и преподавал. В современное национализмоведеление Энтони Смит вошел как автор фундаментальных работ, посвященных различным аспектам нации, национализмов, идентичностей, этничностей²⁵⁵. Кроме этого он – редактор ряда монографий о национализме²⁵⁶. Исследования Э. Смита переведены на ряд языков, в том числе – и Восточной Европы²⁵⁷.

Среди своих коллег Смит выделяется тем, что пытается синтезировать истую веру примордиализма в изначальность наций с различными модер-

²⁵⁵ Smith A.D. Theories of Nationalism / A.D. Smith. – L., 1971; Smith A.D. Nationalism in the Twentieth Century / A.D. Smith. – Oxford, 1979; Smith A.D. The Ethnic Revival in the Modern World / A.D. Smith. – Cambridge, 1981; Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations / A.D. Smith. – Oxford, 1986; Smith A.D. National Identity / A.D. Smith. – L., 1991; Smith A.D. Nations and Nationalism in a Global Era / A.D. Smith. – Cambridge, 1995; Smith A.D. Nationalism and Modernism / A.D. Smith. – L., 1998; Smith A.D. Myths and Memories of the Nation / A.D. Smith. – Oxford – NY., 1999; Smith A.D. The Nation in History / A.D. Smith. – Hanover, 2000; Smith A.D. National identity and myths of ethnic descent / A.D. Smith // Research in Social Movements, Conflict and Change. – 1984. – No 7. – P. 95 – 130; Smith A.D. History and liberty: dilemmas of loyalty in Western democracies / A.D. Smith // Ethnic and Racial Studies. – 1986. – Vol. 9. – No 1. – P. 43 – 65; Smith A.D. The myth of the «modern nation» and the myths of nations / A.D. Smith // Ethnic and Racial Studies. – 1988. – Vol. 11. – No 1. – P. 1 – 26; Smith A.D. Art and nationalism in Europe / A.D. Smith // De onmacht van bet grote: Cultuur in Europa, ed. J.C.H.Blom. – Amsterdam, 1993. – P. 64 – 80.

²⁵⁶ Nationalist Movements / ed. A.D. Smith. – L., 1976.

²⁵⁷ По числу переводов книг Э. Смита лидирует Украина, где исследования британского автора стали выходить в первой половине 1990-х годов. См.: Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994; Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004; Сміт Е. Нації та націоналізм в глобальну епоху / Е. Сміт. – Київ, 2006. К сожалению, на русском языке вышло не так много работ Энтони Смита. См.: Смит Э. Национализм и модернизм. Краткий обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. – М., 2004; Смит Э. Национализм и истории // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236 – 263.

нистскими и конструктивистскими теоретическими подходами. По словам Энтони Смита, его собственный концепт наций и национализма следует определять как «этносимволизм»²⁵⁸. В работах Энтони Смита «этносимволизм» превращается в своеобразный ответ на модернистский вызов. Именно исследователи-модернисты во второй половине XX века почти монополизировали сферу изучения национализма, в результате чего в западном национализмоведеении сложилась мощная модернистская традиция.

Комментируя ситуацию, Энтони Смит саркастически замечает, что «...ныне существует общепринятая “история национализма” и ясно, что она модернистская...»²⁵⁹. Что понимает Энтони Смит под «этносимволизмом»? По его мнению, этносимволизм избавлен от крайностей, характерных как для примордиализма, так и модернизма. Причем, последний, по словам Э. Смита, просто не в состоянии «...проникнуть во внутренний мир национализма...»²⁶⁰. Энтони Смит склонен позиционировать этносимволизм как своеобразный компромисс тех, для кого в одинаковой степени важно историческое прошлое своей или чужой нации и современная методология социальных наук.

Если, по мнению Э. Смита, примордиалисты излишнее внимание уделяют идее изначальности наций, а модернисты – их современности, то в рамках этносимволизма возможен анализ того, что для примордиалистов естественно, а для модернистов – непринципиально. Речь идет о «...роли субъективных элементов в выживании этносов, формировании нация и влиянии национализма...»²⁶¹. Согласно Энтони Смит, этносимволизм освобождает исследователя от тех крайностей, которые характерны для других теорий национализма. В частности, этносимволизм позволяет не сосредотачиваться исключительно на роли в процессе развития нации и национализма носителей «высокой культуры», о которой, в частности, много в свое время писал Э. Геллнер.

В такой ситуации этносимволисты в своих исследованиях пытаются синтезировать изучение народной и высокой культур²⁶². Смит полагает, что этносимволизм может помочь ученому выяснить, почему те или иные традиции, унаследованные нацией от донационального периода, трансформировались и успешно функционируют в новом, национальном, контексте, а другие уступили место традициям и ритуалам, придуманным националистами-интеллектуалами²⁶³. Иными словами, этносимволизм может помочь понять механизм изменений в процессе трансформации этнической группы в нацию. Другой аргумент Э. Смита против модернистского пони-

²⁵⁸ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія / Е. Сміт. – Київ, 2004. – С. 11.

²⁵⁹ Там же. – С. 83.

²⁶⁰ Там же. – С. 61.

²⁶¹ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 58.

²⁶² Smith A.D. Nationalism and classical social theory / A.D. Smith // British Journal of Sociology. – 1983. – Vol. 34. – No 1. – P. 19 – 38.

²⁶³ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 59.

мания национализма сводится к тому, что в исследованиях, написанных с позиций модернизма, мы сталкиваемся с крайне незначительным временным периодом, который насчитывает от трех до четырех столетий.

По мнению Смита, это ведет к тому, что из сферы внимания выпадает немало дискурсов, которые вполне можно интерпретировать в категориях национализма. Если же исследователь обратиться к более ранней истории, то, по словам Э. Смита, этносимволизм даст возможность «...уделить внимание тому вопросу, как предшествующие нации формы коллективной идентичности могут влиять на возникновение наций...»²⁶⁴. Подобно большинству своих коллег, Энтони Смит избегает давать единое и целостное определение национализма, указывая на его связь с целым рядом феноменов, среди которых неизбежно фигурируют нация, национальная идентичность и национальное государство. Смит считает, что национализм, хотя и принадлежит к числу политически важных и значимых идеологий, тем не менее, не следует преувеличивать его значение.

Вероятно, и националистам и исследователям националистического феномена надо понять, что «золотой век» национализма остался в прошлом. На современном этапе значение и влияние национализма крайне ограничено: «...национализм только на непродолжительное время приобретает первостепенное значение – в период государственных кризисов, внешней опасности, завоевания и защиты территории или в период внутреннего господства враждебной этнической или культурной группы...»²⁶⁵. Энтони Смит полагает, что нормальное и продуктивное изучение национализма в рамках одной гуманитарной дисциплины не является возможным в силу того, что «...национализм имеет свои правила, ритм и память, которые формируют интересы его сторонников, чем они сами очерчивают контуры национализма...»²⁶⁶.

Поэтому, исследования национализма – это всегда (или почти всегда) исследования междисциплинарные. Автор, задавший целью изучить националистический феномен в одной конкретно взятой стране, не может апеллировать к своим знаниям только в сфере социологии или политической наук – ему неизбежно придется привлекать данные других наук, среди которых литературоведение, история, языкознание, антропология. Но Э. Смит не ограничивается только попыткой утвердить исследования национализма, как исследования, развивающиеся на грани различных наук, и, как результат, разных методологических подходов, которые требуют исследования владения инструментарием разных наук.

Среди наук, о которых пишет Энтони Смит, история упомянута неслучайно. Мы помним из первой лекции, что среди своих коллег, убежденных в том, что нации являются продуктом современной истории, Смит

²⁶⁴ Там же. – С. 58.

²⁶⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 29.

²⁶⁶ Там же. – С. 10.

с его верой в глубинные исторические корни и истоки наций, с его примордиализмом в этносимволистской редакции выглядит едва ли не маргиналом и аутсайдером. Но в такой ситуации ни в коем случае не следует сводить теорию Энтони Смита до модернизированного, облаченного в одежды академической науки, примордиализма.

Смит, критикуя современные теории наций и национализма, предпочитает об историчности наций не в категориях политической и описательной истории, где нередко доминирует патриотическая или националистическая парадигма, а в категориях «...этнической идентичности и общности, которые и составляют исторические и социальные основания наций и национализма...»²⁶⁷. Смит резко выступает против узких теорий национализма, которые дают исследователю возможность интеллектуального маневра в рамках исключительно политической науки. Сложно не согласиться с идеей Смита о том, что «...значение национализма не ограничивается только миром политики... это – и культурный и интеллектуальный фактор потому, что современный мир наций определяет структуры нашего мировоззрения и наши системы символов...»²⁶⁸.

С другой стороны, подобно своим коллегам, Смит констатирует небывалый рост националистических настроений, которые периодически охватывали и продолжают охватывать различные страны и континенты. В отличие от коллег-модернистов, которые пишут свои работы преимущественно в силе политического анализа в сочетании с экскурсами в историю, социологию, культурологию и антропологию, Смит не считает нужным скрывать того, что видит причины периодически случающихся националистических ренессансов не в политике, а в том, что за каждой нацией, и, как результат, национализмом стоит целый комплекс этнических или исторических предпосылок²⁶⁹. Смит пишет, что некоторым нациям изначально и психологически присущ национализм. Иными словами, человек биологически предрасположен к тому, чтобы быть националистом.

В этом контексте Смит сравнивает национальное / националистическое чувство с религиозным²⁷⁰, указывая, что они почти изначально характерны для самой природы человеческой личности. В такой ситуации конфликты на Балканах, Кавказе и на Ближнем Востоке являются вторично политическими в то время, как их истоки следует искать в национальных проблемах, взаимных претензиях и в том, что участники этих конфликтов изначально диаметрально отличны друг от друга. Развивая идею Энтони Смита, косовский конфликт стал следствием того, что сербы – это сербы, а

²⁶⁷ Там же. – С. 9.

²⁶⁸ Там же. – С. 10.

²⁶⁹ Smith A.D. War and ethnicity: the role of warfare in the formation, self-images and cohesion of ethnic communities / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1981. – Vol. 4. – No 4. – P. 375 – 397; Smith A.D. Ethnic and nation in the modern world / A.D. Smith // *Millennium: Journal of International Studies*. – 1985. – Vol. 14. – No 2. – P. 127 – 142.

²⁷⁰ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 10.

албанцы - албанцы. Чеченский конфликт так же разгорелся из-за того, что есть русские и есть чеченцы.

С таким односторонним объяснением трудно согласиться, так как оно исключает и фактически игнорирует целый комплекс немаловажных факторов, сводя все к «этническим чувствам» и «националистическим стремлениям»²⁷¹. Анализируя концепцию Смита, нам не следует и впадать в другую крайность. Смит не абсолютизирует и не идеализирует значение национализма. Наоборот, он не отрицает того, что национализму присуща своеобразная интеллектуальная нищета. Национализм не стал ни наукой, ни философией, ни религией. Национализм не породил своих гениальных мыслителей, как это успешно смогли сделать, например, философия и религия.

Национализм на этом фоне интересен тем, что отдельные великие философы и ученые в своих странах постепенно приобрели репутацию националистов, а иногда и отцов той или иной нации, того или иного национализма: «...национализму не хватало великих мыслителей, но он, точнее - понятие нации, привлек значительное количество великих деятелей культуры – писателей, художников, историков, филологов – которые посвятили свою деятельность исследованию и репрезентации идентичности и образа своих собственных наций...»²⁷². В этом контексте проявилась великая способность национализма адаптироваться и синтезироваться с другими политическими и философскими течениями. В силу этой способности национализм на протяжении своей истории приобрел массу разнообразных дискурсов, что затрудняет определение самого феномена «национализм» в целом.

Комментируя объективные трудности выработки дефиниции, Э. Смит констатирует, что большинство своих значений национализм приобрел относительно недавно – в XX столетии. По мнению Э. Смита, выработку единого определения усложняет то, что национализм может проявляться в совершенно различных процессах. В такой ситуации под национализмом в зависимости от ситуации мы можем понимать «...процесс создания и становления наций...», «...чувство и сознание принадлежности к нации...», «...язык и символику нации...», «...социальное и политическое движение от имени нации...», «...доктрину и / или идеологию нации, общую и конкретную...»²⁷³.

Смит полагает, что каждая из этих дефиниций проливает свет лишь на одну из сторон сложного националистического феномена. Поэтому, им предлагается компромиссное определение национализма как одновременно «...языка, символики, социально-политического движения и идеологий

²⁷¹ Там же. – С. 9.

²⁷² Там же. – С. 10.

²⁷³ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 13.

нации...»²⁷⁴. В этом определении Смит ставит перед собой задачу едва ли выполнимую. Он не просто пытается помирить примордиалистов (отсюда – язык и символика) с институционалистами-модернистами. Смит пытается помирить марксистов с их оппонентами. Иными словами, он пытается анализировать национализм в социально-экономических категориях, не забывая при этом и про символический аспект наций и национализма.

В такой ситуации национализм для Э. Смита социально и экономически маркированный и детерминированный феномен. Смит, видимо, и сам понимает всю парадоксальность ситуации, но пишет, что в то время как исследователи склонны видеть в национализме «...социально-политическое движение, которое наделяет определенным смыслом и значением культуру...», то сами националисты определяют национализм иначе, как «...новое прочтение своей истории, возрождение родного языка при помощи языкознания и лексикографии, развитие своей литературы, обновление национальных искусств...»²⁷⁵. Таким образом, Энтони Смит пишет о двух, достаточно сложно синтезируемых, определениях национализма.

Смит и сам затрудняется в определении однозначно верной концепции национализма, полагая, что такая невозможна в принципе. Как компромиссный вариант определения национализма Э. Смит предлагает следующее: «...национализм – это идеология, которая ставит в центр своих интересов нацию и пытается содействовать ее расцвету...»²⁷⁶. Сложность формулирования дефиниции национализма состоит в соотношении двух тесно связанных понятий – нации и национализма. Смит указывает, что в некоторых определениях мы изначально сталкиваемся с ссылкой на нацию, а уже потом возникает национализм. Комментируя это, он пишет, что «...не следует думать, что нации существовали раньше самого факта появления своих национализмов...». Смит, напротив, указывает на интересный феномен существования наций без национализма и / или национализма без наций.

Но Смит считает, что такая ситуация является исключением, а не правилом. Поэтому, анализируя национализм, исследователю следует принимать во внимание тот фактор, что «...любой национализм в той или иной степени касается проблем национальной идентичности...»²⁷⁷. В этой связи Смит указывает на то, что развитие национализма в различных регионах имеет свои локальные особенности и, поэтому, история различных национализмов в разной мере демонстрирует нам и социально-политическое и культурное движение. Смит полагает, что исторически националистическое движение может начинаться не с митингов протеста, а с «...появления

²⁷⁴ Там же. – С. 14.

²⁷⁵ Там же. – С. 14.

²⁷⁶ Там же. – С. 16.

²⁷⁷ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 17.

литературных обществ, исторических исследований, музыкальных фестивалей и журналов...»²⁷⁸.

Поэтому «...историки и языковеды, художники и композиторы, поэты, писатели-романисты и кинорежиссеры...»²⁷⁹ нередко монополизировали не просто саму национальную идею, но и националистическое движение в целом. В такой ситуации может возникнуть вопрос «Это – культура, где же здесь национализм». Примечательно то, что такой вопрос почти не возникнет в студенческой аудитории европейского или американского университета, но может прозвучать в российском университете. Такой вопрос, вероятно, не возникнет в восточно-европейском, азиатском или африканском университете, где преподавание истории литературы ведется едва ли не как истории национального / национально-освободительного движения.

Проблема в том, что большинство сегодняшних студентов российских университетов получили среднее образование в школе, где, например, на уроках литературы они были вынуждены слушать о гуманитарном и общечеловеческом значении и содержании произведений Н. Карамзина, А.С. Пушкина, Н. Лескова, М.Ю. Лермонтова. Иными словами, они получили крайне односторонние знания о развитии русской литературы. Фактически литература, литературная деятельность, писательство были каналами проявления и трансляции активно формировавшейся русской идентичности, хотя и в форме «высокой культуры». Между тем, история национализма показывает, что литература на национальном языке – один из мощных источников национальной / националистической активности и политического движения, которое использует националистические лозунги.

Выше мы приводили несколько дефиниций национализма, и в одной из них фигурировал символизм. На этом аспекте теории Э. Смита следует остановиться подробнее. Под символизмом Э. Смит понимает одну из потенций национализма, которая апеллирует к тем категориям и истинам, которые для большинства националистов принадлежат к числу непогрешимых добродетелей нации. Среди всех этих добродетелей на первое место следует ставить «коллективное собственное имя», то есть название нации. В данном случае не могу не процитировать самого Энтони Смита: «...по мнению националистов, как и враждующих веронских семейств “роза с другим именем не будет так сладко пахнуть”...»²⁸⁰.

Классический пример, которые подчеркивает, что «...символика наций начинала жить самостоятельно...»²⁸¹, спор между греческими и македонскими националистами относительно самого названия «Македония» и стоящего за ним этнонима «македонцы». Комментируя греко-македонский националистический диспут, Смит пишет, что «...взятое из прошлого на-

²⁷⁸ Там же. – С. 14.

²⁷⁹ Там же. – С. 15.

²⁸⁰ Смит Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 15.

²⁸¹ Там же. – С. 15.

звание призвано подчеркнуть национальную выразительность, героизм, ощущение общей судьбы, возродить эти черты в представителях нации, то же самое с государственным флагом...»²⁸².

Вероятно, пример с Македонией – удачный (в смысле иллюстрации ситуации) пример. Греко-македонский спор далек от разрешения, о чем в частности свидетельствует то, как Республика Македония фигурирует в международных организациях. Пока мы будем видеть «FYROM» (Former Yugoslav Republic of Macedonia) вместо «Republic of Macedonia», конфликт двух националистических традиций, который превратился в спор о словах и символах, будет далек от разрешения. В центре этих дискуссий лежит проблема нации – того, что может или не может быть нацией или претендовать на статус нации.

Смит указывает на две возможные перцепции нации – первая характерная для самих националистов, а вторая для тех, кто занимается изучением их деятельности. Отличительная черта концепции Э. Смита в том, что он наряду с понятием нация использует и понятие «этнос» в то время, как значительная часть исследователей национализма предпочитает отталкиваться от нации без отнoса, предпочитая писать о различных культурных типах, уровнях и сообществах²⁸³. Комментируя понятие «этнос», Смит пишет, что под ним мы можем понимать «...человеческую общность, связанную с родным краем, для которой характерны общие мифы о происхождении, общая память, один или больше элементов общей культуры и некоторая солидарность, в первую очередь – среди элиты...»²⁸⁴.

Смит предостерегает от попыток дать однозначное определение нации в марксистском (в данном случае уместно упомянуть сталинское определение нации как «...стойкой общности людей, которая исторически возникла на базе общности территории, языка, экономической жизни и психологического склада, который проявляется в общности культуры...») и / или антимарксистском (классическим вариантом является определение Б. Андерсона, которое вызывало, вероятно, стойкое раздражение у советских исследователей, так как в корне противоречило приведенному выше сталинскому определению: «...нация представляет собой воображенное политическое сообщество...») духе. Две эти концепции нации могут иметь как общие черты, так и в корне друг от друга отличаться.

Сложно не согласиться с замечанием Смита о том, что националисты нередко идеализируют (и, как результат, искажают) саму идею нации. В связи с этим Энтони Смит пишет, что «...национализм придает особое значение распространяющимся чувствам, пробужденным идеей на-

²⁸² Там же. – С. 15.

²⁸³ Smith A.D. Chosen peoples: why ethnic groups survive / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1992. – Vol. 15. – No 3. – P. 436 – 456; Smith A.D. The origins of nations / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1989. – Vol. 12. – No 3. – P. 340 – 367.

²⁸⁴ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 20.

ции...»²⁸⁵. Поэтому, для националистов нация является общностью, принадлежность которой определяется ощущением этой общности. В такой ситуации в анализе национализма появляется новый, идеологический, дискурс. Иными словами, исследователь в праве анализировать национализм не в категориях политического и / или культурного движения, но в идеологическом контексте.

Энтони Смит не отрицает того, что мы можем воспринимать национализм как «...совокупность основных убеждений, которых придерживается большинство националистов...» или «...некоторые основные идеалы, которые так или иначе присущи каждому национализму...» или даже «...ряд родственных понятий, которые наделяют конкретным содержанием основные абстракции национализма...»²⁸⁶. Смит считает, что развитие националистической идеологии в разных странах универсально. В такой ситуации, по его мнению, можно выделить несколько идей, характерных для любого национализма.

Эти идеи могут быть следующими: «...мир разделен на нации и каждая из них имеет свою историю и характер; нация – единственный источник политической власти; лояльность по отношению к нации важнее других лояльностей; дабы быть свободным человек должен принадлежать к той или иной нации; каждая нация нуждается в самовыражении; всеобщий мир возможен в случае существования отдельных национальных государств...»²⁸⁷. Все эти универсальные националистические ценности не столь универсальны, как могут показаться. Они могут приниматься этническими националистами и отвергаться политическими. Идеи, привлекательные для политических националистов, неприемлемы для сторонников этнического национализма.

Например, обратимся к лояльности в отношении нации, которая, по Энтони Смицу, важнее других лояльностей. В многонациональных и тем более федеративных государствах достаточно сложно проследить реализацию этого националистического принципа. С другой стороны, это еще сложнее сделать в многонациональной стране, пребывающей в условиях политического транзита, конечный результат которого неясен. В этой ситуации, когда в обществе доминирует устойчивая рефлексия о славном (но не демократическом) прошлом может возникнуть странный парадокс, при котором лояльность неким абстрактным и политизированным представлением о некоем великом прошлом куда важнее, чем лояльность относительно демократических ценностей.

В ходе любой университетской дискуссии мы неизбежно обращаемся к опыту наших предшественников, и перед нами встает почти неразрешимая проблема советской историографии. Критическое отношение к ней,

²⁸⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 17.

²⁸⁶ Там же. – С. 28.

²⁸⁷ Там же. – С. 28.

облаченное в чисто научное определение типа «работы советских историков не отражали исторический дискурс во всей его полноте и сложности» нередко может стать поводом для обвинения в отсутствии патриотизма, несмотря на то, что с 1991 года Россия развивается не в рамках советского политического канона. Это подчеркивает то, что в России политическая культура восприятия национализма и культура национализмоописания в рамках академического / университетского сообщества находятся на стадии формирования. Приведенный пример показывает, что сведение нации к одной конкретной идеологии весьма проблематично.

В этом контексте примечательно то, что Смит признает возможность для различных националистов идти к созданию своей нации совершенно различными путями. В такой ситуации сама категория нация приобретает новый дискурс. Нация становится «категорией националистической практики»²⁸⁸. Вероятно, уместна параллель с Бенедиктом Андерсоном и его теорией «воображаемых сообществ». Если у Б. Андерсона нация, «воображаемое сообщество», становится результатом интеллектуальной рефлексии, то у Смита все более откровенно: нация – результат политических устремлений националистов. Проблема определения нации лежит в определении того типа сообщества, каким является нация. В этом контексте, по мнению Э. Смита, следует развести понятия «нация» и «государство».

Нация – это тип общности, а государство – проявление институционализированной деятельности. Понятию нации у Э. Смита предшествует идея этнической общности. Этническая общность, как и нация, является культурно детерминированным феноменом. С другой стороны сообщество на уровне этнической общности не знает признаков и атрибутов, которые характерны для нации. Речь идет о политической доминанте, национальной культуре и территории. Более того, этническая общность, в отличие от нации, не знает самого феномена государства и тем более – национального государства. Комментируя это, Смит писал, что понимает под нацией «...человеческое сообщество, которое живет на родной земле, имеет общие мифы, общую историю, общую национальную культуру, единую экономику, единые права и обязанности для всех ее представителей...»²⁸⁹.

С другой стороны, «...нация, чтобы действительно стать нацией, должна иметь свою собственную родину на протяжении относительно длительного времени...»²⁹⁰. Вероятно, под родиной Смит понимает национальное государство, и в этой ситуации мы можем выстроить цепочку соответствий следующего порядка «немцы – Германия», «французы – Франция», «итальянцы – Италия», «португальцы – Португалия». В этот логический ряд теперь вполне вписываются и восточноевропейские нации со своими национальными государствами: «поляки – Польша», «украинцы –

²⁸⁸ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 18.

²⁸⁹ Там же. – С. 19.

²⁹⁰ Там же. – С. 19.

Украина», «словаки – Словакия», «латыши – Латвия»... Европа (как думают некоторые европейские националисты, с которыми вполне солидарны некоторые маргиналы в России) однако не заканчивается на европейских границах Российской Федерации.

В такой ситуации на территории Европы проживает ряд наций, которые не имеют национального государства в европейском понимании, но, тем не менее, эти группы являются нациями. Это понимает и Смит, который констатирует, что «...мы же видим, что для нации не обязательно иметь свое собственное независимое государство, а достаточно иметь статус автономии и свое отечество...»²⁹¹. Вероятно, это утверждение Э. Смита наилучшим образом иллюстрируют две европейские страны – Испания и Российская Федерация. И каталонцы, и баски, и галисийцы в Испании, и чуваша, и эрзя, и мари в России имеют свои автономии и национализмы.

С другой стороны, Испания и Россия не самые удачные объекты для сравнения в виду того, что, например, в Каталонии права каталонского языка реализуются в полном масштабе в то время, как в субъектах РФ статус национальных языков нередко не идет дальше конституционных деклараций. Помните, выше мы привели определение двух понятий, которыми оперирует Э. Смит – этнос и нация. В этом контексте я задам аудитории несколько провокационный вопрос. Посмотрите на современную карту Российской Федерации и попытайтесь, отталкиваясь от территориально-административного деления, ответить на вопрос, кто в России является этносом, и кто нацией. Можем ли мы в этой ситуации говорить о том, что русские могут быть определены как нация?

Комментируя подобную ситуацию, Э. Смит пишет, что иногда является крайне полезным «...перейти от идеализированных примеров до эмпирических в силу того, что здесь мы сталкиваемся с исключениями из правил и тем, что наше понимание проблемы будет приблизительным...»²⁹². Попытаемся встать на позицию сторонников политического определения нации, элементы которого мы можем найти, например, у Э. Геллнера, о котором мы с вами говорили в одной из предыдущих лекций. В России мы не найдем совпадения этнического и политического принципа не только для русских, но и для чувашей, татар, мари и других наций. Если мы попытаемся мыслить как ортодоксальные сторонники политического прочтения феномена наций и национализма, русские в этом контексте – не нация, а в лучшем случае – этническая общность.

С таким определением не согласится, вероятно, не один русский и не один серьезный западный исследователь. Это подчеркивает, что не следует верить во всесильность и непогрешимость политической перцепции национального. В этом отношении теория Б. Андерсона может отказаться более продуктивной. В контексте «воображаемых сообществ» русские, ма-

²⁹¹ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 19.

²⁹² Там же. – С. 21.

ри, чувашаи, эрзя, татары, мокша – все эти общности являются нациями. Не исключено, что, например, чувашаи или эрзя более подпадают под андерсоновскую дефиницию «воображаемых сообществ», то есть наций, чем русские. Это происходит не от того, что, например, чувашаи или эрзя являются искусственно структурированными группами (как тшятся доказать некоторые русские маргинальные крайние националисты), но это стало результатом того, что чувство принадлежности к нации, осознание общей истории (то есть то, что мы можем определить как идентичность или степень ее развития и проявления в общественно-политическом и культурном дискурсе) у некоторых чувашских или эрзянских интеллектуалов развито больше чем у русских.

В данном контексте нам следует остановиться и на проблеме государственного патриотизма и этнического национализма. Энтони Смит полагает, что в некоторых западных странах сосуществуют эти два явления. Например, в Великобритании параллельно развивается государственный патриотизм / национализм англичан и противостоящие ему этнические национализмы шотландцев и уэльсцев²⁹³. В Российской Федерации сложилась (или пока только складывается) похожая (правда, со значительными региональными особенностями) ситуация. Русский и местные национализмы развиваются в одинаковой степени как государственные и этнические из-за того, что и за русским национализмом и национализмом, например, чувашским, эрзянским или татарским стоит своя идентичность.

В отличие от советской и современной российской традиции изучения и исследования национализма для Э. Смита идентичность является подвижной категорией. В такой ситуации, по его словам, сама идентичность постепенно обретает ситуативный характер и формируется феномен т.н. «сложной идентичности». Иными словами, Смит пытается доказать, что возможен свободный выбор уже существующей идентичности или формирование принципиально нового идентичностного типа на уровне не только отдельного индивида, но и целых сообществ. Энтони Смит, комментируя феномен идентичности, пишет, что «...может возникнуть неверное впечатление, что идентичности статичны и неизменны.... это совсем не так... культурные идентичности и сообществ подвергаются изменениям и разрушению, и эти перемены могут быть постепенны и всеобщи или внезапны и фрагментарны...»²⁹⁴.

В такой ситуации любые сообщества обречены на «этносимволическую реконструкцию» – периодическое осмысление, переосмысление и обновление своих собственных идентичностных типов. Самый яркий, на мой взгляд, пример подобного плана – попытка в постсоветской России сформировать новый тип русской идентичности (пусть и маргинальной),

²⁹³ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 22.

²⁹⁴ Там же. – С. 25.

который базировался бы на ценностях ислама. Об этом речь пойдет в одной из следующих лекций.

Вернемся к теоретическим рассуждениям Энтони Смита о национализме. Мы помним, что он достаточно широко использует «этническую» терминологию, что самым существенным образом повлияло на ту типологию национализма, которую предлагает Э. Смит. Согласно Смиту мы сожжем выделять два основных националистических типа – этнический и гражданский. Предложив именно такую типологию, Смит пытается отойти от ставшей не просто традиционной, но и проблемной дихотомии классификаций, которая проявляется в делении национализма по географическому признаку – на западный и восточный. Смит не согласен с предложенной еще Г. Коном классификацией, в основе которой лежат различные характеры национализма – гражданский и мирный на Западе и агрессивный на Востоке.

В понимании Э. Смита Восток – это не Ориент Э. Геллнера и Б. Андерсона. Для Смита (впрочем, как и для Г. Кона) Восток – это регион восточнее Рейна, то есть Восточная и Центральная Европа. Смит полагает, что история европейских национализмов показывает, что национализм нельзя делить на типы, исходя из приведенного выше принципа²⁹⁵. Например, в Восточной Европе развивался мирный, преимущественно политический и гражданский, чешский национализм. Можем ли мы с ним по степени развития политической культуры сравнить, например, ирландский национализм, хотя Ирландия географически гораздо ближе к Западной Европе, чем Чехия. Именно поэтому, Э. Смит предлагает по сути своей компромиссный вариант типологии национализма, выделяя гражданский и этнический типы, указывая на то, что развитие националистических движений не только на Востоке и Западе Европы, но и в Азии и Африке, отмечено именно этими типами.

С другой стороны, в такой ситуации мы уже не в праве говорить о том, что в Европе доминировал однозначно гражданский, а на Востоке этнический национализм: национализм ирландцев и басков несет в себе значительный этнический компонент, в грузинском и армянском национализме достаточно непросто отделить этническое содержание от политического, а индонезийский мусульманский национализм со второй половины 1960-х годов становится едва ли не знаменем оппозиционного демократического политического движения. География – крайне ненадежный советчик в изучении национализма. Гораздо полезнее отталкиваться от конкретного политического содержания националистического феномена.

Концепция наций и национализма Э. Смита на фоне других теоретических построений вокруг националистического феномена интересна тем, что он пытается удревнить нацию. Иными словами, те периоды в истории

²⁹⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 43.

человеческой цивилизации, которые однозначно трактовались в категориях сугубо самодостаточной событийной ценности, Энтони Смит пытается проанализировать так, словно тогда уже существовали нации и, может быть, даже национализм. История дала Э. Смиту удачный пример. Это – греки и греческая история²⁹⁶. Казалось бы, как не возникнуть нации и некоему своеобразному национализму в толь развитом социально и экономически сообществе. К тому же греки создали свою письменность и литературу. Именно литература ценный способ для транслирования национальной идеи. Более того, сама историческая наука, то есть систематизированные представления о прошлом своего сообщества, возникают тоже в Греции.

Невольно в такой ситуации у историка может возникнуть соблазн писать о греческой нации, идентичности и национализме античного периода. Казалось бы, положен конец монополии исследователей-модернистов, которые омолодили нации и национализм, определив их возраст в триста, а иногда – в четыреста, лет. Но в этой ситуации Энтони Смит предостерегает от столь однозначных, значительно модернизирующих историю, объяснений. Как бы греческие националисты не лелеяли миф про внеисторичность греческой нации, греческая история кажется все-таки более дискретной, чем непрерывной. Смит считает возможным писать о некоторых национальных и даже идентичностных дискурсах древней истории, но полагает, что это надо делать крайне осторожно.

Энтони Смит полагает, что на этапе истории Древнего Мира имели место скорее отдельные дискурсы идентичности, чем сам феномен национальной идентичности. Яркий пример – хетты²⁹⁷, первый индоевропейский народ, создавший государственность. Хеттской истории вообще «везло» на ее модернизаторов и интерпретаторов в духе феодализма. Проблема в том, что некоторые авторы пытались вообразить хеттов как свое «воображаемое сообщество» с национальной культурой, языком и идентичностью. Вероятно, полностью сложившейся идентичностью (именно в ее национальном контексте) хетты не обладали. Иначе, как мы можем объяснить, что через несколько десятилетий после уничтожения хеттской государственности, исчезают и сами ее создатели. Иными словами, если бы они были носителями того, что мы понимаем под идентичностью, хетты в той или иной форме имели все шансы сохраниться как сообщество.

Энтони Смит не просто указывает на значительный потенциал истории для изучения национализма – по мнению британского исследователя, историки нередко сами принадлежат к числу тех людей, без которых сложно представить развитие национализма в целом ряде государств²⁹⁸.

²⁹⁶ Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – Київ, 1994. – С. 34.

²⁹⁷ Сміт Е. Національна ідентичність. – С. 37.

²⁹⁸ Smith A.D. Nationalism and the historians / A.D. Smith // International Journal of Comparative Sociology. – 1992. – Vol. XXXIII. – No 1 – 2. – P. 58 – 80

Смит пишет, что «...история национализма – это в такой же степени история тех, кто о нем повествует...». Развивая эту мысль, Смит указывает на то, что «...историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в это движение... заложив моральный фундамент для зарождающегося национализма в своих странах... историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготавливали рациональные основания и хартии наций своей мечты...»²⁹⁹. Несколько конкретизируя это наблюдение, Э. Смит пишет, что «...нации создаются в историческом и социологическом воображении...»³⁰⁰. Правда, историки могли быть и среди самых последовательных критиков национализма³⁰¹.

Анализируя сложные отношения историков и национализма, Смит указывает на то, что вторая половина XX века породила крайне скептическое и даже враждебное отношение к национализму в историческом сообществе. Некоторые историки, словно стремясь не допустить повторения масштабных военных конфликтов типа второй мировой войны, отрицали не только национализм, как политический феномен, но и саму нацию, рассматривая ее как искусственно созданную националистами конструкцию. Такой национальный нигилизм неизбежно должен был привести к ответной реакции. В 1990-е годы, в виду распада Советского Союза и СФРЮ, национализм снова встал на повестку дня. В националистических дебатах и дискуссиях история начала играть роль двигателя националистических движений и взаимных претензий. Но Энтони Смит не предлагает ограничиться исключительно этим объяснением.

Истоки этого националистического феномена Энтони Смит предлагает искать в истории. Помните, выше мы говорили про этносимволизм в том контексте, что в его рамках открываются немалые перспективы для изучения национализма в исторической перспективе. История в этом контексте является важным подспорьем для исследователя, особенно тогда, когда изучаемая страна имеет развитую письменную традицию, что обеспечивает его корпусом источников, которые позволяют проанализировать события в изучаемом регионе на протяжении нескольких столетий. Англия – почти идеальная страна для написания истории национализма в духе этносимволизма³⁰².

Если в Восточной Европе национальная / националистическая история насчитывает од двух до трех столетий, то в Англии мы можем пролонгировать период национальной истории, начиная едва ли не с XIV века. В такой ситуации модернистский этап в истории европейских национализмов –

²⁹⁹ См. об этом подробнее: Смит Э. Национализм и историки / Э. Смит // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 236.

³⁰⁰ Смит Э. Национализм и историки. – С. 252.

³⁰¹ Смит Э. Национализм и историки. – С. 236.

³⁰² Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 88 – 89.

только один из этапов³⁰³. Ему предшествовал домодернистский этап. Причем, его внутренняя периодизация является дискуссионной проблемой. В рамках домодерной истории национализма мы можем выделить несколько этапов. Давайте в качестве примера будем использовать Англию.

Первый этап, как пишет Энтони Смит, мы можем датировать X – XV веками, когда существуют несколько локальных групп-сообществ, народный разговорный язык активно записывается и формируется т.н. «народная» литература. Смит полагает, что уже в первый период могут складываться различные идентичности – в первую очередь, местные и региональные³⁰⁴. Второй этап – период между XV и XVII столетиями, когда формируется «высокая» культура, а число существующих локальных сообществ сокращается по причине постепенного размывания границ между ними. Третий период начинается в XVIII веке, когда традиционные институты распадаются под натиском набирающей обороты модернизации³⁰⁵.

Схема, описанная Энтони Смитом, бесспорно интересна, но, к сожалению, сфера ее применения при изучении национализма оказывается крайне узкой. Мы можем использовать ее при изучении национализма в странах с развитым каменным строительством и обязанной ему своим сохранением исторической письменной традицией. Речь идет об Англии, Италии, Франции³⁰⁶ и в некоторой степени скандинавских странах. Вероятно, мы можем переложить этот метод на анализ националистических дискурсов и казусов в Испании и Португалии. Первая интересна на фоне одновременного исторического развития нескольких идентичностных типов – каталонского, кастильского, галисийского. Вполне закономерный вопрос о возможной источниковой базе подобного исследования следует адресовать специалистам по испанской средневековой истории. Не исключено, что подобные исследования могут принести свои интересные результаты и при изучении национализма в Греции, Грузии и Армении. Проблема лежит не в плоскости конкретного анализа, а в сфере готовности исследователя поколебать устоявшиеся модернистские концепции наций и национализма.

³⁰³ Smith A.D. The problem of national identity: ancient, medieval and modern? / A.D. Smith // *Ethnic and Racial Studies*. – 1994. – Vol. 17. – No 3. – P. 375 – 399.

³⁰⁴ Сміт Е. Національна ідентичність. – С. 16.

³⁰⁵ Сміт Е. Націоналізм. Теорія, ідеологія, історія. – С. 90.

³⁰⁶ Smith A.D. The «historical revival» in late eighteenth century England and France / A.D. Smith // *Art History*. – 1979. – Vol. 2. – No 2. – P. 156 – 178.

II. ДИСКУРСЫ «НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА»

2.1. Народный протонационализм и этничность

Рассматривая ранний латышский национализм, историк сталкивается со скудостью источников и крайне малым количеством упоминаний о национализме в немецкой и российской печати того времени. По данной причине, исследование раннего латышского национализма неизбежно будет развиваться вокруг анализа взглядов наиболее ярких его представителей – Индрикиса Страумитса и Яниса Спрогиса, которые в самом общем плане могут быть определены как носители «идей народного освобождения»³⁰⁷.

В латышском случае истоки предпарадигмальной стадии, которая выразилась в переходе в православие, могут быть определены и как социальные. Это наложило и существенный отпечаток на идеи раннего латышского национализма на воззрения И. Страумитса и Я. Спрогиса. Бедность и голод толкали латышских крестьян, в том числе и теоретиков народного протонационализма (Страумитс и Спрогис оба по социальному происхождению были крестьянами), на смену веры. Польский историк Ежи Топольски характеризует бедность как «составную часть механизма исторических перемен в различных сферах»³⁰⁸. При этом для ранних латышских националистов социально-экономические причины не играли роли главных побудительных факторов для перехода в православие. При этом роль социального фактора в формировании латышского национального движения и самосознания не отрицалась даже в западной историографии, в том числе и среди историков-эмигрантов. Ромуалдас Мисюнас и Рейн Таагепера по этому поводу пишут: «появление и рост национального сознания в XIX столетии сопровождался социальной борьбой крестьянства против культурно и этнически чуждой элиты»³⁰⁹.

Латышские национальные деятели того времени, будучи верующими людьми, могли не рассматривать материальные блага в качестве стимула для смены веры. Скорее всего, они руководствовались «ценностями духовной жизни»³¹⁰. Латышские авторы в своем национальном бесправии для поиска выхода из него обратились к религии. Немецкий историк Х.-Х. Нольте отмечает, что, компенсируя тенденции к всеобщей секуляризации,

³⁰⁷ Шишић Ф. Југословенска мисао / Ф. Шишић. - Београд, 1937. - С. 48.

³⁰⁸ Топольский Е. Бедность и достаток как категории исторической концептуализации / Е. Топольский // Одиссей. Человек в истории. Картина мира в народном и ученом сознании. 1994. - М., 1994. - С. 266.

³⁰⁹ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence 1940 – 1990 / R.J. Misiunas, R. Taagepera. - Berkley – LA., 1992. - P. 5.

³¹⁰ Салыгин Е.Н. Теократическое государство / Е.Н. Салыгин. - М., 1999. - С.91.

национализм обретает «почти религиозную святость»³¹¹. Параллельно, предпарадигмальная стадия в развитии любого национализма сопровождается, как правило, острой идейной борьбой и появлением работ, которые несут в себе противоречия эпохи, отражая наличие различных тенденций.

Начало национальной активизации латышей Страумитс связывал в одинаковой степени с российским и германским влиянием. Описывая ситуацию в Латвии, он отмечал, что на ее территории «с давнего времени соседствовали две народности – сильное меньшинство и слабое большинство». При этом отношение Страумитса к немцам однозначно негативное. Что касается России, латышский автор так же согласен далеко не со всеми проявлениями ее внутренней политики в Прибалтике. Он считал, что российские власти всегда смотрели на латышские земли как на чуждый, ненужный им, край, отдав его на откуп местной немецкой знати. Когда же он писал о желании латышей слиться с русским народом, автор, скорее всего, в данном случае не искретен. Россию он рассматривал как один из инструментов ослабления немецкого влияния на латышей. Особое неодобрение Страумитса вызывало то, что российские власти в конфликтах между латышами и немцами поддерживали последних, руководствуясь социальными и экономическими интересами. Подобную политику автор был склонен объяснять слабой осведомленностью российских властей, которые, по его словам, не знали, что в регионе «правит не закон, а обычай»³¹². Такие идеи, выраженные в Записках, говорят о том, что их автор, по терминологии М.С. Джунусова, явно находился в состоянии «амбивалентности патриотических чувств»³¹³, то есть имел двойственное отношение к Латвии, стремясь с одной стороны к распространению православия и слиянию с Россией, с другой, выступая с критикой балтийских немцев.

Упрекая Россию, Индрикис Страумитс значительное внимание уделял критике немцев, которым он приписывал желание отделиться от Российской Империи. «Несчастливая наша Родина подарена немцам, а мы пошли в придачу как рабочий инвентарь», – писал он. Страумитс считал, что именно немцы были распространителями антирусских идей в Прибалтике. Латышский автор указывал на то, что немцы стремятся скрыть царские милости в отношении латышей, а возвеличивают исключительно себя: «мы слышим и нам говорят о русских только худое, а подари немец железного петуха на кирху – об этом прогремят по всей Лифляндии, а милость царя под спудом». Страумитс придерживался мнения, что немцы сознательно не дают латышам развиваться, отстранив их от управления и участия в общественной и экономической жизни: «все доходные места и должности были заняты немцами, даже промыслы были в их руках, латышу туда не было и доступа». Страумитс обвинял немцев в том, что они низвели латышей до

³¹¹ Нольте Х.-Х. Индивидуализм и нация на Западе. – С. 19.

³¹² Записки православного латыша Индрика Страумите. – С. 186, 203.

³¹³ Джунусов М.С. Национализм. Словарь-справочник / М.С. Джунусов. – М., 1998. – С. 31.

уровня быдла, стремясь навязать латышам слово lops («быдло») в качестве самоназвания³¹⁴.

Страумитс был склонен винить немцев во всех несчастьях латышей и их родины – «бедного, бесхлебного края». Латвия, по словам Страумитса, это рай для дворян и ад для местных латышских крестьян. Конфронтация между латышами и немцами в такой ситуации, по словам И. Страумитса, была совершенно естественным явлением: «какие чувства мог питать латыш к дворянству, которое лишило его хлеба и опаивало водкой». Именно немцы, по мысли Страумитса, источник всех проблем латышского населения, именно немцы низвели латышей до того, что те «жили хуже скота». Это проявлялось в полном бесправии латышских крестьян перед немецкими господами, которые, что «вздумали, то и делали»³¹⁵.

Индрикис Страумитс, обладая развитым латышским национальным самосознанием, понимал, что нет ничего более лучшего для привлечения большего числа сторонников как создания особого образа немцев. Немец, в сознании латышского автора, исключительно – враг, господин, от власти которого надо избавиться. В связи с этим Страумитс стремился доказать, что единственным немецким средством в общении с латышами было насилие. Страумитс считал, что немецкие бароны периодически устраивали бойни латышских крестьян, подвергая унижениям и издевательствам всех латышей, независимо от пола и возраста³¹⁶.

Среди немцев Страумитс особо выделял пасторов, которых обвинял в том, что они «портили хороший латышский народ». Немецкие пасторы, по словам латышского автора, самые последовательные сторонники политики дворянства. Именно пасторов обвинял он в идейной поддержке немцев в их угнетении латышского населения. О пасторах, которые были «так умны, учены и набожны», Страумитс писал с явным пренебрежением. Страумитс считал, что пасторы способны лишь на то, чтобы произносить обличительные речи в интересах немецкого дворянства. Латышский автор обвинял пасторов в том, что те ведут светский образ жизни, стремясь ни в чем не отступать от светских господ. «Домашняя и служебная жизнь пасторов была посвящена интересам земным ... они были трубою дворянства ... задача их жизни состояла в том, как бы увеличить свои доходы ... все время они проводили в смотре за ходом хозяйственных работ ... главным их развлечением было ходить на охоту с помещиками, а из-за отсутствия собак для исполнения этой должности сгонялись латыши», - писал Индрикус Страумитс. Автор Записок стал свидетелем все большей секуляризации пасторов, что способствовало отходу латышей от немцев и ослаблению

³¹⁴ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 187 – 188, 203.

³¹⁵ Там же. - С. 195.

³¹⁶ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 249.

германского влияния в их среде. Страумитс отмечал, что пасторы «духовными делами занимались меньше всего, от кирхи и службы уклонялись»³¹⁷.

Страумитс не обошел своим вниманием и попытки онемечивания латышских крестьян немцами. Германизация, разумеется, не могла вызвать у латышского автора никаких симпатий и оценивалась им крайне негативно. Основными проводниками политики онемечивания он называет пасторов. Считая, что попытки германизации в Прибалтике не принесли и не принесут результатов, Страумитс все же пишет о том, что ограниченное число латышей немцы все-таки смогли онемечить. Важнейший канал германизации, согласно Страумитсу, образование, которое немцы давали некоторым латышам при условии принятия ими немецкого языка и немецких традиций. Комментируя усилия немцев, направленные на германизацию, Страумитс писал: «немцы учили латышей, но образование предлагалось им при обязательном условии забыть свой родной язык и даже усвоить себе немецкий выговор, выучиться картавить как немцы и перед каждым латышским словом несколько раз повторять беззвучную немецкую букву *ö*, *ö*, *ö*». Страумитс считал, что такие латыши опасны, так как стремятся «плюнуть на родной язык»³¹⁸.

Понимая необходимость противостояния немцам при помощи русских, Индрикис Страумитс останавливался и на том, как немецкие пасторы относились к России и русским. В своих Записках он свидетельствует о том, что немецкие авторы стремились разжечь в латышской среде недоверие и ненависть к русским. По словам Страумитса, особых успехов в этом направлении немцы достичь не смогли, и латыши стремились к росту контактов с русскими. Страумитс писал, что в своем желании освободить часть латышей от русского влияния, немцы с церковной кафедры утверждали, что «во всех русских лавках понаделаны западни с кольцами, что как только латыш войдет один в лавку, так хозяин ногой надавит кольцо и латыш провалиться, а там его и убьют, а в погребах у русских всегда находят много убитых латышей». Подобные утверждения пасторов Страумитс расценивал как «распущенные в народе немецкие бредни»³¹⁹.

Индрикис Страумитс отмечал и то, что латыши со стороны немцев подвергались и экономической дискриминации. Описывая злключения латышей в Риге, автор отмечал, что латыши не имели права посещать немецкие лавки и покупать товары у немецких торговцев. На попытки латышей войти в немецкие лавки немцы, по словам Страумитса, выгоняли и били латышей³²⁰. Страумитс утверждал, что в Риге немцы в лавках не отвечали на вопросы латышей, деля вид, что не понимают по-латышски. Логика латышских крестьян была такова: входить в немецкие лавки не надо, а

³¹⁷ Там же. - С. 196 – 197, 206 – 207, 211.

³¹⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 215.

³¹⁹ Там же. - С. 239.

³²⁰ Там же. - С. 238.

то «хозяин, пожалуй, прибьет». Если же латыши осмеливались войти, то, по словам Страумитса, немцы все равно их «выводили за волосы»³²¹. На таком фоне в латышской среде возрос интерес ко всему русскому. «Сложилось, наконец, убеждение, что нет на свете народа лучше русского, нет хуже, Гордее, наглее, драчливее, несправедливее немца», - писал И. Страумитс³²².

Начало национальной активизации латышей Страумитс датировал 1840-ми годами и связывал ее с ростом латышско-русских контактов: «латыши стали более чем прежде сближаться с русскими, интересоваться их бытом, всматриваться в их веру, стали сравнивать, проверять и сличать»³²³. Латышский автор считал, что немецкие пасторы и помещики в Латвии были совершенно не готовы к активизации латышского населения. Страумитс отмечал, что немцы не смогли использовать для подавления движения в зародыше шляхту, которую они стремились создать в латышской среде³²⁴. Тем не менее, Страумитс был вынужден признать то, что немецким баронам и пасторам все же удалось внести некоторый раскол в среду латышей: «немцам давно уже удалось привнести в народную массу начало сословного разделения, разбить ее на части, разобщить между собой, противопоставить одну другой»³²⁵. Страумитс придерживался мнения, что движение было «для пасторов было совершенно неожиданное, никогда не приходившее им на ум». Страумитс считал, что движение выразилось в том, что латыши осознали несправедливость ситуации и стали задумываться о своем неравноправном положении: «у латышей, вскормленных и вспоенных всякого рода унижениями, откуда-то взялась способность чувствовать наносимые им оскорбления; мало того, чувство боли стало выясняться и облекаться в форму суждений, даже осуждений»³²⁶.

Одним из первых проявлений национальной активизации латышей Индрикис Страумитс считал появление в Латвии движения гернгутеров. Наиболее активными участниками движения, как показал Страумитс, были представители «деревенской аристократии» - состоятельные крестьяне-хозяева и зажиточные арендаторы³²⁷. Страумитс описывал это движение как совокупность религиозных братств, члены которых «собирались на сходки, рассуждали, предлагали советы и вопросы, постановляли решения». Страумитс был свидетелем того, что гернгутеры «составили себе правила, которые держались в большом секрете, а исполнялись строго с буквальной точностью»³²⁸. Национальная активизация в 1840-е годы в ла-

³²¹ Там же. - С. 242.

³²² Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 244.

³²³ Там же. - С. 231.

³²⁴ Там же. - С. 218.

³²⁵ Там же. - С. 234.

³²⁶ Там же. - С. 231.

³²⁷ Там же. - С. 254.

³²⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 234.

тышской среде носила религиозный характер. Центрами латышской национальной жизни становились молитвенные дома гернгутеров, где те проводили свои собрания, которые, как отмечал Страумитс, немецкие авторы стремились представить как «собрания развратников»³²⁹. Страумитс писал, что братство решило строить дома для проведения там молитв, «проповедовать и учить, проповедников назначать по выбору из своей среды при тщательном испытании поведения, познаний и ревности». Страумитс отмечал, что наряду с национальным самосознанием латышские гернгутеры были религиозными фанатиками, посещения коллективные моления за 90 верст от своих хуторов³³⁰. Гернгутеры, по словам Страумитса, развернули активную деятельность, «работали неутомимо, не оглядываясь на насмешки и поношения, сыпавшиеся на их головы»³³¹. Их деятельность имела свои позитивные результаты, так как благодаря усилиям гернгутерских проповедников немало крестьян научились читать и писать по-латышски³³².

Скорее всего, в данном случае под религиозными мотивами они скрывали свои национальные цели и устремления. Это предположение может оказаться верным, если принимать во внимание то, что с началом гернгутерского движения в Латвии в крестьянской среде появились проповедники, которые проповедовали на латышском языке. При этом, их проповеди по своей направленности отличались от немецких. Если немецкие пасторы стремились воспитывать латышей в верноподданническом духе, то гернгутеры – в национальном. Страумитс описывал эту ситуацию так: «религиозное вдохновение как будто развязало языки и, в самое короткое время, явились между латышами истинно даровитые проповедники». Наиболее талантливым латышским национальным проповедником Страумитс считал Анджса Курмиса³³³. Немецкий историк Георг фон Раух отмечал, что подобные явления свидетельствовали о том, что среди латышей стали заметны претензии на право создания своей независимой национальной культуры³³⁴.

Индрикис Страумитс анализировал национальную активизацию латышей в религиозных категориях. Переход в православие он рассматривал как «необыкновенное явление среди иноверцев, хвляющихся своей образованностью», как стремление к «истинной вере». Движение в православие им оценивалось положительно, так как в рамках Русской Православной Церкви существовало больше условий и возможностей для использования латышского языка. Именно это движение Страумитс рассматривал как

³²⁹ Там же. - С. 256.

³³⁰ Там же. - С. 235.

³³¹ Там же. - С. 251.

³³² Там же. - С. 256.

³³³ Там же. - С. 236.

³³⁴ Rauch G. von Baltic States. Years of Independence / G. von Rauch. - NY., 1995. - P. 7.

причину, по которой российские власти обратили внимание на положение в Прибалтике. Страумитс совершенно верно отметил и тот факт, что именно в православии немцы увидели угрозу своему господству. Этим он объяснял усиление антилатышской линии немецкого баронства, направленной в первую очередь против православных латышей. Проявлением антилатышских настроений немцев, которые Страумитс испытал на себе, была борьба, направленная против ношения православных нательных крестов, которые немцы, по его словам, называли «собачьими кламберами»³³⁵. Переходя в православие, латыши стремились использовать религию как фактор легитимизации своих действий, которые были направлены против немцев³³⁶.

Описывая национальную активизацию латышей, Страумитс констатировал наличие двух течений. «Между проснувшимися латышами обозначились две группы. У каждой были свои задачи и цели», - писал он. Первая группа латышей, по словам автора, стремилась покинуть Прибалтику, принять православие и поселиться в русских губерниях. Вторая считала необходимым остаться в Латвии, но при условии проведения «своего рода реформации». Противниками обеих этих групп Страумитс считал в одинаковой степени немецких пасторов и помещиков³³⁷. Сторонники переселения связывали свои надежды с Россией. Видимо, имея планы переехать в русские губернии, они не стремились становиться русскими. О «полном слиянии с Россией во всех отношениях» Страумитс, скорее всего, писал ради превращения большего числа сторонников. В действительности, Страумитс считал, что русские крестьяне находятся в более лучшем состоянии, чем латышские. Он полагал, что распространение на латышей русских законов приведет к тому, что возникнут условия для их национального развития. Отвечая на вопросы «Чего же хочет латыш? Чего им все-таки нужно?», он писал, что латыши хотят иметь то, что «имеет Россия, что ей дано: живая вера, один царь, не тысячи царьков, свобода обеспеченного быта и ощущение над собой закона, а не переодетого в закон произвола»³³⁸.

Вторым теоретиком раннего латышского национального движения был Янис Спрогис. Спрогис, как и Индрикис Страумитс, отличался про-российской политической ориентацией. При этом Латвию он считал своей Родиной³³⁹. Это можно объяснить тем, что он получил образование в России, кончив курс в Санкт-Петербургской духовной академии. Позднее Спрогис работал архивариусом виленского центрального архива. Латышский исследователь начала 1990-х годов Л. Черевинчик, комментируя эти

³³⁵ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 185, 200, 211, 214.

³³⁶ Гараджа В.И. Социология религии / В.И. Гараджа. - М., 1996. - С.145.

³³⁷ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 234.

³³⁸ Записки православного латыша Индрика Страумите. - С. 246.

³³⁹ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества» // Даугава. - 1992. - № 4. - С. 134.

факты биографии Спрогиса, отмечал, что он принадлежал в одинаковой степени латышской и русской культурам³⁴⁰, что, скорее всего, является преувеличением, так как Спрогис был латышом, но не русским.

В 1868 году им была издана книга «Памятники латышского народного творчества». Из-за германского засилья в Латвии книга не могла быть издана в Риге или другом городе, расположенном на латышской территории. По данной причине, книга вышла в Вильне, где немецкое влияние практически не ощущалось. На страницах этой книги Спрогис впервые ознакомил русских читателей с латышскими песнями, переведенными на русский язык. Латышские сгруппированы Спрогисом по четырем отделам: 1) вода, воздух, суша; 2) предметы растительности; 3) предметы из царства животных; 4) человек. Рассматривая проблемы латышской национальной культуры, Спрогис особое внимание уделял народным песням. «Латышская народная песня была в уважении в глубокой древности, тогда все начиналось и заканчивалось песней, пели молодые и старые, пели в будни и праздники, песня была так обширна, что обнимала весь мир латышей», - писал латышский деятель. Спрогис считал, что «не было ни одного предмета в латышском хозяйственном быту, даже в кругу отвлеченных понятий древнего латыша, который не был бы обставлен поэтическими образами»³⁴¹. Спрогис с горечью констатировал, что после немецкого завоевания употребление латышской песни стало сокращаться и уменьшаться. В целом, в идеях Спрогиса немало националистического: латышей он идеализировал и относился к ним с особым почтением. К литовцам, например, он таких чувств не питал. «У истых латышей жизнь сохранила часть первобытной простоты»³⁴², - отмечал Спрогис.

Спрогис в своем издании одним из первых пытался выяснить и осмыслить особенности национальной латышской истории. В связи с этим, особенно интересен для него был донемецкий период. Спрогис в некоторой степени идеализировал то время, когда господствовали «понятия языческие». Заслуга Спрогиса состоит в том, что он стремился выяснить проблемы донемецкой истории. Для этого он, в частности, писал: «в доисторической эпохе латышской жизни латышская земля была совершенно свободна от нашествия иноземных завоевателей». Идеализируя раннюю историю латышей, немецкое завоевание рассматривалось Спрогисом как величайшее историческое несчастье латышского народа, которое лишило его возможности самостоятельного политического и культурного развития»³⁴³.

Спрогис был критиком немецкой политики в Латвии. Как латыша с национально ориентированным мировоззрением Спрогиса не устраивало

³⁴⁰ Черевинчик Л. И.Я. Спрогис. - С. 132.

³⁴¹ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 135.

³⁴² О латышских народных песнях // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. - Рига, 1876. - С. 55 – 63.

³⁴³ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 136.

то, какая политика проводится немцами в отношении латышского населения. Спрогис во многом справедливо обвинял немцев в подавлении латышской культуры, попытках германизации латышского населения. Комментируя немецкое засилье, Спрогис писал, что «в настоящее время немецкое господство над латышами достигло зенита своего величия». Именно этим Спрогис объяснял упадок латышской народной культуры, отход латышей от народных традиций, в особенности – песенных³⁴⁴.

В предисловии, написанном Спрогисом для издания латышских народных песен, есть ряд элементов от более позднего и развитого национализма. Подобно латышским националистам второй половины XIX – начала XX века, Спрогис идеализирует латышей. Он был склонен к тому, чтобы выделять их из числа соседних народов. Латыши рассматривались им как уникальная и неповторимая общность. В связи с этим Спрогис писал об «отличительных свойствах латышского поэтического гения», который, по его словам, был «чрезвычайно оригинален и самобытен»³⁴⁵.

Что касается издания народных латышских песен Спрогиса, то в его рамках присутствуют песни, посвященные различным сторонам жизни латышей. Особое внимание он уделил песням о «русских и Русской земле» («Крѣве, крѣву земе»), литовцах («лейши»), пруссаках («пруши»), неметчине («Вацземе»), Риге. Спрогис видимо сознательно отбирал латышские песни опубликованные в своем издании. В песнях о России, с одной стороны, заметен социальный подтекст, что говорит о социальной природе латышского национального движения на раннем этапе: «Крустѣм калта Крѣву земе, Ші кунгѣм ізваргота; Цаур крустѣм Сауле леца, Цаур варгѣм норѣтея» («Из крестов скована Русская земля, а эта обессилена господами; чрез кресты восходит солнце, а через господ заходит»)³⁴⁶.

Кроме этого Спрогисом в народных песнях неоднократно отмечаются положительные связи латышей с русскими и литовцами. Спрогис, видимо, считал, что русские и литовцы могут быть использованы латышами в их борьбе с немцами. Надежды латышского автора на Россию вполне понятны: латышские крестьяне и раннее выражали уверенность в изменении политики в регионе в их пользу, что свидетельствует о традиционной для крестьянства на территории Российской Империи веры в доброго правителя. Что касается литовцев, то Спрогис не видел отличия между ними и латышами, видимо, полагая, что ассимиляция литовцев латышами будут способствовать усилению последних в их с борьбе с немцами: «Крѣвам деу сав' масіню, Патс сев ньему Лейша мейту; Гай Крѣвос, гай Лейшос, Вісур манн зноті – раді» («Русскому я дал свою сестрицу, а сам себе взял Литовку; хожу к Русским, хожу к Литовцам, везде мне зятя – родня»)³⁴⁷.

³⁴⁴ Там же. - С. 136.

³⁴⁵ Там же. - С. 137.

³⁴⁶ О латышских народных песнях. - С. 61.

³⁴⁷ Там же. - С. 61.

Контакты с литовцами рассматривались Спрогисом как доказательство латышской природы литовцев, что на данном этапе (1850 – 1860-е годы) было неудивительно, так как литовский и латышский языки еще не сложились окончательно, а их диалекты были близки. Вера Спрогиса в близость и родство латышей с их литовскими соседями была наивной, отражала многовековые связи двух народов: «Пут, балінь, вара струмпі, Аугста калная галіня: Лай нак серсті тас масіняс, Кас Лейшос ногаюшас» («Труби, братец, в медную трубу, на верху высокой горы: пусть приходят в гости те сестрицы, которые ушли в Литву»). При этом в ряде песен, изданных Спрогисом, присутствуют в отношении Литвы и агрессивные мотивы: «Эс грібею Лейшу земі, Зіл' угуні дедзінат; Тікай вьн ўгадаю, Маса Лейшу робежа» («Я хотел выжечь Литву зеленым огнем; но вспомнил, что сестрица в границах Литвы»)³⁴⁸.

Спрогис был склонен объяснять сложности исторического развития латышей негативным влиянием со стороны соседей, которые тормозили «способности латышей к самостоятельному развитию в одно политическое целое». Проникновения русских, немецкое завоевание, нападения литовцев – это, в концепции Спрогиса, важнейшие факторы, которые негативно влияли на латышей³⁴⁹. Реально оценивая ситуацию, Спрогис понимал, что латыши не в состоянии многое противопоставить немцам и русским. По данной причине, Спрогис «отыгрывался» на литовцах. Поэтому в песнях, подобранных Спрогисом, звучат мотивы необходимости растворения литовцев в латышской среде: «Лейши, Лейши – ман' балінь, Гарам ману сету яя; Мужам Лейши палькат, Я ўкша не накат!» («Литовцы, Литовцы – мои братья, Они проезжают мимо моего дома, на век останетесь Литовцами, если не заедите в мой дом!»)³⁵⁰.

Подбирая песни для издания Спрогис, видимо, нередко руководствовался желанием показать, что латыши не питают к немцам положительных чувств. Поэтому, в песнях в разделе «Вацземе» звучат антинемецкие настроения. Параллельно с принижением всего немецкого Спрогис стремился возвеличить все латышское, принизить немецкое. По данной причине, немцы, в изображении Спрогиса, не только господа и помещики, опасные люди, но и глупые существа. Будучи угнетены национально и социально, латыши стремились компенсировать свои проблемы высмеивая и критикуя все немецкое с позиций народного традиционного крестьянского сознания: «Ше невайд таду коку, Каді кокі Вацземе; Вірз акменя Берзыньш ауга, Зелта пога галіня» («Здесь нет таких деревьев, какия деревья в Неметчине, На камне растет береза, На ее макушке золотая почка»), «Эс аскалу ванадзіню, Айзсутію Вацземе, Вацземньку бринояс, Видземс путті брункс нес» («Я

³⁴⁸ О латышских народных песнях. - С. 61.

³⁴⁹ Предисловие к сборнику «Памятники латышского народного творчества». - С. 137.

³⁵⁰ О латышских народных песнях. - С. 61.

заковал сокола, Послал его в Неметчину, Удивляются немцы, что Лифляндския птицы носят кольчугу»)³⁵¹.

Антинемецкий настрой Спрогиса проявился и в тех песнях, подобранных им для публикации, которые были посвящены Риге. Отличительная черта песен данного раздела – Рига постепенно все более осознается как именно латышский город, несмотря на то, что большинство городского населения составляли немцы. При этом Спрогис осознавал и то, что процветание Риги не является результатом немецкого труда. Спрогис исходил из того, что благополучие главного немецкого города региона – результат угнетения латышей немцами: «Рига! Рига! Скайста, скайста! Кас то скайсту даріная? Відземнъку сура вара, Пакавоті кумеліны» («Рига! Рига! Красива она, Но кто ее сделал красивою? Тяжелая неволя Лифляндцев. Их подкопанные кони»)³⁵².

Особенное внимание Янис Спрогис уделил подбору песен о «чужих людях». Судя по песням, отношение составителя сборника к разного рода инородцам было отрицательным. Отличительная черта данных песен состоит в том, что инородцы рассматриваются им как опасные «чужие люди», которые несут латышам только вред, от которых латышскому населению угрожает опасность. Инородцы, в изображении Спрогиса, способны только на то, чтобы угнетать латышей, расхищать латышские богатства. Особенно Спрогис негативно относился к тому, что инородцы вывозили из Латвии латышек, что отрывало их от их национальных корней³⁵³.

Спрогис был одним из первых, кто уделил внимание особенностям языческой латышской донемецкой культуры. Заслуга Спрогиса в данном направлении состоит в том, что он подобрал целый ряд песен, где широко представлены языческие мотивы, упомянуты имена латышских донемецких языческих богов. Спрогис упоминает Диевса – Бога. Он описывает бога с традиционных крестьянских позиций. В понимании Спрогиса Диевс – Бог может «тихо, тихо ездить с горы в долину», он ездит «на дымчатом коне, который приносит листья деревьям». Через седло коня Бога «всходит солнце, через его узду – луна». Спрогис был одним из первых, кто описал Перконса – героя латышской языческой мифологии³⁵⁴.

Увлекаясь идеей транскрипции литовских и латышских текстов русскими буквами, Спрогис противодействовал возникновению местной народной письменности для литовцев. Его политические взгляды не помешали ему, однако, отыскать три документа западнорусской юридической письменности 1651, 1701, 1750 годов. Спрогис, основываясь на этих ис-

³⁵¹ Там же. - С. 62.

³⁵² О латышских народных песнях. - С. 62.

³⁵³ Латышские народные песни в переводе И. Спрогиса. Отдел четвертый // Даугава. - 1993. - № 1. - С. 119.

³⁵⁴ Латышские народные песни в переводе И. Спрогиса. Отдел пятый // Даугава. - 1993. - № 4. - С. 148 – 150.

точниках, доказал, что присяга произносилась на суде на литовском языке, а тексты были записаны латинскими буквами³⁵⁵. Спрогис считал, что литовцы лишь часть латышей и со временем они должны перейти на латышский язык, который он и старался им привить, используя кириллицу и латышские языковые формы.³⁵⁶ При этом латышские историки языка неоднократно отмечали несоответствие русской кириллицы нормам латышского языка и находили значительные недостатки в издании Я. Спрогиса³⁵⁷.

Появление латышского национализма, имевшее форму «политизации народной культуры»³⁵⁸ через смену религиозной парадигмы, что стало своего рода «религиозной терапией»³⁵⁹ для угнетенного латышского крестьянина, в 1840-е годы не могло остаться незамеченным. При этом влияние данных событий на латышей было не столь значительным. События 1840-х годов были своего рода «национальной эмансипацией крестьянского народа», так как латыши поголовно были крестьянами, а российское государство и местные правящие круги не воспринимали их самостоятельное общество³⁶⁰. Его появление привело к активизации политической борьбы в регионе, что выразилось в начале активной взаимной критики как немецких политических лидеров, так и теоретиков молодого латышского национализма. Историки Ромуалдас Мисюнас и Рейн Таагепера по данному поводу отмечают, что активный прозелитизм Русской Православной Церкви, который в ряде регионов Латвии и Эстонии развивался вполне успешно, привел не только к активизации конкуренции между православием и протестантизмом, но и к росту числа публикаций на латышском и эстонском языках, то есть началу политической полемики³⁶¹.

Критика раннего латышского национализма связана в основном с изучением истории деятельности Индрикиса Страумитса и движения за переход в православие. Появление такого неоднозначного произведения как страумитовские записки (ставшего одним из признаков национального возбуждения латышей) не могло остаться незамеченным. Несмотря на то, что произведение Страумите нередко несет в себе «упрощенный и стереотипизированный образ действительности»³⁶², оно вызвало отклики. Правда, нередко они касались не самого автора, а Ю. Самарина, выступившего в роли издателя.

³⁵⁵ Известия Императорской Академии Наук. - Т. IV. - 1896.

³⁵⁶ Список работ Спрогиса см.: Витебские Губернские Ведомости. - 1898. - № 136.

³⁵⁷ Черевинчик Л. И.Я. Спрогис. - С. 132.

³⁵⁸ Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 149.

³⁵⁹ О термине см.: Арнаутова Ю.Е. Чудесные исцеления святыми и «народная религиозность» в Средние Века / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. Человек в истории. Представления о власти. 1995. - М., 1995. - С. 151.

³⁶⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. - С. 161 – 162.

³⁶¹ Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. - P. 6.

³⁶² Салыгин Е.Н. Теократическое государство. - С.92.

«Литературные провинности не остаются безнаказанными»³⁶³, - замечает французский историк Р. Шартье. Первыми откликнулись, разумеется, немцы. Именно они восприняли Записки как провинность, при этом – весьма опасную и серьезную. Еще в 1864 году пастор Вальтер, комментируя усиление православия в 1840-е годы писал, что «Лифляндия должна быть исключительно немецкой страной: поэтому, наш главнейший долг защита прав немцев и лютеранской церкви ... из сожаления к исчезающим расам, мы поддерживали их национальность, но между нами не должно быть ни эстов, ни латышей, ни русских – в Лифляндии могут и должны жить только немцы»³⁶⁴. Позднее он утверждал, что опасность в 1840-е годы грозила евангелической церкви и закону и порядку в Прибалтике³⁶⁵. Немецкие авторы, как правило, истоки всех проблем видели в религиозной пропаганде Православной Церкви³⁶⁶.

После этого многие балтийские немецкие деятели стали иначе относиться к латышам – они стали несколько большее внимание уделять вопросам образования латышей. Например, такого мнения придерживался пастор Шац, стремившийся «привлечь латышей к нужному образованию». В 1842 году он отметил, что немцы должны большее внимание уделять и подготовке латышских детей к конфирмации, что исключало бы их последующий переход в православие. В 1845 году пастор К. Бруинингк констатировал необходимость воспитания в латышах набожности и преданности. Похожие идеи и выражала подконтрольная немцам «*Latweeschu Awihzes*» («Латышская газета»), указывавшая на то, что латышам надо дать «не светское образование, а ценности с большим духовным содержанием»³⁶⁷.

Положительную оценку движение за переход в православие получало только в балтийской русской литературе и прессе³⁶⁸. Многие латышские авторы критиковали немецкое лютеранское духовенство: «прибалтийские лютеранские священники всегда были более ненавистными врагами народа, чем сами бароны – они получали свои приходы по милости баронов и

³⁶³ Шартье Р. Культурные истоки французской революции. - С. 75.

³⁶⁴ Цит. по: Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С.111.

³⁶⁵ Bischof Dr. Walter. - Leipzig, 1891.

³⁶⁶ Православие и лютеранство в России. - Лейпциг, 1890.

³⁶⁷ Об этом подробнее см.: Daukste V. Par carisma un Baltijas muižniecībām attiecībām zemnieku skolu un izlītības jautājumos (19.gs. 40. – 50.gadi) / V. Daukste // Германия и Прибалтика. - Рига, 1983. - С. 51 – 65; Даукште В. Сотрудничество остзейского дворянства и лютеранского духовенства по вопросу просвещения латышских крестьян в 1840-х – 1850-х годах (в Курляндии и Лифляндии) / В. Даукште // Германия и Прибалтика. - Рига, 1980. - С. 100 – 113.

³⁶⁸ Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия / Н. Лейсман. - Рига, 1908; Записки священника Полякова об Эйхенангерском приходе // Сборник материалов и статей по истории прибалтийского края. Т.3. - Рига, 1880. - С.515 – 564; Преображенский В.И. Открытие рижского викариатства / В.И. Преображенский // Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской губернии. - Рига, 1894. - Вып. 2; Сахаров С. Православные церкви в Латгалии / С. Сахаров. - Рига, 1939; Гаврилин А. Некоторые вопросы крестьянского движения за переход в православие в 1841 году в Прибалтике в интерпретации апологетов православия / А. Гаврилин // *Latvijas agrārās vēstures jautājumi*. - R., 1984. - lpp.126. – 144.

должны были заботиться о том не только как эксплуатировать крестьян, но и о том, чтобы те были более эксплуатируемыми»³⁶⁹, - писал, например, Фрицис Розиньш-Асис. Более поздние латышские интеллектуалы исходили часто из марксистских позиций. Это было характерно, разумеется, для советской Латвии. В связи с этим, показательны выводы П. Валескална. Обращение в православие он, как ни странно, рассматривал как результат «происков лютеранских пасторов», оценивая его как форму классовой борьбы: «под религиозной оболочкой скрывалась надежда крестьян избавиться от ненавистного ига немецких захватчиков». В целом считалось, что это вело к росту связей между ... латышскими и русскими революционерами³⁷⁰.

Западные интеллектуалы к самаринскому изданию работ Страумите не обращалась. Проблематика перехода в православие присутствует в контексте других тем. Например, Д. Хоскинг указывал на то, что российские власти до определенной степени предпочитали поддерживать латышей в их противостоянии немцам. Ю. Самарина оценивается как «первый русский государственный деятель, который предпринял наступление на немецкое владычество в Прибалтике»³⁷¹. Что касается отечественной реакции, то дореволюционные историки уделяли значительное внимание переходу латышей в православие. В связи с этим показательна концепция П.М. Токарева. Переход в православие объяснялся тем, что крестьяне находились в сложном экономическом положении, бедствовали, при этом они не могли, по его словам, применять насилие, так как понимали бесперспективность подобных действий: «Верующая душа латыша нашла в православии такую обрядность и такое богослужение, которые одновременно давали пищу для ума, воображения и чувства человека, так как доставляли пищу исключительно уму», - писал он. Историк указывал и на то, что в переходе в православие главную опасность увидели немецкие бароны. Именно они, по его словам, стали главными инициаторами повторного обращения в лютеранство. При этом к переходу в православие он относился положительно: «церковь православная была готова принять новых чад»³⁷².

Рассматривая значение предпарадигмальной стадии в латышском национальном движении, можно сравнить ее с родившимся ребенком, о котором не ясно выживет он или нет. Ситуация неопределенности существовала в отношении молодого латышского национализма в 1830 – 1850-е годы. Национализм уже существовал, был выработан определенный комплекс идей. Правда, не было ясно, какова будет их дальнейшая судьба, бы-

³⁶⁹ Розинь Ф. Страница из истории крестьянства. Историко-экономическое исследование аграрных отношений в Прибалтике / Ф. Розинь. - М., 1925.

³⁷⁰ Валескалн П.И. Очерк развития прогрессивной философской и общественно-политической мысли Латвии / П.И. Валескалн. - Рига, 1967. - С. 84 – 85.

³⁷¹ Хоскинг Д. Россия: народ и империя / Д. Хоскинг. - Смоленск, 2000. - С. 395 – 396.

³⁷² Токарев П.М. Краткая история латышского народа. - С. 93 – 98.

ло сложно сказать ждет ли латышей почти полная германизация и существование в такой же обстановке в которой существуют лужицкие сербы. Наряду с германизацией не менее опасной была и перспектива русификации.

Мировоззрение ранних латышских националистов – явление очень сложное и многоплановое. Некоторые историки вообще склонны отрицать наличие национального мировоззрения у тех, кто достаточно легко сменил одну веру на другую. Янис Лицис (1830 – 1906, Индрикис Страумите или Янис Лицитис, по другим источникам) был, скорее всего, именно таким человеком. Это относится и к двум другим лидерам православного движения – к Давидсу Балодису (обратившемуся в православие в 1847 году 2057, а вообще – 7322 латышей) и Янису Спрогису³⁷³. Однако, в латышском случае смена веры не была просто социально вынужденным явлением, так диктовалась скорее всего национальными чувствами. Некоторые историки, рассматривая фактор смены одной веры на другую в национальных движениях считают, что новообращенные не имели национального самосознания, а стремились только к укреплению своего личного престижа и создания особого положения для своих сторонников³⁷⁴. Тем не менее, национальное мировоззрение ранних латышских общественных деятелей – явление очень сложное и многоплановое.

Раннее латышское национальное мировоззрение не может быть сведено к книжному знанию. Мировоззрение националистов данного этапа определялось в значительной степени устной традицией и народной культурой, которая имела древние и отдаленные истоки³⁷⁵. Идеи раннего национального движения обнаруживают свою близость с кружками склонными к инакомыслию и существовавшими в России. Магистральными идеями на данном этапе были веротерпимость, уравнивание религий, развитие морали и т.п. В идеях Яниса Лициса было немало традиционного, что сближает его с более ранними мыслителями. Мировоззрение Лициса стало своего рода латышским переосмыслением немецкой лютеранской религиозности переложенной на традиции русского православия. Таким образом, Лицис-Страмитс в своей доктрине соединил изначально несоединяемые элементы. По данной причине, они и обрели крайне незначительную востребованность со стороны латышей того времени. Вот почему, используя терминологию М. Кертиса, Янис Лицис – Индрикис Страумитс – это «невостребованный интеллект» или «alienated intellectual»³⁷⁶.

³⁷³ Sproģis J. Pašbiografija / J. Sproģis. - R., 1911.

³⁷⁴ Ђоровић В. Босна и Херцеговина / В. Ђоровић. - Београд, 1925. - С. 71 – 72.

³⁷⁵ Гинзбург К. Сыр и черви. - С. 45.

³⁷⁶ По проблеме интеллектуалов, в особенности – невостребованных – и их роли в формировании политических идеологий и движений см.: Curtis M.H. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England / M.H. Curtis // Past and Present. - 1962. - Vol. 23. - P. 25 – 43.

Вместе с тем, история латышского национального движения на этом раннем этапе его развития – это не есть история отдельных политических лидеров и теоретиков, так как таковых в латышской среде тогда еще не существовало. Это, скорее всего, история движения одиночек-маргиналов. «Во все времена, во всех обществах существовали одиночки, способные к бунту против своей социальной среды ... подобные люди играли центральную творческую роль в обновлении типов сознания и поведения людей, оставаясь редким исключением»³⁷⁷, - пишет отечественный культуролог Г.Г. Дилигенский. В целом, признавая правоту выводов Г.Г. Дилигенского, мы можем их несколько конкретизировать для конкретного латышского случая: «бунт» И. Страумите и его сторонников был не просто бунтом против социальной среды – это было возмущение, по преимуществу, религиозного плана; что касается обновления типа сознания, то эти ранние латышские националисты стремились не просто к его новациям, а почти к замене новыми образцами поведения.

События 1840-х годов, связанные с переходом в православие свидетельствуют о том, что доверие к старому политическому и религиозному порядку, который существовал в латышских землях, было в значительной степени подорвано. Подрыв старого порядка выразился в том, что изменились религиозные устремления, ослабли немецкие институты и сократилось их влияние на латышей, которые стали относиться к ним с меньшим уважением. Кроме этого в латышских землях возросла неудовлетворенность незначительного числа образованных латышей относительно существовавшего порядка, своего места в его рамках. Образованные латыши начали испытывать чувство недоверия к немецким авторитетам – началось развитие скептицизма, который «исподволь подточил веру в традиционные ценности и иерархии». Перефразируя слова английского историка Л. Стоуна можно сказать, что без перехода части латышей в православие в 1840-е годы, не возник бы латышский национализм, то есть – без возрождения религиозного не было бы возрождения национального.

Тем не менее, за православной тенденцией в латышском национальном движении не было будущего. Православные латышские деятели, как бы не было велико их влияние, все же оставались национальными маргиналами. Они представляли собой особую субгруппу людей, которая находилась в промежуточном положении между несколькими крупными и более влиятельными группами. Первой группой были балтийские немцы, которые рассматривали Страумитса и его сторонников как угрозу своему политическому доминированию. Второй группой были первые образованные латыши, которые просто не приняли модель, предложенную православными латышами, так как она была чревата полной ассимиляцией. Третьей группой была собственно Российская Империя, власти которой так же не

³⁷⁷ Дилигенский Г.Г. Историческая динамика человеческой индивидуальности / Г.Г. Дилигенский // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. - М., 1994. - С.88.

имели определенной программы развития отношений с православными латышами: для Империи были важны балтийские немцы и, поэтому, от серьезной поддержки латышского православного движения она отказалась.

При этом следует принимать во внимание и то, что победа православного течения в национальном движении могла негативно сказаться на развитии латышей как общности, так как она могла создать предпосылки для русификации. Однако ее крах лишил русификаторскую политику в Латвии опоры и устойчивых оснований. Крах перехода в православие привел к тому, что латыши так и остались узкой, во многом замкнутой, группой, что затрудняло влияние на нее. Безусловно, русификация была затруднена и из-за того, что оставшиеся в лютеранстве или католичестве латыши сохранили свои этнические различия, точнее - отличия от русского населения.

Однако латышский народный протонационализм уже на своем самом раннем этапе истории обладал завидным иммунитетом к внешним опасностям. Ни германизация, ни русификация и распространение православия не смогли подавить национального импульса в среде латышей. Латышское, только что начавшееся движение, колебалось между двумя тенденциями. Это говорит о том, что оно не обрело единой парадигмы, которая определяла бы ее развитие. Отсутствие единой парадигмы проявилось в наличии двух тенденций. Первая была представлена достаточно сильными прорусскими настроениями. Прорусское течение достаточно быстро отмерло как некий атавизм, став движением по преимуществу религиозным; этим самым оно дало волю развития другому крылу в рамках латышского национализма, которое постепенно трансформировалось в сторону младолатышского движения. Второе течение было представлено незначительной группой латышских интеллектуалов, которые были заинтересованы в развитии Латвии на латышской основе без перенесения русских норм. Именно за этой группой оказалось будущее.

Проанализированные события были именно ранним национальным движением которое отличалось: 1) традиционалистско-религиозным содержанием и отсутствием модернового импульса; 2) синкретическим характером (национальные, политические и религиозные идеи не были четко разведены); 3) отсутствием организационной структуры, печатных органов и общепризнанных лидеров.

Поэтому, к 1850-м годам оно сходит с исторической сцены, уступив место зрелому (младолатышскому) движению, которое сочетало политический ориентир на Россию с приоритетом сохранения латышских национальных традиций. Раннее национальное движение уступило место зрелому. Культивирование латышского национального стало парадигмой, которая определяла развитие национального движения, известного как младолатышское, во второй половине XIX века. Таким образом, все массовые движения взаимозаменяемы – одно движение легко может превратиться в другое: значит, религиозное движение со значительным национальным

импульсом в состоянии эволюционировать до движения националистического. События более позднего периода демонстрируют верность этого предположения.

2.2. Периферия, маргиналы и идентичность в процессе развития национализма

XIX век стал периодом формирования современной, модерной, украинской культуры и украинского литературного языка. Этот процесс не протекал стихийно, и становление литературной нормы было связано с деятельностью нескольких поколений украинских исследователей и писателей – первые исследовали язык, вторые его развивали, превращая из народного говора и диалекта в язык литературы. Этот процесс протекал неравномерно и хронологически затянулся до начала XX столетия, когда украинский язык стал похожим на современный литературный украинский язык. Быстрее и активнее всего этот процесс постепенной модернизации и разрушения традиционной культуры протекал в Империи Габсбургов и Империи Романовых – на украинских этнических территориях. На украинской периферии, на границе украинской колонизации, где украинцы были преимущественно крестьянами и контактировали с россиянами и другими нациями, этот процесс шел замедленными темпами. На это влияло отсутствие сильной национально ориентированной украинской интеллигенции, которая могла бы содействовать развитию украиноязычной школы и церкви. С другой стороны, украинский язык не признавался как независимый и отдельный язык, и значительная часть российских исследователей была склонна интерпретировать его как диалект русского языка. Но и в такой ситуации украинские интеллектуалы развивали и культивировали язык, чем заложили основу для активизации национального украинского движения в начале XX века.

Другая ситуация сложилась на территории Венгрии и Балкан, где в XVIII веке появились украинские переселенцы. Развиваясь в относительной изоляции, оторванные от остальных украинских территорий, украинцы установили контакты с местным населением, что оказало очень значительное влияние на развитие украинского языка, изменило ход развития культуры украинцев. Изоляция и отдаленность от украинских исторических земель привели к тому, что принесенные язык и традиции словно законсервировались. Оставшись украинскими, они значительно стали отличаться от тех традиций, которые развивались в Западной Украине и в Империи Романовых. Поэтому, в популярной литературе утвердился стереотип об этом регионе как об одном из русинских центров, центров русинского языка и какой-то особенной русинской идентичности. Научные студии Володымыра Гнатюка, в которых он коснулся разных аспектов

языка и народной культуры украинцев, которые жили на территории Империи Габсбургов, демонстрируют, как развивался русинский дискурс украинской идентичности.

Восточная периферия украинских этнических территорий, расположенная на границе с массивом русскоязычных губерний, Восточная Слобожанщина, как и украинские территории в Венгрии и на Балканах, из этого процесса языкового и политического строительства украинской модерной нации «выпала». Здесь не было ни украинской интеллигенции, ни украиноязычной школы, ни украинской церкви – тех факторов и социальных институтов, которые гарантировали бы не только развитие, но и широкое использование украинского языка. Попытки немногочисленных местных украинских интеллектуалов внести свой вклад в языковое строительство на таком фоне выглядят очень интересными. История Воронежской губернии, в отличие, например, от истории Кубани, не знает значительного числа украинских национально ориентированных деятелей, а украинские районы всегда были периферией, на которые смотрели как на случайные островки украинской колонизации. Самым крупным украинским деятелем Воронежской губернии (и, вероятно, всей Восточной Слобожанщины) можно назвать Митрофана Дикарева, который в 1891 году издал в Воронеже «Очерк воронежского мещанского говора»³⁷⁸.

Активность украинских интеллектуалов в Восточной Слобожанщине имела эпизодический характер, а сами они были не в силах изменить вектор политического, этнического и культурного развития региона. С другой стороны, они и не ставили перед собой такой амбициозной цели. Украинское движение на территории Словакии, на Балканах было намного слабее, чем украинское движение в исторической Украине. Поэтому, заезжие украинские интеллектуалы-исследователи, собиратели народного фольклора были редкими гостями, а их местные коллеги, представители немногочисленной интеллигенции, были не в силах что-либо серьезно изменить. Поэтому украинская история XX века была и историей двух противоречивых процессов. С одной стороны, украинским национальным деятелям стало очевидно, что Украина, которую они строили, далека от единства – политического, экономического, культурного и языкового. XX век – это время существования нескольких Украин. Раскол между ними проходил не только по линии «Восток – Запад». В XX веке от исторических украинских земель постепенно отпадают периферийные территории, где украинская колонизация столкнулась с могучими неукраинскими национальными сообществами, группами и традициями. В результате этого отпадения украинскими перестают быть Восточная Слобожанщина и Кубань (хотя и до это-

³⁷⁸ Кирчанов М.В. Книга М.А. Дикарева «Очерк воронежского мещанского говора» как источник русско-украинских этнических контактов / М.В. Кирчанов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Дикаревские чтения 12. / ред. и сост. М.В. Семенцов. – Краснодар, 2006. – С. 48 – 54.

го украинский компонент в регионе не доминировал), значительно сокращается украинское влияние на Западе, в Словакии, на Юго-Востоке, в Сербии и Хорватии. XX столетие вошло в историю как эпоха разрыва когда-то единого украинского культурного пространства.

Но это украинское единство было условной категорией. Украинцы Империи Габсбургов и Империи Романовых говорили на разных украинских диалектах. Еще больше отличались диалекты украинцев Хорватии и Кубани, Словакии и Восточной Слобожанщины. Но и в такой ситуации украинцы все же смогли сберечь языковое единство. Как бы ни варьировались украинские локальные диалекты, все они были диалектами украинского языка, который переживал процесс стандартизации, перехода от народной стадии, крестьянского языка к языку современной нации, которая владела всеми, свойственными нации, добродетелями. Кроме этого, между украинцами существовало немало религиозных отличий. Социальная специфика Российской Империи и Австро-Венгерской Империи наложила свой отпечаток на развитие украинцев. В ситуации широкой географии украинского населения, география с характерными для нее огромными пространствами, которые стимулировали отличия, была противником украинской народной культуры. Напротив, она только стимулировала и закрепляла патриархальные основы и институты, которые исторически развивались в украинских селениях Украины, Галичины, Хорватии, Кубани, Восточной Слобожанщины.

Народная традиционная украинская культура и язык, далекий от литературной нормы, которую так усиленно культивировали и пропагандировали украинские националисты-интеллектуалы в Империях Романовых и Габсбургов, имели надежного союзника в лице восточной европейской географии. Однако украинские националисты обстоятельно и радикально перекроили эту карту. Процессом, у истоков которого стояли украинские националисты, и который так существенно изменил территорию украинского населения, стала модернизация. Политическая программа украинского национального движения отличалась значительными модернизационными импульсами. Украинские националисты, как и какие-нибудь другие националисты, стремились привлечь свой народ не только к чисто внешней стороне европейской культуры, которая была для них не просто важнейшим синонимом самой модернизации, но и к самой модернизации, но и самым радикальным способом перестроить его жизнь и быт, вытеснив патриархальный крестьянский уклад, и заменить его современной, современной культурой. Такая культура должна была быть украинской – национальной унифицированной культурой украинской нации. Ее натиску уже не могла противостоять никакая география – даже восточная европейская.

В такой ситуации перед нами раскрывается еще одно измерение украинской истории XX века. Украинская история – это и история разрушения народной культуры, отдельные носители и представители которой болез-

ненно для себя выстраивали новую идентичность, открывая мир украинской современной культуры, которая в то время активно нарождалась. Этот процесс имел всеукраинский характер, но не все украинские интеллектуалы, связанные с украинскими периферийными сообществами, приняли в нем участие. Одни (например, Дикарев) просто не дожили до триумфа украинского национализма в первой четверти XX века, когда украинское национальное движение ставило вопрос не просто о национальной автономии и национальной школе, но о политической институционализации – о создании независимого украинского государства. Другим (например, Володымыру Гнатюку) повезло больше – они вписались в украинский проект, смогли найти свое место в рамках украинской культуры. В такой ситуации между Дикаревым и Гнатюком существует важная параллель – оба, прежде всего, были украинцами. Вся их «украинизация» (если этот термин и применим в этой ситуации) свелась к поиску своего места среди украинских интеллектуалов. «Украинизация» Дикарева и Гнатюка – это научная деятельность, направленная на изучение украинцев. Другими словами, научные исследования превратились для них в мощный канал трансляции своей (пусть и локальной, пусть иногда и маргинальной, пусть и ослабленной, пусть и немагистральной) линии в развитии украинской идентичности.

«Казусы» Гнатюка и Дикарева, безусловно, украинские. Обе жили в непосредственной близости от массива украинских территорий. Гнатюк вообще жил во Львове – одном из регионов, которые наиболее динамично украинизировались. Вместе с этими случаями конструирования и трансляции украинской идентичности история украинцев из периферийных территорий демонстрирует нам и другие варианты развития событий. Гнатюк и Дикарев пришли в украинскую культуру из культуры, которая была народной, продолжая оставаться и украинской. В такой ситуации исследователь может поставить вопрос: были ли в истории Украины такие интеллектуалы, которые пришли в украинскую национальную культуру из культуры традиционной, но в меньшей степени украинской? Да, такие интеллектуалы были и мы найдем их в истории Кубани и Балкан. Гавриил Костельнык – украинский деятель, который пришел в украинское движение из украинских окраин Балкан. Он начал как провинциал и маргинал, но и стал знаковой фигурой в украинской истории. История Костельныка – история постепенной украинизации, разрушения традиционного самосознания, смытой волной модернизации, которая охватила Украину в первой четверти XX столетия.

Традиция украинского книгоиздания в Воронежской губернии имела маргинальный характер. Украинская литература всегда осознавалась местными российскими деятелями как какое-то случайное этнографическое явление, а украинские деятели жили в таких условиях, которые автоматически выставляли их за пределы литературной жизни. На Балканах и в Венгрии сложилась другая ситуация: украинцы были одной из многочисленных

этнических групп, которая не встречалась с такими вызовами ассимиляции, с которыми сталкивались украинцы в Российской Империи. Поэтому, украинская культура и украинская традиция имели намного больше каналов для проявления своей уникальности, для трансляции своих особенностей другим, неукраинским, сообществам.

Книгу Дикарева, представителя восточной украинской традиции, можно оценивать и интерпретировать по-разному. Ее автор не был профессиональным филологом, чего он сам и не скрывал. Его общественный и социальный статус не был постоянным – не принадлежал он ни к интеллигенции, ни к дворянству – он не был и священником, но он перестал быть и крестьянином. Этого выходца из крестьян можно назвать своеобразным народным интеллектуалом. Мы заимствуем этот термин из французской историографии, где он широко используется для изучения истории народной и традиционной крестьянской средневековой и современной культуры³⁷⁹. С другой стороны, творчество Дикарева можно проанализировать в категориях микроистории – на фоне других деятелей украинского национального движения он – фигура менее значительная, деятель локальной, периферийной, а не украинской национальной истории. Он – типичный носитель украинской национальной, но не классической националистической, идеологии. Поэтому, его творчество – наилучший источник для анализа в рамках именно микроисторических студий³⁸⁰. Поэтому, мы попытаемся проанализировать «Очерк воронежского мещанского говора»³⁸¹ и фигуру Дикарева именно в таком контексте и в окружении его современников.

Подобно Дикареву балканские украинские деятели уделяли немалое внимание изучению местных украинских традиций, языка и народной культуры. Но в отличие от Дикарева, они не были склонны интерпретировать, понимать и позиционировать местную украинскую культуру как однозначно украинскую и как только украинскую. Развитие вне Украины, существование в регионе, который не имел непосредственной границы с массивом этнических украинских земель – все эти факторы значительно повлияли на развитие местной украинской идентичности в сторону ее маргинализации. Если в России украинский идентитет ослабевал в условиях постоянной политики игнорирования со стороны властей, которые стремились ассимилировать украинцев и деградировал от собственно украинского к малороссийскому, то на Балканах украинская идентичность обрела местные локальные черты. Поэтому, среди сербов и хорватов украинская

³⁷⁹ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М., 1965; Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры / А.Я. Гуревич. – М., 1981; Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М., 1990.

³⁸⁰ Davis N. The Shapes of Social History / N. Davis // *Storia della storiografia*. – 1990. – No 17. – P. 28 – 34; Ginzburg C. *Microstoria* / C. Ginzburg // *Quaderni storici*. – 1994. – No 86. – P. 511 – 539.

³⁸¹ Дикаревъ М. Очеркъ воронежскаго мещанскаго говора / М. Дикаревъ. – Воронежъ, 1891.

идентичность постепенно слабела, становясь статичной и почти неизменяемой. В результате возник особый русинский дискурс украинской идентичности, который мы можем наблюдать в произведениях Володымыра Гнатюка – современника Дикарева – который, как и он, занимался изучением языка, культуры и традиций местных украинцев.

Дикарев, как В. Гнатюк, не был представителем культурной и политической элиты, его «социальная родина» – это угнетенные и притесняемые классы. И хотя, нас от момента издания его книги отделят относительно небольшой срок (всего 115 лет) на том этапе в России социальная группа, выходцем из которой был Дикарев, признавалась способной только на пассивное усвоение культуры, создаваемой интеллигенцией. Иногда звучали голоса о том, что такие, как Дикарев могут быть культурно самостоятельны, но их нужно направлять. С другой стороны, существовала тенденция вывести подобных Дикареву за рамки культуры³⁸². В результате все эти три модели были реализованы: статус и положение Дикарева отличались меньшей стабильностью, и он почти всегда был маргиналом на фоне окружающих его российских и русскоязычных интеллигентов.

Появление исследований Дикарева было реакцией на неприятие его обществом: он писал в то время, когда украинская литература переживала процесс политизации, что вело и к своеобразной литературизации политики³⁸³. В такой ситуации Дикарев – «невостребованный интеллект»³⁸⁴. Его одинаково не поняли российские интеллигенты, которые смотрели на украинцев с непониманием и пренебрежением. Дикарев казался им собирателем фольклора племени, обреченного на ассимиляцию. С другой стороны, украинские интеллектуалы не видели в нем «своего». В этом и заключается его трагедия – невостребованного интеллектуала, который оказался на грани двух культур и идентичностей.

Книги Дикарева и Гнатюка вышли если не поздно, то их появление было тем событием, которое явно опоздало. Такая ситуация подтверждает предположение Джорджа Грабовыча о том, что украинская культура в России (но в других периферийных районах) была обречена на постоянную и непрерывную маргинализацию³⁸⁵. Выходцы из крестьянства украинской периферии пришли в национальное движение и культурную жизнь Украины поздно. То, что они пришли в украинскую культуру, свидетельствует о том, что большинство крестьян, представителей «молчаливой культуры», переживали процесс своеобразного «пробуждения». Большинство крестьян

³⁸² Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Bibliotheque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964; Bolleme G. Litterature populaire et literature de colportage au XVIII siecle / G. Bolleme // Livre et societe dans la France du XVIII siecle. – Paris, 1965, - Vol. 1. – P. 61 – 92.

³⁸³ Шартье Р. Идеиные истоки французской революции / Р. Шартье. – М., 2001. – С. 21.

³⁸⁴ Curtis M.H. The Alienated Intellectuals of Early Stuart England / M.H. Curtis // Past and Present. – Vol. 23. – 1962. – P. 25 – 43.

³⁸⁵ Grabowycz G. Ukrainian Studies: Framing the Context / G. Grabowycz // Slavic Review. – 1995. – Vol. 54. – No 3. – P. 674 – 678.

не смогло быстро адаптироваться к новой культуре. Поэтому, они остались маргиналами. Они были носителями народной культуры, которые пытались эту культуру описать и проанализировать в категориях совсем не народной, а «ученой», культуры. В такой ситуации их нарративы не «...исчерпали всего разнообразия и многообразия представлений, которые существовали среди крестьянства...»³⁸⁶.

Сам Дикарев признавался, что в своей книге пытался проанализировать особенности воронежского мещанского диалекта, уделив внимание, в первую очередь, фонетическим аспектам. Описывая этот диалект, Дикарев констатировал его переходный характер: «...в ряде случаев говор приближается к литературному языку, в других – к сельскому языку...». Дикарев для обозначения местного диалекта предложил употреблять термин «воронежский мещанский говор»³⁸⁷. Такая ситуация свидетельствует, что Дикарев пытался конструировать свой тип идентичности, опираясь на язык потому, что именно язык является одним из важнейших факторов не только конструирования, но и элементарного сохранения идентичности³⁸⁸.

Для Володымыра Гнатюка язык тоже имел немалое значение в том проекте идентичности, который он предлагал своим украинским соотечественникам. Именно в плоскости языка мы можем найти существенные отличия между двумя вариантами идентичностей, которые развивались в Восточной Слобожанщине и на Балканах. Если для Дикарева язык представлял преимущественно научный интерес, то Гнатюк придал языку и национальное и даже политическое значение. Язык позиционировался им как проявление идентичности. Он полагал, что язык должен быть именно таким, каким он его видел. Поэтому, языковой проект Гнатюка – это сознательное конструирование именно языковой идентичности, которая была отделенной от другого дискурса украинской идентичности, который развивался в Украине Романовых.

Дикарев допускал, что слобожанский диалект отличается от соседних российских диалектов, но близок к украинским диалектам, распространенным в районах Новочеркасска, Ростова-на-Дону и Харькова. В такой ситуации он был склонен интерпретировать его как «...тип мещанского южно-великороссийского говора...». Дикарев ставит вопрос и о распространении этого диалекта на территории Воронежской губернии, допуская, что «...украинское влияние в городе должно было обозначиться сильнее, чем в селе...»³⁸⁹. В такой ситуации мы можем писать о Воронеже, как об одном из несостоявшихся центров украинской национальной жизни. С другой

³⁸⁶ Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне / Е.Е. Савицкий // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / ред. Ю. Бессмертный, Е. Бойцов. – М., 2002. – С. 49.

³⁸⁷ Дикарев М. Очерк воронежского мещанского говора. – С. 2 – 3.

³⁸⁸ Берк П. Язык и идентичность в Италии раннего нового времени / П. Берк // Новое литературное обозрение. – 1999. - № 2. – С. 5 – 25.

³⁸⁹ Дикарев М. Очерк воронежского мещанского говора. – С. 3, 5.

стороны, используя терминологию канадского украинского историка Мырослава Шкандрия в этом регионе мы наблюдаем феномен «анархического приграничья»³⁹⁰, когда культурные нарративы и нормы не сформированы окончательно, а идентичность развивается в условиях постоянной эволюции, результат и возможные последствия которой неясны.

Язык книг самого Гнатюка и литературных памятников, которые были опубликованы по его инициативе, значительно отличается от того языка, на котором писал не только Дикарев, но и значительная часть украинских интеллектуалов и деятелей украинского национального движения того времени. Если Дикарев при записывании украинского фольклора руководствовался фонетическим принципом, то Гнатюк пытался внести в украинский язык, которым он пользовался, некоторые элементы оформленности и литературной нормы. Но и в такой ситуации его украинский язык не была языком Ивана Франко или Леси Украинки. Тем более, этот язык не был похож на язык Тараса Шевченко. На примере деятельности наследия Гнатюка мы наблюдаем, развитие альтернативной языковой нормы правописания, которая сознательно позиционировалась как правильная украинская. Другими словами, Гнатюк содействовал развитию альтернативного украинского проекта.

Книга, изданная Дикаревым, интересна своим приложением, которое состоит из трех частей. В первой части он опубликовал записанные им и его корреспондентами российские народные пословицы и поговорки. Вторая часть, «Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии» имеет подзаголовок «Малорусский сборник». Она представляет наибольший научный интерес, потому что демонстрирует то, что украинское население на территории Воронежской губернии было значительным, сохраняло и использовало украинский язык, и демонстрирует то, что единые нормы украинского правописания тогда отсутствовали.

Анализируя и сравнивая научные исследования и изыскания Дикарева и Гнатюка, становится заметным факт, что они совершенно по-разному подходили к самой проблеме научного творчества. Дикарев – классический маргинал, дилетант и любитель. Гнатюк имел больше общего с академической наукой. Публикация его произведений на территории бывшей Югославии, которая вылилась в издание пяти томов, стала едва ли не самым значительным событием в жизни русинского течения в украинской диаспоре. Читая Дикарева и Гнатюка заметны различия в самой манере написания. Гнатюк в этом контексте более научен, даже академичен. Его язык – язык популярной научной литературы. Этим он отличается от Дикарева. Но он отличается и тем, что та норма, которой он пользовался, не утвердилась в языковом дискурсе Украины, но так и оста-

³⁹⁰ Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 28.

лась интересным, но маргинальным, проектом, которому было не суждено состояться.

Написание украинских слов в издании Дикарева явно отличается от современного украинского литературного языка. Записывая украинские пословицы и поговорки, он применил фонетический принцип – он записывал их так, как слышал, но использовал при этом и украинские буквы. Дикарев использовал некоторые российские буквы, которые передают отдельные звуки украинского языка. Это свидетельствует о смешении российской и украинской нормы правописания и превращает книгу в интересный источник по истории развития украинского правописания и изучения украинского народного фольклора. С другой стороны, записывая пословицы украинской периферии, он зафиксировал и российское (как правило, лексическое) влияние на украинский язык, что превращает его книгу в источник по истории украинских миграций и украино-российских этнических контактов.

Украинский текст В. Гнатюка мы легко читаем, некоторые слова на первый взгляд кажутся не знакомыми, но это ощущение вызвано тем, что их правописание отличается от современных норм. Это совсем не означает, что Гнатюк не был грамотным – он писал просто так, как было принято писать в местном украинском сообществе. В результате, на Балканах и в Украине Габсбургов и в Украине Романовых утвердились и возобладали разные литературные нормы. На Балканах и в Венгрии это способствовало постепенному консервированию определенной части украинского сообщества, его своеобразному самозамыканию и добровольной изоляции в рамках идеологии и мировоззрения русинства. В России и Австро-Венгрии, в Галичине, это привело к появлению того украинского литературного языка, которым мы пользуемся сейчас. Приведу несколько примеров. Гнатюк широко использовал букву «ї» в таких случаях, в которых она не использовалась украинскими авторами России и Австро-Венгрии. Такие слова как «література», «зовсім», «сусіди», «ніяка», «століття», «надія» Гнатюк писал как «література», «зовсім», «сусіди», «ніяка», «століття», «надія». Украинские слова типа «відродження», «становлення» Гнатюк записывал отлично от современной нормы – например, «відродженє», «становленє». Буква «с» в ряде случаев смягченна – поэтому, мы можем найти слова типа «осьвіта», «св'ященик». Буква «з» после гласных превратилась в «ж» - например, «ріжні» (вместо «різні»). Некоторые формы имеют архаичный характер, возникли под российским или сербским или хорватским влиянием, другие, вероятно, сознательно введенны в литературный оборот для придания языку большей научности и выразительности – например, «висша» (вместо «вища»), «фундація» (вместо «фундація»), «властитель» (вместо «власник»). Кроме этого некоторые слова, использованные Гнатюком, в украинском языке уже того времени уже имели или постепенно обретали другое значение, чем то, которое он им придавал –

например, слово «чоловік» он использовал в значении «людина», а для обозначения полов он применял заимствованные из русского языка слова «мужчина» и «женщина» (вместо «чоловік» и «жінка»).

Приведем несколько характерных для Дикарева примеров. Дикарев опубликовал выражение «А-а! собака його йїж». В данном случае мы наблюдаем, с одной стороны, то, что написание Дикарева не соответствует нормам современного украинского правописания (слово «йїж»). С другой стороны, заметно и российское влияние – слово «собака» было характерно в большей степени для российских диалектов, тогда как в украинских было распространено слово «пес». Из других заимствований из русского языка, которые были зафиксированы Дикаревым, упомянем слово «год» (вместо украинского «рік») в выражении «год на год не попаде». Упомянем и слово «хозяин» («За хазяйіном і хазяйка хазяйка») ³⁹¹, которое можно интерпретировать как результат российского влияния, которое вытеснило украинский аналог «господар».

Материал, представленный в книге Дикарева, интересен в контексте анализа истории и традиционного быта крестьянского населения потому, что историки неминуемо сталкиваются «с незначительностью свидетельств об угнетенных классов прошлого» ³⁹². Поэтому, книга Дикарева дает возможность представить себе, как говорили и думали украинские крестьяне. Большинство слов, записанных Дикаревым, и отличных от современного украинского правописания – это глаголы. Например, им записанная поговорка «Байда нїе, в Байди йє», которая на современном украинском языке может быть записана так: «Байда н'є, у Байди є». Кроме этого в ряде случаев Дикарев использует в украинских словах российские буквы вместо украинских, что превращает их написание в отличное от современных украинских литературных норм. Пословица «Без коріння нічого не росте» им записана так «Бис коріня ничего не росте» ³⁹³. В данном случае им зафиксировано диалектальное «бис» вместо литературного «без», а слово «нічого» записано с использованием русских букв как «ничого».

Но вернемся к наследству Владимира Гнатюка. Он писал без использования российских букв, хотя российские буквы встречались в текстах народных песен и сказок, которые он издал. Но язык таких записей, где мы находим смешение российской и украинской литературной нормы, нельзя определить ни как русский, ни как украинский. Это – своеобразная смесь языков, языковых норм, литературных традиций. Научная публицистика Гнатюка демонстрирует нам несколько другой вариант развития украин-

³⁹¹ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусский сборник // Дикарев М. Очерк воронежского мещанского говора. – С. 272 – 275.

³⁹² Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / К. Гинзбург. – М., 2000. – С. 31.

³⁹³ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусский сборник. – С. 272.

ского языка, его использования в научном тексте. Если то, что писал Дикарев можно прочесть и понять, но эти записи не так доступны, как современный украинский текст, то научное наследие Гнатюка легко читаемо и кажется непонятным в силу своих языковых нюансов. Например, открывающая фраза труда озаглавленного «Угро-руські духовні вірші» в понимании Гнатюка выглядит так: *«хоч наша старинна література зовсім не убога, хоч деякі її пам'ятки визначаються не аби якою красою з кожного боку і могли-б навіть нині вдоволити не одного вигабливого критика, то в цілості вона дуже мало знана, спеціально в нас у Галичині, де крім спеціалістів ніхто нею не інтересується»*³⁹⁴. Современная украинская литературная норма трансформирует выше приведенный фрагмент в несколько другой текст: *«хоча наша старовинна література зовсім не убога, хоча деякі її пам'ятники відрізняються не аби якою красою з кожного боку і могли б навіть нині задовольнити не одного вимогливого критика, то в цілому вона дуже мало відома, спеціально у нас в Галичині, де окрім спеціалістів ніхто нею не цікавиться»*.

Записи украинских пословиц и поговорок Дикаревым интересны в контексте географии украинского населения на территории Воронежской губернии. В некоторых записанных пословицах фигурируют и географические названия. Например, Дикарев опубликовал такую пословицу как *«Богучарці п'ють по чарці, а на залимані бувають і п'яні»* (*«Богучарці п'ють по чарці, а на залимані бувають і п'яні»*). Им записана и вошла в опубликованный сборник и следующая пословица *«На сирдитих у Мандрву їздять»* (*«На сердитих в Мандрву їздять»*), где упоминается селение в Валуйском уезде. Дикарев опубликовал и поговорку *«В Нагуті собаки гнуті»*, что свидетельствует о том, что украинское население в Воронежской губернии впитало у себя выходцев и из Херсонской губернии. В пословицах упоминается и Дон (*«На Дону було – губи надуло»*)³⁹⁵, который можно рассматривать как одну из естественных границ украинской колонизации.

Если Дикарев пытался записывать украинские слова и даже тексты украинцев Воронежской губернии, руководствуясь фонетическим принципом, то Гнатюк опубликовал несколько десятков текстов, записанных им от русинов. Если тексты, записанные и изданные Дикаревым, несут на себе несомненное российское влияние, то в текстах, опубликованных усилиями Гнатюка, заметно влияние со стороны языков южных славян. Так под хорватским или сербским влиянием в языке балканских украинцев появляется смягчение звуков «л» и «н» - «алье» вместо «але», «нье» (от хорватского

³⁹⁴ Гнатюк В. Угроські духовні вірші / В. Гнатюк // Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Русі / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1988. – Т. 1. Угроські духовні вірші. – С. 1.

³⁹⁵ Пословицы, поговорки, приметы и поверья Воронежской губернии. Малорусский сборник. – С. 273, 274, 279.

«nje»). Некоторые слова могут быть интерпретированы как заимствования – «краль» (от хорватского «kralj»).

Книга М. Дикарева уникальна и особенно интересна для историка потому, что она дает возможность доступа в мир народной культуры. По словам российского историка О.Ф. Кудрявцева, доступ в этот закрытый мир народной культуры «совсем не прост» потому, что сфера ее бытования почти исключительно народная устная традиция, которая очень редко (почти никогда) не попадала на страницы доступных нам источников. С другой стороны, она не часто привлекала внимание современников³⁹⁶. Поэтому, Дикарев фиксирует не народную культуру в ее классической форме, а ее ослабленный поздний вариант, который в условиях модернизации, уже начала распадаться.

Дикарев опубликовал и *«Рассказ о хаклацку свальбу»*, автором которого был Т. Луценко, отставной солдат из Верхнего Карабута Острожского уезда Воронежской губернии. Луценко написал этот текст сам, что свидетельствует о том, что он был грамотным. Грамотность Луценко может быть проанализирована в контексте теории американских историков о том, что распространение грамотности является не только индикатором, но и важнейшим элементом процесса модернизации³⁹⁷. Публикация этого текста превращает книгу Дикарева в еще более важный интересный источник. Это небольшое произведение демонстрирует нам трудности модернизации украинской этнической периферии, показывая, что «искоренение старой и насаждение новой культуры»³⁹⁸ протекало здесь в замедленном темпе. Объединения в рамках одного издания «научного» исследования Г. Дикарева, записей фольклора и произведения «народного» писателя Т. Луценко подтверждает предположение Карло Гинзбурга и Э. Геллнера о том, что в рамках любой культуры существует несколько культурных уровней³⁹⁹, не все из которых попадают в сферу интересов исследователя в виду незначительности или недоступности источников. Поэтому, книга, изданная Г. Дикаревым, позволяет значительно расширить наши представления об истории украинской этнической периферии.

Гнатюк опубликовал несколько десятков текстов, записанных в украинских селениях на Балканах. Некоторые из них дают нам возможность представить каким было и как менялось народное традиционное мировоззрение украинских крестьян. Отличительной чертой такой народной психологии была значительная религиозность. Примечательно то, что религиозные устремления крестьянства были далеки от той религиозной тради-

³⁹⁶ Кудрявцев О. Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке» / О. Кудрявцев // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. – М., 2000. – С. 5.

³⁹⁷ Street B. Literacy in Theory and Practice / B. Street. – Cambridge, 1984; Cipolla C. Literacy and Development of the West / C. Cipolla. – Harmondsworth, 1969.

³⁹⁸ Шартъе Р. Идеиные истоки французской революции. – С. 17.

³⁹⁹ Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке. – С. 32.

ции, культуры и нравственности, которые предлагались крестьянам со стороны официальной церкви. Религиозные мотивы представлены в записанных и опубликованных Гнатюком текстах исключительно в мирских сюжетах. Например, святые Петр и Павел приходят на свадьбу как незваные гости, за что их и бьют местные крестьяне: *«Петро іс Паўлом, з братом, йак апостоли Хрiстови ходили по землі. Зашли до йедного села і там була свадьба. І Павел говорить Петрові: Брате, там музика. Йа шче того не видію нігда. Йа дакус піду поспотріти, але брат Петро йому говорить: Ти там не прошений. Не ходь ти там, бо будеш битий, бо там п'яни льуди сут»*⁴⁰⁰. Такое понимание показательно, демонстрируя, что крестьяне были далеки от идеализации библейских персонажей, а наоборот стремились интегрировать их в бытовой и мирской контекст.

Отставной солдат Луценко, небольшой текст которого выдал Г. Дикарев, служил на территории российских губерний, но позже поселился на украинской территории. Рассказ этого бывшего солдата и выходца из народа, может быть проанализирован как памятник народной литературной традиции. В такой ситуации его автор, по словам российского исследователя Е.Е. Савицкого⁴⁰¹, почти «размышляющий крестьянин». Конкретизируя это предположение, приближая его к украинской тематике, Т. Луценко – если не размышляющий, то записывающий крестьянин. Текст, написанный им, содержит немало российских лексических заимствований. В самом названии фигурирует слово «свадьба», которое мы можем интерпретировать, как и украинское и российское диалектальное, характерное для территорий Воронежской губернии, которые были населены русскими и украинцами. В такой ситуации мы можем предположить, что в этом регионе возник особенный тип традиционной народной культуры, который соединял в себе как украинские, так и российские элементы.

Тексты, которые разыскали и записали Дикарев и Гнатюк интересны в том контексте, что демонстрируют нам образ «чужого», который был характерен для украинцев как носителей традиционной крестьянской культуры. Если в тексте Луценко заметны российские мотивы, то среди «чужих» образов в небольших текстовых фрагментах, услышанных и записанных от крестьян и изданных Гнатюком, фигурируют, например, венгры (*«Йеден Мадьяр, котрий уж трицять рокиў биваў во Відню, а йеднак не миг научитишйа по нїмецьки, од злості гваріу: Но, лем дураци тоти Нїмци. Трицят роки йак медже нїма бивам, ешчі мнѣ не розумїат»*)⁴⁰². Украинское сознание позиционировало венгров как непонятных и диких

⁴⁰⁰ Сьв. Петро з Павлом на весілю // Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 3.

⁴⁰¹ Савицкий Е.Е. Народная культура и размышляющие крестьяне / Е.Е. Савицкий // Казус 2002. Индивидуальное и уникальное в истории / ред. Ю. Бессмертный, Е. Бойцов. – М., 2002. – С. 45 – 52.

⁴⁰² Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 48 – 49.

провинциалов, которые не могли приспособиться к культуре и ритму жизни большого города, но замыкались в своем узком национальном кругу. Русские балканскими украинцами осознавались как «москальи», которые ассоциировались с войной и подавлением актов народного протеста в период революции 1848 года⁴⁰³.

Кроме венгров в народных анекдотах фигурировали евреи (жиды) и цыгане. Круг сюжетов, связанных с этими группами, разнообразен – например, Гнатюк опубликовал анекдот о том, как цыган и еврей играли в карты и пытались друг друга обмануть. Известен записанный и изданный им анекдот, где фигурирует «*Арон, молодой жидок*»⁴⁰⁴. Такое негативное отношение к евреям, виденье в них именно «жидов», вероятно, не свидетельствует о том, что среди украинцев существовал сознательный антисемитизм. Евреи объективно воспринимались украинцами как носители традиционного сознания, как чужие, как другие – носители своего непонятного сознания, уклада и образа жизни. В таком контексте слово «жид» могло и не иметь негативного звучания, а использовалось исключительно для акцентирования внимания на чуждости евреев украинцам, полярной противоположности этих двух групп.

Рассказ Т. Луценко, опубликованный Дикаревым, фрагменты песен, сказок и народных анекдотов, изданные В. Гнатюком, при их всей простоте и неприязнительности, были показательными явлениями в развитии украинской идентичности. Французский историк Р. Мандру, анализируя похожий феномен народной литературы во Франции, высказал мнение, что такую литературу нужно называть «литературой отхода от действительности» потому, что она способствует формированию традиционного мировоззрения, укрепляя и усиливая его⁴⁰⁵. Выводы французского историка применимы и относительно «творчества» народных авторов, с которыми контактировали М. Дикарев и В. Гнатюк. Такие авторы-респонденты пытались законсервировать в своих рассказах, песнях и анекдотах украинские народные традиции. Но и Дикарев и Гнатюк писали, вероятно, не для народа, а для исследователей народа, что свидетельствует о постепенном размывании границ народной культуры.

И Владимир Гнатюк, и Митрофан Дикарев – фигуры в значительной степени маргинальные. Они имели немалые трудности с интеграцией в украинский культурный контекст. Особенно тяжело было второму – жил и работал Дикарев не в украинских губерниях, а сначала в Воронежской губернии, которую как часть Украины никогда серьезно не воспринимали

⁴⁰³ Згадка із 1848 р. // Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 89.

⁴⁰⁴ Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Руси / В. Гнатюк. – Нови Сад, 1986. – Т. 4. – С. 49.

⁴⁰⁵ Mandrou R. De la culture populaire aux XVII et XVIII siecle: la Biblioteque bleue de Troyes / R. Mandrou. – Paris, 1964.

даже радикалы-националисты, а затем на Кубани, где украинское население было численно значительным, составляя более половины кубанских жителей, но и как во всей Российской Империи политическое значение украинцев и роль в политической жизни края была минимальной. В результате, и Дикарев и Гнатюк свое место среди украинской общественности нашли. Залогом такой успешности была какая-то начальная примордиальная украинскость. С другой стороны, в украинской истории XX века были и фигуры, которые, подобно Гнатюку и Дикареву, были на ранних этапах своей деятельности фигурами бесспорно маргинальными. Но эта маргинальность была не результатом социального происхождения или непризнания со стороны украинской националистической элиты. Маргинальность таких политиков имеет другие истоки.

Костельнык – представитель маргинального отдаленного украинского изолированного сообщества переселенцев, он – один из активных критиков москвофильства, а его личный опыт перехода из русинской культуры в украинскую представляет интересный пример добровольного разрыва с маргинальным русинством в интересах классического украинского движения⁴⁰⁶. Гавриил Костельнык родился в 1886 году в Сербии, в Русском Керестуре – поселении, где жили украинцы и русины, которые приехали на Балканы в XVIII веке⁴⁰⁷. Будучи греко-католиком, он был вынужден покинуть преимущественно сербские районы и получить образование в Загребе⁴⁰⁸. Примечательно то, что в круг сознательных украинцев Костельнык попал не без участия со стороны уже упомянутого Володымыра Гнатюка. Таким образом, одни украинские интеллектуалы-маргиналы способствовали социализации других – еще более маргинальных периферийных украинцев, в которых они видели значительный потенциал для украинской идеи. Позже Костельнык жил и преподавал во Львове, сочетая преподавание с научной деятельностью. Он писал на своем родном бачванском диалекте, на украинском и хорватском языках. В 1935 году, в газете «Дело», Костельнык опубликовал статью «Почему я стал украинцем»⁴⁰⁹, которая является важным штрихом к его биографии, демонстрируя, как украинские деятели из периферии добровольно «прощались» с

⁴⁰⁶ Пам'ятки України. Історія і культура. Науковий часопис. – 2006. – № 1 – 2. – С. 148 – 149.

⁴⁰⁷ Мацях Є. Українська еміграція в Югославії / Є. Мацях // Український Вісник. – 1942. – № 16; Зелик І. Українці в Югославії / І. Зелик // Українські поселення. – Нью Йорк, 1981; Рамач Л. Русини-українці в Югославії / Л. Рамач. – Вінніпег, 1971; Рамач Я. Кратка історія руснакох / Я. Рамач. – Нови Сад, 1993.

⁴⁰⁸ Про конфесійний аспект в історії українців на Балканах див.: Лещишин Я. Сьогодення українців Західної Славонії і Мославини / Я. Лещишин // Українці Хорватії. Матеріали і документи / Ukrajinci Hrvatske. Materijali i dokumenti. – Кн. 1 / Кн. 1. – Загреб / Zagreb, 2002. – С. 164.

⁴⁰⁹ о. Костельнык Г. Чому я став українцем? / о. Г. Костельнык // Діло. – 1935. – 5, 16, 18, 19, 20 жовтня.

маргинальными моментами в своей биографии, которые не вписывались в украинский контекст.

Гавриил Костельнык в украинское движение пришел из маргинальной среды: он учился в венгерской школе, по-венгерски говорил как «настоящий венгр», а в 1900 году, выступая на одном из венгерских фестивалей в Пеште, читал венгерские стихотворения так, словно венгерский был его родным языком. Только то, что он не попал в венгерскую гимназию, спасло его от окончательной ассимиляции. Но, поступив в хорватскую гимназию, Гавриил, по его словам, стал «горячим хорватом». Позже, Костельнык писал, что в гимназии самым активнейшим образом свое хорватство декларировали он и несколько его немецких одноклассников⁴¹⁰. Учеба в Загребе протекала в условиях доминирования именно хорватского языка. Но в 1903 году Костельнык впервые попробовал писать стихотворения, и первые свои произведения он написал... на украинском языке, точнее ее бачванском диалекте. Костельнык опубликовал книжку романтических стихотворений на родном диалекте «З мойого валала» («З моего села»).

Костельнык как политик и писатель сформировался тогда, когда среди украинцев шла острая дискуссия между москвофилами, сторонниками постепенного слияния украинцев с россиянами и отказа от украинского языка, и украинофилами, которые выступали за самостоятельный путь украинской нации. Примечательно, что балканские украинцы, которые жили в сербских районах, были втянуты в эту дискуссию. Для них идея союза с сербами была неактуальна: по словам Костельника, среди местных украинцев доминировали антисербские идеи, а самих сербов они считали нацией «некультурных свинопасов»⁴¹¹. В начале XX века немало балканских украинцев склонялись к союзу с хорватами, что существенно влияло на идентичность некоторых из них. О том, что на определенном этапе Костельнык пытался соотнести себя именно с хорватской нацией, писал и он сам.

Костельнык свободно писал стихотворения на хорватском языке, который знал свободно, как и свой родной бачванский диалект украинского языка. Однако, Костельнык признавался, что хорватом стать не смог, хотя для этого были все условия. Единственным препятствием было то, что, по его словам, он никогда бы не мог искренне написать «мы – хорваты»⁴¹², потому что это противоречило его моральным установкам: он понимал, что он не хорват. В такой ситуации началось постепенное возвращение Костельныка к украинским корням. В 1907 году Гавриил Костельнык приехал в Галичину, где продолжил изучать теологию. В то время Львов страдал от острых дискуссий и споров между украинофилами и москвофилами. Костельнык примкнул к первым и вскоре превратился в

⁴¹⁰ Діло. – 1935. – 5 жовтня.

⁴¹¹ Діло. – 1935. – 16 жовтня.

⁴¹² Діло. – 1935. – 16 жовтня.

одного из самых последовательных критиков и противников вторых. Костельнык констатировал, что логика москвофилив была примитивной и не отличалась оригинальностью: украинцев они могли почти исключительно только ругать, а саму Украину считали результатом польско-немецкого заговора с целью разъединения «великого русского народа».

Москвофилы, которые жили в Галичине, отличались особым радикализмом и выдвигали проект слияния всех славян под эгидой России, отводя хорватскому, польскому, болгарскому и другим народам лишь статус этнографических групп большой «великой» российской политической нации. Эта идея, по мнению Г. Костельныка не имела никаких перспектив, но она нашла несколько сторонников среди бачванских украинцев, которые начали издавать газету «Зоря», где каждый автор писал на своем «русском» языке, который был смесью нескольких славянских языков и был искусственно приближен к русскому. По словам Костельныка, эта газета просуществовала лишь год и потом авторы перешли на «нормальный» бачванский диалект украинского языка⁴¹³.

Анализируя бесперспективность москвофильской идеологии, Г. Костельнык указывал и на то, что это течение было аморфным и достаточно быстро распалась на два москвофильства – на политическое и национальное. Национальное москвофильство, по словам Костельныка, стало «настоящей болезнью украинского народа»⁴¹⁴, которую его соседи используют для обоснования своих претензий не только на украинские земли, но и на ассимиляцию украинцев. Политическое москвофильство – ситуация, при которой украинские политики оказываются союзниками России и проводят интересы, по мнению Г. Костельныка, враждебные интересам украинского народа. Но для Гавриила Костельныка, эти течения в москвофильстве были исторически обречены на крах, а сама идея сближения с Россией казалась ему лишенной перспектив. Последующий успех национального движения в Украине продемонстрировал то, что Костельнык в своем прогнозе прав.

В Галичине Костельнык пережил своеобразную украинизацию. Постепенно он пришел к мысли, что украинцы в Украине и украинцы за ее границами – один народ. В такой ситуации Костельнык не забывал, откуда он пришел – поэтому, какая-то маргинальность давала о себе знать. В 1923 году он издал грамматику бачванского диалекта украинского языка. Позже русинские сербские деятели неоднократно указывали на то, что Костельнык хранил связи с тем украинским сообществом, из которого он вышел: «...отец Костельнык любил свой край. Бачку, Керестур... Любил его так, как своих родственников и при каждой возможности с большим пиетизмом говорил о том крае. В 1925 году, возвращаясь из экскурсии в Рим, он заехал у Керестур, и, когда вернулся во Львов, многократно говорил, на-

⁴¹³ Зоря. – 1935. – 18 жовтня.

⁴¹⁴ Зоря. – 1935. – 20 жовтня.

сколько ему не хватает Бачки. В вопросе языка бачванских руснаков Костельнык был ортодоксом. Язык - это жизнь народа. Заберите язык и народ исчезнет. Благодаря тому, что Костельнык начал писать, печатать, написал грамматику этого языка, то это небольшое сообщество наших славян, вдалеке от нас на юге, сохранилось и живет своей жизнью...»⁴¹⁵.

Но этот русинский компонент в деятельности Костельныка не был магистральным. В своей добровольной украинизации он дошел до того, что в 1918 году издал сборник «Встань, Україно». С другой стороны, Костельнык активно участвовал в изучении этнографии балканских украинцев. Костельнык пытался доказать украинцам из Бачки, что они являются частью украинской нации. С этой целью он написал несколько статей⁴¹⁶. Костельнык смог сознательно отказаться от своего маргинального периферийного прошлого. Поэтому, один из исследователей его творчество комментирует этот факт его биографии так: «...с самого начала Костельнык читает и пишет о Шевченко и, как Гнатюк, просто обходит тенденции, которые способствовали распаду, закарпатской культурной и национальной традиции... русинские сепаратистские тенденции его даже не затронули — они между русинами Бачки появятся только в период между двумя мировыми войнами...»⁴¹⁷.

Таким образом, Гавриил Костельнык не только оказался одним из последовательных критиков москвофильского течения в Украине как маргинальной политической доктрины, но и сам пережил своеобразную мировоззренческую и идентичностную эволюцию, колеблясь между маргинальным провинциализмом и относительно «элитарными» и, поэтому, магистральными хорватством и украинством. Это, вероятно, свидетельствует о том, что украинское национальное движение на том этапе было не просто политически и идейно расколотым, но и переживало т.н. предпарадигмальную стадию⁴¹⁸. Особенность этой стадии в Украине в отличие от других регионов Центральной и Восточной Европы заключалась в том, что национальное движение уже было достаточно влиятельным, но

⁴¹⁵ Шветлосц. — 1995. — № 3 — 4. — С. 322.

⁴¹⁶ Костельнык Г. Дзе спада наша бешета / Г. Костельнык. — Руський Керестур, 1922; Костельнык Г. Яка наша народна назва / Г. Костельнык // Проза на бачванско-сримским руским литературним языку. — Нови Сад, 1975; Костельнык Г. Чом сом постал Українець / Г. Костельнык // Проза на бачванско-сримским руским литературним языку. — Нови Сад, 1975.

⁴¹⁷ Гірник О. Сепаратизм «по-русинськи», або Фантазії протоєрея Сидора / О. Гірник // Патріярхат. — 2006. — № 1.

⁴¹⁸ Кирчанов М.В. Интеллектуальный климат в Латвии в середине XIX века: два дискурса латышского национального движения / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. — Ставрополь, 2005. — Вып. 8 (Материалы международной научной конференции «Факт-событие» в различных дискурсах. Пятигорск, 26-27 марта 2005 г.) — С. 153 — 167; Кирчанов М.В. Немецкая, русская, латышская рецепция ранней истории латышского национального движения / М.В. Кирчанов // История идей и история общества. Материалы Третьей Всероссийской научной конференции, Нижневартовск, 22 апреля 2005 г. — Нижневартовск, 2006. — С. 72 — 75.

продолжало оставаться расколотым, не имея парадигмы, которая объединяла бы большинство националистов. В этом заключается уникальность истории украинского движения. Магистральные украинские тенденции существовали с маргинальными москвофильскими. В такой ситуации украинцы, разбросанные по разным углам Центральной и Восточной Европы, могли различными путями и способами выстраивать свою идентичность, делая сложный выбор между украинством и хорватством. В условиях такого идентичностного выбора москвофильство вносило раскол в украинское национальное движение. Другими словами, в интеллектуальной украинской культуре начала XX века маргиналы и своеобразная националистическая элита сосуществовали.

Подводя итоги, отметим, что нами рассмотрены лишь некоторые аспекты связи научных исследований М. Дикарева и В. Гнатюка с украинской народной культурой. Важнейшим атрибутом этой народной и традиционной культуры был язык, который связывал местное украинское население с украинцами на территории украинских губерний и противопоставлял их носителям российских диалектов, с которыми они были вынуждены вступать в постоянные контакты. Язык, разговорная и песенная норма, зафиксированная Дикаревым и Гнатюком, очень далеки от украинского литературного языка, что свидетельствует о том, что тогда украинское движение проявляло значительный интерес к языковой и филологической проблематике. Язык некоторых произведений Костельныка тоже далек от литературной нормы, но, с другой стороны, сам он прилагал немалые усилия, чтобы от этой маргинальности избавиться и вписаться в украинский литературный контекст.

Публикации, которые мы с вами проанализировали, могут быть интерпретированы в категориях народной литературы. Это относится к опубликованному Дикаревым рассказу Т. Луценко и разным небольшим текстам, изданных по инициативе В. Гнатюка. Примечательно то, что эти книги не были рассчитаны на читателей из народа, но непосредственно касались значительного пласта украинской народной культуры. Культура, носителями которой были Г. Дикарев, Т. Луценко и крестьяне, которые стали основным источником информации для Гнатюка, была народной и традиционной культурой. Такой тип культуры оказался периферийным и маргинальным. Это была не российская и не украинская культура, не австрийское и не венгерское сознание. Это был уникальный тип пограничной, переходной, культуры, которая колебалась между российской и украинской идентичностью, между вызовами русинства на Балканах и в Венгрии и украинским национальным движением в Украине Романовых и Габсбургов. Если Дикарев и Гнатюк описывали и изучали маргинальный дискурс украинской культурной традиции только сталкиваясь с ней, но не будучи ее частью, то Костельнык сам был частью такой маргинальной традиции. Именно этим объясняется, что его идентичность развивалась и изменялась

на грани разных идентичностных проектов. В разное время Костельнык мог примкнуть к венгерскому или хорватскому проекту, но в итоге он выбрал именно украинское движение. Украинская культура, которую предлагали украинские националисты, стала той сферой, где Костельнык развивал свою собственную идентичность. Выбор Костельныка стал гарантией того, что постепенно его маргинальность могла исчезнуть.

Культура, которую мы наблюдаем на страницах проанализированных изданий, является колонизируемой украинской культурой. Это – не классическая украинская культурная традиция, это ее народные проявления, которым не суждено было стать частью классического культурного наследия, интегрированного в модерную украинскую культуру. Культура, описанная Дикаревым и Луценко, культурная традиция зафиксирована Гнатюком, это – большее и своеобразное воспоминание об украинском прошлом. Украинцы, язык которых анализировал Дикарев, язык, которых пытался изучать Гнатюк, был островком в чужом море языков и диалектов, который был обречен на постепенную ассимиляцию. Костельнык так и остался на грани разных культурных традиций, хотя он пытался позиционировать себя как именно украинского деятеля. Если Гнатюк и Дикарев только фиксировали проявления народной культуры, то Костельнык сам к этой культуре принадлежал. Это архаичное культурное наследие тянулось за ним на протяжении всей его деятельности, периодически напоминая о себе в форме эпизодического проявления интереса к языку того небольшого локального сообщества, из которого происходил Костельнык.

Таким образом, и М. Дикарев и Т. Луценко были представителями народной культуры (а Володымыр Гнатюк такую культуру пытался зафиксировать), ее типичными носителями, не востребовавшими интеллектуалами, литературными маргиналами, чье творчество развивалось на периферии украинской культурной жизни XIX – начала XX века. Костельнык, открытый Гнатюком, стал деятелем, который пытался от этой, так любимой Гнатюком, архаичной культуры отказаться. Дискурс украинской народной культурной традиции, характерный для этих авторов, так и остался интересным экспериментом, результаты которого не были использованы в украинском национальном проекте. Только труды Гнатюка нашли своих читателей и даже апологетов среди сторонников русинства. Костельнык вообще превратился в своеобразный символ веры для русинов. Это совсем не означает то, что их деятельность не имеет значения для истории украинской культуры. Теоретические аспекты анализа, который я использовал при изучении наследия проанализированных авторов, могут быть применены и при изучении украинской истории и украинских крестьянских периферийных сообществ. Последующий анализ дискурса народной культурной традиции поможет лучше понять особенности истории украинского национального движения и истории украинских периферийных территорий в контексте истории народной и традиционной культуры.

2.3. Национализм и идентичность в контексте развития интеллектуального сообщества

Исторические исследования и история как наука самым тесным образом связаны с национализмом. Именно в истории националисты-политики или национально настроенные интеллектуалы ищут и нередко находят обоснования своих целей и лозунгов. Применение истории не ограничивается изучением только прошлого. История может являться, в зависимости от ситуации, важным политическим фактором. Восприятие истории может стать причиной мобилизации, легитимации, политизации национальной идентичности⁴¹⁹. По словам британского исследователя национализма Энтона Смита, история национализма - это в такой же степени история тех, кто о нем повествует. Историки, действительно, играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Именно они и филологи внесли весомый вклад в развитие национализма, заложив моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах⁴²⁰. Эти вводные замечания вполне применимы для изучения связи исторических исследований и национализмов в Советском Союзе.

Я думаю, что Вы заметили один существенный недостаток всех предыдущих лекций. Они почти не касались российской проблематики и отечественный националистический дискурс, как правило, игнорировался. В этой лекции мы попытаемся преодолеть этот недостаток настолько насколько возможно. Как вы поняли, речь пойдет о связи национализма и интеллектуального сообщества, точнее – о том, какую роль играют интеллектуалы при формировании и функционировании того или иного националистического проекта, в данном случае – русского.

Отношения между русскими интеллектуалами, занятыми в сфере исторических исследований, и советским режимом никогда не были стабильными, и для их развития характерна определенная динамика. Когда в 1917 году к власти пришли большевики они, по словам Б. Андерсона, «достигли значительного успеха в формировании устойчивого антикапиталистического порядка»⁴²¹, попытавшись найти компромисс с нерусскими народами, пойдя им на уступки, но при этом совершенно забыв о национальной идентичности самих русских. Русские испытали то, что позднее Мирослав Хрох определил как «понижение национального статуса»⁴²². В ранний период существования советской власти интеллектуалы, получившие исто-

⁴¹⁹ См. подробнее: *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. - Göttingen, 1999.

⁴²⁰ Смит Э.Д. Национализм и историки / Э. Смит // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 236.

⁴²¹ Андерсон Б. Введение / Б. Андерсон // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 11.

⁴²² Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации / М. Хрох // *Нации и национализм*. - М., 2002. - С. 137.

рическое образование до революции, однозначно исключались за рамки режима, и им отказывалось не только в лояльности, но и в самом праве на существование. Несмотря на это в советской историографии за ними признавались некоторые заслуги, но в вину им ставилось то, что они не доросли до правильного понимания событий 1917 года. Советская цензура берет курс на вытеснение старых историков из науки и исследовательской деятельности и вскоре Виппер уезжает из Советской России в Латвию⁴²³. Во второй половине 1930-х отношение к историческим изысканиям меняется, а вторая мировая война окончательно возвращает истории статус научной дисциплины.

СССР был многонациональным государством и в иностранной историографии, в особенности - советологии 1950 - 1980-х годов, можно найти мнение о том, что русские были привилегированной доминирующей нацией, а Россия (РСФСР) господствовала над другими республиками⁴²⁴. Отчасти это утверждение верно, но оно игнорирует то, в каком положении в СССР находились сами русские. Они не имели своей автономии, их культура, как и культуры нерусских народов, преследовалась, а интеллигенция подвергалась репрессиям. Русские были вынуждены воспринимать СССР как Родину, что размывало идентичность, ослабляло ее, отрывая от этнической основы⁴²⁵. Русские официальные интеллектуалы даже были лишены сомнительной привилегии критиковать «русский буржуазный национализм», в то время, как украинские интеллектуалы критиковали - украинский, латышские - латышский и т.д. Однако, подобно другим народам СССР, русские после смерти Сталина испытали некоторое облегчение, а в России началось национальное движение, которое имело значительные особенности и резко выделялось из национальных движений других народов. По сравнению с украинским или латышским национальным движением, русское было слабо и не организовано. Перефразируя слова Эрнеста Геллнера, русский национализм в СССР был «явлением редким и нетипичным»⁴²⁶.

Объективно русская история, как и любая другая история, писалась в определенном контексте и представляла собой проект определенного типа⁴²⁷. Именно поэтому, русские национально мыслящие интеллектуалы

⁴²³ Об этом см.: Кирчанов М.В. Латышская историческая наука межвоенного периода как часть интеллектуальной истории Латвии / М.В. Кирчанов // Ставропольский альманах Российского Общества интеллектуальной истории. - Вып. 7. - Ставрополь, 2005. - С. 144 - 155.

⁴²⁴ См. в отношении исторических исследований: Tillet L. The Great Friendship. Soviet Historiography and the Non-Russian Nationalities / L. Tillet. - Chapel Hill, 1969.

⁴²⁵ Kuzio T. History, Memory and Nation Building in the Post-Soviet Colonial Space / T. Kuzio // Nationalities Papers. - 2002. - Vol. 30. - No 2. - P. 242.

⁴²⁶ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 146.

⁴²⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. - 2001. - No 1. - P. 41.

(В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев, В.В. Виноградов, Я.С. Лурье, А.И. Клибанов, И.У. Будовниц и другие), в отличие от украинских, белорусских, литовских, латышских, армянских и других националистов, не ставили цели создания независимого государства. Для них более актуальной была задача сохранения своей идентичности - национальной истории, языка и культуры. Видимо, прав канадский украинский историк Зенон Евген Когут, отмечающий, что «восприятие истории было и остается основным полем битвы за идентичность»⁴²⁸. Поэтому, большинство своих усилий они сосредотачивали не в политической, а интеллектуальной сфере. В отличие от других национальных интеллектуалов, на что неоднократно указывали западные историки, они не стремились к независимости, а сама идея отделения от СССР казалась им утопической и немыслимой⁴²⁹. Гуманитарные науки (история, история литературы, русский язык) были единственными сферами, где развивался русский национализм. При этом, русские интеллектуалы не имели таких привилегий которые имели интеллектуалы в национальных республиках: отсутствовала своя коммунистическая партия, не было своей Академии Наук.

Научные изыскания русских интеллектуалов в 1950 - 1960-е годы были очень важны с точки зрения сохранения русской истории и культуры, что вместе составляло русскую национальную идентичность. История историков, по словам Дж. Фридмэна, стала и их идентичностью⁴³⁰. Анализируя русскую историографию в советский период, следует принимать во внимание то, что она была в значительной степени интегрирована в советскую идеологическую систему. С одной стороны, она была в крайней степени политизированной и исторические науки нередко использовались в идеологическом противостоянии. С другой, возник феномен, определенный А. Куско и В. Таки, как «монополизация историографического производства»⁴³¹. Действительно, несмотря на то, что советские русские университеты каждый год выпускали тысячи дипломированных специалистов по истории, до написания и публикации работ, до архивов допускалось лишь несколько десятков.

⁴²⁸ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерної та модерної історії України / З. Когут. - Київ, 2004. - С. 219. См. так же: Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z. Kohut // The Legacy of History in Russia and the New States of Eurasia / ed. S.F. Starr. - NY., 1994. - P. 123 - 145; Kohut Z.E. History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine / Z. Kohut. - Saskatchewan, 2001.

⁴²⁹ Kuzio T. Historiography and National Identity among the Eastern Slavs: Towards a New Framework / T. Kuzio // National Identities. - 2001. - Vol. 3. - No 2. - P. 110; Motyl A. Sovietology, Rationality, Nationality. Coming to Grips with Nationalism in the USSR / A. Motyl. - NY., 1991.

⁴³⁰ Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 52.

⁴³¹ Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // An Imperio. - 2003. - № 1. - С. 485, 491.

При этом русские, национально ориентированные, интеллектуалы во все не изобретали русские традиции и русскую историю. Они лишь произвольно манипулировали национальными нарративами, разработанными ранее, приобщая их к особенностям своего современного мировоззрения⁴³². «Славное и древнее прошлое полезно в качестве аргумента в споре с многочисленными скептиками, которые заявляют, что та или иная нация никогда не существовала, что – это новое искусственное образование, в то время националистически настроенные авторы предпочитают говорить о возрождении и воссоздании. Собственно последним и занимаются первые историки наций. Потому неудивительно, что именно они оказываются в авангарде процесса национального строительства»⁴³³, – пишет канадский украинский историк Орест Субтельный. Замечание им было высказано в отношении Украины, но оно применимо и к активности русских национальных интеллектуалов в советский период. Правда, вместо скептиков не признававших русскую нацию и ее идентичность, русские интеллектуалы сталкивались с партийной элитой, незаинтересованной в сохранении этой нации с ее культурой и идентичностью.

При этом в сфере сохранения идентичности круг интересов русских интеллектуалов совпадал с национально ориентированной интеллигенцией национальных республик. В условиях не только «отсутствия эффективной национальной государственности»⁴³⁴, но и цензурного контроля, как за исследовательской деятельностью, так и за «создаваемым текстом»⁴³⁵, то есть результатами научных изысканий, круг исследовательских тем не отличался разнообразием. Их интересовала преемственность своей советской (в данном случае – русской) культуры со старой национальной культурой. Для них так же был важен язык. Они не были чужды европейским симпатий, были склонны культурно и исторически видеть себя в Европе, писать свою историю как историю европейского плана. Особенно важна в таком контексте была именно история и литература, которым негласно придавали значение важнейших и определяющих атрибутов нации. Таким образом, русские интеллектуалы, конструируя свое самосознание, обращались к тем сюжетам, артефактам, персонажам и образам, которые, по словам украинского канадского историка Сергея Екельчика, ассоциировались с определенными представлениями и чувствами, унаследованными от предыдущих эпох⁴³⁶.

⁴³² О таком манипулировании и его особенностях в украинском случае см.: Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // *Ab Imperio*. – 2004. – No 2.

⁴³³ Субтельный О. Украина. История / О. Субтельный. – Киев, 1994. – С. 289.

⁴³⁴ Андерсон Б. Введение / Б. Андерсон // *Нации и национализм*. – М., 2002. – С. 23.

⁴³⁵ По этой проблеме см.: Apple M. *Regulating the Text: the Socio-historical Roots of State Control* / M. Apple // *Politics, Policy, and Pedagogy* / eds. G.P. Altbach, H.G. Kelly, L.W. Petrie. – NY., 1991.

⁴³⁶ Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // *Ab Imperio*. – 2004. – No 2.

Поэтому, в центре нашего внимания в настоящей лекции будет то, что З.Е. Когут определил как «создание интеллектуального пространства»⁴³⁷, то есть проблемы соотношения памяти и идентичности в их связи с историческими исследованиями в России в 1950 - 1960-е годы⁴³⁸. К тому же, как отмечает, Энтони Смит «роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования»⁴³⁹. Исследований, посвященных дихотомии «история/историография - национализм/идентичность», действительно, не так много⁴⁴⁰. Это придает настоящей работе дополнительную актуальность.

В Советском Союзе официально русская история не признавалась и такой специальности не было даже на исторических факультетах. Вместо «истории России» культивировался комплекс нарративов об «истории СССР»⁴⁴¹, что закономерно вело к некоему ментальному конфликту русских историков в системой. В такой ситуации первейшей задачей русских интеллектуалов в культивировании национальной идентичности было доказать само право русских на свою национальную культуру, ее существование и естественность. Поэтому, национальные настроения русских интеллектуалов диктовались им их «повседневным опытом»⁴⁴² разрушения русской идентичности в межвоенный период, а не сформировавшейся национальной идеологией, так как идейная платформа русского движения была размыта.

В данном контексте связь исторических исследований с политическими процессами становится очевидной. Если в союзных республиках, национально ориентированные интеллектуалы пытались использовать историю для легитимации политических процессов⁴⁴³ в конфликте с соседями (например, армяно-азербайджанские исторические дискуссии), то русские

⁴³⁷ Когут З.Е. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні. - С. 222.

⁴³⁸ См. по этой проблематике: Mazour A. Modern Russian Historiography / A. Mazour. . - Westport, 1975.

⁴³⁹ Смит Э.Д. Национализм и историки. - С. 260.

⁴⁴⁰ См. напр.: Kuzio T. Historiography and National Identity among the Eastern Slavs: Towards a New Framework / T. Kuzio // National Identities. - 2001. - Vol. 3. - No 2. - P. 109 - 132; Sluga G. Identity, gender and the history of European nations and nationalism / G. Sluga // Nations and Nationalism. - 1998. - Vol. 4. - No 1. - P. 87 - 111; Tillet L.R. Nationalism and History / L. Tillet // Problems of Communism. - 1967. - Vol. XVI. - No 5. - P. 36 - 45; Friedman J. The Past in the Future; History and the Politics of Identity / J. Friedman // American Anthropologist. - 1992. - Vol. 4. - No 2; Friedman J. Myth, History and Political Identity / J. Friedman // Cultural Anthropology. - 1992. - Vol. 7. - No 2.

⁴⁴¹ По проблеме «истории СССР» как предмета и явления см.: Velychenko S. National History and the "History of the USSR": the Persistence and impact of Categories / S. Velychenko // Nationalism and History. The Politics of Nation-Building in Post-Soviet Armenia, Azerbadzhan, and Georgia. - Toronto, 1994.

⁴⁴² Геллнер Э. Пришествие национализма. - С. 176.

⁴⁴³ Об этой функции исторической науки см.: Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // An Imperio. - 2003. - № 1. - С. 485.

историки не играли этой легитимирующей функции в силу их подчиненности власти и некоторой интегрированности в советский аппарат. Поэтому русское национальное (националистическое) движение в СССР было очень слабо⁴⁴⁴, не имело четкой политической программы, а проявлялась, скорее, в сфере культуры и исторических исследований.

Несмотря на то, что все русское перестало рассматриваться как проявление буржуазности, контрреволюционности и буржуазных пережитков и предрассудков, ее положение было ничуть не лучше чем культур в национальных республиках. Национально настроенная русская культурная и интеллектуальная элита была вынуждена адаптировать специфику своей националистической риторики к требованиям «советского идеологического текста». В такой ситуации естественно усиливались концептуальные противоречия между националистически настроенной интеллигенцией и сторонниками коммунистической доктрины. С другой стороны, интеллектуалы осознавали, что не в силах противостоять советской государственной машине и, поэтому, дискурс национальности из сферы политики переместился в дискурс культуры⁴⁴⁵.

Такая ситуация сложилась во второй половине 1930-х годов, а Великая отечественная война лишь законсервировала ее. Никогда не выходя за рамки официального советского канона, русские интеллектуалы все же пытались сохранить свою идентичность и использовали для этого исторические исследования, в которые проникают национально маркированные проблемы и начинают изучаться сюжеты важные для национальной истории. История СССР начинает рассматриваться как история почти исключительно русская, а иностранные факторы в развитии славян признаются незначительными. В связи с этим резкой критике подвергается норманнская теория⁴⁴⁶. С другой стороны подчеркивается преемственность Киевской Руси с Московским государством не только в политической, но и этнической сфере. СССР все более отходит от принципов межвоенной национальной политике, и равенство советских народов эволюционируют в сторону чисто внешнего декларирования их прав при их реальном игнорировании и несоблюдении. В такой ситуации русские историки создают свой национальный пантеон на вершину которого ими возводится Иван Грозный как подлинно национальный и народный, в их понимании, правитель⁴⁴⁷. Русскими советскими интеллектуалами начинает и изучаться само

⁴⁴⁴ Об особенностях русского национализма в советский период см.: Lieven A. The Weakness of Russian Nationalism / A. Lieven // *Survival*. - 1999. - No 2. - P. 53 - 70.

⁴⁴⁵ Об этих процессах см.: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 - 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. - 2003. - No 1. - С. 150 - 157.

⁴⁴⁶ Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства / Б.Д. Греков. - М., 1942.

⁴⁴⁷ Виппер Р.Ю. Иван Грозный / Р.Ю. Виппер. - М., 1944; Бахрушин С.В. Иван Грозный / С.В. Бахрушин. - М., 1942; Смирнов И.И. Иван Грозный / И.И. Смирнов. - Л., 1944.

русское государство, которое осознается все более как национальное государство именно русских⁴⁴⁸.

Во второй половине 1950-х годов, с приходом к власти Н. Хрущева, отношение к русской культуре меняется. По ряду направлений наблюдается реставрация межвоенной ситуации и отношения к культуре, при котором все русское игнорировалось, памятники культуры не охранялись, храмы и церкви закрывались и уничтожались. Партийная номенклатура не проявляла заинтересованности в развитии культуры, так как в ней не видели большой пользы для строительства коммунизма. К тому же культурные элиты в национальных республиках и даже некоторых автономиях в РСФСР нередко в русской культуре видели своего врага, не проявляли заинтересованности в ее развитии и сохранении. Таким образом, русские интеллектуалы не могли ожидать поддержки с их стороны и в сфере поддержания своей идентичности в культурной сфере были вынуждены действовать самостоятельно.

Понимая это, русские национально мыслящие интеллектуалы начиная с 1950-х годов стали крайне много внимания уделять проблемам сохранения русской национальной культуры. Русские авторы стали рассматривать русскую культуру как национальную и национально значимую. В 1960-е годы зазвучали голоса, которые призывали к ее активному изучению к созданию обобщающих исследований. В 1961 году Д. Лихачев, например, писал о том, что надо «создать историю культуры русского народа»⁴⁴⁹. После этого русская история и культура стала интерпретироваться в более русском и национальном ключе. Возрос интерес к истории русской культуры на всех ее этапах, особенно к древнерусской культуре⁴⁵⁰. Специфика русской культуры стала рассматриваться как ее достоинство, а не как буржуазный пережиток. Русская культура стала преподноситься как средоточие национальных традиций, как опора гуманизма. Более того, русская культура была осознана как неотъемлемая часть мировой культуры (под этим термином понималась, как правило, европейская культура), сохранившая свое национальное своеобразие⁴⁵¹.

⁴⁴⁸ Снегирев В. Иван Третий и его время. Образование Русского национального государства / В. Снегирев. - М., 1942; Базилович К.В. Образование Русского национального государства / К.В. Базилович. - М., 1946.

⁴⁴⁹ Лихачев Д.С. Создать историю культуры русского народа / Д.С. Лихачев // Литературная газета. - 1961. - № 37.

⁴⁵⁰ Еремин И. О художественной специфике древнерусской литературы / И. Еремин // Русская литература. - 1958. - № 1. - С. 75 - 82; Еремин И. К спорам о реализме в древнерусской литературе / И. Еремин // Русская литература. - 1959. - № 4. - С. 3 - 8; Лихачев Д.С. К вопросу о зарождении литературных направлений в русской литературе / Д.С. Лихачев // Русская литература. - 1958. - № 2. - С. 3 - 13; Лурье Я. О художественном значении древнерусской прозы / Я. Лурье // Русская литература. - 1964. - № 2. - С. 3 - 28.

⁴⁵¹ Адрианова-Перетц В.П. Об основах художественного метода древнерусской литературы / В.П. Адрианова-Перетц // Русская литература. - 1958. - № 4. - С. 61 - 70; Адрианова-Перетц

Наряду с этим, русские интеллектуалы понимали, что история культуры включает в себе преемственность между различными историческими эпохами, в независимости от характерного для них социального и экономического строя. Они поняли то, что изучение истории культуры будет способствовать национальной консолидации, так как сможет привести к «осознанию общности исторического опыта»⁴⁵². Как бы ни было неприятно партийным функционерам и официальной цензуре, русские интеллектуалы выводили советскую культуру из старой русской культуры. Согласно их выводам, русская культура прошла в своем развитии ряд взаимосвязанных этапов - древнерусская, культура XIII - XVII веков, культура XVIII века, русская классическая культура XIX века, советская культура. Таким образом, выходило, что культура советская в одинаковой степени продолжательница не только традиций Чернышевского и Белинского, но и церковной культуры средневековой Руси. Эта мысль присутствовала в ряде работ, хотя русские интеллектуалы, лавируя в условиях цензуры, были больше вынуждены писать о преемственности между древнерусской культурой и писателями XVIII - XIX веков⁴⁵³.

Национально ориентированное изучение культуры было невозможно без сохранения ее памятников. Несмотря на то, что церкви и храмы закрывались и разрушались, русские национально мыслящие авторы пытались сохранить их. В споре с партийными властями они, как правило, были слабы. Поэтому, они переключились на сохранение литературного, книжного и рукописного, наследия. Несмотря на официальные лозунги о бережном отношении к памятникам литературы и их сохранении, советские власти в них были совершенно незаинтересованны и многие памятники русской литературы погибли. Осознавая, что такая судьба постигнет и оставшееся наследие, русские интеллектуалы с 1950-х годов начали издавать важнейшие памятники русской литературы, создавая тем самым источниковедческую базу для исследований и облегчая и стимулируя саму исследовательскую работу.

В рамках этой компании впервые были изданы (или переизданы) многие памятники русской литературы и русского языка. Среди публикаций подобного плана наиболее важны «Александрия», «Мерило праведное», «Новгородская харатейная летопись», «Повести о начале Москвы», «Повесть о Дракуле». Одно только «Слово о полку Игореве» издавалось несколько раз в разных редакциях и переводах⁴⁵⁴. Таким образом, история,

В.П. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI - XV вв.) / В.П. Адрианова-Перетц // ТОДРЛ. - Т. XVI. - М.-Л., 1960. - С. 5 - 35.

⁴⁵² Тош Д. Стремление к истине / Д. Тош. - М., 2000. - С. 11 - 15.

⁴⁵³ Водовозов Н.В. Традиции древнерусской литературы в творчестве М.В. Ломоносова / Н.В. Водовозов // Ученые записки Московского государственного педагогического института. - № 190. Теория и история русской литературы. - 1963. - С. 3 - 16.

⁴⁵⁴ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / ред. Д.С. Лихачев. - М.-Л., 1965; Мерило праведное. По рукописи XIV века / ред. М.Н. Тихомиров. - М.,

обращение к памятникам прошлого, в том числе и литературным, стало важным элементом русского национального проекта в исполнении советских интеллектуалов, начиная со второй половины 1950-х годов, выполняя свои функции в создании идентичности. Вместе с тем исследования в сфере истории культуры расширяли число дозволенных для изучения тем, способствуя тому, что постепенно русские интеллектуалы начинают обращаться к изучению проблем, где идентичность была более очевидна и национально маркирована.

Без истории нация не является нацией и, поэтому, императив о написании истории очень важен для любых националистов⁴⁵⁵, в том числе - и для русских интеллектуалов в СССР. Поддержание и культивирование идентичности имело место в рамках интерпретации исторических событий⁴⁵⁶. Этот процесс протекал в нескольких направлениях. Изучение истории русской культуры было вместе с тем и изучение истории русского языка. примечательно то, что обобщающие труды, посвященные этой проблематике в русской перспективе, появляются позднее чем исследования по истории союзных республик ССР⁴⁵⁷. При всей противоречивости этих изданий и очевидной тенденции к преувеличению русского фактора, они все же имели национальную направленность, в то время как национальные ориентиры в русской советской историографии проявлялись не так открыто.

Поэтому именно относительно нейтральная и политически менее опасная история языка, в свою очередь, выводила к проблемам становления русской нации. Он начал признаваться как национальный, как язык развития русской литературы. К нему стали относиться с большим уважением и воспринимать как своего рода живое олицетворение всей русской национальной культуры. В связи с этим особо подробно стала изучаться история русского языка. В 1956 году вышло одно из первых исследований, где эти идеи были высказаны более или менее открыто⁴⁵⁸. После «Начального этапа формирования национального языка (на материале русского

1961; Новгородская харатейная летопись / ред. М.Н. Тихомиров. - М., 1964; Нижний Новгород в XVII веке. Сборник документов / сост. Н.И. Привалова. - Горький, 1961; Памятники русского народно-разговорного языка XVIII столетия / ред. С.И. Котков, Н.И. Тарабасов. - М., 1965; Повести о начале Москвы / ред. М.А. Салмина. - М.-Л., 1964; Повесть о Дракуле / ред. Я.С. Лурье. - М.-Л., 1963.

⁴⁵⁵ Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // *Ab Imperio*. - 2004. - No 1. - P. 467.

⁴⁵⁶ *Umkämpfte Vergangenheit. Geschichtsbilder, Erinnerungen and Vergangenheitspolitik im internationalen Vergleich* / hrsg. P. Bock, E. Wolfrum. - Göttingen, 1999.

⁴⁵⁷ См. например публикации по истории союзных республик: История Украинской ССР. - Т.1 - 2. - Киев, 1956 - 1957; История Белорусской ССР. - Т. 1 - 2. - Минск, 1954, 1958; История народов Узбекистана. - Т. 1 - 2. - Ташкент, 1947, 1950; История Узбекской ССР. - Т. 1 - 2. - Ташкент, 1955, 1957; История Литовской ССР. - Т. 1 - 2. - Вильнюс, 1953, 1957.

⁴⁵⁸ Булахов М.Г. Московский летописный свод как памятник русского литературного языка / М.Г. Булахов // Начальный этап формирования национального языка (на материале русского языка). - Л., 1956. - С. 9 -11.

языка)», коллективного явно национально ориентированного издания, вышедшего в 1961 году⁴⁵⁹, последовали другие издания подобного плана.

Русские национально мыслящие интеллектуалы создали ряд исследований по истории русского языка, где он рассматривался неотрывно от русской национальной литературы и истории⁴⁶⁰. Особо изучался древнерусский язык - в нем искали истоки современного русского языка, проводили преемственность между ними. Язык был главным каналом связи с прошлым. На нем были написаны как источники, так и более ранние дореволюционные исследования. Его сохранение подтверждало континуитет в развитии именно национальных традиций в русской культуре. В такой форме, русские интеллектуалы апеллировали к прошлому, национальным традициям⁴⁶¹.

Самым крупным национальным проектом второй половины 1950-х годов стало издание коллективной монографии «Вопросы формирования русской народности и нации». Выходу книги предшествовала «полемика» по различным аспектам этой проблемы, в рамках которой ее участники утверждали тезис о преемственности русских с древнерусской народностью и вторичность появления украинцев и белорусов в качестве самостоятельных общностей⁴⁶². Появление этого исследования, с одной стороны, демонстрировало то, что в поддержании своей идентичности русские интеллектуалы стали более активны, с другой, она показывала и то, что они пребывали на перепутье: ссылки на В.В. Ленина соседствуют с цитатами из сочинений И. Сталина. В целом появление этого коллективного исследования было призвано историзировать русских, укрепить самосознание нации и утвердить ее господствующее положение среди других народов СССР. И, действительно, авторы статей настойчиво проводили идею о политической преемственности Киевской Руси, Владимиро-Суздальского княжества и Московского государства. Русские преподносили себя как прямые наследники древнерусской народности, а украинцы и белорусы почти как случайные боковые ответвления⁴⁶³. В то же время подчеркивалась их общность, а ее русский вариант рассматривался как классический. Укра-

⁴⁵⁹ Начальный этап формирования русского национального языка. Сборник статей. - Л., 1961.

⁴⁶⁰ Виноградов В.В. Основные вопросы изучения образования и развития древнерусского литературного языка / В.В. Виноградов. - М., 1958.

⁴⁶¹ Данилова Л.В. Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России / Л.В. Данилова // Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей. - М.-Л., 1958. - С. 106 - 154; Львов А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А.С. Львов. - М., 1966.

⁴⁶² Мавродин В.В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации / В.В. Мавродин // Советская Этнография. - 1947. - № 4. - С. 84 - 102; Мавродин В.В. Формирование русской нации. Стенограмма публичной лекции / В.В. Мавродин. - М., 1947; Мавродин В.В. Основные этапы этнического развития русского народа / В.В. Мавродин // Вопросы истории. - 1950. - № 4. - С. 55 - 70.

⁴⁶³ Вопросы формирования русской народности и нации. Сборник статей / ред. Н.М. Дружинин, Л.В. Черепнин. - М., 1958.

инцам и белорусам в такой интерпретации автоматически отводилась второстепенная роль, что нашло свое отражение и в других исследованиях того периода⁴⁶⁴.

В 1966 году русские интеллектуалы добились издания «Словаря древнерусского языка»⁴⁶⁵, что стало их определенной победой в противостоянии с советской политикой денационализации и дегуманизации общества. В целом, советские русские интеллектуалы фактически реанимировали старую дореволюционную схему истории: если раньше фигурировал великорусский народ, а украинцы и белорусы не признавались в качестве самостоятельных наций, то в официальном советском нарративе доминировали русские образы, подчеркивалась преемственность между Древней Русью и Московским государством, а украино-белорусские сюжеты игнорировались⁴⁶⁶. Такая ситуация не устраивала нерусских интеллектуалов, так как в ней они видели дискриминацию себя со стороны русских⁴⁶⁷. Однако их недовольство носило скрытый характер, так как советский режим пытался нивелировать национальные противоречия, подавляя, с одной стороны, «буржуазный националист», а, с другой, игнорируя реально существовавшие национальные конфликты.

Изучение истории языка вело советских русских интеллектуалов к изучению проблем региональной истории. Этому способствовало, с одной стороны, то, что русский язык в разных регионах русского государства отличался; с другой, ряд регионов развивался независимо друг от друга обладая своими локальными особенностями, что вело к появлению культурной местной специфики. Именно она привлекала особое внимание русских интеллектуалов в 1950-1960-е годы. Эта тема исследовательской деятельности была особенно актуальна и по той причине, что советская власть привела к нивелировке региональной культурно-языковой специфики, ее ассимиляции. В рамках изучения данной проблематики, русские интеллектуалы особое внимание уделяли особенностям культуры, языка и истории Новгорода, Пскова, Твери, Русского Севера. Новгородский период в исто-

⁴⁶⁴ Токарев С.А. О культурной общности восточнославянских народов / С.А. Токарев // СЭ. - 1954. - № 2. - С. 21 - 31; Маслова Г.С. Историко-культурные связи русских и украинцев / Г.С. Маслова // СЭ. - 1954. - № 2. - С. 42 - 59; Зеленин Д.К. Об исторической общности культуры русского и украинского народов / Д. Зеленин // СЭ. - Вып. 3. - 1941; Зеленин Д.К. Воссоединенные украинцы / Д. Зеленин // СЭ. - Вып. 5. - 1941; Динцес Л.А. Историческая общность русского и украинского народного искусства / Л. Динцес // СЭ. - Вып. 5. - 1941.

⁴⁶⁵ Словарь древнерусского языка XI - XIV веков / ред. Р.И. Аванесов. - М., 1966.

⁴⁶⁶ См.: Velychenko S. Shaping Identity in Eastern Europe and Russia / S. Velychenko. - NY., 1993; Velychenko S. The Origins of the Official Soviet Interpretation of Eastern Slavic History. A Case Study of Policy Formulation / S. Velychenko // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. - Bd. 46. - 1992.

⁴⁶⁷ По проблеме русско-нерусских отношений в плоскости историографии см. исследование Л. Тиллета, которое сохраняет свою актуальность, несмотря на то, что вышло более тридцати лет назад: Tillet L.R. The Great Friendship. Soviet Historians on Non-Soviet Nationalities / L. Tillet. - Chapel Hill, 1969

рии России позиционировался как один из самых последовательных европейских этапов.

Местная русская культура воспринималась как культура европейского плана, испытывавшая влияние со стороны культурных веяний из Европы⁴⁶⁸. В отношении Пскова подчеркивались элементы локальности и уникальности местной культуры, в первую очередь языка⁴⁶⁹. Тверь усилиями русских интеллектуалов, которые подчеркивали не только культурный, но и политический вес Твери, превратилась в один из центров политического объединения России и развития русского языка⁴⁷⁰. Территории Русского Севера осознавались как периферия русского культурного влияния, как один из центров развития и сохранения русскости в исторической перспективе. Признавая поздний характер колонизации и отсутствие политического веса среди других русских территорий, особое внимание в такой ситуации акцентировалось именно на языковых и культурных аспектах⁴⁷¹. Таким образом, изучение русской истории в локальной перспективе еще раз подчеркивало то, что значительная часть интеллектуалов была национально ориентирована.

Как бы ни были интересны локальные особенности исторического развития, как бы они ни способствовали пробуждению национальных и патриотических чувств - русские интеллектуалы все же искали то, что можно было использовать как символ национального единства. В качестве такого русского национального символа преподносилось «Слово о полку Игореве». «Слово», которое неоднократно переиздавалось⁴⁷², превратилось в своеобразное литературное место памяти, в плоскости которого русские интеллектуалы развивали свои национально ориентированные нарративы.

⁴⁶⁸ Азбелев С.Н. Новгородские местные летописцы / С. Азбелев // ТОДРЛ. - Т. XV. - М.-Л., 1958. С. 364 - 370; Азбелев С.Н. Описание древнерусских летописей новгородского городского архива / С. Азбелев // ТОДРЛ. - Т. XV. - М.-Л., 1958. - С. 418 - 423; Вилинбахов В.Б. Древнейшее русское известие о походе новгородцев «за море» / В. Вилинбахов // Вопросы истории. - 1963. - № 1. - С. 196 - 199.

⁴⁶⁹ Максимов В.И. Местная лексика в Псковской первой летописи / В.И. Максимов // Ученые записки ЛГПИ. - 1958. - Т. 113. Труды кафедры русского языка. - С. 169 - 211.

⁴⁷⁰ Туркина Р.В. Об отражении диалектных особенностей в памятниках тверской письменности XV - XVI веков (на материале «Инока Фомы слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче») / Р.В. Туркина // Ученые Записки Великолукского педагогического института. - 1959. - Т. IV. - Вып. 3. Кафедра русского языка. - С. 65 - 79; Туркина Р.В. Об отражении диалектных особенностей в памятниках тверской письменности XV - XVI веков (на материале инока Фомы «Слова похвального о благоверном великом князе Борисе Александровиче») / Р.В. Туркина // Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. - 1961. - Т. 100. Труды кафедры русского языка. - Вып. 6. - С. 205 - 217.

⁴⁷¹ Белов М.И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания / М. Белов // ТОДРЛ. - Т. XIV. - М.-Л., 1958. - С. 234 - 240; Рыбаков Б.А. Русский север и историческое место его культуры / Б. Рыбаков // Памятники культуры русского Севера. - М., 1966. - С. 12 - 14.

⁴⁷² Слово о полку Игореве / вступ. статья, ред., пер. с древнерусского Д.С. Лихачева. - М., 1961; Слово о полку Игореве / сост. и подгот. текстов Д.С. Лихачев, И.П. Еремнин. - М., 1967; Слово о полку Игореве / сост. и подгот. текстов А.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. - Л., 1967.

Изучением «Слова» занимались виднейшие историки русской литературы и языка - Д.С. Лихачев⁴⁷³ и В.П. Адрианова-Перетц⁴⁷⁴. В течение нескольких лет их усилиями выходил многотомный словарь-справочник, посвященный «Слову»⁴⁷⁵.

Оно представлялось как вершина древнерусской литературы, как ярчайшее проявление русского национального духа, как важнейшее произведение патриотической направленности, как основной источник по истории русского языка. «Слово» оценивалось как подтверждение преемственности исторического и культурного русского развития. «Слово» позиционировалось как образец для средневековых русских книжников. Русские интеллектуалы не ставили под сомнение подлинность «Слова» - отступление от этого утверждения рассматривалось как своего рода научная ересь, отсутствие патриотизма. В 1950-1960-е годы была возможна интерпретация «Слова» как памятника русской литературы XIII века⁴⁷⁶. Анализ «Слова о полку Игореве» стал, своего рода, важнейшим национальным проектом русских интеллектуалов 1950-1960-х годов. Именно в его изучении апробировались и тестировались различные русские национальные исторические нарративы.

Таким образом, доказывалось, что русская литература на протяжении ее истории оперативно знакомилась с европейскими литературными традициями через переводы, а европейские авторы преподносились как исследователи русской культуры. Кроме этого, русские интеллектуалы 1950-1960-х годов распространяли на историю русской культуры общеевропейские направления, такие как Возрождение, гуманизм, Просвещение⁴⁷⁷. Поэтому мы можем говорить о том, что в русских исторических исследованиях в СССР, используя терминологию З.Е. Когута, произошел «концептуальный прорыв»⁴⁷⁸, выразившийся в расширении тематики исследований и их постепенной переориентацией в сторону собственно национальной истории.

⁴⁷³ Лихачев Д.С. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос его подлинности / Д.С. Лихачев // «Слово о полку Игореве» - памятник XII века. М.-Л. 1962. С. 5 – 78.

⁴⁷⁴ Адрианова-Перетц В.П. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» / В.А. Адрианова-Перетц // «Слово о полку Игореве» - памятник XII века. - М.-Л., 1962. - С. 131 - 168.

⁴⁷⁵ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». - Вып. 1 - 5. - Л., 1965 - 1978.

⁴⁷⁶ Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о полку Игореве» / Ю. Бегунов. - М.-Л., 1965; Булаховский Л.А. К лексике «Слова о полку Игореве» / Л. Булаховский // ТОДРЛ. - Т. XIV. - М.-Л., 1958. - С. 33 - 36; Дмитриев Л.А. История первого издания «Слова о полку Игореве». Материалы и исследования / Л. Дмитриев. - М.-Л., 1960.

⁴⁷⁷ Голенищев-Кутузов И.Н. Проблемы влияния и национального своеобразия в славянских литературах эпохи Ренессанса / И.Н. Голенищев-Кутузов // Взаимосвязи и взаимодействие национальных литератур. - М., 1961. - С. 239 - 248; Державина О.А. Переводная новелла на русской почве в XVII - XVIII веках / О. Державина // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Сборник статей. - М., 1961. - С. 133 - 147; Державина О.А. Перспективы изучения переводной новеллы XVIII века / О. Державина // ТОДРЛ. - Т. XVIII. - М.-Л., 1962. - С. 176 - 187.

⁴⁷⁸ Когут З.Е. История як поле битви. - С. 221.

Русские интеллектуалы подобно интеллектуалам в других национальных республиках нередко использовали историю для поддержания и культивирования своей национальной идентичности и памяти. При этом, если интеллектуалы в Украинской или Латвийской ССР в качестве основной угрозы своей идентичности видели русское влияние, то русские интеллектуалы были склонны видеть основную угрозу в политической системе, которая игнорировала национальные традиции и не проявляла заинтересованности в их сохранении.

Постепенно сферы приложения энергии русских интеллектуалов значительно расширились и от призывов защиты памятников русского зодчества они перешли к более сфокусированному изучению русской национальной истории. Изучение истории шло в нескольких направлениях. Особое внимание уделялось языку и литературе, которые рассматривались как некие воплощения самой русской истории. В таком контексте русские интеллектуалы акцентировали свое внимание на преемственности между различными периодами русской истории, доказывая наличие единого исторического процесса со времен Киевской Руси до современности. Этим самым подчеркивалось их особое положение среди других славянских, украинских и белорусских интеллектуалов, которые автоматически были вынуждены довольствоваться своеобразным статусом «младших братьев». Возможно, не желая того, русские интеллектуалы трансформировали свою историю в главную историю среди всех историй народов Советского Союза.

Отличительной чертой русской историографии в СССР был двойственный характер. С одной стороны она вынуждено была развиваться в рамках официального советского канона, существование которого диктовало те или иные нарративы, которые следовало, или, наоборот, не следовало, развивать. С другой стороны, русские интеллектуалы унаследовали определенные нарративы от своих дореволюционных предшественников, которые имели в первую очередь не политический, а национальный характер. Поэтому, советская русская историография развивалась, постоянно лавируя между официальными требованиями цензуры и постепенно формирующимся комплексом национальных нарративов.

Помимо этого, исторические исследования формировали и комплекс мест памяти. Сначала в качестве таковых воспринимались отдельные памятники русской культуры, в первую очередь - зодчества. Обращение к этой тематике было вызвано их плачевным состоянием, угрозой их уничтожения и лишь позднее их изучение переросло в национальный проект, призванный показать русским, что их история имеет свои реальные воплощения. Позднее комплекс мест памяти меняется и в значительной степени расширяется. В качестве мест памяти начинают осознаваться уже отдельные русские земли и княжества, в развитии которых, по мнению русских интеллектуалов, проявились различные особенности, как политиче-

ской, так и культурной истории. Возможно, обращение к местам памяти в такой перспективе имело функцию и поддержания русских локальных особенностей, которые усилиями советских властей размывались и разрушались.

Таким образом, исторические исследования все же в значительной степени продолжали оставаться лояльными, а степень их оппозиционности, по сравнению с историографиями национальных республик, была не столь значительна. Возможно, такая ситуация сложилась в силу того, что русские интеллектуалы могли воспринимать СССР как именно свое государство. С другой стороны, им никто не угрожал ассимиляцией и потерей языка и национальной культуры. Их пугала лишь перспектива деформации языковой и культурной сферы, ее излишняя идеологизация. Вместе с тем, сохранение жесткого политического контроля и цензуры не позволили русским интеллектуалам создать исследования, посвященные именно русской истории. Их постоянно преследовал комплекс советскости. Вместе с тем, национальная активизация, начавшаяся во второй половине 1950-х годов, превратила историческую науку в один из важнейших каналов поддержания национальной идентичности и исторической памяти, связь которых с историческими исследованиями нуждается в дальнейшем изучении. К этой проблеме, но в ином историческом и географическом дискурсах, мы с вами будем неоднократно обращаться в последующих лекциях.

2.4. Интеллектуальная рефлексия в контексте «воображаемых сообществ»

Социалистическая Федеративная Республика Югославия представляла собой эксперимент строительства коммунистического общества в многонациональном государстве. Создание нового общества требовало от коммунистов, пришедших к власти после второй мировой войны, серьезных изменений в национальной политике, так как межвоенный великосербский национализм оказался уже неприемлем. В качестве образца решения национальных проблем была взята советская модель. Если межвоенная Югославия бала государством неравноправных наций, то послевоенная выглядела уже несколько иначе. Хотя претензии сербов (представленных не националистами, а сербскими коммунистами) имели место, но они уравнивались амбициями представителей местных партийных национальных элит. Страна стала «...народным государством с федеральной формой правления, содружеством равноправных народов...»⁴⁷⁹. В послевоенной Югославии постепенно складывался новый канон межнациональных отношений, в рамках которого все народы были в принципе равны, но особая роль сербов негласно на правительственном уровне существовала.

⁴⁷⁹ История Югославии. – М., 1963. – Т. 2. – С. 257.

Национальная проблема в СФРЮ не была окончательно решена. Национализм продолжал играть определенную роль в политической жизни послевоенной Югославии в целом. Его роль в национальных республиках более очевидна. Местные политические элиты, хотя и стояли на социалистических позициях, декларировали свою верность Белграду, тем не менее, в зависимости от ситуации они оставались именно хорватской, словенской или македонской элитой. Несмотря на то, что сербский национализм ослаб, он продолжал играть роль, и национальные элиты на местах питали определенные опасения в отношении возможной национальной политики проводимой из центра. Поэтому, усилиями местных интеллектуалов на местах культивировались местные национальные идентичности, сложившиеся в более ранний период. Если в отношении Хорватии и Словении значительных затруднений в определении политических симпатий и наклонностей элит не возникает (местные идентичности возникли еще в XIX веке, а к моменту образования СФРЮ были уже сильны), то случай Македонии - особый.

До 1945 года македонцы не имели своей государственности, проживая на территории Югославии, Болгарии и Греции. Поэтому создание Республики Македония в составе СФРЮ было значительным успехом македонского национального движения. Местные лидеры, помня о ранней и острой политической полемике с сербскими, болгарскими и греческими националистами, решили использовать ситуацию для развития македонской национальной идентичности. Действительно, если ранее македонцы рассматривались как этнографическая группа болгар, сербов и даже греков, а их язык как диалект, то с 1945 года ситуация радикально изменилась. Они не только были признаны нацией со своим языком и культурой, они не только обрели свою государственность (пусть, в форме федерации) - они получили возможность свободного развития своей национальной идентичности. Важными стимулами для ее развития стали размышления македонских интеллектуалов вокруг возникновения македонской нации, македонского этногенеза. Наиболее важными и национально маркированными были заключения Д. Ташковски⁴⁸⁰. На страницах его исследований научный анализ соседствует с идеями македонского национализма и националистической фразеологией⁴⁸¹.

Отличительная черта истории Македонии послевоенного периода - особая роль национализма в политической жизни. Национализм стал политической нормой, и в рамках Социалистической Республики Македонии местные интеллектуалы взяли курс на построение македонского национального государства, постоянно критикуя то, что соседние страны (Болгария и Греция) проводят политику «...непризнания нашей самобытности и

⁴⁸⁰ Ташковски Д. Роѓањето на македонската нација / Д. Ташковски. – Скопје, 1966; Ташковски Д. Етногенезата на македонскиот народ / Д. Ташковски. – Скопје, 1974.

⁴⁸¹ Ташковски Д. За македонската нација / Д. Ташковски. – Скопје, 1975.

элементарных национальных прав...»⁴⁸². Видимо, по данной причине в среде македонских интеллектуалов существовал особый специфический комплекс если не неполноценности, то повышенного желания доказать свою самость и утвердить себя в контексте соседних наций⁴⁸³, вписав историю Македонии в общие исторические процессы в регионе, доказать, что она и в прошлом не только имела свои особенности, но и контактировала с соседними территориями⁴⁸⁴.

Важная роль в развитии македонской национальной идентичности в СФРЮ принадлежала гуманитарным исследованиям, в особенности исторической науке и филологии. Если раннее они были маргинальны, а македонские историки оценивались как националистические публицисты, то после 1945 года македонская историография развивалась в относительно равных условиях с сербской, хорватской и словенской. Македонские историки, если не стали властителями дум, то авторитетом пользовались, и их роль в развитии македонского национального самосознания и идентичности сомнений не вызывает. Македонская историография прилагала немалые усилия для культивирования македонской исторической памяти, создавая особый комплекс национально ориентированных исторических нарративов, призванных доказать и показать, что македонцы являются самостоятельной нацией, которая имеет не только свой язык, но, что более важно, свою историю. Поэтому, поиски себя, поиски «своего голоса»⁴⁸⁵ стали рассматриваться не как македонский сепаратизм, а как вклад Македонии в развитие новой Югославии. Поэтому в Македонии, как и других республиках возникли научные и культурные учреждения. В 1947 году был создан Союз писателей Македонии⁴⁸⁶. В Македонии были созданы и Македонская Академия наук и искусств (Македонска академија на науките и уметностите), Архив Македонии (Архив на Македонија) Институт национальной истории (Институт за национална историја), Институт социологических и политико-правовых исследований (Институт за социолошки и политичкоправни истражувања), Институт македонского языка (Институт за македонски јазик).

Поэтому, в настоящей лекции будет рассмотрено, как македонские историки участвовали в развитии и культивировании македонской национальной идентичности, какие темы и сюжеты ей использовались для этого наиболее часто, каким закономерностям были подчинены эти национальные (или националистические) по своей природе построения и умозаключе-

⁴⁸² Чашуле К. Рамноправноста на јазиците / К. Чашуле // Чашуле К. Записи за нацијата и литературата / К. Чашуле. – Скопје. 1985. – С. 39.

⁴⁸³ Андонов-Полјански Х. Македонија и Словенија / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1978.

⁴⁸⁴ Доклестик Љ. Српско-македонските односи во 19 век / Љ. Доклестик. – Скопје, 1973.

⁴⁸⁵ Шопов А. Ищу свой голос / А. Шопов // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – М., 1988. – С. 89.

⁴⁸⁶ Ильина Г.Я. Литература Югославии / Г.Я. Ильина // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. 1945 - 1960. – М., 1995. – Т. 1. – С. 320.

чения. Что касается выбора анализируемых сюжетов, то он субъективен - все другие аспекты данной темы так же нуждаются в изучении. Я осознаю, что тема эта достойна лекционного курса, посвященного интеллектуальной истории национализма, чем лекции, но все же нам следует попытаться проанализировать ее важнейшие аспекты⁴⁸⁷.

Для культивирования македонской национальной идентичности были очень важны т.н. «места памяти» или «памятные места» - регионы, которые служили постоянным источником для стимулирования в развитии национальной идеи. По словам П. Нора, места памяти - объекты, которые способствуют сохранению национального и исторического тождества⁴⁸⁸. Главным «памятным местом» для македонских интеллектуалов была, скорее всего, сама Македония. В македонской историографии господствовал нарратив о том, что территория СМ Македонии включает в себя лишь незначительную часть исконно македонских территорий. Македонские историки считали, что в состав Македонии входит только 37.51 % ее исторических территорий, в то время как другие македонские земли находятся в Греции и Болгарии⁴⁸⁹. Македония была самым значимым «местом памяти», а представления македонских интеллектуалов о Македонии были скорее воспоминанием о ее великом прошлом. Именно поэтому, тема «Македонии» присутствует у большинства македонских поэтов. Анте Поповски, например, написал поэму «Македония»⁴⁹⁰, где им отмечалось, что и «свездите да шептат на македонски»⁴⁹¹. Послевоенная македонская литература пережила своеобразную трансформацию, «путь в Македонию», так как до этого македонские интеллектуалы писали не в македонском государстве, а независимая или автономная Македония оставалась для них идеалом. Поэтому «Путь в Македонию» Петре Бакевски - признак последовательной национализации македонской культурной жизни, свидетельство значительной роли национализма⁴⁹².

Скопье, столица Македонии, была главным местом памяти в Социалистической Республике Македонии. Конечно, македонские интеллектуалы были не против видеть в качестве столицы Салун (Салунь), но, так как это было невозможно они были вынуждены строить свои национальные концепции именно вокруг Скопье. В фундаментальных источниковых изданиях по истории Македонии документы подобраны таким образом, чтобы Салун упоминалась почти повсеместно именно в македонском националь-

⁴⁸⁷ Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination / S. Yekelchik. – Toronto, 2004

⁴⁸⁸ Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past / P. Nora. – NY., 1996.

⁴⁸⁹ История македонского народа / ред. М. Апостолски. – Скопье, 1975. – С. 5.

⁴⁹⁰ Поповски А. Македония / А. Поповски // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 164 - 167.

⁴⁹¹ Поповски А. Македонија / А. Поповски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 240.

⁴⁹² Бакевски П. Путь в Македонию / П. Бакевски // Навстречу солнцу. – С. 142.

ном контексте. Если речь заходит о болгарях или греках, то оценки негативны или нейтральны. В то же время Салун исторически позиционировалась как македонская территория. Скопье рассматривалось македонскими интеллектуалами (например, Блаже Конески) как символ Македонии, как некая данность, обеспечивающая континуитет македонской истории и связь между различными поколениями македонского народа⁴⁹³. Скопье рассматривалось как сердце Македонии, как город, становящийся именно македонским городом, а сама страна перестает быть европейской периферией⁴⁹⁴.

Не меньшие национальные ассоциации вызывал Охрид. Охриду посвятил одно из своих стихотворений Владо Урошевич⁴⁹⁵. Как и Скопье, Охрид - многозначное понятие для македонских интеллектуалов. Это и часть македонской земли («где-то есть этот остров»), и сама македонская история («уходящее время»)⁴⁹⁶. поэтому, призыв Гане Тодоровски «Дојди в Охрид» (в русском переводе: «Приезжайте в Охрид»)⁴⁹⁷ звучит почти как национальный лозунг. В македонском сознании Охрид был связан со Стругой. С 1960-х годов Струга стала превращаться в особый национальный символ, так как в городе было начало проведение Международного фестиваля поэзии. Струга была выбрана по той причине, что она была родиной братьев Миладиновых - первых македонских поэтов⁴⁹⁸. Таким образом, Струга стала не только символом, но и местом памяти.

В культивировании идеи о местах памяти в Македонии приняли участие не только писатели, но и историки. Если первые придавали тем или иным местам определенный национальный или националистический смысл, то вторые стремились распространить македонское осознание этих территорий и на прошлое. Таким образом, македонская интеллектуальная традиция историзировала национально маркированные места. В македонской исторической литературе особое внимание привлекал именно Охрид. Македонские интеллектуалы стремились вписать историю Охрида в общий македонский контекст⁴⁹⁹. Эта задача была важной, так как и болгарские и греческие историки были не прочь доказать, что Охрид - исключительно

⁴⁹³ Конески Б. Скопле / Б. Конески // Корни и звезды. – С. 75.

⁴⁹⁴ Тодоровски Г. Фуснота без повод / Г. Тодоровски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 156 - 161.

⁴⁹⁵ Урошевиќ В. Охрид / В. Урошевиќ // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 286.

⁴⁹⁶ Ивановски С. Охридские трубадуры / С. Ивановски // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 99.

⁴⁹⁷ Тодоровски Г. Дојди в Охрид / Г. Тодоровски // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 142 – 145; Тодоровски Г. Приезжайте в Охрид / Г. Тодоровски // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 124 - 125.

⁴⁹⁸ Гловјук С. Навстречу солнцу. Македонская поэзия XIX - XX веков в русских переводах / С. Гловјук // Навстречу солнцу. – С. 4.

⁴⁹⁹ Панов Б. Охрид во крајот на XI и почетокот на XII век во светлината на писмата на Теофелакт Охридски / Б. Панов // Зборник посветен на Димче Коцо. – Скопје. 1975.

болгарская или греческая историческая территория⁵⁰⁰. Помимо Охрида Прилеп так же был одним из мест памяти, который привлекал значительное внимание со стороны македонских интеллектуалов⁵⁰¹.

Понятие национальных классиков оказалось новым для послевоенных македонских интеллектуалов. В отличие от своих соседей по новой югославской федерации они не имели не только единой истории своей литературной традиции, но и литературы как таковой. Поэтому, немалые усилия ими прилагались именно для создания национальной культуры, в особенности - литературы. Ее культивирование было невозможно без учреждения особого пантеона героев и выдающихся деятелей прошлого, которые были признаны «отцами нации» и на которых следовало бы равняться македонской культурной элите. В такой ситуации в этот пантеон попали не только македонские деятели XIX века, но и современные авторы, так как деятелей прошлого для формирования нормальной (в представлении местных интеллектуалов, которые стремились наверстать упущенное как можно быстрее) культуры было просто мало.

Если в украинской идентичности положение «отцов нации» в зависимости от ситуации делили Т. Шевченко, И. Франко и М. Грушевський, то в послевоенной историографии Македонии на роль таких отцов нации претендовали «македонские революционеры»⁵⁰², деятели македонского национального движения - «заветные имена: Делчев, Петров, Санданский, Ацев»⁵⁰³. Одним из таких «отцов нации» стал Гоце Делчев. Македонские авторы были склонны возвести Делчева на вершину создаваемого ими национального пантеона, но перед ними на этом пути стояли их болгарские историки. На вопрос: «Чей Гоце Делчев?» македонские историки однозначно отвечали, что «македонский». Они подвергали критике идеи болгарских авторов, что тот был деятелем болгарского революционного движения. Македонские интеллектуалы с раздражением реагировали на периодически появляющиеся в болгарской прессе статьи о роли Г. Делчева в болгарской истории. Македонским авторам не нравилось то, что болгарские коллеги описывали его как исключительно «болгарского революционера», не упоминая о том, что тот «боролся за македонский народ»⁵⁰⁴.

Несмотря на полемику с болгарскими авторами, македонские авторы решили для себя ассоциировать и идентифицировать Делчева с Македонией. Тема Делчева стала одной из магистральных в македонской литературе. «Гоце» одно из наиболее национально окрашенных произведений Радована Пав-

⁵⁰⁰ Панов Б. Охрид и Охридската област во првите векови по словенската колонизација / Б. Панов // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. – 1978. – Кн. 4.

⁵⁰¹ Прилеп и Прилепско низ историјата. – Прилеп, 1971. – Кн. 1.

⁵⁰² Абациев Ѓ. Македонски революционери / Ѓ. Абациев. – Скопје, 1950.

⁵⁰³ Тодоровский Г. К Родине / Г. Тодоровский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 114.

⁵⁰⁴ Чашуле К Чиј е Гоце Делчев? / К. Чашуле // Политика. – 1967. – 26 јануари, 5 февруари.

ловски. Делчев предстает как македонский национальный деятель. Делчев в поэме Павловски говорит: «не смрт без слобода, не без Македонија». Павловски агиографически описывает македонских деятелей, они предстают как «влюбниците во слободата»⁵⁰⁵. Делчев всегда ставился македонскими интеллектуалами на первое место среди македонских деятелей прошлого. Сама Македония рассматривалась в первую очередь как именно, в первую очередь, «родина Делчева», а, во вторую очередь, как родина «любого из нас»⁵⁰⁶.

Не менее важная роль в культивировании национальной идентичности наряду с использованием образов македонских исторических деятелей, принадлежала и поддержанию идеи того, что современные македонские авторы являются не только их наследниками, но и интенсивно творят македонскую национальную идентичность и культуру. Действительно, они были и создателями современного македонского литературного языка⁵⁰⁷ и теми, кто широко начал его использовать в литературе, политике и науке. Первый роман на современном литературном македонском языке вышел в 1952 году. Эта особая роль македонских писателей, своеобразных живых классиков, была очевидна не только в самой Македонии (где вокруг них не возник культ, но сложилась некая атмосфера уважения и почитания), но и в остальных югославских республиках, критики которых отмечали стремительный рост, начиная почти с нулевых стартовых условий⁵⁰⁸. Комментируя эту ситуацию, А. Спасов писал, что македонскую культуру после второй мировой войны «характеризует необычайно сильное стремление наверстать упущенное время, ускорить развитие всего того, что не могло нормально и естественно развиваться из-за тяжелых исторических условий»⁵⁰⁹.

Как и в других славянских странах (например, в Украине) в культивировании национального пантеона приняли участие не только представители творческой интеллигенции, но и историки. Для последних македонские деятели были особо важны, так как служили примером борьбы за создание национального македонского государства. В ряде случаев они рассматривались как непосредственная персонификация исторического процесса в Македонии. Македонские историки создали особый жанр почти агиогра-

⁵⁰⁵ Павловски Р. Гоце / Р. Павловски // Kereski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 426 - 435.

⁵⁰⁶ Тодоровский Г. К Родине / Г. Тодоровский // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 114.

⁵⁰⁷ Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик / Б. Конески. – Скопје, 1952.

⁵⁰⁸ Конески Б. Мостот / Б. Конески. – Скопје, 1945; Конески Б. Македонската литература во 19 век / Б. Конески. – Скопје, 1952; Јаневски С. Село за седумте јасени / С. Јаневски. – Скопје, 1952; Георгиевски К. Македонскиот роман 1952 – 1982 / К. Георгиевски. – Скопје, 1983; Ивановић Р. Портрети македонских писаца / Р. Ивановић. – Цетиње, 1975.

⁵⁰⁹ Спасов А. Послератна македонска поезија / А. Спасов // Македонска књижевност. – Београд, 1961. – С. 162 – 163.

фических жизнеописаний македонских деятелей прошлого⁵¹⁰. Симпозиумы и конференции, посвященные тем или иным историческим фигурам, например Джорче Петрову и Пере Тошеву или Яне Сандански⁵¹¹, стали распространенной практикой в интеллектуальной жизни Македонии.

С великими македонскими деятелями прошлого был связан ряд национальных издательских проектов. Македонские интеллектуалы издавали капитальные труды, посвященные жизни и деятельности наиболее национально значимых фигур македонской истории. В этом случае Мисириков и Делчев были фигурами, конечно, значимыми, но очень неоднозначными. Македонские историки создали несколько канонических жизнеописаний и биографий Гоце Делчева⁵¹². Нередко эти издания носили юбилейный характер⁵¹³. Что касается Мисирикова, в национальном пантеоне он превратился в одного из идеологов создания независимой Македонии. Если Делчев - отец революции, то Мисириков - фигура в большей степени политическая и даже интеллектуальная. Интерес и проявление внимания к этим фигурам в среде македонских интеллектуалов имел циклический характер. Волна публикаций о Мисирикове захлестнула македонскую прессу в 1960-е годы. В 1956 году вышло одно из первых юбилейных исследований о Мисирикове. В 1966 и 1976 году (сорокалетие и пятидесятилетие смерти Мисирикова) прошли приуроченные к юбилею научные конференции. В 1966 году так же появились два жизнеописания Мисирикова, написанные Б. Корубиным и Б. Ристовски⁵¹⁴, в официальном агиографическом духе, где он был наделен всеми македонскими национальными и политическими добродетелями.

Лучшим кандидатом на национальную канонизацию оказался Димитрия Чуповски. Он отвечал всем требованиям национальной мифологии: крестьянское происхождение, участник македонского национального движения, активная публицистическая и переводческая деятельность, борьба за создание македонской государственности. Публикации о нем в македонской прессе появились в 1950-е годы. В 1970-е годы его образ прочиты-

⁵¹⁰ Ристовски Б. Наце Димов / Б. Ристовски. – Скопје, 1973; Ѓорче Петров и Пере Тошев (Симпозиум, Прилеп, 1971). – Скопје, 1974.

⁵¹¹ Јане Сандански и македонското националноосвободителното движење (Симпозиум, Струмица), 1975. – Скопје, 1976.

⁵¹² Андонов-Полјански Х. Гоце Делчев и неговото време / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1978.

⁵¹³ Гоце Делчев. 1872 - 1972. – Скопје, 1973.

⁵¹⁴ Андоновски Х. Крсте Мисириков / Х. Андоновски // Културен живот. – 1961. – 6 октомври. – С. 25 – 26; Корубин Б. Јазикот на Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1956; Крсте Мисириков. Научен собир посветен на 40-годишнината од смртта, Скопје 24 - 25 јуни 1966. – Скопје, 1966; Крсте Мисириков и национално-културниот развој на македонскиот народ от Ослобувањето. Реферати на симпозиумот во Скопје, 22 и 23 април 1975. – Скопје, 1976; Корубин Б. Крсте Мисириков / Б. Корубин. – Скопје, 1966; Ристовски Б. Крсте Мисириков / Б. Ристовски. – Скопје, 1966.

вался уже с однозначно национальных позиций⁵¹⁵. Он преподносился как теоретик национального движения, сторонник создания независимого македонского государства. Чуповски был вдвойне важен, так как значительную часть жизни провел в России и СССР. Он использовался как символ македонско-русского (и шире македонско-советского) сотрудничества. Издание двухтомного исследования с приложением первоисточников, подготовленное исследователем его творчества известным македонским историком Блаже Ристовски - вершина канонизации Чуповски⁵¹⁶.

История была не менее важна для македонских интеллектуалов в создании национальной идентичности, чем язык, литература и местные места памяти. Сама историография была своеобразным «участком памяти»⁵¹⁷. История была постоянным источником культивирования македонской национальной идентичности. О роли истории писали и многочисленные македонские интеллектуалы, которые считали, что именно история - источник формирования современной македонской нации и ее национальной идентичности. В 1961 году македонские поэты Р. Павловски и Б. Джужел писали, что «...у нас нет традиций, но у нас есть прошлое...»⁵¹⁸. Именно в этом прошлом местные интеллектуалы были склонны искать доказательства своих национальных концепций.

Для поддержания македонской национальной идентичности местные интеллектуалы начали массовое издание источников по разным периодам македонской национальной истории. Без источниковой базы, скрытой в архивах, доступной не только для исследователей создание национальной истории было невозможно. Македонские историки стремились к изданию источников на протяжении всего существования СР Македонии. Особое внимание ими уделялось публикации источников по истории национального движения. Эти публикации были особенно важны, так как большинство текстов было национально македонски маркировано. Так были изданы мемуары Димитара Влахова⁵¹⁹. Работы Крсте Мисирикова были изданы на македонском, русском и английском языках⁵²⁰. Публикация произведений Гоце Делчева была одним из самых монументальных проектов - вы-

⁵¹⁵ Абациев Ѓ. Македонски патриот и публицист Димитрија П. Чуповски / Ѓ. Абациев // Нова Македонија. 16. 11. 1958; Беличанец Т. Политичките идеи на Димитрија Павле Чуповски за слободата и државноста на македонскиот народ / Т. Беличанец // Годишник на Правниот факултет во Скопје. – 1973. – Т. 17. – С. 505 - 522.

⁵¹⁶ Ристовски Б. Димитрија Чуповски (1878 - 1940) / Б. Ристовски. – Скопје, 1978. .

⁵¹⁷ Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (lieux de memoire): евроцентрические конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5. – С. 22.

⁵¹⁸ Đurčinov M. Nova makedonska književnost 1945 – 1980 / M. Đurčinov. – Beograd, 1988. – S. 59.

⁵¹⁹ Влахов Д. Мемоари / Д. Влахов. – Скопје, 1970.

⁵²⁰ Мисириков К. За македонските работи / К. Мисириков. – Скопје, 1946, 1953; Мисириков К. О македонских делах / К. Мисириков. – Скопье, 1974; Misirikov K. On Macedonian Matters / K. Misirikov. – Skopje, 1974.

шло шесть томов⁵²¹. Кроме работ деятелей национального движения были широко изданы источники по политической и культурной истории, по истории Македонии нового времени, о движении за создание независимой Македонии, по истории македонского языка, о создании СР Македонии, о деятельности Антифашистского собрания в Македонии, о развитии Македонии в составе Югославии в 1940-е годы и в более поздний период⁵²². Эти публикации были призваны доказать не только легитимность Македонии, но и неизбежность создания независимого македонского государства.

Самым важным проектом культивирования и поддержания македонской национальной идентичности стало издание на македонском (1981) и русском (1984) языках двухтомного сборника документов по истории борьбы македонского народа за независимость и создание македонского национального государства, редактором которого стал македонский историк Христо Андонов-Полянски. Эта публикация стала самым фундаментальным национальным проектом, охватывая события от появления славянских поселений на Балканах до создания СР Македонии⁵²³. Составители сборника (Университет имени «Кирилла и Мефодия» и Институт национальной истории) были явно национально настроены, объединив в одном издании уставы и программные документы македонских национальных организаций с документами, отображавшими положение македонцев в Болгарии и Греции, что стало всего рода претензией на объединение всех македонских земель в рамках единой Македонии. Вместе с тем, издание вызвало нарекание, как в Болгарии, так и в Греции - с одной стороны, местным историкам не понравилось исключение Македонии из болгарского и греческого исторического процессов, а, с другой, издание документов, которые ставили под сомнение права Греции (публикация текстов, где говорилось, что цари древней Македонии были славянами) и Болгарии (критика великоболгарского национализма) на Македонию⁵²⁴.

Наряду с публикацией источников, македонские интеллектуалы прилагали большие усилия для написания общей истории Македонии. Создание большой истории Македонии стало одним из наиболее значимых национальных проектов. Обобщающие труды по истории, призванные доказать, что македонцы отдельная нация с самобытной культурой и языком, были призваны стимулировать национальную идентичность, показывая при этом, что создание СР Македония было исторически неизбежным яв-

⁵²¹ Гоце Делчев во шест тома / ред. Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1972.

⁵²² Македонија во XVI и XVII век. Документи от Цариградските архиви (1557 - 1664) / ред. Д. Шопова. – Скопје, 1955; Зборник на документи за создање на македонската државност (1893 - 1944) / ред. А. Христов. – Скопје, 1970; Македонски текстови 10 - 20 век / сост. Б. Конески, О. Јашар-Настева. – Скопје, 1956.

⁵²³ Документи за борбата на македонскиот народ за самостојност и за национална држава. – Скопје, 1981. – Т. 1 – 2.

⁵²⁴ Документи о борбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. – Скопье, 1984. – Т. 1 – 2.

лением, доказывая и утверждая континуитет исторических процессов. В написании истории Македонии принимали участие крупнейшие македонские историки. В 1951 году в рамках полемики с греческими историками вышла книга, посвященная Эгейской Македонии в национальной истории македонцев⁵²⁵. В 1960 году на македонском языке вышла двухтомная «История македонского народа», в 1966 - исследование по истории македонской государственности, в 1970 - национально ориентированная монография «Из прошлого македонского народа». В конце 1960-х годов вышли работы Х. Андонова-Полянски, И. Катарджијева, П. Стоянова⁵²⁶. В 1978 году был реализован один из наиболее интересных проектов культивирования македонской национальной идентичности на исторической основе: книга «Македония как природное и экономическое целое»⁵²⁷ стала запоздалой реакцией на болгарское исследование 1945 года, призванное доказать, что Македония исторически должна быть частью Болгарии⁵²⁸. Для популяризации именно македонского прочтения истории ряд работ издавался на русском языке⁵²⁹.

В среде македонских интеллектуалов господствовал метанарратив о том, что македонская история национальна, уникальна, неповторима, а главное - непрерывна. Поэтому, македонские авторы нередко писали о «македонском континуитете» (македонски континуитет). В их сознании македонская история «в наименьшей степени история, царей, королей, вельмож, династической борьбы, завоевательных войн». В противовес этому, македонская история рассматривалась ими как история освободительных восстаний и национального движения. Македонские интеллектуалы считали, что история Македонии - уникальная составная часть исторического процесса в общеевропейской перспективе. Македонцы преподносили македонской исторической наукой как единственная европейская нация, которая дольше других народов боролась за свободу⁵³⁰.

Вторая составляющая нарратива об особом характере македонской национальной истории состоит в признании тезиса о ее революционном характере. Этот нарратив был одновременно и реверансом в сторону Белграда с КПЮ, с ее революционными идеями, и в сторону СССР, отношение которого к революции известно. Этим самым, македонские авторы

⁵²⁵ Егејска Македонија во нашата национална историја. – Скопје, 1951.

⁵²⁶ Историја на македонскиот народ. – Скопје, 1960. – Т. 1 – 2; Развитие на државноста на македонскиот народ. – Скопје, 1966; Из прошлости македонского народа. – Скопје, 1970; Андонов-Полјански Х. Историја на македонскиот народ / Х. Андонов-Полјански. – Скопје, 1969; Катарџиев И. Историја на македонскиот народ / И. Катарџиев. – Скопје, 1969; Стојанов П. Историја на македонскиот народ / П. Стојанов. – Скопје, 1969.

⁵²⁷ Македонија како природна и економска целина. – Скопје, 1978.

⁵²⁸ Македония като природно и стопанско цяло. – София: Македонски научен институт, 1945.

⁵²⁹ Македония и македонцы в прошлом. – Скопье, 1970.

⁵³⁰ Чашуле К. Македонската црква / К. Чашуле // Нова Македонија. – 1967. – 30 јули. – С. 2; Чашуле К. Запис за двата Илиндена / К. Чашуле // Комунист. – 1975. – 4 август; Чашуле К. Историја и политика / К. Чашуле // Комунист. 2. VIII. 1968.

стремились обеспечить двойную легитимность своей национальной идентичности в глазах, как центра, так и Москвы. Поэтому, о восстаниях, революционной борьбе писали много, стремясь показать эти события не только как социальные, но и как именно македонские и национальные. В данном случае македонские интеллектуалы лишний раз получали возможность сделать неприятное своим болгарским коллегам. Доказывая революционность македонцев, они как бы подрывали культивируемый болгарской историографией нарратив о значительной роли в истории Балкан именно болгарского революционного движения. С другой стороны, они неизбежно вызывали раздражение болгарских историков, доказывая что Илинденское восстание - событие македонской истории, в то время как болгарские авторы думали иначе, маркируя его как исторически и национально болгарское⁵³¹. Еще большее раздражение в болгарской академической среде вызывало изучение македонскими историками восстаний македонского народа в XI веке⁵³², в то время как болгарские исследователи были склонны видеть Македонию того времени как составную часть болгарского исторического процесса, отрицая существования македонцев как таковых.

Историческое прошлое Македонии было «отягощено» античным наследием. Если македонские историки не были замечены в желании и попытках доказать этнически славянский характер античной Македонии, то историческая преемственность в широком культурном плане македонскими интеллектуалами в принципе не отрицалась. Поэтому, большинство обобщающих македонских исследований по истории Македонии начинались с истории античной Македонии. Македонские поэты так же не избегали обращения к античной теме. В воспевании античности и античного наследия отметились многочисленные македонские авторы. Анте Поповски философски осмыслил античное наследие в стихотворении «Брачный обряд Прометея». В творческом наследии Славко Яневски есть стихотворение «Окаменевший Орфей». Богумил Джузел отметил стихотворением «Троя»⁵³³. Восприятие истории в среде македонских авторов было всегда (в большей или меньшей степени) национально маркировано. Нередко на первом месте в их построениях стояла именно нация. Поэтому, особое внимание македонские интеллектуалы были вынуждены уделять тем аспектам прошлого, которые подчеркивали самость македонцев, делая акцент на том, что соседние страны не признавали исторические права македонцев. Македонские интеллектуалы неизбежно обращались к критике болгарской историографии, которая стремилась доказать, что «македон-

⁵³¹ Пандевски М. Илинденското восстание во Македонија 1903 / М. Пандевски. – Скопје, 1978.

⁵³² Јовановиќ М. Востанијата на македонскиот народ во XI век / М. Јовановиќ. – Скопје, 1963.

⁵³³ Поповски А. Брачный обряд Прометея / А. Поповски // Корни и звезды. Современная македонская поэзия. – С. 157 – 158; Яневски С. Окаменевший Орфей / С. Яневски // Навстречу солнцу. Македонская поэзия XIX - XX веков в русских переводах. – М., 1997. – С. 73 – 74; Ѓузел Б. Трoja / Б. Ѓузел // Kepeski P., Glumac B. Антологија на современата македонска поезија. – S. 462.

ская нация не является результатом македонских восстаний, героической борьбы, национально-освободительной борьбы, не является результатом победы македонской и югославской революций». Македонские историки периодически критиковали «великобългарские националистические позиции», великобългарский национализм, великобългарский шовинизм. Даже деятельность БКП нередко оценивалась как антимакедонская, а политика Димитрова, как направленная против создания Македонии. Для македонских историков идеи их болгарских коллег о том, что македонцы не нация, а политическая идея, созданная врагами Болгарии, были неприемлемы и служили источником постоянного раздражения, а политика НРБ в отношении Македонии оценивалась как однозначно «антимакедонская». Болгарская историография в македонской исторической литературе почти не признавалась. Она рассматривалась как средоточие «великобългарского шовинизма и истерии»⁵³⁴.

На фоне такой откровенно антиболгарской направленности македонских интеллектуалов, отношение к Сербии и сербам было более взвешенным, хотя македонские историки периодически вспоминали о великосербской и колонизаторской политике в отношении Македонии в межвоенной Югославии⁵³⁵. Если Болгария раздражала македонских авторов, но была относительно терпима и этнически близка, то этнически неславянская Греция вообще вызывала лишь негативные эмоции. Первые публикации о неравноправном положении македонского населения в Греции появилось еще в 1950-е годы. Пик антигреческих настроений в македонской интеллектуальной среде пришелся на 1970-е годы: работы Р. Поплазарова, Т. Симовски, Х. Андоновски⁵³⁶ проникнуты более националистическими идеями, нежели научным анализом.

В этническом плане послевоенная Югославия перестала быть этнически чистым сербским государством в политическом плане. Сербьы были вынуждены разделить власть с другими народами. Тем не менее, несмотря на декларирование равенства наций, сербы стремились сделать сербскими политические, партийный и государственные, структуры. При этом представители местных народов в руководстве республик вовсе не жаждали возвращения к довоенным политическим нормам и довоенному типу ме-

⁵³⁴ Апостолски В. На великобугарски националистички позиции / В. Апостолски. – Скопје, 1979; Апостолски В. Современите аспекти на великобугарскиот национализам / В. Апостолски // Нова Македонија. – 1980. – 15 – 27 мај; Koreni velikobugarskog šovinizma u odnosu na Socijalističku Republiku Makedoniju. – Skopje, 1968; Митрев Д. БКП и Пиринска Македонија / Д. Митрев. – Скопје, 1960.

⁵³⁵ Апостолов А. Колонизацијата на Македонија во стара Југославија / А. Апостолов. – Скопје, 1966.

⁵³⁶ Мојсов Л. Околу прашањето на македонското национално малцинство во Грција / Л. Мојсов. – Скопје, 1954; Поплазаров Р. Грчката политика спрема Македонија во втората половина на XIX и почетокот на XX век / Р. Поплазаров. – Скопје, 1973; Симовски Т. Населени места во Егејска Македонија / Т. Симовски. – Скопје, 1978; Андоновски Х. Вистината на Егејска Македонија / Х. Андоновски. – Скопје, 1971.

жэтнических отношений доминирования сербов и непризнания прав не-сербов. Белград тоже, в свою очередь, осознал, что словенцы, хорваты, македонцы, босняки не стремятся к полной ассимиляции, а, наоборот, сознательно ей противостоят. Поэтому, им дали возможности не только для свободного выражения, но и развития своих этнических особенностей. Партийные элиты и местные интеллектуалы в республиках оберегали свои собственные национальные идентичности, которые были, самым тесным образом, связаны с местными национальными историческими мифами.

Местные мифы поддерживались и развивались на нескольких уровнях, важнейшими из которых были места памяти, национальные классики и местное историческое прошлое. Места памяти воплощали прошлое македонского народа. Сохранение Скопье, Прилепа и Охрида стало в восприятии македонских интеллектуалов материальным подтверждением континуитета македонской истории. В этой ситуации Охрид играл роль местного македонского «святого града» в македонской исторической памяти. С другой стороны список мест памяти не ограничивался исключительно местами, оказавшимися на территории Социалистической Республики Македонии. Определенные исторически важные и национально значимые места в болгарской и греческой Македонии так же осозновались как македонские. Не будучи территориально интегрированными в Македонию, они все-таки интеллектуально осознавались и воспринимались как македонские объекты. Постоянные размышления македонских историков, своеобразные исторические воспоминания об их македонском славянском прошлом лишь усиливали эти национальные нарративы в македонском сознании.

Национальные классики были не менее важны, чем места памяти. В Македонии с ними сложилась особая ситуация. Если в других славянских странах на роль таких национальных героев, членов национального пантеона и отцов нации претендовали короли, цари, писатели пришлого, то македонцы не первых, не вторых и не третьих почти не имели. За многими деятелями средневековья прочно закрепился статус героев сербской или болгарской истории и пересмотри их этнической исторической принадлежности был чреват научными конфликтами с болгаро-сербскими соседями. Что касается македонцев прошлого, которые писали, то македонскими писателями, которых можно было бы включить в национальный пантеон, они не были, так как македонский литературный язык возникает только после 1945 года. С другой стороны, это освобождало македонских интеллектуалов от мучительных дискуссий как интегрировать того или иного автора в социалистическое настоящее, если он жил в капиталистическом прошлом. При этом то, что почти все македонские деятели участвовали в национальной борьбе, осознавая ее как революцию, автоматически снимало вопросы об их национальной македонской легитимности.

История так же была широко использована при создании и поддержании национальной македонской идентичности. Большинство историков в

Македонии разделяли националистические взгляды. Национализм исторической науки при этом имел свои особенности. Он носил характер мирной македонской экспансии в прошлое. Если македонское национальное движение было не в силах объединить все македонские территории в составе одного македонского государства, то историки смогли их исторически македонизировать. Все научное македонское сообщества разделяло негласные правила, что при изучении Пиринской и Эгейской Македонии их следовало вписывать в славянский македонский контекст. И хотя Салун был в составе Греции, его история так же преподносилась как македонская. Если же речь заходила об античном периоде, то в данном случае полемика с греческими историками была неизбежна. Хотя македонские историки не придавали Македонии античной славянского характера, тем не менее они и не признавали ее однозначно эллинской. Таким образом они стремились доказать своеобразный континуитет античной и славянской Македонии. В сфере новой и новейшей истории наибольшие дискуссии возникали с болгарами, не признававшими македонцев в качестве отдельной нации. В такой ситуации историография Социалистической Республики Македония в отношении Народной Республики Болгарии, несмотря на сходство политического строя и строительство социализма, была полна заявлениями о болгарском национализме, шовинизме и т.п.

Комментируя усилия националистов на путях создания национальной истории Дж. Фридмэн утверждает, что любая история создается ими в совершенно конкретном историческом контексте и осознается как совершенно определенный разрабатываемый ими проект, который преследует ряд целей, а именно: развитие той или иной национальной «самости» и отделение своей собственной идентичности из контекста соседних идентичностей. Создавая историю, националисты, по словам историка, нередко используют и мифические конструкции, которые служат использованию прошлого для укрепления национальной идентичности в настоящем. При этом конструирование истории несет в себе и следы влияния социальных позиций их создателей – в македонском случае роль социального фактора не вызывает сомнений, так как национальные лозунги нередко тесно смыкались с национальными. По данной причине, македонскими интеллектуалами был создан и культивировался особый революционный романтизм⁵³⁷.

Македония и македонцы стали удачными национальными проектами. В их рамках были заняты многочисленные македонские интеллектуалы – историки и писатели. Это не означает того, что македонцы – искусственное и неестественное этническое образование, каким они нередко воспринимались в сербском, болгарском и греческом обществе. Это говорит о том, что сербы, болгары и греки раньше сложились как воображаемые сообщества и добились создания своих национальных государств. Македония может

⁵³⁷ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. – 2001. – No 1. – P. 41.

быть принято как воображаемое сообщество лишь в том контексте, что это явление относительно современное, где национальная идентичность возникала и развивалась на глазах соседей, которые в прошлом сами претендовали на то, чтобы направлять этнические процессы в Македонии в болгарском, сербском или греческом направлении.

Таким образом, национальный проект в Македонии был одним из наиболее успешных национальных проектов послевоенной Югославии. Он способствовал развитию македонской национальной идентичности, но не был свободен от претензий к соседним, ранее сложившимся, нациям. Однако, будучи в значительной степени проектом интеллектуальным и, в меньшей, политическим он привел к формированию современной македонской национальной идентичности на научной основе, что стало одной из гарантий мирного отделения Македонии от Югославии в начале 1990-х годов.

2.5. Периферийный национализм в контексте интеллектуального конструктивизма

Современный российский историк С.И. Маловичко в одной из своих статей высказал интересное предположение о том, что историография может быть понята и интерпретирована не просто как явление исторической мысли, а как и «участок памяти»⁵³⁸ – проявление исторических нарративов, которые национально маркированы и играют принципиальную или очень важную роль в формировании и развитии идентичностей – социальных, политических, но в первую очередь – национальных. В данном случае мы можем вспомнить и классическую работу Энтони Смита «Историки и национализм»⁵³⁹, в которой он показал ту роль, которую играют исторические исследования в развитии таких феноменов как национализм и идентичность. При этом, как признается Э. Смит, роль националистически настроенных историков в пропаганде национализма до сих пор не стали предметом тщательного исследования⁵⁴⁰.

В предыдущей лекции мы рассматривали перспективу применения теории Б. Андерсона в европейской (македонской) перспективе. Но мы помним, что Бенедикт Андерсон является востоковедом, и для нас представляет особый интерес переложить основные положения его теории на восточные сюжеты. С другой стороны, в рамках настоящего курса мы ограничены Европой в ее географическом понимании. Поэтому, представляет интерес перенести те идеи, которые Андерсон изложил в «Воображаемых сообществах» на своеобразный внутренний европейский Ориент, внутреннюю российскую периферию. Развитие национализма народов России демонстрирует ряд интересных дискурсов, которые нуждаются в изучении. Попытаемся проанализировать в контексте теорий национализма, речь о которых шла в первой части курса, некоторые дискурсы, связанные с развитием чувашского национализма.

«Историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма. Историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах. Историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты»⁵⁴¹, - пишет Э. Смит в одной из своих работ. В западной историографии уже прочно утвердилось мнение о том, что исторические дискурсы могут анализироваться в рамках националистических студий. На-

⁵³⁸ Маловичко С.И. Историография как «участок памяти» (*lieux de memoire*): евроцентристские конструкты и следы социальной памяти в исторических нарративах / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь, 2004. – Вып. 5. – С. 22 – 44.

⁵³⁹ Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. – М., 2002.

⁵⁴⁰ Там же. – С. 260.

⁵⁴¹ Там же. – С. 236.

пример, Дж. Фридмэн, один из исследователей историографии в националистическом контексте, отмечает, что «дискурс истории, подобно мифу, представляет собой и дискурс идентичности»⁵⁴².

Исторические исследования, действительно, могут быть проанализированы и как своеобразные места памяти и как факторы развития идентичности, так как именно развитие исторической науки демонстрирует некоторые важные аспекты трансформации традиционной идентичности в современную⁵⁴³. По словам канадского украинского историка З.Е. Когута, «создание национальной историографии играет определяющую роль в формировании современной идентичности»⁵⁴⁴. Поэтому, изучение украинской историографии показывает насколько такая методика может быть продуктивной⁵⁴⁵. Попытка переложить подобную методологию на изучение истории тюркских народов РФ так же оказалась весьма интересной, а исследования Д. Усмановой⁵⁴⁶ и зарубежных тюркологов вызвали живой отклик и дискуссию среди исследователей национализма⁵⁴⁷. Предпринимаются попытки приложить эту методологию и к новым тюркским государствам⁵⁴⁸. На таком фоне, чуваша, тюркский народ, выпали из сферы внимания исследователей.

В рамках этой статьи исторические исследования в Советской Чувашии будут рассмотрены как коллективный «участок памяти», как большое место памяти, где разворачивались национальные исторические нарративы, призванные способствовать сохранению и развитию чувашской идентичности. Советская чувашская историография обширна, некоторые ее аспекты уже изучены. Поэтому, в этой статье в центре авторского внимания – обобщающие исследования советского периода по истории Чувашии, так как именно они демонстрируют общие дискурсы развития национальной идентичности в Чувашской АССР.

Чувашская АССР выделялась среди других автономных советских республик: местные интеллектуалы акцентировали особое внимание на добровольном вхождении своего народа в состав Русского государства,

⁵⁴² Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. – 2001. – No 1. – P. 41.

⁵⁴³ См. про модернизацию в контексте исторических исследований: Когут З.Е. Розвиток української національної історіографії в Російській Імперії / З.Е. Когут // Когут З.Е. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004. – С. 187.

⁵⁴⁴ Когут З.Е. Історичні дослідження в незалежній Україні. Тягар минулого: історіографія до здобуття незалежності / З.Е. Когут // Когут З.Е. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України. – Київ, 2004. – С. 294.

⁵⁴⁵ См.: Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху / С. Екельчик // Ab Imperio. – 2004. – No 2.

⁵⁴⁶ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Ab Imperio. – 2003. – No 3.

⁵⁴⁷ Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии / С. Цвиклински // Ab Imperio. – 2003. – No 2.

⁵⁴⁸ См.: Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: the Kazakh intelligentsia write a history of their Homeland / P. Rottier // Ab Imperio. – 2004. – No 1.

акцентировали внимание на противоречиях с татарами, подчеркивали особую революционность, характерная для чувашей на протяжении истории. Особое внимание они уделяли связям чувашей с семьей Ульяновых и В.И. Лениным, что способствовало формированию ореола особого революционного романтизма, присущего чувашам. Более того, чувашаи были единственным народом, которому, при всей национальной иерархичности СССР, было позволено иметь не только свою территориальную автономию, но и своего космонавта. Все эти факторы, в меньшей или большей степени, влияли на развитие чувашской историографии.

Попытки написания «большой» истории чувашей и Чувашии предпринимались в советский период дважды. В данном случае чувашские интеллектуалы были вынуждены соблюдать строгую советскую иерархию написания местных историй: если союзным республикам были позволены коллективные исследования объемом не менее трех, то чувашские интеллектуалам – не более двух томов. Если для других республик были возможны вариации, то чувашская история искусственно сокращалась, строго делясь на досоветскую и советскую, что исключало культивирование значительного количества национальных «древних» нарративов. Правда, чувашские интеллектуалы от этого ограничения пытались отойти. Первая двухтомная «История Чувашской АССР» вышла в 1966 – 1967 годах, вторая – в 1983 году⁵⁴⁹. Примечательно, что второе издание было короче. Если первое вышло в период относительно либеральной национальной политики, то второе – во время русификации. В целом, в обобщающих историях представленно несколько нарративов, которые условно могут быть разделены на несколько групп.

В советский период написание истории любой социальной или этнической общности, проживавшей на территории СССР подчинялось общим требованиям цензуры и коммунистической идеологии. Она была неотъемлемой частью советского «интеллектуального пространства»⁵⁵⁰. Если в 1990-е годы национальные историографии на постсоветском пространстве пережили деимпериализацию – приспособление к факту распада империи⁵⁵¹, то в советский период они были вынуждены в имперский контекст

⁵⁴⁹ В 1966 – 1967 годах вышла «История Чувашской АССР» на русском языке, но оба тома имели титульные листы и на чувашском языке – первый (Чăваш АССР историйĕ. Пĕрремĕш том. Авалхи вăхăтран Октябрьти социализмлă аслă революцичен. – Шупашкар, 1966) и второй (Чăваш АССР историйĕ. Иккĕмĕш том. Октябрьти социализмлă аслă революцичен паянхи кунччен. – Шупашкар, 1967). См.: История Чувашской АССР. – Т. 1 – 2. – Чебоксары, 1966 – 1967. Издание 1983 года так же имеет чувашский заголовок (Чăваш АССР историйĕ. Пĕрремĕш том. Авалхи вăхăтран Октябрьти социализмлă аслă революцичен. Иккĕмĕш юсаса сĕнетнĕ кăларăм. – Шупашкар, 1983). См.: История Чувашской АССР. – Т. 1. – Чебоксары, 1983. Публикация 1983 года повторяет положения 1966 – 1967 годов без особых модификаций. Поэтому, в настоящей статье в центре авторского внимания – два тома, опубликованные во второй половине 1960-х годов.

⁵⁵⁰ Когут З.Е. Истори́я як поле битви. – С. 222.

⁵⁵¹ Когут З.Е. Истори́я як поле битви. – С. 218.

интегрироваться и соответствовать всем его нормам. Комментируя зависимость исторических студий от политической конъюнктуры Дж. Фридмэн пишет, что «объективно история, как и любая другая история, пишется в определенном контексте и представляет собой проект определенного типа»⁵⁵².

Исходной посылкой написания чувашской истории был нарратив о том, что чувашаи имеют славную и долгую историю. При этом чувашские интеллектуалы стремились описывать ее в категориях принятых в советской исторической науке в целом. Иными словами, они распространяли на прошлое Чувашии такие методологические приемы как формационный подход, преобладание истории социально-экономических отношений над политической и культурной историей. Чувашские интеллектуалы переносили на описание чувашской истории те же приемы и утверждения, что были характерны для всей советской историографии. Исходным утверждением начала научного анализа было утверждение о том, что движущими силами истории Чувашии были чувашские «народные массы»⁵⁵³. Поэтому, на данном этапе история Чувашии и чувашей осозновалась и преподносилась как «конструкция в значительной степени мифическая»⁵⁵⁴ в том смысле, что она являла собой представление о чувашском национальном прошлом связанное с утверждением чувашской идентичности в советском настоящем.

С другой стороны, чувашские интеллектуалы, подобно другим историкам из национальных автономий, вынужденно развивали целый комплекс русских нарративов. Они писали, что чувашаи и русские на протяжении истории имели многочисленные контакты, которые позитивно сказывались на развитии Чувашии. Таким образом, историческое прошлое чувашей потеряло самостоятельное значение и местным, чувашским, интеллектуалам прививался комплекс неполноценности, культивировалась идея невозможности самостоятельного и независимого развития Чувашии.

Чувашские интеллектуалы в советский период при написании своей истории развивали и традиционный для советской историографии нарратив о том, что подлинная история Чувашии начинается только после установления советской власти, что автоматически исключало целый круг проблем реально связанных с историей Чувашии. В такой ситуации чувашские исторические исследования, как и в остальных республиках, были маркированы не только национально, но и социально. Написание чувашской истории в советский период было обусловлено и социальными позициями ее авторов. Именно эти позиции и формировали дискурс восприятия иден-

⁵⁵² Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 41.

⁵⁵³ История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 6.

⁵⁵⁴ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 43.

тичности и то через какие нарративы она преподносилась⁵⁵⁵. Официальное понимание этого аспекта выглядело так: «хозяином своей судьбы чувашский народ стал только с победой Великой Октябрьской социалистической революции». Но и в данном случае чувашские интеллектуалы вынуждены были акцентировать внимание на прогрессивной роли русских в истории Чувашии: «освобождение от социального и национального гнета чувашский народ получил из рук российского пролетариата, руководимого Коммунистической партией»⁵⁵⁶.

Как и в других регионах исторические исследования в Чувашской АССР несли в себе «концептуальные изъяны историографии»⁵⁵⁷ и, поэтому, знали и особый нарратив о «буржуазном национализме». Если, например, украинские интеллектуалы критиковали извращения украинской истории «украинских буржуазных националистов», то и чувашские советские интеллектуалы писали о реакционной роли в истории Чувашии местных чувашских «буржуазных националистов». Утверждения типа «на пути создания марксистской истории Чувашии пришлось преодолеть извращения буржуазных националистов»⁵⁵⁸, которые «клеветнически выступали против большевиков»⁵⁵⁹ придавали чувашской советской историографии особый революционный романтизм, подчеркивая лояльность советскому режиму.

В фактически любой национальной исторической науке на территории бывшего СССР всегда существовал целый комплекс революционных нарративов и нарративов о классовой борьбе, которые были между собой тесно связаны. Не была исключением и традиция исторических исследований в Чувашии. При этом чувашские историки интерпретировали акты восстаний на территории Чувашии не как явления национальные, а как социальные, преувеличивая при этом руководящую роль в этих социальных движениях русских. Например, именно так оценивались события 1606 – 1609 годов, а особое внимание акцентировалось на социальной сознательности крестьян, которые не только нападали на своих зажиточных соотечественников, но и на православные храмы. Кроме этого подчеркивалось и участие чувашей в крупных восстаниях С. Разина и Е. Пугачева⁵⁶⁰, а так же в

⁵⁵⁵ О социальном дискурсе идентичности см.: Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 42.

⁵⁵⁶ История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 6.

⁵⁵⁷ Усманова Д. Создавая национальную историю татар. – С. 343.

⁵⁵⁸ История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 7.

⁵⁵⁹ Артемьев С.А. Великая Октябрьская социалистическая революция и установление советской власти в Чувашии / С.А. Артемьев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1967. – Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – С. 12.

⁵⁶⁰ Дмитриев В.Д., Нестеров В.А., Тихомиров В.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству. Чувашия во второй половине XVI – начале XVII веков. – С. 69 – 71; Дмитриев В.Д. Чувашия в XVII веке / В.Д. Дмитриев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1.

первой русской революции, что понималось как акт единения пролетариата двух наций в борьбе с общим врагом – самодержавием⁵⁶¹.

Неисключено, что чувашские историки преувеличивали сознательность и классовую солидарность чувашей. С другой стороны, эти события неоднократно использовались в чувашской историографической традиции как своеобразный канал демонстрации политической лояльности требованиям советской идеологии. Националистически настроенная чувашская академическая элита была вынуждена адаптировать специфику своей национальной риторики к требованиям «советского идеологического текста»⁵⁶². Комплекс революционных нарративов – яркий пример такой тенденции развития исторических исследований в Чувашии. Это вело к консервации исторических исследований. Постепенно утверждались негативные тенденции – «денационализация истории, целенаправленное создание истории классов и классовой борьбы, жесткий идеологический пресс, контроль, отрицание историографического наследия прошлого»⁵⁶³. Это существенно ограничивало свободу маневра для чувашских интеллектуалов, заставляя их изучать только несколько аспектов национальной истории.

Советская национальная политика часто имела демагогический характер, декларируя дружбу народов, их равенство и отсутствие в СССР национальных конфликтов и противоречий. Официальная пропаганда утверждала, что в СССР нет национализма, а единственным реально действующим принципом национальных отношений является пролетарский интернационализм. В действительности национализм широко использовался интеллектуалами в национальных советских союзных и в автономных республиках. В развитии исторических исследований в Чувашской АССР чувашский национализм также был исходным посылом изучения прошлого.

Основой чувашского национализма был тюркизм. Именно историография стала сферой бытования национальности, что свидетельствует о том, что тенденция перемещения национального из политической сферы в культурно-научную было характерно для гуманитарных исследований в общесоветской перспективе. Чувашские интеллектуалы утверждали, что чувашаи являются тюрками. С другой стороны, они указывали и на особенности местного чувашского тюркизма. Если, например, татарские историки акцентировали внимание на т.н. чистом тюркизме, на именно тюркской

С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 85 – 90; Димитриев В.Д. Чувашия с конца XVII до последней четверти XVIII века. – С. 106 – 115.

⁵⁶¹ Николаев П.Н. Чувашия в период буржуазно-демократической революции 1905 – 1907 годов / П.Н. Николаев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 182 – 201.

⁵⁶² См. про подобные тенденции в бурятской историографии: Варнавский П. Границы советской бурятской нации: национально-культурное строительство в 1926 – 1929 гг. в проектах национальной интеллигенции и национал-большевиков / П. Варнавский // *Ab Imperio*. – 2003. – No 1. – С. 150.

⁵⁶³ Усманова Д. Создавая национальную историю татар. – С. 350 – 351.

уникальности татар, то чувашские историки также подчеркивали чувашскую тюркскую уникальность, которая стала результатом синтеза тюркской культуры непосредственных тюркоязычных предков чувашей с местной дотюркской финно-угорской культурой. Поэтому, в чувашской историографии господствовал нарратив, что чувашаи как общность возникли в результате «ассимиляции местных финноугорских племен тюркоязычными племенами»⁵⁶⁴.

Тюркистские нарративы в чувашской историографии культивировались при изучении этногенеза чувашей. При написании чувашской национальной истории в советский период доминировал своеобразный чувашский тюркский этноцентризм⁵⁶⁵. Эти нарративы разъединяли чувашей и соседних татар, так как татарские и чувашские интеллектуалы имели принципиально разное видение ранней истории⁵⁶⁶. Чувашаи позиционировались как потомки болгаров суваров, которые осознавались как родственники гуннов. При этом проводилась преемственность хунну – болгары / сувары – чувашаи. Чувашские историки при описании сюжетов, связанных с ранним периодом чувашской истории, особое внимание уделяли государству хунну, которое негласно позиционировалось как проточувашское государство. Чувашские историки были склонны доказывать прямой континуитет между гуннами и чувашами, предполагая, что чувашаи возникли в результате постепенной консолидации нескольких гуннских племен⁵⁶⁷.

Поэтому, словно разделяя мнение Э. Смита о том, что «нации создаются в историческом воображении»⁵⁶⁸, чувашские интеллектуалы стремились доказать, что чувашаи являются самым тюркским народом, что, вероятно, подтверждает предположение Дж. Фризмэна о том, что «история историков является их идентичностью»⁵⁶⁹ и слова Энтони Смита о том, что «история национализма - это в такой же степени история тех, кто о нем повествует»⁵⁷⁰. Анализируя гуннские нарративы, чувашские историки действительно указывали на то, что непосредственные тюркоязычные предки чувашей контактировали с различными этническими общностями, что отразилось в развитии чувашского языка, который, как отмечали чувашские историки, отличается уникальным словарным составом среди всех других

⁵⁶⁴ Дмитриев В.Д. Население Среднего Поволжья и тюркоязычные предки чувашей в древности / В.Д. Дмитриев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 11.

⁵⁶⁵ Усманова Д. Создавая национальную историю татар. – С. 337.

⁵⁶⁶ Об исторических нарративах и об отдалении родственных этнических общностей см.: Когут З.Є. Исторія як поле битви. – С. 235.

⁵⁶⁷ Дмитриев В.Д. Население Среднего Поволжья и тюркоязычные предки чувашей в древности. – С.24.

⁵⁶⁸ Смит Э.Д. Национализм и историки. – С. 253.

⁵⁶⁹ Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 52.

⁵⁷⁰ Смит Э.Д. Национализм и историки. – С. 236.

тюркских языков⁵⁷¹. С другой стороны, чувашские интеллектуалы не были чужды и некоего умеренного увлечения идеей связи между тюркоязычными предками чувашей с носителями арийских языков, например – с персами.

В такой ситуации, чувашские историки позиционировали чувашей как в одинаковой степени тюрков и европейцев. Поэтому, при изучении истории Волжской Булгарии, которая негласно признавалась как именно чувашское государство, особое внимание акцентировались не только на общетюркском значении, но и на включенности в европейский контекст. С другой стороны, чувашские интеллектуалы, анализируя особенности тюркизма в чувашском языке, указывали на такую особенность местного тюркизма, как ассимиляция тюркским населением местных финно-угров. Поэтому, чувашская нация иногда преподносилась как нация тюркская по языку и культуре, но угро-финская антропологически⁵⁷².

Волжская Булгария в исторической традиции советского периода рассматривалась как первое чувашское государство, что только усиливало полемику между чувашскими и татарскими интеллектуалами. Чувашские интеллектуалы искали свои собственные исторические символы, которые не планировали делить с татарскими историками⁵⁷³. При этом чувашские историки акцентировали внимание на его значительных землях, которые были гораздо больше территории Чувашской АССР советского периода. Чувашские интеллектуалы обозначали население Волжской Булгарии как болгарскую народность, которая, в свою очередь, позиционировалась ими как предки чувашей, а болгарский язык осознавался как древнечувашский⁵⁷⁴.

Именно эта преемственность и стала одной из стержнеобразующих теорий в чувашской историографии советского периода. Чувашки позиционировались как прямые потомки болгар, а их язык как непосредственное историческое продолжение языка Волжской Булгарии. Примечательно, что язык использовался в качестве доказательства болгаро-чувашского континуитета. Чувашские интеллектуалы обращались к языку и в своей полемике с татарскими историками, стремившимися интерпретировать историю Волжской Булгарии как часть исключительно татарской национальной истории. В рамках дискуссии, которая подтверждает презположение З.Е. Когута, что историография и восприятие истории остаются «полем битвы за идентичность»⁵⁷⁵, чувашские историки указывали на то, что татарский

⁵⁷¹ Димитриев В.Д. Население Среднего Поволжья и тюркоязычные предки чувашей в древности. – С. 26.

⁵⁷² Димитриев В.Д., Паньков И.П. Болгарское государство X – начала XIII веков / В.Д. Димитриев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 42 – 43.

⁵⁷³ См. про подобные процессы написания истории: Когут З.Е. Истори́я як поле битви. – С. 240.

⁵⁷⁴ Димитриев В.Д., Паньков И.П. Болгарское государство X – начала XIII веков. – С. 35 – 36.

⁵⁷⁵ Когут З.Е. Истори́я як поле битви. – С. 219.

язык не содержит такого значительного количества болгаризмов, что характерно для чувашского языка.

Уже в рамках полемики с татарскими историками чувашские интеллектуалы постоянно указывали на то, что период существования Волжской Булгарии – часть именно чувашской, а не татарской, национальной истории. Таким образом в чувашской историографии формировался особый нарратив о существовании исторической чувашской нации. Иными словами чувашские интеллектуалы советского времени доказывали, что на протяжении всей истории Чувашии существовала чувашская нация, которая была представлена различными формами. В данном контексте заметно влияние советской парадигмы искусственно надуманного деления всех этнических общностей на народности и нации.

Поэтому, чувашские интеллектуалы подчеркивали сходство в сфере языка, фольклора, бытовой культуры, народной одежды между чувашами и булгарами, которые, в свою очередь, позиционировались как первейшие и наиболее важные исторические предки чувашей. С другой стороны, они акцентировали внимание на том, что культура казанских татар уникальна и самодостаточна, и, поэтому, ничего общего с культурой Волжской Булгарии не имеет. Если же болгарские элементы и признавались, то преподносились как результат позитивного влияния болгар-чувашей на татар. Более того в своем желании максимально национализировать историю Волжской Булгарии и сделать ее более чувашской, чувашские интеллектуалы выдвинули предположение о том, что основы чувашского языка и культуры возникли уже в период существования Булгарии.

Нарратив о чувашской истории, начинающейся с VIII века стал одним из важнейших метанарративов чувашской историографии. В его культивировании, развитии и отстаивании в полемике с татарскими историками замечены почти все крупные чувашские историки советского периода. Например, один из крупнейших чувашских историков советского периода В.Д. Димитриев хотя и признавал, что складывание чувашей как самостоятельной и отдельной народности произошло в XIII – XIV веках, формирование основных черт, характерных для чувашской культуры и чувашского языка, произошло несколькими столетиями ранее, в период между VIII и XII веками⁵⁷⁶, на этапе существования Волжской Булгарии. Таким образом, она наделялась статусом первого чувашского государства.

Чувашская историческая традиция в советский период развивалась в рамках советской историографии и, поэтому, чувашские интеллектуалы переносили на чувашскую историю те концепты, которые были характерны для советской историографии в целом. И в такой ситуации, если советские русские историки писали о формировании нации в XIX веке, то и чу-

⁵⁷⁶ Димитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды / В.Д. Димитриев, И.П. Паньков // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 51 – 52.

вашские авторы были вынуждены доказывать, что чуваши как нация также возникают в XIX столетии. Формирование нации связывалось с национальным движением и тенденциями национальной консолидации. Параллельно чувашские интеллектуалы развивали и нарратив о том, что формирование нации протекало в условиях сопротивления чувашей проводимой властями политики русификации⁵⁷⁷.

Комплекс русских нарративов был неизбежным результатом развития всей чувашской историографии в советский период в целом. Без почти ритуального упоминания позитивного русского влияние было невозможно изучение сюжетов, связанных непосредственно с национальной историей. Поэтому чувашские интеллектуалы были вынуждены значительное внимание уделять истории чувашско-русских отношений. В этой дихотомии русские, разумеется, всегда представляли собой более развитую и справедливую силу, а чуваше позиционировались как общность, которая пассивно принимала русское влияние.

Правда, чувашские интеллектуалы пытались от такой примитивной теории отказаться и пытались развивать нарратив о том, что и чуваше могли оказывать позитивное влияние на русских. В связи с этим анализировались проблемы, связанные с принятием христианства на Руси и выбором Владимиром новой религии. Чувашские историки акцентировали внимание на том, что перед окончательным выбором в пользу христианств Владимир принял послов Волжской Булгарии, значительная часть населения которой к тому времени исповедовала ислам и автоматически стояла на более высшей ступени духовного развития чем славяне-язычники⁵⁷⁸.

Примечательно то, что при описании истории русско-чувашских отношений чувашские интеллектуалы позволяли себе и критические замечания в адрес русских княжеств. Например, чувашские историки с явным сочувствием в адрес своих предков описывали их военные успехи в борьбе против Суздальско-Владимирского Княжества, акцентируя внимание на их мощи, указывая на то, что на борьбу с Русью они смогли мобилизовать усилия мари, мордвы и других общностей. Если же речь заходила о военных успехах русских войск, то чувашские авторы указывали на то, что они имели почти исключительно отрицательные результаты для чувашей⁵⁷⁹. Но изучению этих проблем чувашские интеллектуалы почти не уделяли внимания предпочитая писать о мирном сосуществовании и о прогрессивном влиянии со стороны русских на чувашей.

⁵⁷⁷ Кузнецов И.Д., Николаев П.Н. Буржуазные реформы 60 – 70-х годов XIX века и развитие капитализма в Чувашии / И.Д. Кузнецов, П.Н. Николаев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 178 – 181.

⁵⁷⁸ Дмитриев В.Д., Паньков И.П. Болгарское государство X – начала XIII веков. – С. 39 – 40.

⁵⁷⁹ Там же. – С. 40.

В комплексе русских нарративов наиболее важным был связан с самим фактом вхождения территории Чувашии в состав Русского государства. В данном случае чувашские интеллектуалы подчеркивали то, что эти события не стали результатом завоевания, а произошли в результате антиказанского восстания и отправки в Москву послов с просьбой принять чувашей под русское подданство. Такой манерой описания этих событий чувашские историки стремились подчеркнуть самостоятельный статус чувашей на этапе вхождения в состав Русского государства⁵⁸⁰. Правда, в дальнейшем чувашские историки все-таки вынужденно писали о том, что «чувашаи радушно встречали русские войска, оказывали им большую помощь»⁵⁸¹.

Именно описание событий, связанных с событиями вхождения в состав России, демонстрирует роль идеологической цензуры и всю методологическую беспомощность в значительной степени характерную для советских национальных историографий. Присоединение к России объявлялось однозначно позитивным событием, а иные интерпретации автоматически исключались. Чувашские советские историки декларативно утверждали, что «чувашаи связали свою судьбу с русским народом». Кроме этого события 1546 года интерпретировались в категориях господствовавшей в советской историографии социально-экономической парадигмы. Утверждалось, что русские освободили чувашей от «гнета казанских феодалов». Однако советская историография основное, главнейшее, значение этих событий видела в ином: только в Русском государстве чувашаи смогли совместно с «русским народом» начать борьбу, направленную на свержение царизма⁵⁸².

С другой стороны, чувашские интеллектуалы позволяли себе и весьма критические замечания в адрес русской политики по отношению к чувашам. Список претензий к русской политике был значительным: чувашские интеллектуалы не могли простить русским властям социального и национального гнета, недопущение чувашей на административные посты, ограничение прав чувашского населения. Особые претензии вызывала политика, направленная на русификацию, уничтожение чувашской культуры и вытеснение чувашского языка. Чувашские интеллектуалы, отдавая дань всем требованиям цензуры все-таки проводили принципиально важный и национально маркированный нарратив о том, что пребывание чувашей в составе России не лучше, чем казанский период, так как и при русских «чувашский народ изнывал в темноте и невежестве»⁵⁸³.

⁵⁸⁰ Дмитриев В.Д., Нестеров В.А., Тихомиров В.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству. Чувашия во второй половине XVI – начале XVII веков / В.Д. Дмитриев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 60.

⁵⁸¹ Там же. – С. 62.

⁵⁸² Там же. – С. 64.

⁵⁸³ Там же. – С. 64.

Значительное число замечаний в отношении позитивного значения русского периода чувашской истории было связано с проведением политики принудительной христианизации. В этом чувашские интеллектуалы во многом справедливо были склонны видеть проявление русификаторской политики. В рамках исторических нарративов советского времени нарратив о принудительной христианизации вытекал из комплекса других, связанных с политикой игнорирования интересов, обычаев и традиций нерусских народов. Примечательно то, что критика христианизации имела два направления: с одной стороны, чувашские историки видели в ней тенденции к русификации, с другой, будучи лояльными советскому режиму, развивали традиционный для советской историографии антирелигиозный нарратив о том, что именно русская православная церковь «более действительно защищала интересы угнетателей»⁵⁸⁴.

Чувашские историки создавали негативный образ христианства как религии угнетателей, которые не уважали чувашскую культуру и традиции. Чувашская интеллектуальная традиция культивировала нарратив о том, что принятие христианства стало тяжелой душевной травмой для чувашей. Например, описывая создание на территории Чувашии системы религиозного образования, они акцентировали внимание на негативных сторонах процесса. Чувашские историки показали, что положение многих чувашей, принявших христианство, было плачевным и даже трагическим. Так, в чувашской интеллектуальной традиции утвердился нарратив о том, что в православных школах чувашские дети подвергались жестоким телесным наказаниям, «влачили полуголодное существование, жили в антисанитарных условиях, болели и умирали». Концепты чувашских историков в такой ситуации имеют почти микроисторическую точность: ими, например, было доказано, что только за два года, с 1756 по 1758 год, в православных школах умер 51 чувашский мальчик⁵⁸⁵.

Чувашские интеллектуалы, проявляя свою лояльность и стремясь интегрировать свои нарративы в большой имперский нарратив, искусственно подчеркивали особое значение для истории Чувашии событий, фактически важных только для России. Яркий пример подобной попытки интеграции в советский имперский нарратив – интерпретация событий Отечественной войны 1812 года. В такой ситуации чувашские историки акцентировали внимание на фактах героизма солдат чувашского происхождения⁵⁸⁶, ука-

⁵⁸⁴ Димитриев В.Д. Чувашия с конца XVII до последней четверти XVIII века / В.Д. Димитриев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 100 – 102.

⁵⁸⁵ Димитриев В.Д. Быт и культура чувашского народа в период феодализма / В.Д. Димитриев // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 146 – 147.

⁵⁸⁶ Димитриев В.Д., Григорьев П.Г. Чувашия в период разложения и кризиса феодально-крепостнического строя и зарождения капиталистических отношений / В.Д. Димитриев // Исто-

зывая на высокую степень интеграции чувашей в имперский контекст Российской Империи начала XIX века. При этом всё ограничивалось лишь упоминанием ряда примеров, а обобщения и анализ данной проблематики в советской чувашской историографии практически не имел места.

И хотя в СССР декларировалось равенство всех национальностей, национальные проблемы, особенно в национальных регионах, были далеки от полного разрешения. В то время как русские для чувашские интеллектуалов были своеобразными главными друзьями и старшими братьями, то татары претендовали на статус главных противников. Если русские рассматривались как освободители, то вокруг татар формировался образ угнетателей и притеснителей чувашей. Такой антитатарский стимул в интеллектуальной чувашской традиции был настолько силен, что иногда татары обвинялись в уничтожении первого чувашского государства – Волжской Булгарии.

Татары обвинялись в «варварском разрушении» городов Волжской Булгарии и в ведение такой экономической политики, которая отбрасывала регион на несколько столетий назад⁵⁸⁷, чем чувашские историки пытались подчеркнуть, что татары на том этапе стояли на более низкой стадии развития. Словно помня о том, что татарские коллеги весьма критически подходили к проблемам истории чувашского этногенеза, чувашские интеллектуалы, реагируя на татарские аспирации, указывали на то, что татары не являются исторически автохтонным населением.

Более того, утверждалось, что пришедшие татары составляли неразвитое и агрессивное меньшинство, которое было быстро ассимилировано родственными чувашам половцами. Отдалению татар от чувашей способствовало то, что татары постепенно принимали ислам, что вело к формированию уже татарской культуры. Однако чувашские авторы не ограничивались признанием особой древнечувашской роли в появлении татар как общности. Они утверждали, что именно ассимилированная татарами часть чувашской знати была наиболее активной⁵⁸⁸. В такой ситуации некоторые деятели ранней татарской истории объявлялись чувашами, что еще раз подчеркивало зависимость татар от чувашей и в культурном и в историческом плане. Сами татары рассматривались как нацию тюркского происхождения, которая сформировалась в результате смешения болгар, татары, кыпчаков и ассимиляции ими части финно-угорского населения. При этом болгарский, то есть чувашский, элемент в этнической истории татар рас-

рия Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 123 – 124.

⁵⁸⁷ Дмитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой Орды. – С. 45.

⁵⁸⁸ Там же. – С. 47.

сма­три­вал­ся как наи­бо­лее важ­ный, а по­ло­вец­кий – как эле­мент опре­де­лив­ший раз­ви­тие та­тар­ско­го язы­ка⁵⁸⁹.

Ана­ли­зи­руя про­бле­мы ис­то­рии от­но­ше­ний ме­жду чу­ва­ша­ми и та­та­ра­ми в пе­ри­од су­ще­ст­во­ва­ния Зо­ло­той Ор­ды, чу­ва­шские ис­то­ри­ки ак­цен­ти­ро­ва­ли вни­ма­ние на том, что чу­ва­ши ока­за­лись в со­сто­я­нии со­хра­нить свою ку­ль­ту­ру и язы­к, не ис­пы­тав зна­чи­тель­но­го, ни язы­ко­во­го и ку­ль­тур­но­го вли­я­ния, со сто­ро­ны та­тар. Та­кая си­ту­а­ция в чу­ва­шском ин­тел­лек­ту­аль­ном дис­кур­се ин­тер­пре­ти­ро­ва­лась как ре­зуль­тат то­го, что та­тар­ская ку­ль­ту­ра бы­ла ме­нее раз­ви­той, ме­нее на­ци­о­наль­ной и по­это­му ма­ло­при­влек­а­тель­ной для чу­ва­шей. При этом чу­ва­шское вли­я­ние на та­тар, на­обо­рот, вос­при­ни­ма­лось как по­зи­тив­ное яв­ле­ние и по­это­му, чу­ва­шские ис­то­ри­ки пред­по­чи­та­ли пи­сать, что мно­гие та­та­ры, спасаясь от «со­ци­аль­но­го уг­не­те­ния»⁵⁹⁰ со сто­ро­ны ис­лам­ско­го ду­ховен­ства бе­жа­ли в зем­ли, на­се­лен­ные чу­ва­ша­ми-языч­ни­ка­ми, при­ни­ма­ли их ве­ру и ас­си­ми­ли­ро­ва­лись.

Если чу­ва­шско-та­тар­ская по­ле­ми­ка, свя­зан­ная с ис­то­ри­че­ской и эт­ни­че­ской при­над­ле­ж­но­стью Волж­ской Бул­га­рии и са­мих чу­ва­шей, про­те­ка­ло ве­сь­ма на­пря­жен­но, то ка­зан­ский пе­ри­од вы­зы­вал боль­ше претен­зий как со сто­ро­ны чу­ва­шских, так и со сто­ро­ны та­тар­ских ис­сле­до­ва­те­лей. В то вре­мя как та­тар­ские ис­то­ри­ки бы­ли скло­нны ин­тер­пре­ти­ро­вать Ка­зан­ское хан­ство в ка­те­го­ри­ях поч­ти на­ци­о­наль­но­го та­тар­ско­го го­су­дар­ства, то чу­ва­ши ви­де­ли в нем вра­ждеб­ное чу­ва­шам по­ли­ти­че­ское об­ра­зо­ва­ние⁵⁹¹. Ос­нов­ная ма­сса претен­зий чу­ва­шских ин­тел­лек­ту­алов в а­дрес та­тар­ских кол­лег ле­жит в плос­ко­сти по­ли­ти­че­ской ис­то­рии Ка­зан­ско­го хан­ства. Оно рас­сма­три­ва­ет­ся как имен­но та­тар­ское и, сле­до­ва­тель­но, ан­ти­чу­ва­шское го­су­дар­ство. Во всех чу­ва­шских ис­сле­до­ва­ни­ях по это­му пе­ри­о­ду мож­но най­ти об­ви­не­ния в на­си­ль­ствен­ной ас­си­ми­ля­ции чу­ва­шей та­та­ра­ми.

Ис­то­рия чу­ва­шей в Ка­зан­ском хан­стве сводилась чу­ва­шскими ав­то­ра­ми к по­сто­ян­ной бор­ь­бе за вы­жи­ва­ние. В со­от­вет­ствии с тра­ди­ци­я­ми со­вет­ской ис­то­рио­гра­фии они ут­вер­жда­ли, что на дан­ном эта­пе «упор­ная клас­со­вая бор­ь­ба тру­до­вых масс за со­ци­аль­ное и на­ци­о­наль­ное ос­во­бо­ж­де­ние». В дан­ном слу­чае оче­вид­на ме­то­до­ло­гичес­кая свя­зь ме­жду рус­ски­ми и та­тар­скими нар­ра­ти­ва­ми при на­пи­са­нии чу­ва­шской на­ци­о­наль­ной ис­то­рии в со­вет­ский пе­ри­од. Ан­ти­чу­ва­шская по­ли­ти­ка та­тар­ских вла­стей Ка­зан­ско­го хан­ства по­зи­ци­о­ни­ро­ва­лась как важ­ней­ший сти­мул то­го, что чу­ва­ши пе­ре­шли под под­дан­ство Рус­ско­го го­су­дар­ства в 1546 го­ду⁵⁹².

В це­лом, ком­плекс та­тар­ских нар­ра­ти­вов был призван вы­пол­нить двой­ную функ­цию – до­ка­зать, что чу­ва­ши не та­та­ры и ут­вер­дить нар­ра­тив

⁵⁸⁹ Там же. – С. 50.

⁵⁹⁰ Там же. – С. 49.

⁵⁹¹ См. по­дроб­нее: Ди­мит­ри­ев В.Д., Пань­ков И.П. Чу­ва­шия в со­ста­ве Ка­зан­ско­го хан­ства / В.Д. Ди­мит­ри­ев // Ис­то­рия Чу­ва­шской АССР. – Че­боксары, 1966. – Т. 1. С древ­ней­ших вре­мен до Ве­ли­кой Ок­тяб­рской со­ци­али­сти­че­ской ре­во­лю­ции. – С. 53.

⁵⁹² Там же. – С. 57.

о том, что чувашская история самодостаточна, а строгая привязка ее к событиям татарской, о чем писали татарские авторы, не требуется. В такой ситуации чувашская национальная история объективно писалась как определенный концепт самости⁵⁹³, культивируясь как дискурс именно чувашской тюркской идентичности, который основывается на радикальном отделении от другой, в данном случае – татарской, идентичности.

В чувашской исторической традиции особое внимание уделялось событиям советского периода, которые были важны в контексте декларирования лояльности в отношении советской власти. История всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний – чувашский контекст восприятия истории в данном случае оказался не уникальным⁵⁹⁴. Чувашские интеллектуалы в ряде случаев сами были согласны проявлять лояльность, особенно если речь шла о создании чувашской государственности. Если сюжеты более ранней истории вызывали негативную оценку, то национальная политика советской власти почти всегда получала, за исключением периода репрессий, позитивную оценку. С другой стороны, само изучение советского настоящего было невозможно без политической лояльности.

Анализируя советскую чувашскую государственность чувашские авторы развивали нарратив об особом характере национальной автономии. Сама автономия позиционировалась не как простая административная единица, а как закономерное продолжение развития диктатуры пролетариата. Создание в начале 1920-х годов Чувашской АО осознавалось советскими чувашскими интеллектуалами как проявление особой политической линии в отношении чувашского населения. Поэтому, чувашские интеллектуалы утверждали, что создание автономии сделало советскую власть еще более «родной и близкой трудящимся массам»⁵⁹⁵ Чувашии, а преобразование АО в АССР в 1926 году позиционировалось как восстановление чувашской государственности, как начало нового этапа в политической и культурной истории чувашей⁵⁹⁶. В таком контексте история «использовалась для легитимации государства»⁵⁹⁷.

⁵⁹³ О подобных тенденциях в развитии исторических исследований см.: Friedman J. History, Political Identity and Myth. – P. 42.

⁵⁹⁴ Об таком дискурсе исторических исследований, их связи с национализмом см.: Куско А., Таки В. «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность / А. Куско, В. Таки // *An Imperio*. – 2003. – № 1. – С. 485.

⁵⁹⁵ Петров И.Е. Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Образование Чувашской Автономной Области / И.Е. Петров // *История Чувашской АССР*. – Чебоксары, 1967. – Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – С. 45 – 48.

⁵⁹⁶ Петров И.Е. Трудящиеся Чувашии в борьбе за восстановление народного хозяйства. Образование Чувашской АССР / И.Е. Петров // *История Чувашской АССР*. – Чебоксары, 1967. – Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – С. 61 – 63.

⁵⁹⁷ Rottier P. Legitimizing the Ata Meken. – P. 470.

Советский период позиционировался в советской чувашской традиции как время становления и развития нового типа чувашской нации – чувашской социалистической нации. Сам факт создания социалистической нации был призван еще более стимулировать и укреплять лояльность режиму. Дискурс восприятия социалистической нации в ЧАССР был статичным и почти не изменялся. Ее появление связывалось с победой социализма и ликвидацией капиталистического строя. Особое внимание акцентировалось на особой помощи и прогрессивной роли «великого русского народа», который оказал помощь чувашам в консолидации в «социалистическую нацию»⁵⁹⁸. Дискурс чувашской социалистической нации был органически интегрирован в дискурс большой нации – советского народа. Поэтому, в советской традиции чувашская культура позиционировалась как национальная по форме, но социалистическая по содержанию.

Советский нарратив, представленный в двухтомной «Истории Чувашской АССР» развивался как часть советского исторического нарратива. Поэтому, чувашский нарратив нес в себе все родовые признаки официального советского историографического канона. В советской чувашской историографии заметны все проявления официальной советской парадигмы – приоритет социально-экономической истории, культивирование мифа об исключительно прогрессивной роли в истории чувашского народа россиян, признание революционных процессов как движущей силы истории, искусственный разрыв истории на два этапа – на досоветскую и советскую. Такой идеологически выдержанный текст сопровождался не менее тщательно подобранными иллюстративными материалами, что демонстрирует еще один уникальный дискурс восприятия истории в условиях советского общества.

Весь иллюстративный материал был призван подчеркнуть уникальность исторического процесса на территории Чувашии, показать то, что история на территории Чувашии была именно чувашской историей. Правда, в ряде случаев иллюстрации были призваны акцентировать внимание на том, что чуваша были лояльны России, а чувашская историография 1960-х годов была интегрирована в советский контекст, развивая и культивируя те нарративы, которые были характерны для всей советской историографии в целом. Например, в первом томе при описании истории вхождения Чувашии в состав России содержится иллюстрация из Лицевого летописного свода, подписанная «Переход в русское подданство горных людей после постройки города Свияжска». Другая иллюстрация по этой же

⁵⁹⁸ Кузнецов И.Д. Формирование чувашской социалистической нации / И.Д. Кузнецов // История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1967. – Т. 2. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – С. 97 – 98.

теме («Горные люди пригнали скот для войск Ивана IV»⁵⁹⁹) была призвана подчеркнуть то, что чувашаи вошли в состав России добровольно.

Другие рисунки были тоже идеологически выдержаны. Например, при описании сюжетов, связанных с чувашскими восстаниями, приводится фрагмент акварели И.П. Гурьева («Восставшие чувашские и марийские крестьяне в городе Чебоксарах в 1609 году сбрасывают с башни игумена Геласия»⁶⁰⁰), который имеет в одинаковой степени и социальный и антирелигиозный подтекст, что демонстрировала лояльность советских чувашских историков советскому режиму. При анализе истории восстания Степана Разина приводится изображение одной из «прелестных грамот» («Прелестная грамота С.Т. Разина русским, татарам, чувашам и Мордве Цивильского уезда»)⁶⁰¹, призванные показать, что чувашаи принимали участие в социальной борьбе под руководством русских.

В случае описания истории восстания Е. Пугачева текст сопровождала иллюстрация («Переправа отряда Е. Пугачева через Волгу у деревни Нерядово 17 июля 1774 года и встреча его восставшими крестьянами»⁶⁰²), изображающая восторженную встречу повстанцев чувашскими крестьянами, что должно было подчеркнуть участие чувашей в классовой борьбе под руководством именно русских. В двухтомной истории Чувашии можно найти и изображение («Бой между повстанцами и правительственными войсками 20 мая 1842 года под селом Акрамово Козьмодемьянского уезда»⁶⁰³) одного из столкновений чувашей с русскими войсками в 1842 году.

При подборе иллюстративного материала чувашские историки уделяли внимание и возможно эмоциональному воздействию на читателей, но и тогда они не забывали про соответствие официальному советскому дискурсу. Анализ истории христианизации чувашей сопровождается рисунком («Насильственное крещение чувашей в XVIII веке. По картине художника Н.К. Сверчкова»⁶⁰⁴), который имеет в одинаковой степени и антирелигиозный и антирусский подтекст. Иллюстративный материал акцентирует внимание на нескольких аспектах проблемы: 1) христианизация чувашей имела насильственный характер; 2) чувашаи не хотели принимать христианство; 3) христианство их заставляли принимать русские и, следовательно – 4) христианизация – часть политики русификации. Изображение же народного языческого ритуала («Жертвоприношение “уй чүк”. По картине художника Н.К. Сверчкова»⁶⁰⁵), наоборот, позиционировалось как прогрессивное

⁵⁹⁹ История Чувашской АССР. – Чебоксары, 1966. – Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – С. 61, 63.

⁶⁰⁰ Там же. – С. 70.

⁶⁰¹ Там же. – С. 86.

⁶⁰² Там же. – С. 110.

⁶⁰³ Там же. – С. 135.

⁶⁰⁴ Там же. – С. 101.

⁶⁰⁵ Там же. – С. 143.

явление, призванное подчеркнуть сопротивление ассимиляции и приверженность к народным традициям.

Описание социально-экономической истории сопровождается рисунком изображающим процесс взимания налогов с чувашского населения («Сбор податей в чувашской деревне. Рисунок П.В. Сизова»⁶⁰⁶), который в духе советского канона позиционирует российскую администрацию негативно, изображая ее как античувашскую. Однако преподнесение материала упрощено и примитивно. Среди отрицательных героев обязательно присутствует офицер и местный помещик. Другие рисунки («А.С. Пушкин в чувашской деревне»⁶⁰⁷), наоборот, были призваны показать прогрессивную роль русских в истории Чувашии.

Будучи интегрированными в советский идеологический контекст, чувашские интеллектуалы не могли избежать обращения к образу Ленина. Но фигуре Ленина в официальной советской идеологии отводилась особая роль отца советского народа и создателя самого советского государства. Свою сопричастность с образом Ленина, стремясь подчеркнуть лояльность, особо тщательно культивировали интеллектуалы в нерусских республиках. Поэтому, текст истории Чувашской АССР сопровождался несколькими изображениями самого В.И. Ленина и его отца И.Н. Ульянова. Сопровождая текст изображением Ленина, рисунок наделен тюркскими чертами. И.Н. Ульянов так же антропологически близок к тюркскому типу. Кроме этого визуально акцентируется внимание на участие И.Н. Ульянова («И.Н. Ульянов среди чувашских крестьян в селе Ходарах. По картине художника П.В. Сизова») в просвещении чувашей. Образ Ленина так же формировался как образ друга чувашского народа и сторонника его развития. Текст, например, содержит изображение сцены общения («В.И. Ленин с Н.М. Охотниковым. По картине художника Л.Н. Осинского»⁶⁰⁸) молодого В.И. Ленина с чувашским просветителем Н.М. Охотниковым.

Чувашская историография была одним из наиболее важных, после языка и литературы, каналов поддержания и культивирования чувашской национальной идентичности в условиях существования авторитарного советского режима, который исключал возможности политических проявлений идентичности, оставляя местным нерусским интеллектуалам исключительно культурную сферу для развития национально значимых нарративов. Если литература и язык подтверждали существование чувашской нации в реальном времени, то исторические исследования были призваны доказать то, что чувашаи имеют свою собственную национальную историю и равноправны по сравнению с другими нациями советского государства. Поэтому, чувашский исторический нарратив был интегрирован в большой официальный советский контекст и был подчинен всем нормам требований и

⁶⁰⁶ Там же. – С. 128.

⁶⁰⁷ Там же. – С. 130.

⁶⁰⁸ Там же. – С. 183, 222 – 223, 225.

канонов официального советского восприятия национальных истории нерусских народов.

Исторические исследования были призваны доказать, что чувашим имеют собственное прошлое. История в такой перспективе преподносилась как одна из отличительных сторон национальной идентичности чувашского населения. Именно история была темой наиболее важным выделяющим фактором, который в значительной степени отделял чувашей от соседей и преподносил их как самостоятельную общность. Более того, исторические нарративы были важны в контексте строительства особого типа современных наций – советского. История преподносилась в такой ситуации как доказательство того, что чувашим, обладая собственной историей, не только в праве, но и в состоянии принимать участие в строительстве советского общества.

Таким образом, исторические исследования в ЧАССР еще в более глубокой степени оказывались вписанными и интегрированными в советский канон не просто историческим описанием, но и историческим написанием. История писалась в соответствии с теми нормами, которые были определены в межвоенный период в российской историографии. Поэтому, история, как наука, и как прошлое, которое она популяризировала и интерпретировала исходя из требований национальной интеллигенции, была более важна, чем язык и литература, так как она базировалась на историческом наследии и нарративе о прямом историческом континуитете тюркского населения Чувашии. История была более важна в деле сохранения, развития и поддержания национальной идентичности, чем чувашский язык, так как он, имея тюркское происхождение, приближал чувашей к татарам, чего местным национально мыслящим чувашским интеллектуалам не хотелось.

История демонстрировала чувашским авторам национальное величие в прошлом, так как в настоящем они его видеть не могли. Возможность проявления умеренного национализма в истории была компенсацией за невозможность его проявления в политике. Кроме этого советская национальная политика, которая нередко имела чисто декларативный и демагогический характер, не обеспечивала реального равноправия нерусских с русскими. В такой ситуации исторические студии в национальных регионах приобретали особое значение. Исторические исследования гарантировали чисто внешнее равноправие нерусских интеллектуалов с их русскими коллегами. Однако и в такой ситуации чувашские гуманитарии были вынуждены мириться с методологическим и тематическим русским диктатом и подчинением их исторических нарративов единому советскому канону.

Именно поэтому, значительная часть чувашских национально ориентированных нарративов строилась вокруг тезиса об исключительно чувашской этнической, политической и культурной природе Волжской Булгарии. Комплекс нарративов о Волжской Булгарии был принципиально важен для

чувашской национальной интеллигенции. В условиях когда политические государственные институты в Чувашской АССР имели чисто декларативный характер, историческая память, которая культивировалась в историографии, о Волжской Булгарии была очень важна. Булгария осознавалась как первое, почти национальное, чувашское государство. В такой ситуации заметна тенденция противопоставления чувашских интеллектуалов русским, которые почти монополизировали право на обладание государственности в прошлом почти исключительно за русским народом, принижая значение средневековых государственных нерусских народов и искусственно преувеличивая русское влияние.

Поэтому, доказывая исторически обусловленный характер чувашской нации и государственности чувашские историки вступали в спор с татарскими коллегами, склонными интерпретировать волжское болгарское наследство исключительно в категориях татарской истории. Полемика имела место и по целому ряду других вопросов, начиная от тюркского характера чувашей и заканчивая проблемам вхождения территорий в состав Русского Государства. Если чувашские советские интеллектуалы писали о присоединении как о добровольном акте, то татарские писали о завоевании. В таком контексте татаро-чувашская полемика была полемикой между идейными сепаратистами и верноподданническими авторами. Советский период вообще преподносился как национальный расцвет чувашского народа, что выразилось в создании Чувашской АССР, которая рассматривалась как местный чувашский вариант национального государства. Описание советской истории вообще отличалось крайне лояльным тоном и воспеванием всей советской политики как таковой.

Такой настрой чувашских авторов вовсе не исключал то, что в их среде имели место национальные идеи и националистические настроения. При всем декларировании верности России и воспевания прогрессивной роли русского народа в чувашской истории, местные историки все же оставались именно чувашскими историками, которые стремились писать историю Чувашии как национальную, пусть и в строгих цензурных рамках. Тем не менее, роль исторической науки в сохранении чувашской национальной идентичности не следует преуменьшать. Именно история, наравне с языком и литературой, успешно использовалась чувашскими интеллектуалами для противостояния политике русификации, которая стремительно начала набирать обороты в послевоенный период.

Чувашская историографическая традиция советского периода оказалась интегрированной и инкорпорированной в официальный советский контекст. При этом местный чувашский исторический дискурс хотя и нес в себе все признаки единого большого советского исторического нарратива, он, тем не менее, имел ряд особенностей. Важнейшая из них состояла в национальной ориентации исторических исследований. Ряд советских концептов был усвоено крайне поверхностно, автоматически и схематически

переносился на изучение истории Чувашии. Несмотря на попытки интеграции, местный исторический дискурс остался именно национальным, о чем свидетельствует чувашско-татарская полемика, что еще раз подтверждает, что СССР развивался как империя, где насчитывалось немало противоречий между русской доминирующей нацией и другими нерусскими этническими группами. В такой ситуации в национальные противоречия оказалось включенным и научное сообщество, исторические исследования которого лишь один из многочисленных дискурсов национализма в Советском Союзе.

2.6. Проблемы развития пограничных идентичностей в контексте европейского национализма

Немецкий писатель Эрнст Юнгер писал, что отцом немецкого национализма в межвоенной Германии была война⁶⁰⁹. Развивая его слова, можно сказать, что его матерью была и история. История, как наука, и национализм, как политическая идеология, связаны между собой самым тесным образом. Энтони Смит пишет, что «история национализма - это и история тех, кто о нем повествует». В зависимости от ситуации историки могут быть в лагере националистов, быть его создателями и приверженцами, закладывая «фундамент национализма в своих странах». В тоже время именно историки могут принадлежать к числу его самых последовательных противников, «критиков и оппонентов национализма»⁶¹⁰.

Практически в каждой национальной исторической науке были и есть исследователи-националисты и историки без конкретных национальных пристрастий, заинтересованные в развитии исторической науки как таковой. В разные исторические периоды влияние этих групп и число их приверженцев может быть различным. В периоды активной политической борьбы, национального движения или патриотической эйфории в результате обретения независимости - национализм может стать единственной парадигмой, определяющей направление исторических исследований. В периоды относительной политической и экономической стабильности национализм в исторической науке являет собой маргинальное направление.

В отечественной историографии проблемы связи национализма и исторических исследований изучены крайне слабо. Это утверждение тем более справедливо и в отношении отечественных германских студий. Большая часть исследований по германистике, выходящих в современной России, в большей или меньшей степени, развивает темы, унаследованные от старой советской историографии. Среди этого относительно широкого тематического своеобразия места для проблем, связанных с национализмом,

⁶⁰⁹ См.: Данн О. Нации и национализм в Германии 1770 - 1990 / О. Данн. - СПб., 2003. - С. 273.

⁶¹⁰ Смит Э. Национализм и историки / Э. Смит // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 236.

почему-то не нашлось. Единственное исключение - публикация в 2003 году перевода книги немецкого историка Отто Данна «Нации и национализм в Германии»⁶¹¹.

В настоящей лекции мы с вами попытаемся рассмотреть некоторые проблемы связанные с историей национализма в Германии. Национализм в Германии – сложная и комплексная проблема, которая, вероятно, заслуживает отдельного лекционного курса. В первой части нашего курса мы говорили о дискурсивной теории национализма, анализируя ее на примере исследования Крэйга Калхуна «Национализм». Как мы помним, американский исследователь указывает на полезность анализа национализма в контексте его различных дискурсов. Это мы и попытаемся сделать с вами в настоящей лекции.

Мы остановимся на двух казусах в истории немецкого национализма в XX веке – на связи исторических исследований и национализма, локализовав исследование уровнем только Баварии, в период между 1928 и 1944 годами и на попытках выстраивания национальной идентичности в Германской Демократической республике. Мы специально выбрали две эти проблемы, чтобы показать, что не все проекты создания и культивирования идентичности могут заканчиваться позитивными результатами. Подобные национальные проекты и идентичности мы не в праве называть маргинальными. Корректнее будет определять их как «пограничные». Это относится в большей степени к ГДР, чем к Баварии.

В центре внимания будет историческое издание «*Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*», которое начало выходить в 1928 году. После завершения второй мировой войны его выпуск возобновился. В современных исследованиях национализма преобладают методологии, которые развиваются в западной историографии после 1945 года. Поэтому, в изучении баварского дискурса в немецком национализме мы будем опираться на хорошо зарекомендовавшие себя теории «воображаемых сообществ», «мест памяти» и т.п.

Бавария в значительной степени отличается от остальных немецких земель. Она - самая крупная и исторически старейшая земля Федеративной Республики Германия. Баварские традиции самосознания и государственности формировались на протяжении более чем тысячелетней истории. Бавария оказалась единственной германской землей, которой благодаря своей экономической значимости и ярко выраженной самобытности народа удалось сформировать настоящее самосознание, которое, вероятно, может быть определено именно как национальное. Эта ситуация осознавалась всеми немецкими интеллектуалами, не только местными баварскими. Особенности Баварии еще более подчеркивались особенностями местного языка. Такая ситуация своими корнями несомненно уходит в прошлое и

⁶¹¹ Данн О. Нации и национализм в Германии 1770 - 1990 / О. Данн. - СПб., 2003.

история Баварии стала важным каналом для развития и поддержания местного национального идентитета.

В межвоенной Германии баварские интеллектуалы предпринимали серьезные попытки в области поддержания и развития местной идентичности, используя именно историю. В такой ситуации исторические исследования приобретают статус политический, так как оказались призванными не только акцентировать внимание на уникальности, присущей Баварии, но и доказать, что баварские особенности - естественны и являются продуктом постепенного исторического развития. Вместе с тем, баварские интеллектуалы, в частности и на страницах *«Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte»*, культивировали нарратив и о том, что история Баварии является отдельным и самостоятельным элементом исторического процесса в Германии.

Баварские интеллектуалы в межвоенный период были склонны выделять историю Баварии из общегерманского исторического контекста. Она ими не вписывалась в историю других земель, а рассматривалась как своя собственная местная история со значительными особенностями, которые делали возможным ее исключение из общегерманского исторического процесса и анализ как самостоятельной истории. Правда, единства мнений относительного характера такой местной исторической самости и самодостаточности среди баварских историков не было. Параллельно определение статуса местной истории осложнялось и периодически возникающими спорами о самой немецкой истории и роли в ней некоего внеисторического германского народного начала, немецкого гения.

В 1930 году Макс Лейх предложил вариант прочтения баварской истории, который можно определить как максимально локализованный именно на баварской почве и более отделенный и отдаленный от истории Германии в целом. Местная история определялась им не иначе как *Heeresgeschichte*⁶¹², то есть история местная, здешняя, почти - «тутошняя». Правда, большая часть баварских интеллектуалов (например, Фридрих Мауер, Ханс Оскар Динер), хотя стояла на национальных позициях, тем не менее, была склона интерпретировать эту проблему не столь радикально. История Баварии оценивалась ими как *Landesgeschichte*⁶¹³, то есть история земли, что все равно подчеркивало выделенность Баварии из числа других немецких регионов. В то же время баварские интеллектуалы оказались втянутыми в дискуссию о германском духе, имевшую скорее политический или народно-мифический, но не научный характер⁶¹⁴. Дискутируя о

⁶¹² Leyh M. Entwicklung und Stand der heeresgeschichtlichen Forschung in Bayern / M. Leyh // *Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*. - 1930. - Bd. 3. - S. 69 - 84. Далее: ZfBLG.

⁶¹³ Maurer Fr. Neue Wege fränkischer Landesforschung / Fr. Maurer // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 449 - 480; Diener H.O. Grundsätzliches zur Methode der Landwirtschaftsgeschichte / H.O. Diener // ZfBLG. - 1936. - Bd. 9. - S. 107 - 110.

⁶¹⁴ Geldner F. Sinn und Aufgabe der Walhalla / F. Geldner // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 463 - 478; Huber H. Die Keplerbüste in der Walhalla / H. Huber // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 455 - 465.

статусе своей местной истории, они периодически обращались и к теме общих германских корней, германской мифологии, что в некоторой степени сближало исторические исследования с существовавшими ранее и тогда течениями в немецком национализме.

Культивирование и развитие национальной идентичности было невозможно без обращения к конкретным примерам. Таковыми могли стать выдающиеся деятели прошлого, как общенемецкого, так и местного баварского уровня. Их образы культивировались, они преподносились как образцы для подражания, как истинно немецкие люди, как носители духа немецкой исключительности, как проявления германского гения. Баварские интеллектуалы в анализируемый период писали как о местных, так и немецких деятелях⁶¹⁵. Причем предпочтение отдавалось явно вторым. Они были призваны отцами баварской нации, на которых следовало ориентироваться остальным баварцам.

Роль отца такого национального пантеона была отведена местными интеллектуалами Людвигу I Баварскому. О нем баварские историки писали много, часто и охотно⁶¹⁶. Биография Людвига оказалась изученной столь детально, что в его жизнеописаниях выделяются работы, посвященные его молодости, политической зрелости и позднему периоду правления⁶¹⁷. Он преподносился как выдающийся немецкий политик, современник не менее заметных французского императора Наполеона I и российской императрицы Екатерины II⁶¹⁸. Он осознавался как крупный политический мыслитель своего времени, который был в курсе важнейших политических тенденций, как политик поддерживавший связь с интеллектуалами-современниками⁶¹⁹. Вместе с тем акцентировалось внимание на самой политической активно-

⁶¹⁵ Becker A. Georg Christian Crollius (1728-1790). Zum 200. Todestag eines gelehrten Pfälzers / A. Becker // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1. - S. 1 - 14; Weiß K. Johann Georg von Schuh, Oberbürgermeister von Nürnberg / K. Weiß // ZfBLG. - 1930. - Bd. 3. - S. 407 - 480.

⁶¹⁶ Chroust A. Ein Kritiker Ludwigs I. von Bayern (zugleich ein Beitrag zur Geschichte der inneren Verwaltung Bayerns) / A. Chroust // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S. 53 - 86; Chroust A. Eine neue Biographie Ludwigs I / A. Chroust // ZfBLG. - 1938. - Bd. 11. - S. 121 - 130.

⁶¹⁷ Franz E. Persönlichkeiten um Ludwig Frh. v. d. Pfordten. Eine Untersuchung auf Grund neuer Quellen / E. Franz // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S. 137 - 162; Meiser O. Ein Brief des Kronprinzen Ludwig über den ersten Landtag von 1819 / O. Meiser // ZfBLG. - 1938. - Bd. 11. - S. 137 - 140; Chroust A. Aktenstücke zur Jugendgeschichte des späteren Königs Ludwig I. von Bayern / A. Chroust // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 446 - 455.

⁶¹⁸ Redwitz M. Die Verlobung des Kurprinzen Ludwig von Bayern mit der Großfürstin Katharina von Rußland / M. Redwitz // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 31 - 38.

⁶¹⁹ Andreas W. Gespräche König Ludwigs I. von Bayern mit dem Weimarischen Kanzler von Müller über deutsche Zollpolitik / W. Andreas // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 209 - 220; Striedinger I. Neues Schrifttum über Kaspar Hauser. Zur 100. Wiederkehr seines Todestages (17. Dezember 1833). Mit einem Anhang: Briefwechsel des Königs Ludwig von Bayern mit Lord Stanhope / I. Striedinger // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 415 - 484; Pölnitz G. Kronprinz Ludwig von Bayern und Graf Montgelas (nach ihrem Briefwechsel von 1810-1816) / G. Pölnitz // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 35 - 85.

сти монарха: их фигуры баварской он превращался в политика всей Германии⁶²⁰.

Вторым отцом баварской нации объявлялся Максимилиан II. Как и Людвиг, он привлекал внимание со стороны баварских интеллектуалов и исследователей. Подобно Людвигу он наделялся многочисленными политическими и баварскими добродетелями. Особое внимание акцентировалось не только на его политике в сфере культуры и отношениях со своими современниками⁶²¹. Он преподносился как общегерманская фигура, как один из участников решения баварского вопроса⁶²².

Людвиг I Баварский и Максимилиан II возглавляли тот пантеон отцов нации, столь усердно воображаемый и культивируемый местными баварскими интеллектуалками. Наряду с ними в этот пантеон входило еще более десяти национально значимых баварских политиков, деятельность которых так же могла быть усилиями местных историков вписана и интегрирована в национальный пантеон. Наряду с правившими Баварией монархами туда входили и фигуры и менее значимые, но связанные с ними - например, кронпринц Руппрехт⁶²³. В пантеон попали и те деятели, которые имели заслуги на «баварской государственной службе» - граф Бернхард фон Рехберг⁶²⁴, а так же деятели баварской политики - баварский министр культуры Максимилиан фон Берх⁶²⁵, баварский военный министр Отто фон Крес⁶²⁶, баварский криминалист Фёйербах Ферхельтнис⁶²⁷. В этот пантеон были интегрированы и фигуры почти неизвестные в общегерманском масштабе: Фридрих Сустрис, Фридрих фон Диттмер, Йоханнес Бём⁶²⁸.

Однако, баварские интеллектуалы не ограничивались только попытками сформировать особый национальный пантеон. Доказывая уникальность и неповторимость баварской истории, они обратились к проблемам культурной и этнической истории Баварии. Важнейший, в одинаковой степени и этнический и культурный элемент, который выделяет Баварию из

⁶²⁰ Landauer R. König Ludwig I. von Bayern und Salzburg / R. Landauer // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 488 - 491.

⁶²¹ Doeberl M. Kulturpolitik König Maximilians II. von Bayern / M. Doeberl // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1.

⁶²² Franz E. Wilhelm von Doenniges und König Max II. in der Deutschen Frage / E. Franz // ZfBLG. - 1929 - Bd. 2 - S. 445 - 476.

⁶²³ Frauenholz E. von, Kronprinz Rupprecht im Weltkrieg / E. Frauenholz // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1.

⁶²⁴ Rechberg G. Der Versuch der Berufung des Grafen Bernhard von Rechberg in den bayerischen Staatsdienst (1851/52). Briefe aus Familienbesitz / G. Rechberg // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 319 - 328.

⁶²⁵ Ow A. Zur Charakteristik des kurbayerischen Ministers Maximilian Grafen von Berchem / A. Ow // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 97 - 108.

⁶²⁶ Demeter K. Otto von Kreß als Bayerischer Kriegsminister / K. Demeter // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 85 - 110.

⁶²⁷ Striedinger I. Des Kriminalisten Feuerbach Verhältnis zu Bayern, insbesondere sein Anteil an der Aufhebung der Folter / I. Striedinger // ZfBLG. - 1935. - Bd. 8. - S. 222 - 237.

⁶²⁸ Braun J. Friedrich Sustis und das Langhaus von St. Michael zu München / J. Braun // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 37 - 56.

других немецких территорий - язык. Баварский язык или баварский диалект немецкого языка привлекал внимание баварских интеллектуалов в межвоенный период, и они понимали, что именно местный язык с присущими ему уникальными особенностями и является одним из важнейших факторов развития баварской идентичности. Поэтому, баварскими историками был написан целый ряд работ, где в исторической и историко-языковой перспективе рассматривались особенности древнебаварских имен, анализировалась не только проблема происхождения баваров и самого слова «Бавария»⁶²⁹, но и проблемы составления особого баварского словаря⁶³⁰, призванного положить конце спорам о самостоятельном статусе баварского среди других германских языков.

Одной из важнейших и национально маркированных тем была проблема роли в местной истории славян. Баварские историки не отрицали того, что германского заселения на территории будущей Баварии жили различные славянские племена. Однако, отношение к ним среди баварских интеллектуалов было различно. На определенных этапах своего развития немецкая интеллектуальная, особенно - историческая, традиция была отмечена крайне негативным отношением к славянам и отрицанием того, что последние были в состоянии сыграть какую бы то ни было роль в баварской истории. Поэтому, баварские интеллектуалы колебались между отрицанием славянского влияния и попытками выяснить, где оно реально имело или могло иметь место. Например, в 1930-е годы появились работы Херманна Витца и Хайнриха Айдмана, посвященные проблемам истории славянского населения на территории Северной Баварии⁶³¹.

Баварские интеллектуалы в рассматриваемый период нашли еще один для поддержания местной идентичности. Для культивирования широко использовалась религия. Бавария, действительно, в религиозном плане в значительной степени оставалась традиционной или даже традиционалистской, преимущественно - католической, периферией. Позднее именно Бавария стала родиной ХСС, а политическая традиция на религиозной основе в современной Баварии сильна, несмотря на все тенденции к секуляризации. В 1920 - 1930-е годы в исследованиях религиозной истории местные авторы нередко стремились подчеркнуть и подчеркивали выделенность Баварии из остальных немецких земель, ее уникальность. В такой ситуации культивировался нарратив о баварцах как религиозной, католической,

⁶²⁹ Mitterwieser A. Altbayerische Familiennamen in Befehlsform / A. Mitterwieser // ZfBLG. - 1930. - Bd. 3. - S. 343 - 346; Striedinger I. Wie alt ist der Baiern-Name? / I. Striedinger // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 1 - 11; Schmidt L. Zum Ursprung der Baiern / L. Schmidt // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 12 - 18.

⁶³⁰ Kraus C. von, Schmellers Bayerisches Wörterbuch / C. von Kraus // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.87 - 93.

⁶³¹ Eidam H. Die Slaven in Nordbayern. Mit 17 Abbildungen auf 6 Tafeln / H. Eidam // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 147-174; Witz H. Die Slawen in Nordbayern (zu H. Eidam, Die Slawen in Nordbayern) / H. Witz // ZfBLG.-1934. - Bd. 7. - S. 92 - 97.

нации. На фоне значительного числа исследований по религиозной истории⁶³², истории Католической Церкви и католических диоцезов в Баварии⁶³³, почти агиографических жизнеописаний-биографий местных монахов, священников и святых⁶³⁴, исследований по церковному праву⁶³⁵, количество работ, посвященных проблемам реформации⁶³⁶ и тем более секуляризации⁶³⁷ в традиционной Баварии оставалось всегда крайне незначительным. В такой ситуации было предпочтительным изучении не реформации, а скорее, активности ее противников⁶³⁸.

Для культивирования баварского национального идентитета были очень важны т.н. «места памяти» или «памятные места» - регионы, которые служили источником для стимулирования национальной идеи. По словам П. Нора, места памяти - объекты, которые способствуют сохранению национального и исторического тождества⁶³⁹. Изучение баварской культуры и этих «мест памяти», хотя подобная терминология баварским историкам не была тогда известна, стимулировало национальное сознание в регионе⁶⁴⁰. Эти места служили естественными подтверждениями баварского исторического процесса и являлись памятниками баварской истории, которые воспринимались как естественное подтверждение того, что она в значительной степени не похожа на общенемецкую. Баварский национальный музей в такой ситуации воспринимался как важнейший канал транслирования национального исторического опыта и его передачи молодому поколению⁶⁴¹. В особое место памяти превратилась и вся Бавария (что автоматически не означало отсутствия интереса к истории других немецких земель, который нередко был призван показать и доказать, что они не такие

⁶³² Nestler H. Vermittlungspolitik und Kirchenspaltung auf dem Regensburger Reichstag von 1541 / H. Nestler // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 389 - 414.

⁶³³ Pfeilschifter-Baumeister G. Die Weihezulassung in den altbayerischen Diözesen des 16. Jahrhunderts / G. Pfeilschifter-Baumeister // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 357 - 422.

⁶³⁴ Schöffel P. Zur Geschichte Bischof Heinrichs II. von Würzburg (1159-1165) / P. Schöffel // ZfBLG. - 1937. - Bd. 10. - S. 117 - 124.

⁶³⁵ Mayer E. Das sog. Sendweistum der Main- und Rednitzwenden und andere Quellen des bayerischen Kirchenrechts aus dem Ende des 9. und Anfang des 10. Jahrhunderts / E. Mayer // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 1 - 26.

⁶³⁶ Schottenloher K. Beiträge zur Geschichte der Reformationsbewegung im Fürstbistum Würzburg 1526-1527 / K. Schottenloher // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S.163 - 172.

⁶³⁷ Backmund N. Die Totenrotelversendung beim Kloster Windberg kurz vor der Säkularisation / N. Backmund // ZfBLG. - 1934. - Bd. 7. - S. 481 - 487; Ow A. Streiflichter zur Geschichte der Säkularisation in Bayern. Aus einem Privatarchiv / A. Ow // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 187 - 206.

⁶³⁸ Bigelmair A. Zur Geschichte der Gegenreformation in Süddeutschland / A. Bigelmair // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.101 - 110.

⁶³⁹ Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past / P. Nora. - NY., 1996.

⁶⁴⁰ Knapp Fr. Frankens Bedeutung in der künstlerischen Kultur / Fr. Knapp // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1; Mayer A. Die Sage von Maria-Birnbaum bei Sielenbach. Kultgeschichtliche Analyse einer bayerischen Sage / A. Mayer // ZfBLG. - 1940 - 1941. - Bd. 13. - S.272 - 296; Widemann J. Die Traditionen der bayerischen Klöster / J. Widemann // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1.

⁶⁴¹ Huggenberger J. Die Entstehungsgeschichte des bayerischen Nationalmuseums / J. Huggenberger // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 39 - 64.

как Бавария⁶⁴²), города которой позиционировались почти как непространственные участники баварской истории⁶⁴³. Постоянное вспоминание их исторического прошлого в контексте широкого изучения истории именно баварской культуры синтезировалось с регионалистскими амбициями местных национально ориентированных политиков.

Изучение истории отношений Баварии с другими европейскими регионами стало самой национально маркированной темой в местной баварской историографии. Лишенные независимости к началу 1870-х годов, не получившие ее и после создания Веймарской республики, баварские интеллектуалы сберегли память о том, что некогда Бавария была одним из важнейших участников международных отношений в Европе. В данном случае они шли несколько в разрез с основной консервативной тенденцией развития исторических исследований. На фоне развития клерикального течения в историографии внимание к роли выходцев из баварских земель в войне за независимость в Северной Америке⁶⁴⁴ выглядело очень либеральным.

С другой стороны, при изучении франко-германских отношений⁶⁴⁵ они стояли на национальных и националистических позициях, так как работали в условиях роста национализма, вызванного унижением перед Францией в результате поражения в первой мировой войне. В такой ситуации особое внимание акцентировалось на антибаварской пропаганде противников Германии, например, той же Франции⁶⁴⁶. Это не мешало баварским интеллектуалам изучать баварско-европейские отношения, доказывая причастность Баварии к общеевропейскому историческому процессу⁶⁴⁷. Вместе с тем особое внимание уделялось истории отношений с Австрией и славянскими государствами⁶⁴⁸, что было призвано лишний раз подчеркнуть особенности исторического процесса в Баварии.

⁶⁴² Becker A. Die Pfalz vor 100 Jahren. Zur Geschichte des Hambacher Festes / A. Becker // ZfBLG. - 1929. - Bd. 2. - S. 65 - 88; Beckmann G. Die Herrschaften Aschau und Hirnsberg-Wildenwart bis zum Aussterben der Freyberg (1276-1603) / G. Beckmann // ZfBLG. - 1928. - Bd. 1. - S. 14- 32; Lutz K. Ein schwedischer Wittelsbacher in der Südpfalz als Zeuge für Frankreichs Rheinpolitik. (Prinz Adolf Johann 1665-1675) / K. Lutz // ZfBLG. - 1931. - Bd. 4. - S. 399 - 416.

⁶⁴³ Landauer R. Das bayerische Salzburg im Jahre 1813 / R. Landauer // ZfBLG. - 1933. - Bd. 6. - S. 246 - 250.

⁶⁴⁴ Bezzel O. Ansbach-Bayreuther Miettruppen im Nordamerikanischen Freiheitskrieg 1777-1783 / O. Bezzel // ZfBLG. - 1935. - Bd. 8. - S. 185 - 214, 377 - 424.

⁶⁴⁵ Koepfel F. Bayern und die französische Pfalzpolitik 1866 / F. Koepfel // ZfBLG. - 1935. - Bd. 8. - S. 425 - 444; Weigel H. Franken im dreißigjährigen Krieg. Versuch einer Übersicht von Nürnberg aus / H. Weigel // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 1 - 50, 193 - 218.

⁶⁴⁶ Riedner O. Aus der Weltkriegspropaganda gegen Bayern / O. Riedner // ZfBLG. - 1936. - Bd. 9. - S. 440 - 450.

⁶⁴⁷ Schottenloher K. Der bayerische Gesandte Kasimir Haefelin in Malta, Rom und Neapel (1796-1827) / K. Schottenloher // ZfBLG. - 1932. - Bd. 5. - S. 380 - 415.

⁶⁴⁸ Zatschek H. Baiern und Böhmen im Mittelalter / H. Zatschek // ZfBLG. - 1939 - 1940. - Bd. 12. - S.1 - 36.

Перейдем ко второму, заявленному в начале лекции националистическому казусу – ГДР.

В советской историографии истории ГДР уделялось особое внимание. ГДР преподносилась как победа немецкого рабочего класса, социалистическое государство на немецкой земле. ГДР преподносилась как оплот мира, как носительница прогрессивных идей. В противоположность ей ФРГ получала крайне негативную оценку. Советские германисты предпочитали описывать ФРГ как страну постоянного экономического кризиса, как арену острых классовых битв. ФРГ, согласно советской историографии, оплот милитаризма, империализма и неонацизма. В советской историографии образ ГДР по сравнению с образом ФРГ выглядел явно более привлекательно.

В 1990-е годы ситуация в отечественной германистике изменилась. Историки-германисты предпочли изучать ранее запрещенные темы - германскую социал-демократию, роль ФРГ в европейской интеграции. Оценки с негативных нередко сменились на позитивные. На фоне роста интереса к истории ФРГ интерес к проблемам истории ГДР почти исчез.⁶⁴⁹ Если ГДР и попадала в сферу интересов отечественных историков, то, в отличие от советского периода, стали преобладать негативные оценки. ГДР стала рассматриваться как советский саттелит, как территория, оккупированная советскими войсками, как тоталитарное (или авторитарное) общество.

Вместе с тем, в истории ГДР остается немало «белых пятен» и практически неисследованных проблем. К числу таких тем относится комплекс вопросов, связанных с национальным компонентом истории Германской Демократической Республики. В то время, как отечественная историография достигла определенных успехов в изучении истории наций и национализма в России и на постсоветском пространстве, в отношении истории ГДР (равно как и ФРГ) подобные исследования отсутствуют. По данной причине, эта часть нашей лекции будет посвящена анализу именно этой темы. Автор попытается переложить на восточногерманскую почву западные теории национализма и нацистроительства. Такие проблемы как «ГДР как воображаемое сообщество», «ГДР в советском дискурсе», «ГДР в восточногерманском дискурсе», и «ГДР в современном германском дискурсе».

Существование двух немецких государств в послевоенной Европе стало политической реальностью. Отделение Австрии привело к началу нового австрийского проекта, весьма отдаленного в своих многочисленных

⁶⁴⁹ См. одно из немногочисленных исследований, где представлена проблематика, связанная с ГДР: Аникеев А.А. Историография Восточной Германии: подъем и кризис / А.А. Аникеев. - Ставрополь, 1992. См. так же одну из последних диссертаций о политических истоках ГДР и их восприятии в современной ФРГ: Морозова В.Н. Политические процессы в советской зоне оккупации (1945 - 1949 гг.) в общественно-политическом дискурсе современной Германии. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. / В.Н. Морозова. - Воронеж, 2004.

проявлениях от тех национальных процессов, которые имели место в ГДР и ФРГ. Поражение Германии во второй мировой войне и крах национал-социализма привели к тому, что понятия «нация» и «национализм»,⁶⁵⁰ по крайней мере, оказались почти нецензурными, вычеркнутыми из политического лексикона и использовавшимися лишь интеллектуалами и публицистами маргинального национал-реваншистского толка. Однако, к 1950-м годам ситуация изменилась - появление двух государств в центре Европе нуждалось в идейном, в том числе - и национальном, обосновании.

Власти ГДР с особой силой культивировали понятия «немецкое», «национальное» и «народное». Коммунистические власти в ГДР широко использовали национальную терминологию, стремясь показать, что Германия имеет право на свой «немецкий путь к социализму».⁶⁵¹ Первыми легализованными газетами в советской зоне оккупации, где позднее возникнет ГДР, стали газеты коммунистов и социал-демократов с показательными названиями - «*Deutsche Volkszeitung*» и «*Das Volk*». В конце 1940-х годов СЕПГ заявила о своих общегерманских амбициях, направленных на построение нового единого немецкого национального государства. Лозунг «Немцы - за один стол» был явно проявлением этой политической линии руководства ГДР. В целом, «немецкая», «национальная», «народная» лексика в политической жизни ГДР была представлена широко. В ГДР существовал *Nationalen* Front, в его рамках действовал *Nationalenrat der Nationalen* Front. Существовала *Volkskammer* (Народная Палата), *Nationalen Volksarmee* (Национальная Народная Армия). Более того, республика позиционировала себя как именно немецкое государство, *Deutsche Demokratische Republik*, а политический строй преподносился как *Volksdemokratie*.⁶⁵²

В то время как в ГДР национальная фразеология находила самое широкое применения, в ФРГ складывалась совершенно иная ситуация. Западные немцы не смогли быстро оправиться от тоталитарного прошлого. Над ними нависали двенадцать лет национал-социалистической диктатуры с ее специфической интерпретацией понятий «нация» и «национализм». Перед ними в обществе ФРГ возник некий иммунитет. Вместо них использовался термин «общенемецкое». К тому же одна из первых попыток восстано-

⁶⁵⁰ О немецком вопросе, о политике стран-победительниц, расколе Германии и образовании двух немецких государств см.: Schwarz H.-P. Vom Reich zur Bundesrepublik Deutschland im Widerstreit der außenpolitischen Konzeptionen in den Jahren der Bestzungsherrschaft 1945 - 1949 / H.-P. Schwarz. - Stuttgart, 1980. Об истории этих понятий в Германии см.: Koselleck R., Schönemann B., Werner K.F. Volk, Nation, Nationalismus, Masse / R. Koselleck, B. Schönemann, K.F. Werner // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. - Bd. 7. - Stuttgart, 1992. - S. 141 - 431.

⁶⁵¹ Ackermann A. Gibt es einen besonderen deutschen Weg zum Sozialismus / A. Ackermann // Einheit. 1946. - No 1.

⁶⁵² По истории этих структур см.: Staritz D. Geschichte der DDR. 1945 - 1985 / D. Staritz. - FaM., 1985; Weber H. DDR. Grundriß der Geschichte 1945 bis 1981 / H. Weber. - Hannover, 1984; Heitzer H. DDR. Geschichtler Überblick / H. Heitzer. - Berlin (Ost), 1987.

ния национального единства хотя бы на интеллектуальном уровне, принятая литературной «группой 47» была пресечена англо-американскими оккупационными властями.

Если власти ГДР сравнительно быстро начали конструировать ГДР не просто как социалистическое, но и как немецкое национальное государство, то в ФРГ о немецком вопросе более активно начали спорить только с началом 1950-х годов. В 1952 году в ФРГ образовалась Общегерманская Народная Партия. В 1955 году группа национально ориентированных немецких интеллектуалов приняла т.н. Немецкий Манифест, который содержал призыв к выходу из НАТО и объединению Германии. Однако, национальная тенденция в политической жизни ФРГ была представлена лишь этими силами и, пожалуй, Евангелической Церковью, в съездах которой принимали участие и представители из ГДР.

В ФРГ национальное самосознание все более очевидным становится во второй половине 1950-х годов. Правительство ФРГ в 1954 году провозгласило 17 июня национальным праздником, выражая солидарность с восстаниями прошедшими в ГДР в этот день в 1953 году. К тому же, историки ФРГ все активнее начинают изучать историю Германии, стремясь показать себя как единственную наследницу общегерманского исторического прошлого. К тому же, в 1954 году возникает и полуофициальный институт «Попечительский совет "Неделимая Германия"» («Kuratorium Unteilbares Deutschland»).⁶⁵³

Власти ГДР, разумеется, не могли оставаться безучастными. В 1962 году в ГДР увидел свет так называемый Национальный Документ с весьма показательным названием «Историческая задача ГДР и будущее Германии». Авторы новой политической доктрины доказывали необходимость пока отдельного существования ГДР без ФРГ: «мы должны считаться с тем, что в течение длительного времени нам предстоит жить в условиях существования двух принципиально различных и совершенно независимых немецких государств ... сегодня эти два государства враждебно противостоят друг другу. Это невыносимо, но таково положение вещей».⁶⁵⁴ К тому же в конституции 1968 года ГДР провозглашала себя «социалистическим государством немецкой нации».

Если ГДР в 1960-е годы еще более активно чем раньше использует национально ориентированную фразеологию, то в ФРГ наметилась странная тенденция интеллектуального отмежевания от всего немецкого и национального. В ФРГ прошла смена поколений в политике и культуре. Представители «группы 47» перестали быть маргиналами, но национальное их уже не очень привлекало. К тому же Карл Ясперс выдвинул тезис о том, что немцы имеют права на свободу, но не национальное государство. Не-

⁶⁵³ Kreuz L. Das Kuratorium Unteilbares Deutschland. Aufbau, Programmatik, Wirkung / L. Kreuz. - Opladen, 1980.

⁶⁵⁴ Данн О. Нации и национализм в Германии. 1790 - 1990 / О. Данн. - СПб., 2003. - С. 327.

сколькими годами ранее, в 1959 году, Гельмут Плеснер в отношении ФРГ употребил термин «запоздавшая нация». Более того, нередко вся последующая политическая история ФРГ интерпретируется в современной историографии как «постнациональная ситуация». К тому же, большинство населения ФРГ фактически не проявляло никакого интереса к ГДР и ее жителям,⁶⁵⁵ стремясь таким образом ментально отделить себя от другого немецкого государства - интерес к этой теме проявляли только немецкие интеллектуалы, которые все еще по инерции писали о немецком единстве. Поэтому, широкое и активное изучение наций и национализма в ФРГ и публикации переводных исследований по данной тематике здесь начались лишь после объединения - только в 1990-е годы, хотя периодически исследования по этой проблематике появлялись и ранее. Однако историческая наука в ФРГ оказалась не в состоянии решить проблему немецкого единства. Большинство публикаций по данной тематике нередко имело декларативный характер, а публикации документальных источников по проблеме единства Германии в лучшем случае способствовали росту интереса к этой проблеме, но не реальному политическому объединению.⁶⁵⁶

На таком фоне национальной апатии в ФРГ, Германская Демократическая Республика достигает не только своего высшего экономического расцвета, но и пика национального самоутверждения. По мнению современного историка О. Данна в ГДР 1970-х годов возникает «новая формулировка собственной национальной идентичности».⁶⁵⁷ Этому способствовали конституционные изменения. Пересмотр конституции в 1974 году привел к тому, что из нее исчезли утверждения об общегерманском единстве и единой нации. После этого гимн «Deutschland einig Vaterland» стал исполняться без слов.

Проблема слов, точнее языка, была очень актуальной в процессе создания особого идентитета в ГДР. Местные идеологи осознавали, что трудно привить немцам в ГДР особое национальное мировоззрение до тех пор, пока они объединены с немцами в ФРГ ... немецким языком. До создания нового немецкого языка дело не дошло, но местные интеллектуалы в ГДР особое внимание акцентировали на особенности языка в Восточной Германии. Восточногерманские интеллектуалы не отрицали, что именно немецкий язык - особая форма связи с культурными традициями прошлого, своеобразная «рецепция наследия». При этом они стремились вычистить из языка те элементы, которые ассоциировались с буржуазным и национал-социалистическим прошлым. Более того, интеллектуалы ГДР в своем язы-

⁶⁵⁵ Там же. - С. 341, 349.

⁶⁵⁶ Benz W., Plum G., Röder W. Einheit der Deutschland. Diskussionen und Konzeptionen zur Deutschlandpolitik der großen Parteien seit 1945 / W. Benz, G. Plum, W. Röder. - Stuttgart, 1978; Gellner E. Nationalismus und Moderne / E. Gellner. - Berlin, 1991; Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines erfolgreichen Konzepts / B. Anderson. - FaM., 1988.

⁶⁵⁷ Данн О. Нации и национализм в Германии. - С. 349.

ковом творчестве обращались к Мартину Лютеру, видя в нем своего предшественника.⁶⁵⁸

Несмотря на такие усилия, направленные на отдаление от ФРГ, уже в 1970-е годы в ГДР начинается кризис. Попытки создания нового немецкого национального идентитета на революционной и социалистической основе оказываются безуспешными, растет оппозиционность политике, проводимой СЕПГ.⁶⁵⁹ Несмотря на это, власти продолжали развивать идею об особом пути, о том, что культура в ГДР развивается иначе, чем в ФРГ, что привело к формированию еще одной - немецкой социалистической культуры. Однако, уже тогда в ФРГ появились публикации, в рамках которых проводилось сравнение различных национальных идентитетов, которые постепенно развивались на Востоке и на Западе Германии. В этой ситуации ФРГ начинает ментально готовиться к тому, что ей рано или поздно придется принять в свой состав восточные земли. К тому же благодаря развитию телевидения в 1970-е годы жители ГДР смогли смотреть передачи из ФРГ. Так постепенно формировалось чувство сопричастности с событиями, имевшими место в Западной Германии. Параллельно в ФРГ стал очевиден интерес к немецкой национальной проблеме. В 1980-е годы в ФРГ началась дискуссия о немецком национальном идентитете.⁶⁶⁰ Примечательно, что западно-германские исследователи оспаривали существование особого национального идентитета в ГДР, пытаясь распространить на нее общенемецкий идентитет. Кризис в ГДР, перестройка в СССР, местные попытки либерализации и реформ привели к окончательному кризису ГДР как национального немецкого проекта.

Несмотря на этот кризис и крах ГДР, период ее существования представляет собой череду интересных попыток построения нового национального государства, которые представлены в нескольких различных дискурсах. Восточногерманский дискурс восприятия ГДР - это местный официальный дискурс историописания и нациестроительства. Он культивировался усилиями восточногерманской историографии и усиленно пропагандировался историками ГДР. Примечательно, что понятие «национализм» в

⁶⁵⁸ Хепке К. Излишества в употреблении иностранных слов / К. Хепке // Хепке К. Литература и жизнь. Классика и современность в восприятии читателя / К. Хепке. - М., 1984. - С. 135 - 139; Хепке К. Языковое творчество Лютера: что оно дает тем, кто сегодня говорит и пишет? // Хепке К. Литература и жизнь. Классика и современность в восприятии читателя / К. Хепке. - М., 1984. - С. 222 - 246. О Клаусе Хепке см.: Гранин Д. Диапазон человека / Д. Гранин // Хепке К. Жизненные ценности и наши книги / К. Хепке. - М., 1988. - С. 5 - 8. См. так же: Хепке К. Жизненные ценности и наши книги / К. Хепке. - М., 1988; Höpcke K. Chancen der Literatur. Werte des Lebens und unsere Bücher / K. Höpcke. - Leipzig, 1986.

⁶⁵⁹ Об оппозиции в ГДР см.: Fricke K.W. Opposition und Widerstand in der DDR. Ein politischer Report / K.W. Fricke. - Köln, 1984.

⁶⁶⁰ Honecker E. Bericht des Zentralkomitees der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands an den IX. Parteitag der SED / E. Honecker // Neues Deutschland. - 19. Mai. - 1976. - S. 11; Schweigler G. Nationalenbewußtsein in der BDR und der DDR / G. Schweigler. - Düsseldorf, 1973; Die Identität der Deutschen / hrsg. von W. Weidenfeld. - Bonn, 1983.

ГДР, как и в СССР, было скорее негативным, чем позитивным, а понятие «идентитет» - официальные идеологи вообще стремились изгнать из немецкого языка.⁶⁶¹

Официальная историография ГДР преподносила ГДР как истинное немецкое государство, как прямое продолжение немецких политических традиций. В данном случае историки шли вслед за политиками, например, Э. Хонеккером, отмечавшим, что «Германская Демократическая Республика является немецким государством социального прогресса, наследницей всего прогрессивного и гуманистического в истории немецкого народа». Таким образом, ФРГ исключалась из исторического процесса и не признавалась как полноправное немецкое национальное государство. Исключая ФРГ из континуитета общегерманского исторического развития, власти ГДР стремились доказать, что сознание восточных немцев в корне отлично от буржуазного мировоззрения жителей ФРГ. Вальтер Ульбрихт, например, говорил о том, что в ГДР имеет место «формирование социалистического сознания людей, освобождение от старого буржуазного и капиталистического образа мышления и привычек, подъем до уровня сознания общественной деятельности, до социалистического сознания дисциплины, активности, ответственности и инициативы».⁶⁶²

Особое внимание акцентировалось на том, что истоки ГДР - это революционное и демократическое антифашистское движение. Таким образом, при написании национальной истории в восточнонемецком варианте особо подчеркивался революционный романтизм, а все изменения, произошедшие после 1945 года, позиционировались как «революционные преобразования». ГДР преподносилось как уникальное историческое явление, как не просто новое немецкое государство, а как истинное именно немецкое государство, государство рабочих и крестьян. ГДР в восточногерманской историографии превращалось не в просто государство, а в «рабоче-крестьянское государство». Подтверждением его легитимности служило то, что «империалистическая буржуазия» была лишена власти, а в экономике создан «народный сектор».⁶⁶³

Рассматривая конкретные сюжеты истории ГДР, восточногерманские историки культивировали особый идентитет, стремясь доказать, что развитие культуры и духовности в социалистической ГДР шло совершенно иначе, чем это имело место в соседней капиталистической ФРГ. «Kulturbund»

⁶⁶¹ «Кому еще неясно, куда мы придем, если продолжать перегружать речь такими словами как "Identität"» - см.: Хепке К. Излишества в употреблении иностранных слов / К. Хепке // Хепке К. Литература и жизнь. Классика и современность в восприятии читателя / К. Хепке. - М., 1984. - С. 135 - 139.

⁶⁶² Neues Deutschland. - Dezember 30. - 31. - 1978; Ульбрихт В. Развитие германского народно-демократического государства. 1945 - 1958 / В. Ульбрихт. - М., 1961. С. 656.

⁶⁶³ Крегер Г. Власть рабочих и крестьян в Германской Демократической Республике / Г. Крегер // Германское рабоче-крестьянское государство. - М., 1963. - С. 13 - 45; Хайцер Х. ГДР. Исторический очерк / Х. Хайцер. - М., 1982. - С. 40, 52, 66.

так же много сделал для культивирования отличительных особенностей ГДР в культурной сфере.⁶⁶⁴ Создаваемый такими общими усилиями идентитет можно определить как, в значительной степени, революционный. Эта идея в течение длительного времени культивировалась на страницах официальных изданий: «возникновение социалистической государственной власти в Германской Демократической Республике является величайшим историческим достижением германского рабочего класса и руководимых им всех трудящихся масс немецкого народа». СЕПГ преподносилась как опора народной власти, как организатор успехов и побед немцев в деле строительства нового (социалистического/коммунистического) общества. СЕПГ была в центре внимания многочисленных официальных публицистов и писателей, которые воспевали «партийность, творчески воплощенную».⁶⁶⁵ В ГДР по темам, связанным с СЕПГ, писали так много, что СЕПГ стала одним из неотъемлемых компонентов восточно-германского варианта немецкой национальной идентичности. СЕПГ стала тем стержнем вокруг которого строилось большинство национальных концепций.

Тезис о том, что «демократическая и социалистическая культура» стали основой культурного развития в ГДР. Появление социалистической культуры объяснялось тем, что в ГДР успешно прошла «культурная социалистическая революция». Интеллектуалы в ГДР считали, что культурные изменения ведут и к национальным изменениям. Логическая цепочка «литература - нация - современность» широко представлена в исследованиях интеллектуалов ГДР. Поэтому, культура ГДР в восточнонемецкой историографии оценивалась как «социалистическая национальная культура» и «культура развитого социализма». Подчеркивая всё социальное, историки ГДР особо старались подчеркнуть то, что социалистическое в ГДР было именно немецким национальным. Культивируя особый национальный идентитет в ГДР, местные интеллектуалы стремились доказать, что исключительно в Германской Демократической Республике немецкая культура развивается, а в ФРГ находится в состоянии кризиса: Курт Хагер в связи с этим писал, что в ФРГ как в «империалистическом обществе» господствует модернизм, кризисное и упадочное течение. В ГДР, напротив, создана подлинно национальная немецкая культура.⁶⁶⁶

⁶⁶⁴ О «Культурбунде» см.: SED und Intellektuelle in der DDR der fünfziger Jahre. Kulturbund Protokolle / hrsg. von M. Heider, K. Thöns. - Köln, 1990.

⁶⁶⁵ Германское рабоче-крестьянское государство. Сборник статей / ред. Н.А. Сидоров. - М., 1963. - С. 7; Шюслер Г., Вейраух Э. Социалистическая единая партия Германии - руководящая сила рабоче-крестьянской власти / Г. Шюслер, Э. Вейраух // Германское рабоче-крестьянское государство. - М., 1963. - С. 122 - 146. См. так же: V. Deutscher Schriftstellerkongress. Vom 25. bis 27. Mai 1961. - Berlin, 1962; см так же русский перевод: Иностранная литература. - 1961. - № 9.

⁶⁶⁶ Girnius W. Von Umstülpungen, geschwungenen Hämmern und der Metamorphose des Menschen / W. Girnius // Sinn und Form. - No 4. - 1972; Klaus J. Literatur - Nation - und unsere Zeit / J. Klaus. - Berlin, 1960; Koch H. Kultur und Kunst in der entwickelten sozialistischen Gesellschaft / H. Koch // Zur Theorie des sozialistischen Realismus. - Berlin, 1974; Хайцер Х. ГДР. Исторический очерк. - С. 31, 119, 171; Хонеккер Э. Из отчета Центрального Комитета VIII съезду СЕПГ / Э. Хонеккер //

Интеллектуалы в ГДР в связи с критикой ФРГ критиковали теории о западном и европейском характере ее культуры, параллельно доказывая, что только в культуре ГДР «соединяется величие немецкого прошлого с величием немецкого настоящего». Таким образом, интеллектуалы ГДР стремились доказать существование континуитета между немецкой классической культурой и культурной жизнью ГДР. Это вело к тому, что культура ФРГ превращалась в тупиковую ветвь на дереве общенемецкой культурной традиции. Более того, они стремились доказать, что социалистическая культура ГДР стоит на более высоком уровне развития, чем культура ФРГ. При этом, восточнонемецкие интеллектуалы стремились самоотстраниться от культуры Западной Германии: это явление рассматривалось ими как «размежевание с империализмом, милитаризмом, фашизмом и преступной войной». Культура ФРГ оценивалась как застой - интеллектуалы в ГДР придумали даже громкий лозунг в духе Э.М. Ремарка «Im Westen nichts Neues», стремясь доказать, что ФРГ не знает развития.⁶⁶⁷

Кроме такого культивирования национального идентитета на культурной основе, официальная историография ГДР преподносила Германскую Демократическую Республику не иначе как *Der Deutsche Arbeiter-und-Bauern Staat* или Германское рабоче-крестьянское государство. Концепция *Der Deutsche Arbeiter-und-Bauern Staat* культивировалась официальной историографией на протяжении всего существования ГДР. Особенно активно эта тема разрабатывалась в 1960-е годы. Власти ГДР позиционировали публикации по этой теме как анализ сущности и развития «народно-демократической и государственной власти». Немецкие интеллектуалы, культивируя эту теорию, рассматривали ГДР как истинно германское государство, как «первое рабоче-крестьянское государство, правомерное германское государство, представляющее будущее всей Германии».⁶⁶⁸ В данном случае очевидна ментальная дискуссия между интеллектуалами ФРГ и ГДР: если первые отрицали наличие у ГДР исторического

Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - М., 1976. - С. 29 - 33; Хонеккер Э. Отчет Центрального Комитета VIII съезду СЕПГ. 15 июня 1971 года / Э. Хонеккер. - М., 1971. - С. 119 - 126; Хагер К. К вопросам политики Социалистической Единой Партии Германии в области культуры / К. Хагер // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - М., 1976. - С. 34 - 36; Hager K. Literatur und Kunst bereichern unser Leben / K. Hager // Hager K. Zu Fragen der Kulturpolitik der SED / K. Hager. - Berlin, 1972.

⁶⁶⁷ Kaufmann H. Zehn Anmerkungen über das Erbe, die Kunst und die Kunst des Erbens / H. Kaufmann // Weimarer Beiträge. - 1973. - No 10; Бехер И. Вариации на неисчерпаемую тему, имя которой человек / И. Бехер // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - С. 61 - 62; см. так же: Die sozialistische Kultur und ihre nationale Bedeutung. - Berlin, 1958; Нойберт В. Исполненная воинствующего гуманизма / В. Нойберт // Творчество и жизнь. Литературно-художественная критика в ГДР. - С. 193; Redeker H. Im Westen nichts Neues / H. Redeker // Weimarer Beiträge. - 1973. - No 3.

⁶⁶⁸ *Der Deutsche Arbeiter-und-Bauern Staat*. - Berlin, 1960; Германское рабоче-крестьянское государство. Сборник статей. - С.7.

прошлого, то вторые - отрицали возможность политического будущего у ФРГ.

Особенный интерес к «народному» - отличительная черта историографии ГДР. Один из крупнейших официальных историков ГДР Хайнц Хайцер писал, что «народ ГДР может по праву гордиться тем, что уже достигнуто в социалистическом немецком государстве». Развивая эту идею, он отмечал, что «в ГДР исторический прогресс совершается за счет трудового народа. Здесь сам народ пожинает плоды своего труда, своих усилий».⁶⁶⁹

Такой подход - не результат внутреннего развития исторической науки в Восточной Германии. Он, скорее, результат контроля со стороны властей, идеологического диктата и политического заказа. Идеи историков пересекались с официальными политическими доктринами, широко представленными в работах и выступлениях лидеров ГДР, например Э. Хонеккера ГДР, отмечавшего, что «образование нашего государства стало поворотным пунктом в истории немецкого народа и Европы, последствия которого сейчас более ощутимы, чем тридцать лет назад. Социализм навсегда победил на немецкой земле. Там, где когда-то господствовали империализм и реакция, теперь правят рабочие и крестьяне, претворяя в жизнь революционные идеи Маркса, Энгельса и Ленина».⁶⁷⁰

Советский дискурс восприятия ГДР был в значительной степени похож на рассмотренный выше восточногерманский. В данном случае, вопрос о вторичности дискурса или его первичности не имеет принципиальной важности, хотя очевидно, что многие национальные исторические нарративы в ГДР возникли под явным советским влиянием.

Советская историография выработала свои особые нарративы описания истории ГДР как немецкой национальной истории. Появление ГДР оценивалось советскими историками как наивысшая точка развития немецкого исторического процесса, как приход к власти самых прогрессивных сил немецкого общества. Образование ГДР, в соответствии с историческими советскими нарративами, начало принципиально нового исторического этапа в развитии немецкого общества, важнейший момент не только истории Германии, но и всей истории Европы в целом. В образовании ГДР советские германисты были склонны видеть «важнейший фактор борьбы за единую, независимую, демократическую и миролюбивую Германию». Советские историки считали, что появление ГДР - акт братской и бескорыстной помощи Советского Союза немецкому пролетариату и революционному движению.⁶⁷¹ Таким образом, особый метанарратив о руково-

⁶⁶⁹ Хайцер Х. ГДР. Исторический очерк. - С. 260 - 261.

⁶⁷⁰ Neues Deutschland. Dezember 30. - 31. 1978.

⁶⁷¹ История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. Краткий очерк. / Ред. В.Д. Кульбакин. - М., 1975. - С. 5; Согомонян Г.С. Образование Германской Демократической Республики - поворотный пункт в истории Европы. Автореферат диссертации на соискание ученой

дущей роли советского (русского) народа переносился и на написание национальной истории ГДР.

Правда, в ряде случаев советские исторические нарративы были более радикальны, чем аналогичные концепции в историографии ГДР. Если восточнонемецкие историки выводили сам факт появления ГДР из антифашистского движения, то советские германисты в ряде случаев были склонны отсчитывать истоки от событий Октября 1917 года. Более того, советская историография была склонна доказывать историческую предрасположенность Германии именно к социализму. Вся история Германии до 1949 года оценивалась лишь как череда событий, которые готовили появление социалистической Германии: «рождение и успешное развитие в центре Европы немецкого социалистического государства - наглядное свидетельство необратимости исторического процесса преобразования мира на новых, социалистических началах». Создание ГДР, в рамках официальной советской историографии, «поворотный пункт в германской истории».⁶⁷²

В ряде случаев советские историки при создании национальной истории ГДР использовали типичные нарративы западной историографии. Это относится к категориям «бастиона» и «оплота». Правда, если западные концепции о «бастионе европейского духа» и «оплоте европейской цивилизации» отвергались - советские нарративы о ГДР как об «оплоте миролюбивых сил немецкого (германского) народа» и «западном бастионе социализма»⁶⁷³ получили свое развитие, искусственно культивировались и переходили из исследования в исследование.

Отличительная черта советского дискурса восприятия ГДР состоит в признании факта существования двух немецких государств. Комментируя существование ФРГ и ГДР советские германисты отмечали, что Германская Демократическая Республика является «суверенным социалистическим государством, сосуществующим с другим немецким государством - Федеративной Республикой Германии». Если ФРГ описывалось как оплот империализма, то ГДР рассматривалось как государство, которое существует на совершенно иных принципах. Наличие социализма и прочих советских атрибутов в ГДР преподносилась как проявление особой исключи-

степени к.и.н / Г.С. Согомонян. - М., 1952; Григорьев Г. Образование Германской Демократической Республики - поворотный пункт в истории Европы / Г. Григорьев // Вопросы экономики. - 1949. - № 11; Поклад Б.И. Образование и развитие ГДР как важнейший фактор борьбы за единую, независимую, демократическую и миролюбивую Германию и заключение мирного договора. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.и.н. / Б.И. Поклад. - М., 1953; Николаев П.А. Политика Советского Союза в германском вопросе 1945 - 1964 / П.А. Николаев. - М., 1966; Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос / А.А. Галкин, Д.Е. Мельников. - М., 1966.

⁶⁷² История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. - С. 6, 105.

⁶⁷³ Алексеев С. ГДР - оплот миролюбивых сил немецкого народа / С. Алексеев. - М., 1952; Собинов М. ГДР - оплот миролюбивых сил германского народа / М. Собинов // Коммунист. - 1954. - № 14; Савелин З. Западный бастион социализма / З. Савелин. - М., 1957.

тельности и уникальности, как проявление национальной неповторимости.⁶⁷⁴

Исторические нарративы о ГДР, которые бытовали в среде советских интеллектуалов, нередко органически и по содержанию были связаны с аналогичными концептами, которые развивались их коллегами в ГДР. Такая своеобразная переключка двух историографий не была случайной. Особенно она очевидна в сфере исследования культуры. Советские интеллектуалы внесли свой вклад в культивирование особой немецкой социалистической культуры, пропагандируя ее в исследовательском советском обществе. Эта широкая популяризация вела к тому, что возникло представление об исключительности культуры ГДР, ее высоком развитии, в то время как информация, связанная с аналогичными процессами в ФРГ, носила исключительно негативный и политизированный характер.⁶⁷⁵

Советские нарративы о ГДР как немецком национальном государстве отличаются еще большей официозностью и помпезностью, чем аналогичные восточногерманские нарративы. Авторы, например, официальной истории ГДР писали, что в Германской Демократической Республике имели место «глубокие социально-демократические преобразования, которые имеют принципиальное значение для социального прогресса, мира и безопасности в Европе». Официальные советские германисты считали, что «созидательная деятельность народа ГДР под руководством СЕПГ занимает видное место в мировом революционном процессе». Советские исторические нарративы о ГДР, как правило, завершались традиционными утверждениями о том, что «коммунисты и все трудящиеся ГДР твердой поступью идут по пути социализма и коммунизма».⁶⁷⁶

Современная немецкая историография в ГДР оценивает национальные амбиции ГДР, направленные на культивирование местного идентитета, весьма скептически. Отто Данн в своем исследовании, посвященном истории нации и национализма в Германии склонен интерпретировать появление ФРГ и ГДР как своеобразный и неизбежный распад рейхснации, вызванный тем, что политика национал-социалистов довела немецкую культуру и нацию до состояния кризиса. Примечательно то, что, несмотря на общий скептический настрой, современная немецкая историография признает то, что в ГДР широко использовалась национальная фразеология.⁶⁷⁷

⁶⁷⁴ История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. - С. 9.

⁶⁷⁵ См. напр.: Гугнин А.А. Современная литература ГДР / А.А. Гугнин. - М., 1987; Млечина И. Жизнь романа. О творчестве писателей ГДР 1949 - 1980 / И. Млечина. - М., 1984; Млечина И.В. Типология романа ГДР / И.В. Млечина. / М., 1985; Фролов Г.А. Наследие романтизма в литературе ГДР / Г.А. Фролов. - Казань, 1987; История литературы ГДР / ред. А.Л. Дымшиц. - М., 1982.

⁶⁷⁶ История Германской Демократической Республики. 1979 - 1973. - С. 442.

⁶⁷⁷ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland 1770 - 1990 / O. Dann. - München, 1996.

В заключении попытаемся подвести итоги. Остановимся сначала на проблемах баварской идентичности, которые мы проанализировали с вами в первой части нашей лекции.

История традиционно в отечественной германистике рассматривалась в лучшем случае как историография, а роль исторического исследования в формировании национального сознания, местных идентичностей оставалась за пределами подавляющего большинства советских исследований по германистике. Советские историки не были склонны видеть в истории один из национально созидających факторов. Анализ баварского дискурса связи исторической науки с обществом свидетельствует об обратном. Исторические студии в 1920 - 1940-е годы оказались неотъемлемым элементом баварского национального проекта, создателями которого стали местные, национально ориентированные, баварские интеллектуалы.

Проанализировав исторические исследования баварских историков, приходится признать, что они не были оригинальны в своих попытках создать и поддержать национальную идентичность средствами исторического исследования. Подобные явления характерны и для истории других европейских национализмов. Во всех странах Европы именно историки закладывали основы национального сознания, принимали активное участие в национальных движениях, конструировали национальные идентичности. С другой стороны, связь исторических студий с национальной идентичностью в Баварии имела свои особенности. Важнейший ее элемент - это консервативный характер.

Если в других европейских регионах отцами нации с подачи местных националистов становились политические деятели, позиция которых не может быть понята однозначно, то баварские интеллектуалы такого внутреннего противоречия смогли избежать. Проблема состоит в выборе отцов нации: если в случае украинского национализма усилиями национально ориентированных интеллектуалов отцом стал Тарас Шевченко, который националистами понимался как националист, а украинскими коммунистами как основоположник революционного движения, то в Баварии на роль таких отцов претендовали местные монархи, особенности статуса и положения которых избавляли местных историков от психологических трудностей их понимания и интегрирования в национальные нарративы.

Вместе с тем, особое внимание к религиозному фактору, роли немецкого духа, особенностям геополитического положения Баварии - все эти факторы определили особенности той идентичности, которая формировалась баварскими интеллектуалами. Это был особый тип идентичности, идентичности на грани - грани модерновости и традиционности, германства и славянства. В данном контексте в баварском национальном проекте заметны черты некоторой маргинальности. Баварцы, как католики, как немцы на границе со славянами и другими немцами (австрийцами), как носители особого диалекта с претензиями на статус самостоятельного языка

явно не вписывались в остальную Германию. Поэтому национальный проект, локализованный на периферии немецкого мира, привел к тому, что местный идентитет не вписался в общую немецкую идентичность.

Возможно именно поэтому, в современной ФРГ Бавария представляет собой республику не только с сепаратистскими тенденциями, но и с ярко выраженной самобытностью, местным идентитетом. В этом, скорее всего, есть заслуга и баварских историков. История выпестовала и вырастила баварское национальное самосознание. Именно исторические исследования на современном этапе играют роль стимула в поддержании и культивировании местного идентитета. Постоянная рефлексия над прошлым, изучение наследия, его бережное сохранение в виде тех же мест памяти делает Баварию уникальным германским регионом, где фактор исторических студий в развитии национализма нуждается в дальнейшем изучении.

Что касается второго проанализированного нами националистического дискурса, то мы можем предположить следующее:

Современный германский дискурс восприятия ГДР не ограничивается исключительно этими научными проявлениями. С ГДР в сознании современного среднего немца, как правило, связано немало стереотипов. Особенно эта ситуация характерна для восточных территорий. Некая существующая ностальгия по социалистическому прошлому - показательная черта современной культурной жизни на бытовом уровне. Она не ограничивается такими проявлениями массовой культуры как распродажа прошлого в сувенирных магазинах и проведение всякого рода «дней ГДР», когда жители ФРГ пытаются вернуться в социалистическое прошлое.

Германская Демократическая Республика все еще достаточно глубоко сидит в сознании многих немцев. Проблема того, кто не отпускает: социалистическое прошлое или сами немцы не могут (или не в состоянии, или не хотят отпустить часть своего прошлого) - это проблема вторичная и не принципиально важная. Важность ее состоит в том, что ГДР, точнее ее образ, уже достаточно прочно вписался в число существующих национальных стереотипов современной ФРГ. Как бы некоторые интеллектуалы не хотели сказать «Good buy Lenin!», что равносильно «Good buy DDR» - это им, все-таки, не удастся. Несмотря на крах национального проекта в ГДР, он по-прежнему привлекает немцев, если не в политическом, то хотя бы в бытовом и психологических планах.

ГДР на протяжении всего периода существования пыталась культивировать особый немецкий идентитет на социалистической основе. Он культивировался местными интеллектуалами в истории и культуре. История ГДР и культура ГДР стали национальными проектами, над которыми работали многочисленные восточнонемецкие интеллектуалы. Однако создать нацию в полном смысле этого слова не удалось. Местная идентичность в ГДР была, скорее всего, близка к общей германской национальной идентичности и, возможно, носила лишь политический характер.

Национальный проект в ГДР закончился неудачей в силу ряда причин. Общность языка и общность культурного прошлого, общая история - основные силы, которые не способствовали постепенному отдалению двух Германий друг от друга. Они служили своеобразными доказательствами существовавшего между ними единства. Как бы официальная идеология ГДР не стремилась доказать, что в ГДР и ФРГ проживают две немецкие нации, социалистическая и капиталистическая, подобные настроения оставались уделом лишь верившей в это партийной номенклатуры СЕПГ и официозной историографии.

С относительной уверенностью можно писать о том, что к национальным процессам в ГДР применимы западные теории наций и национализма. Сама современная немецкая историография этого и не отрицает, обращаясь к опыту англо-американской историографии. Попытавшись синтезировать исторические особенности развития ГДР с исследованиями национализма, мы неизбежно выйдем на термин, предложенный Бенедиктом Андерсоном еще в 1980-е годы. Андерсон ввел в гуманитарные исследования понятие «воображаемое сообщество», понимая под ним нацию, которая постепенно конструируется (воображается) местными интеллектуалами. Несмотря на то, что исследование Андерсона базируется на азиатской проблематике, его выводы могут быть использованы в рамках анализа национального проекта в ГДР.

ГДР, действительно, представляет собой удачный пример «воображаемого сообщества». Оно воображалось усилиями многочисленных интеллектуалов, как местных, так и зарубежных, главным образом, советских. Воображая ГДР, они фактически ее создавали. Благодаря такому «национальному воображению» возникли свои национальные исторические и культурные нарративы, которые создавались с целью поддержки местного особого идентитета, ради отдаления от ФРГ. Обретя национальную историю и культуру, ГДР, вместе с тем, не стало нацией. Истоки этой неудачи лежат в господстве социалистической доктрины, которая была слишком интернациональна. Если бы власти ГДР попытались вообразить новую нацию с новым языком, это им вполне бы удалось. Они же пытались синтезировать немецкое классическое наследие с советскими политическими схемами. Привязка национальной идентичности к социально-политической системе оказалась самой слабой стороной режима ГДР. Кризис ГДР и ее крах автоматически повлек и крах национального проекта.

III. НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3.1. Националистические нарративы и историческое воображение

Одна из лекций во второй части настоящего лекционного курса, как мы помним, была посвящена Македонии. Мы говорили о конструировании македонской идентичности. Начиная новую часть курса, где мы столкнемся с проблемами национализма в контексте современности, я хотел бы привлечь ваше внимание снова к македонской идентичности, но не в македонском, а в болгарском контексте. Эта лекция – лекция о национализме и истории. В первой теоретической части курса я указывал на то, что британский социолог Энтони Смит придает особое значение изучению этой проблемы. Сегодняшняя лекция посвящена именно этой проблеме. Я хочу привлечь ваше внимание к двум националистическим дискурсам, которые демонстрируют нам Балканы. Известно, что за болгарским и хорватским национализмом стоит развитая историческая традиция написания, как собственной истории, так и крайне критического отношения к историческому прошлому своих оппонентов. Эта лекция, как мне кажется, сможет сыграть роль своеобразного моста от проблем национализма в истории к современным проявлениям националистического дискурса.

Мне кажется, что следует начать с хорватской перцепции истории в контексте нациестроительства.

Хорватия занимает особое место в истории Балкан. Хорваты, будучи католиками, всегда были ближе к Европе, чем своим православным соседям сербам и болгарам. Возможно именно католическая церковь, длительные отношения с европейскими соседями способствовали тому, что хорваты смогли успешно интегрироваться в общество Австро-Венгерской империи и найти свое место в политической и культурной жизни монархии. После завершения первой мировой войны аграрная Хорватия с крестьянскими традициями и влиятельным крестьянским движением, с устойчивыми национальными чувствами с трудом вписывалась в Королевство СХС и Югославию, которые были государствами сербов и для сербов. Попытка создать собственно хорватское национальное государство в период второй мировой войны закончилась неудачей: Хорватия снова была интегрирована в Югославию, после чего хорватские интеллектуалы были вынуждены сочетать свои национальные предпочтения с левой политической доктриной.

Лишенные не только реальной независимости, но и самой возможности за нее бороться, хорватские интеллектуалы превратили историю в своеобразное поле битвы за свою свободу и сохранение своей идентично-

сти⁶⁷⁸. Дискурс истории почти всегда является и дискурсом идентичности, в первую очередь – национальной⁶⁷⁹. Историки в Хорватии играли нередко ведущую роль в создании национализма, в национальном движении. В связи с этим Энтони Смит пишет, что именно «...историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах. Историки, наряду с филологами, самыми разными способами подготовили рациональные основания и хартии наций своей мечты...»⁶⁸⁰.

Исследования по хорватской истории обобщающего плана начинают появляться на хорватском языке в XIX веке. В 1879 году выходит книга одного из основателей хорватской исторической науки Тадья Смичикласа «Хорватская история»⁶⁸¹. Позднее появляется книга В. Клаича «История хорватов. От древнейших времен до конца XIX столетия»⁶⁸². Первое издание книги Фердо Шишича вышло в 1916 году⁶⁸³. Деятели «Матицы Хрватской», представляя книгу, отмечали, что потребность в написании обобщающей истории Хорватии назрела давно, и ее ждали хорватская интеллигенция и молодежь. Книги, выходившие ранее, не претендовали на обобщающий характер и не отвечали растущим национальным амбициям. Книга Фердо Шишича оказалась действительно востребованной и четыре года спустя, в 1920 году, появляется второе издание. Третье издание вышло уже в социалистической Югославии в 1962 году, став своеобразной формой протеста хорватских интеллектуалов против сербского диктата.

Все эти издания национально ориентированы, а их авторы явно придерживались национальной парадигмы написания истории. В отношении истории Хорватии у Ф. Шишича преобладает национально ориентированный нарратив и поэтому нередко в центре его внимания изменение и развитие «хорватского духа»⁶⁸⁴ в разные исторические эпохи. Национальная ориентация позиционировалась им как естественный результат развития более ранней хорватской историографии: поэтому уже в историографическом обзоре он ссылается именно на национально ориентированных хорватских историков. В данном контексте примечательно сочетание национализма и модерности: нация и национализм рассматривались им как современные явления, противостоявшие архаичной империи.

⁶⁷⁸ Когут З.Є. Історія як поле битви. Російсько-українські відносини та історична свідомість у сучасній Україні / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. - Київ, 2004. - С. 219.

⁶⁷⁹ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. - 2001. - No 1. - P. 41.

⁶⁸⁰ О связи исторической науки с национализмом см.: Смит Э.Д. Национализм и историки / Э.Д. Смит // Нации и национализм. - М., 2002. - С. 236.

⁶⁸¹ Smičiklas T. Povijest Hrvatska / T. Smičiklas. - Zagreb, 1879.

⁶⁸² Klaić V. Povijest Hrvata. Od najstarijih vremena do svršetka XIX stoljeća / V. Klaić - Zagreb, 1899.

⁶⁸³ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda / F. Šišić. - Zagreb, 1962.

⁶⁸⁴ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 23.

При таком подходе главным героем истории становилась хорватская нация или хорватский народ как некая общность (которая не всегда осознавалась историками) и ее герои (кнезы, короли, священники, политики), которые позиционировались как наиболее яркие и выдающиеся носители хорватского духа. Поэтому, прав был Зенон Евген Когут, когда высказал предположение, что именно «...создание национальной историографии играет главную роль в формировании современной идентичности...»⁶⁸⁵. Начало хорватской истории хорватскими интеллектуалами датировалось самым появлением славян на Балканах - при этом славяне, обитавшие на территории современной Хорватии, нередко воспринимались именно как хорватские племена, ассоциируясь с хорватами или, рассматриваясь, как их прямые предки⁶⁸⁶. В рамках самой хорватской истории, как правило, выделялось четыре эпохи: первая (от появления хорватов на Балканах до 1102 года), вторая (1102 - 1526 от провозглашения Коломана хорватско-долматинским королем до битвы при Мохаче), третья (1526 - 1790, от сражения при Мохаче до смерти Иосифа II) и четвертая (1790 - 1918). Последний этап связывался с национальным возрождением, начало которого хорватские интеллектуалы были склонны видеть во французской революции (чем еще раз подчеркивали принадлежность Хорватии к общеевропейскому историческому процессу) и рассматривался как наиболее важный, так как был ознаменован «борьбой хорватского народа за историческую и территориальную целостность»⁶⁸⁷.

Если хорваты наделялись хорватскими историками разного плана добродетелями, описываясь как доблестные воины⁶⁸⁸, то в отношении соседей хорваты нередко испытывали иные чувства. Хорватская история писалась в определенном контексте, который ее и формировал как проект определенного типа. Напряженные отношения с соседями и определили его направленность⁶⁸⁹. Сербь и венгры - вот два народа, вокруг которых хорватские интеллектуалы нередко выстраивали свои национальные нарративы. Описание сюжетов, связанных с ними и историей хорватосербских или хорватовенгерских отношений, было поводом для проявления национальных предпочтений. Примечательно то, что и Фердо Шишич и Йосип Хорват не были замечены в крайнем антисербском национализме и не впадали в антисербскую истерию, хотя в отношении хорватов позволяли себе критические замечания.

⁶⁸⁵ Когут З.Є. Історичні дослідження в незалежній Україні. Тягар минулого: історіографія до здобуття незалежності / З.Є. Когут // Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. - Київ, 2004. - С. 294.

⁶⁸⁶ Hauptmann Lj. Prihod Hrvatov / Lj. Hauptmann // Buličev zbornik. - Zagreb, 1924.

⁶⁸⁷ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 64 - 66.

⁶⁸⁸ Kukuljević I. Borba Hrvata s Mongoli i Tatari / I. Kukuljević. - Zagreb, 1863.

⁶⁸⁹ Friedman J. History, Political Identity and Myth / J. Friedman // Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology. - 2001. - No 1. - P. 41.

Сербы рассматривались как один из южнославянских народов наряду со словенцами, македонцами, болгарам и самими хорватами. Комментируя появление сербов и хорватов Фердо Шишич, например, отмечал, что они имели одного общего предка, но в процессе развития превратились в два разных народа с двумя «политическими и народными именами», то есть стали собственно хорватами и собственно сербами. Сербы рассматривались как чуждый элемент на территории Хорватии, которая воспринималась именно как государство хорватов. Их появление связывалось с переселением сербов, вытесняемых турками, с исконно сербских на исконно хорватские территории⁶⁹⁰. Истоки политического конфликта с сербами хорватские историки были склонны нередко видеть не в сербском национализме (он, наоборот, воспринимался как потенциальный союзник в борьбе против Империи), а в самой австрийской политике, направленной на искусственное столкновение между сербами и хорватами⁶⁹¹.

Магьяры большинством хорватских интеллектуалов воспринимались иначе чем сербы. Если с сербами хорватов сближало происхождение и постоянные контакты на протяжении их истории, то венгры были им совершенно чужды. Этому способствовало их угорское происхождение и то, что они в глазах хорватов выглядели как пришельцы, чуждые местному славянскому населению. Большая часть хорватских претензий венграм связана с их совместным пребыванием в Империи Габсбургов. Хорватские интеллектуалы справедливо видели в венграх, которые имели преференции при занятии должностей, угрозу своей идентичности. К тому же они не могли мириться с политикой вытеснения хорватского языка и его заменой венгерским. Поэтому, венгерский национализм трансформировался в главного противника хорватского национального движения. По словам Йосипа Хорвата, хорватские интеллектуалы боролись против венгерских националистов «не за жизнь, а на смерть»⁶⁹².

Если сербов хорватские историки предпочитали не замечать, а венгров критиковать, то с французами сложилась особая ситуация. В то время как предки солдат Наполеона, франки, воспринимались как враждебные и агрессивные племена, тормозившие развитие Хорватии в ранний период ее истории, то в отношении самого Наполеона в хорватской историографии не возникло неприятия. Если контекст империи Габсбургов для хорватских интеллектуалов был архаичным и неприемлемым, то наполеоновская империя выглядела более современно и терпимо. Хорватские историки легко интегрировали фигуру Наполеона в свою национальную историю, так как он не воспринимается ими как завоеватель, а, наоборот, выглядит освободителем. Короткий французский период усилиями хорватских интеллек-

⁶⁹⁰ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 83 - 84, 339.

⁶⁹¹ Horvat J. Politička povijest Hrvatske / J. Horvat. - Zagreb, 1936. - S. 326.

⁶⁹² Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 119, 317; Horvat J. Politička povijest Hrvatske. - S. 100.

туалов превращен в прелюдию хорватского национального возрождения, так как именно тогда имели место попытки объединить хорватские территории в одну административную единицу (Иллирские провинции) и предоставить хорватам право свободного развития их языка и культуры⁶⁹³.

Для культивирования хорватской национальной идентичности были очень важны т.н. «места памяти» или «памятные места» - регионы, которые служили постоянным источником для стимулирования в развитии национальной идеи. По словам П. Нора, места памяти - объекты, которые способствуют сохранению национального и исторического тождества⁶⁹⁴. Самым географически и политически значимым местом памяти для хорватской исторической традиции была сама Хорватия, несуществующая страна, история которой детально изучалась хорватскими историками, чем они готовили идейные предпосылки для образования независимого хорватского государства. Культивируя нарративы о Хорватии, местные интеллектуалы отстаивали свое интеллектуальное пространство. Объективно хорватская история писалась как определенный концепт самости, который базировался на радикальном отделении от других идентичностей. Это было невозможно без создания образа Хорватии, который начал формироваться в XIX веке. Одно из первых подробнейших описаний Хорватии вышло в 1880-е годы, трехтомное исследование было написано В. Клаичем⁶⁹⁵. Хорватия воспринималась как «единая народная политическая территория»⁶⁹⁶. В начале XX века хорватские интеллектуалы активно дискутировали проблему естественных границ Хорватии, доказывая необходимость того, что будущее независимое Хорватское государство должно иметь выход к морю⁶⁹⁷.

Эта дискуссия довольно оживленно продолжалась и в 1920-е годы, когда Хорватия входила в состав Королевств СХС и позднее Югославии: местные интеллектуалы рассматривали проблемы «географической основы хорватского народа»⁶⁹⁸ и место Хорватии в системе стран Балканского полуострова и антропогеографии южных славян⁶⁹⁹. Хорватия - особое «место памяти», которое имеет этническую и политическую перспективы. Хорватия осознавалась как Хорватская (Hrvatska), как хорватское государство (hrvatska država) или именно «национальное» (народное) хорватское государство. Для хорватских интеллектуалов Хорватия была важна не просто

⁶⁹³ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 85 - 90, 383 - 393.

⁶⁹⁴ Nora P. Realms of Memory: Rethinking of the French Past / P. Nora. - NY., 1996.

⁶⁹⁵ Klaić V. Opis zemlja u kojih obitavaju Hrvati. - T. 1 - 3 / V. Klaić. - Zagreb, 1880 - 1883.

⁶⁹⁶ Šišić F. Uvod u političku povijest Hrvatske / F. Šišić // Horvat J. Politička povijest Hrvatske / J. Horvat. - Zagreb, 1936. - S. 52.

⁶⁹⁷ Lukas F. Hrvatska i more / F. Lukas. - Zagreb, 1908.

⁶⁹⁸ Geografska osnovica hrvatskoga naroda // Zbornik Matice Hrvatske... o tisućgodišnjici hrvatskoga kraljevstva. - 1925. - T. 1. - No 1.

⁶⁹⁹ Cvijić J. Balkansko poluostrovo i južnoslovenske zemlje. Osnove antropogeografije / J. Cvijić. - Zagreb, 1922.

как хорватская страна, населенная именно хорватами, а как Хорватское Королевство и поэтому провозглашение Хорватии в 925 году королевством рассматривалось как рождение хорватской государственности⁷⁰⁰, к которой хорватские историки нередко обращались, так как она демонстрировала опыт независимого хорватского политического существования.

Хорватия, несмотря на то, что в истории фигурировали Далматинская Хорватия, Панонская Хорватия (стремившиеся в единству в рамках одного хорватского государства) и отдельные хорватские города (Задар, Трогир, Сплит), осознававшие как центры хорватской жизни, воспринималась хорватскими интеллектуалами как «единая государственная целостность», что было их реакцией на то, что хорватские земли были раздроблены и не объединены даже в провинцию в рамках империи Габсбургов. Задар был особо важен для хорватских историков как место сбора хорватского Сабо-ра в 1107 году, который стал «знаком независимости хорватско-далматинского королевства».

Поэтому, объединение Далмации и Хорватии в 1067 году для хорватских интеллектуалов было знаковым национальным и политическим событием. При этом Хорватия, Далмация и Славония так же были местами памяти для хорватских историков, рассматриваясь ими как территории, где протекала именно хорватская история, героем которой был хорватский народ, руководимый своими князьями, королями и банами. Далмация была тем более значима для исторической памяти хорватов, если учесть, что она была объектом борьбы между Хорватией и Венецией. Поэтому в исторической памяти хорватов образ Далмации трансформировался в образ Хорватии отвоёванной, той территории, которую хорваты смогли отстоять⁷⁰¹. Такая Хорватия, согласно хорватским историкам, должна была прости-раться «от Дравы до моря». В ряде случаев эта политическая и географическая формула варьировалась, и Хорватия представала как держава, чья «политическая территория» простиралась от «Неретвы и моря до Дравы»⁷⁰². Далмация неоднократно фигурировала в исследованиях хорватских интеллектуалов в догосударственный период, воспринимаясь как исторически хорватская территория. Она воспринималась как уникальный вариант развития хорватской государственности, ориентированный именно на Европу. В связи с этим хорватские историки подчеркивали ее связь с Ита-лией⁷⁰³.

Объединенная средневековая Хорватия - место памяти и в исторической и политической перспективе, она - и политическая мечта хорватских

⁷⁰⁰ Šišić F. Uvod u političku povijest Hrvatske. - S. 16; Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 122, 148 - 149.

⁷⁰¹ Šišić F. Uvod u političku povijest Hrvatske. - S. 15.

⁷⁰² Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 166, 241.

⁷⁰³ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 360 - 364; Šišić F. Dalmacija i ugarsko-hrvatski kralj Koloman / F. Šišić // Vjesnik Hrvatskog arheološkoga društva. - 1909. - T. 10.

интеллектуалов, которые в отсутствии реальной независимости были вынуждены писать о Хорватии как «едином королевстве» почти исключительно в прошедшем времени. В число хорватских территорий интегрировалось и Босна (Босния) с Сараево. Босна воспринималась как хорватская земля, где имели место важные события для духовной истории хорватов. Поэтому, Босна фигурировала как центр богомилства и свободомыслия. Для хорватских интеллектуалов Босна была одним из центров хорватской государственности, которая утратила свою независимость только в 1563 году в результате турецкого завоевания⁷⁰⁴.

Такая тенденция возникла в XIX веке, когда хорватские интеллектуалы на волне национального подъема и в условиях постоянного роста интереса к прошлому родной земли, к родной истории историзировали хорватские города, создав историю отдельных мест и хорватских местностей. Особое внимание ими уделялось истории Славонии как исторически хорватской территории, истории хорватских городов Далмации, их связям с Европой и Западом, истории Боснии, которая вписывалась в хорватский контекст, рассматриваясь едва ли не как источник европейского вольнодумства и родина Реформации, Загребу, который начинает воображаться как политический и культурный центр Хорватии, и епископствам, воспринимавшимся как очаги хорватской культуры и языка⁷⁰⁵.

Хорватия воспринималась хорватскими историками как политический идеал не только их, но их предков. Фердо Шишич в связи с этим, например, писал, что «хорватский народ никогда не отрекался от своей хорватской государственности, оставаясь политическим народом со своей территорией, отделенной от венгерской». Такая Хорватия, правда уже «от моря до Илока», образ которой культивировался хорватскими интеллектуалами, должна была включать в себя несколько жупаний: северинскую, загребскую, вараждинскую, крижевачскую, пожешскую, вировитичскую и сриемскую. В хорватском проекте, который мы наблюдаем в обобщающих исследованиях, Хорватия предстает как европейская страна на окраине и Запада и Востока, как приграничье культур, как фронтير между Средней и Южной Европой, которое постоянно колебалось между двумя этими мирами. Фердо Шишич так и писал «Hrvatska je dakle zemlja dugo kolebala između Zapada i Istoka». При этом западный и европейский элементы, со-

⁷⁰⁴ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 232 - 233; Šišić F. Uvod u političku povijest Hrvatske. - S. 9.

⁷⁰⁵ Klaić V. Slavonija od X do XII vijeka / V. Klaić. - Zagreb, 1882; Strohal I. Pravna povijest dalmatinskih gradova / I. Strohal. - Zagreb, 1913; Šišić F. Zadar i Vevecija 1159. do 1247 / F. Šišić // Radovi JAZU. - 1900. - T. 142; Pauler J. Kako i kado je Bosna pripala Ugarskoj / J. Pauler // Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. - 1890. - T. 2; Prelog M. Študije iz bosanske povijesti / M. Prelog. - Sarajevo, 1908; Petranović B. Bagomili. Crkva bosanska i krstjani / B. Petranović. - Zagreb, 1867; Tkalčić I. Priporod yagrebačke biskupije u XIII v. / I. Tkalčić // Radovi JAZU. - 1877. - T. 41; Črnčić I. Najstarija povijest o Krčkoj, Osorskoj, Rabskoj, Senjskoj i Krbavskoj biskupiji / I. Črnčić. - Rim, 1867.

гласно точке зрения хорватских интеллектуалов, доминировали, и Хорватия на протяжении средневековой истории развивалась как типично европейская страна, живя «европейской жизнью»⁷⁰⁶.

История, написанная Ф. Шишичем, стала одним из важнейших национальных проектов своего времени. Описывая деятельность хорватских политиков, автор формировал своеобразный национальный пантеон - отцов нации и героев, которые должны были стать образцами поведения для хорватской молодежи. Эти герои претендовали на то, чтобы стать исключительно хорватскими символами, а не общими с их с сербскими соседями, что было особенно актуально принимая во внимание языковую близость. Первыми кандидатами на национальную канонизацию были средневековые хорватские правители. Ранние хорватские кнезы - фигуры полумифические, о которых в распоряжении историка находилось мало источников. Однако, первыми отцами хорватской нации и государственности становятся кнезы Вишеслав, Людевит, Борна, Мислав. Они фигурируют не просто как «далматинско-хорватские кнезы», но именно как хорватские - «хорватские правители хорватской земли». Наряду с хорватскими кнезами в нарративах, касающихся раннего периода хорватской истории, нередко фигурируют Кирилл и Мефодий, которые позиционируются как популяризаторы христианства и первые сторонники использования хорватского языка в церкви⁷⁰⁷. Таким образом, два деятеля явно нехорватского и даже неславянского происхождения усилиями хорватских интеллектуалов интегрированы в хорватский национальный пантеон.

Многие деятели ранней истории Хорватии усилиями хорватских историков попали в число отцов хорватской нации, получив своеобразный статус народных правителей, национальных хорватских королей. Кнез Трпимир - фигура не менее мифическая, превращенная в прародителя хорватской государственной идеи. Он осознавался как «праотец династии, которая владела Хорватией до конца XI века». Он важен для хорватских интеллектуалов и в связи с тем, что его имя стало первым хорватским именем, которое упоминалось в западных источниках, что в их глазах свидетельствует о европейском характере хорватской истории, начиная с ее наиболее раннего этапа⁷⁰⁸.

Если Трпимир - только прародитель хорватской государственности, то кнез Бранимир - фигура более национально маркированная, он осознается как именно независимый хорватский политик, который был способен реализовать идеи «хорватской политической независимости». В период его правления (879 - 892) Хорватия превращается Хорватию, в «культурное

⁷⁰⁶ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 31 - 33, 163, 339.

⁷⁰⁷ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 88, 94 - 95, 106 - 112.

⁷⁰⁸ Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. - Zagreb, 1925; Šišić F. Povijest Hrvata za kraljeva iz doma Apradovića, do 1205 / F. Šišić. - Zagreb, 1944; Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 96.

целое», в «независимое государство, которое не признавало над собой ничьей верховной власти». Бранимир важен и тем, что именно в годы его правления на хорватских землях укрепляется католическая церковь, которая позднее будет играть немалую роль в хорватской истории. Таким образом, Бранимир наделен двумя национальными добродетелями - он и хорват и католик. Степан Томашевич - фигура не менее значимая и трагическая. В хорватский национальный пантеон этот последний хорватский правитель Боснии, правивший ее недолго (1461 - 1463), попал как национальный мученик, погибший в борьбе против турецкого завоевания⁷⁰⁹. Усилиями хорватских историков он превратился в символ верности хорватской государственности и борьбы за ее независимость.

В национальный хорватский пантеон были интегрированы и деятели хорватского национального движения. Они имели особый статус «отцов нации», так как без их деятельности хорватская нация выглядела совершенно иначе. Таким главным отцом нации признавался Людевит Гай, Иван Деркос, Франьо Рашич, Янко Драшкович. Последний воспринимался как политик именно европейского масштаба, которой способствовал тому, что среди хорватов начал разрушаться комплекс провинциальности. Среди них особое внимание уделялось Людевиту Гаю, который позиционировался как предшественник современных хорватских политиков, идеолог национального движения и деятель, в значительной степени способствовавший развитию хорватского языка. Гай был привлекателен для хорватских интеллектуалов как сторонник хорватского единства, не только языкового, но и политического. Франьо Рашич - так же национально маркированная фигура, в национальный пантеон он попал благодаря тому, что в 11 ноября 1832 года во время Сабора произнес речь на хорватском языке. По словам Ф. Шишича, это были первые произнесенные хорватские слова на столь высоком уровне после столетий молчания⁷¹⁰.

Людевит Гай - в центре внимания многочисленных исследований национально ориентированных хорватских историков. Изучение его деятельности и культивирование его наследия привело к тому, что он обрел статус отца всей хорватской нации, несмотря на то, что во время его деятельности Хорватия не была едина. В зависимости от ситуации Гай объявлялся отцом идеи хорватской государственности, отцом современного хорватского литературного языка, отцом хорватского национального движения (*hrvatski narodni preporod*). Одним из тех, кто способствовал формированию канонического образа Гая, был Ф. Шишич, который писал, что благодаря его деятельности началась «новая эра в политической и культурной жизни хорватов». Йосип Хорват так же поучаствовал в формировании своеобраз-

⁷⁰⁹ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 113 - 115, 232 - 233; Šišić F. Uvod u političku povijest Hrvatske. - S. 11.

⁷¹⁰ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. - S. 70; Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 396 - 399.

ного романтического ареола вокруг Гая, провозгласив его и великим хорватским политиком, выдающимся государственным, блестящим организатором. Благодаря усиленному интеллектуальному воображению вокруг Гая, он превратился в организатора открытой и свободной политической жизни в Хорватии.

Йосип Елачич - еще одна фигура хорватской истории, которая вызывает позитивные эмоции у хорватских историков. Хорватские интеллектуалы позиционируют его как политического лидера, который был способен отстаивать хорватские политические интересы, защищать независимость Хорватии от венгерских нападков. Хорватская интеллектуальная традиция склонна видеть в Елачиче политика, который лавировал между хорватскими и венгерскими интересами, склоняясь в пользу первых. Елачич был интегрирован в национальный пантеон, так как его активность вела к ослаблению империи, способствуя модернизации. Елачич - один из лучших кандидатов на национальную канонизацию и по причине его участия в подавлении венгерской революции 1848 года. Хорватскими интеллектуалами он преподносился как организатор отмены старых феодальных законов в Хорватии. Если Людевит Гай просто хорватский националист, то Елачич - националист современный и антиимперский. Евген Кватерник так же был интегрирован в национальный пантеон. Он воспринимался хорватскими интеллектуалами как последовательный хорватский националист. Кватернику приписывалось то, что он был сторонником создания независимой Хорватии. Такая Хорватия должна была включать в себя и Военную Крайну, и Кватерник последовательно выступал за ее хорватизацию, отделение от Австрии и Венгрии.

Анте Старчевич был одной из наиболее привлекательных исторических фигур для создания национальных нарративов. Старчевич воспринимался как именно хорватский политик, веривший исключительно в Бога (чем подчеркивалось, что он был именно католиком) и идеи хорватского национализма. Йосип Хорват отмечал, что именно ему принадлежит заслуга утверждения хорватского примата в национальном движении в Хорватии, так как он решительно порвал с иллиризмом Гая и югославянством Штроссмайера, признав политической целью именно хорватство (hrvatstvo).

Хорватские исторические схемы начали складываться в XIX веке, когда территории Хорватии входили в состав империи Габсбургов. Поэтому в исторических нарративах, которые создавались хорватскими интеллектуалами, империя и имперское прошлое фигурировали в самых различных проявлениях. Их численность была велика, а проявления столь разнообразно антиимперски выдержаны и направлены, что мы можем предположить, что интеллектуальная деимпериализация - приспособление исторических схем к факту распада империи - была проведена раньше, чем Империя Габсбургов прекратила свое существование. Истории Хорватии в рам-

ках империи хорватские интеллектуалы отводили четвертый период хорватской национальной истории. Именно на этом этапе главными противниками хорватов становятся венгры и империя Габсбургов - венгры как противники, стоявшие на пути идеи хорватской государственности, и империя, которая делала ставку именно на Венгрию как часть дуалистической монархии, игнорируя политические интересы хорватской элиты. Поэтому, в имперских нарративах замечен и определенный антиимперский контекст, а вся история Хорватии в составе империи сводилась к истории национального движения под флагом хорватского национализма, который был воплощением «реальной политической силы» хорватской нации⁷¹¹.

Этот антиимперский нарратив звучит уже при описании сюжетов связанных с ранними этапами хорватской истории в эпоху Габсбургов. Хорватские интеллектуалы при всей своей лояльности империи не могли простить ей многое. Большинство негативных реакций вызывала политика в отношении хорватских земель, которая сводилась к их раздроблению и недопущению их объединения даже в рамках имперской провинции. Особо неудовольствие вызывало усиление венгерского влияния. Поэтому империя рассматривалась не как своя, а как чужая, венгерская или немецкая, что автоматически вело к ее отторжению и неприятию. Хорватские историки уже в XX веке культивировали нарратив о том, что хорватское движение изначально могло развиваться именно как национально хорватское. В связи с этим Йосип Хорват, например, писал, что «хорватская политика не могла быть ни австрофильской, ни мадярофильской»⁷¹², подчеркивая доминирование именно хорватских ориентиров.

Имперский контекст хорватской истории XVIII столетия хорватскими интеллектуалами интерпретировался однозначно негативно. Империя Габсбургов, негативно отнесшаяся к Французской революции, начинает рассматриваться как архаичная и несоответствующая современности. Поэтому, ее политика начинает восприниматься негативно и отторгаться. Например, централизация, инициированная в период правления Марии Терезии и продолженная Иосифом, воспринимается как стремление «объединить все габсбургские земли в единую немецкую державу» и наступление на хорватские политические права, а политика германизации, как угроза хорватскому языку и идентичности, как причина раскола хорватского общества и его «отчуждения от народных интересов»⁷¹³.

В такой ситуации история Хорватии в Империи Габсбургов хорватскими авторами нередко сводилась к истории хорватского движения за независимость. Поэтому, особое внимание ими уделялось роли и истории хорватских политических институтов, которые воспринимались как продолжение традиций хорватской государственности. Вот почему, в так на-

⁷¹¹ Horvat J. Politička povijest Hrvatske. - S. 123.

⁷¹² Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 290; Horvat J. Politička povijest Hrvatske. - S. 9.

⁷¹³ Šišić F. Pregled povijesti hrvatskoga naroda. - S. 327 - 328, 333.

зываемых имперских нарративах особе место занимают сюжеты, связанные с историей саборов. Саборы были осознаны хорватскими историками не как политический институт, а как институт национально маркированный, так как именно в ходе саборов резко обострялись противоречия между венграми и хорватами, противившимися усилению венгерского языка и сокращению прав собственно хорватских территорий. Поэтому, решение Сабора 1791 года о том, что венгерский язык не будет обязательным для изучения, оценивалось как успех хорватской национально ориентированной элиты. С другой стороны саборы нередко воспринимались как демократические институты, которые естественным образом противостояли имперскому диктату, имперской традиционности и архаичности. Поэтому, хорватский национальный протест трансформировался усилиями хорватских интеллектуалов в движение со значительным модернизационным стимулом.

События на территории Хорватии, имевшие место после 1815 года, хорватскими интеллектуалами интерпретируются более национально и более антиимперски. Реставрация власти Габсбургов рассматривается как регресс, как восстановление абсолютизма. Если ранняя имперская политика воспринималась как более или менее перекликающаяся с хорватскими интересами, то политика после 1815 года анализируется в категориях ассимиляции хорватов венграми и немцами. Если решение сабора 1791 года воспринимается как политический успех, то Пожунский сабор, утвердивший обязательный статус венгерского языка, осознается как поражение. Поэтому история хорвато-сербских отношений в имперском контексте - это постоянный конфликт, который достигнет своего апогея в 1848 году, когда революция поставила перед хорватскими политиками проблему достижения «народного единства».

Подводя итоги, отметим, что в Хорватии исторические исследования стали важным подспорьем для развития национальной идентичности и широко использовались в национальном движении. В таком контексте, капитальные труды по хорватской истории стали большими обобщающими национальными проектами. В их рамках история писалась в соответствии с определенными принципами, которые хорватскими историками могли заимствовать из исторических исследований западноевропейских интеллектуалов. Поэтому, в хорватской истории, создаваемой хорватскими интеллектуалами, формировался особый комплекс нарративов.

Исторические исследования в такой ситуации развивались как своеобразное интеллектуальное продолжение хорватского национального движения. История поддерживала и питала идею создания хорватской независимой государственности. Исторические исследования историзировали политические концепты и в какой-то мере легализовали движение за хорватскую независимость. История была наилучшим подтверждением того, что хорваты имеют право на независимость, так как прошлое неоднократно в

глазах интеллектуалов подтверждало, что Хорватия исторически развивалась как независимое государство.

Национальная идентичность в рамках исторических исследований хорватских интеллектуалов строилась на противопоставлении истории хорватов и истории соседей, хорватского исторического опыта и наследия с аналогичными феноменами соседних народов. В такой ситуации образ соседей нередко мог развиваться изначально как негативный. Этому способствовало то, что история демонстрировала негативные примеры отношений между хорватами и соседями. Такие примеры в наибольшей степени демонстрировала история хорвато-венгерских отношений. Что касается сербов, с которыми хорваты на протяжении XX века имели наиболее острые отношения, как враги изначально не рассматривались. Лишь позднее внутренняя политика югославского руководства как между двумя мировыми войнами, так и в социалистической Югославии сделало образ сербов максимально непривлекательным и отрицательным.

Что касается мест памяти, то они играли не менее важную роль в развитии хорватской идентичности. Важнейшим местом памяти, которое активно культивировалось хорватскими интеллектуалами, была сама Хорватия. В таком контексте они создали образ Хорватии сначала ментально. Хорватия стала своего рода воображаемым сообществом. Лишенные реальной политической независимости хорватские историки создали образ Хорватии как свой политический идеал. С другой стороны, Хорватия, в свою очередь, состояла из мест памяти второго плана - отдельных хорватских городов и исторических территорий, которые служили своеобразными материализованными проявлениями хорватской истории. Это было особенно важно в отсутствии реальной государственности. Таким образом, сама Хорватия, ее города и земли учили хорватских интеллектуалов национализму, давали повод национальному движению.

И последнее, чему следует уделить внимание. Проанализированные нарративы развивались в условиях существования Хорватии в составе Империи Габсбургов. Хорватский контекст интегрировался в общеимперский. Хорватские интеллектуалы были вынуждены проявлять лояльность империи. Если до середины XIX века хорватские политики довольствовались своим статусом в империи, но после ее преобразованию в дуалистическую монархию, они почувствовали себя преданными, что особо раздражало хорватских интеллектуалов на фоне того, что хорваты активно демонстрировали свою имперскую лояльность в период революции 1848 года. Позднее империя стала для хорватских политиков чуждой, так как она стала сдерживать их стремления к созданию собственной государственности. Она стала казаться им архаической, так как хорватский проект был явно современным. Таким образом, современность нации вступила в неизбежный конфликт с имперской архаикой.

Обратимся ко второй теме, заявленной в начале лекции.

Если в хорватском случае современность нации не вписывалась в имперские структуры, которые казались хорватским националистическим идеологам архаичными, если позднее хорватские историки конфликтовали со своими сербскими коллегами, если исторические претензии играли важную роль в конфликтах начала 1990-х годов, если в начале нового века хорватские и сербские интеллектуалы пытаются вести диалог и отказаться от языка исторического превосходства, то в Болгарии и Македонии мы сталкиваемся с конфликтом двух типов идентичности и историеописания, которые являются почти взаимоисключающими. Мы помним, как постепенно формировался македонский национальный дискурс в Македонии. В Болгарии отношение к Македонии и македонцам сложное и противоречивое. Об этом в частности свидетельствуют публикации Македонского научного института (МНИ), расположенного в Софии.

МНИ, созданный в 1923 году, позиционируется как наиболее долго существующий и один из самых влиятельных центров изучения македонской проблематики. МНИ активно издает литературу (исследования, сборники документов, популярные брошюры) по истории Македонии. Несмотря на попытки его работников вести объективную исследовательскую деятельность, многие издания МНИ имеют полемический характер, оспаривающий выводы македонской историографии. Поэтому, публикации Института актуальны вдвойне: они демонстрируют состояние изучения Македонии в Болгарии, показывая и уникальный дискурс болгарского национализма.

При этом изучение истории наций, национализма и процессов нациестроительства на Балканах осложнено особенностями, присущими этому региону. Балканы - зона не только активных национальных движений и сложившихся национальных государств, но и территория, где процессы создания национальных идентичностей и строительства наций все еще отличаются немалой интенсивностью. Балканы - контактная зона религий и языков, различных наций, этнических общностей и групп. Балканы - это зона где национальные историографии достаточно развиты и их отличительная черта - доминирование национальных парадигм и национально маркированных исторических нарративов при описании событий прошлого. В глазах представителей местных обществ эти нарративы являются совершенно естественными, законными и неизбежными. Своеобразная «легитимизация множественных памятей»⁷¹⁴ только усложняет анализ историографических традиций региона.

Историографии одних стран региона откровенно противостоят другим. Соседи объявляются врагами и захватчиками, все достижения их культуры приписываются другой общности. Возможно, интеграция Болгарии и Македонии в Европейский Союз смягчит их исторические противо-

⁷¹⁴ От редакции. Мир памяти? Примирение с прошлым и через прошлое // *Ab Imperio*. - 2004. - № 4. - С. 13.

речия, но это - инициатива будущего. Поэтому, история служит полем для взаимных претензий и обвинений. История - это вместе с тем и сфера максимально широкого проявления националистических идей. Если в политической жизни роль национализма сокращается, то в историографии мы наблюдаем обратную тенденцию к ее росту и последовательному усилению. Поэтому в историографиях Македонии и Болгарии господствует именно национальная парадигма. Это имеет место на фоне постепенно выстраиваемых, позитивно развивающихся и последовательно улучшающихся болгаро-македонских дипломатических отношений (например, именно Болгария первой официально признала независимость Македонии). Несмотря на прогресс во внешней политике, история, глубоко увязшая в едином и общем прошлом, базирующаяся на едином культурно-религиозном наследии, остается главной силой, которая разграничивает македонское и болгарское сообщество, отделяя их друг от друга. Между Болгарией и Македонией возник своего рода исторический занавес, который не в силах решительно отодвинуть ни одна из сторон.

Македония так или иначе постоянно присутствует во внутренней жизни Болгарии. К ней периодически обращались почти все крупные болгарские политики самой разной политической ориентации от левых до правых. При этом такой интерес со стороны соседей македонских интеллектуалов вовсе не радует. Например, бывшей президент Болгарии Петр Стоянов заявлял, что «Македония является самой романтической частью болгарской истории»⁷¹⁵. Реакция интеллектуалов из Скопье и Охрида могла быть только одной. В этом они увидели подтверждению тому, о чем неоднократно и очень много писали. Подобные заявления некоторых болгарских политиков только играли на руку македонским интеллектуалам, замеченных в критике великодержавного болгарского национализма.

Македонская тема ненова в болгарской историографии, но она традиционно ограничивалась и продолжает ограничиваться несколькими сюжетами, которые одновременно являются камнями преткновения и точками соприкосновения для болгарских и македонских историков. Таким образом, македоно-болгарская полемика продолжается и в настоящее время, будучи далекой от своего завершения. Исследования МНИ не являются исключением, и большинство доступных нам публикация связано с историей Македонии, этническим статусом македонского населения и вытекающем из него статусом македонского языка. Объективно история Македонии в Болгарии создается болгарскими историками в «определенном проекте и как определенный проект»⁷¹⁶. Тематическая направленность МНИ лежит в прокрустовом ложе именно этих сюжетов.

⁷¹⁵ Kojouharov A. Bulgarian "Macedonian" Nationalism: A Conceptual Overview / A. Kojouharov // Journal of Peace and Conflict Resolution. - 2004. - Fall. - P. 282.

⁷¹⁶ Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 41.

Современное описание македонских сюжетов в болгарской историографии основано на более ранних болгарских национальных нарративах: таким образом, согласно Роберту Д. Патнэму «то, куда вы приходите, зависит от того, откуда вы вышли»⁷¹⁷. Болгарские же историки 1990-х вышли из национально ориентированной историографии 1980-х, современные болгарские концепты Македонии лишь продолжают сложившуюся традиции болгароцентричного написания и описания истории. Именно поэтому болгарская историография Македонии почти всегда была провинциальной, изолированной, сфокусированной на доказательстве болгарской этнической принадлежности македонского населения. Диляра Усманова, анализируя татарскую историографию, задается вопросом о том, насколько уместен «этноцентризм доминирующий при создании национальной истории»⁷¹⁸. Такой же вопрос мы можем задать и в отношении болгарской историографии, которая при конструировании своей версии истории Македонии неизбежно стремится конструировать и конструирует ее как историю именно болгарскую.

Национальная парадигма почти безраздельно господствует в современной болгарской историографии. В такой ситуации изучение истории Македонии строится на основе болгарских национальных нарративов и вписывается в общий болгарский исторический процесс. Национальными историческими нарративами можно признать совокупность исторических обоснований и повествований, научных или популярных, которые широко используются при описании (или написании) истории и ее научном анализе. Эти нарративы могут признаваться или не признаваться той или иной общностью интеллектуалов. Национальная история в болгарском контексте совокупность национальных исторических нарративов, упорядоченная интеллектуалами и подготовленная для восприятия обществом через историческое образование или распространение научно-популярной литературы среди относительно широких слоев интеллигенции, которая в Болгарии 1990-х годов нередко была настроена национально и лишь приветствовала изучение истории именно в болгарском национальном духе.

Болгаризация прошлого, в такой ситуации, превратилась почти в норму для многих болгарских историков. В 1998 году МНИ издал небольшое исследование «Придумывание так называемого македонского книжного языка», само название которого говорит о позициях авторов. Проблема македонского языка уже давно не дает покоя болгарским авторам, с другой стороны, выводы издания 1990-х не отличаются новаторским характером, повторяя выводы более ранней болгарской историографии. На протяжении

⁷¹⁷ Putnam R.D. Making Democracy Work: Civic traditions in Modern Italy / R.D. Putman. - Princeton, 1993. - P. 179.

⁷¹⁸ Усманова Д. Создавая национальную историю татар: исторические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков / Д. Усманова // Новая имперская история постсоветского пространства / ред. и. сост. И. Герасимов и др. - Казань. - 2004. - С. 109.

всего издания термин «македонский язык» используется в кавычках, чем авторы автоматически ставят под сомнение сам факт его существования. Это свидетельствует о том, что македонские нарративы создаются болгарскими историками при наличии в их среде сильного болгарски маркированного «контекста самости»⁷¹⁹. Уже на первых страницах становится очевидной вводная установка болгарских историков: «лингвистический македонизм не что иное, как опосредованная форма сербизации болгарского языка в географической области Македония». Отрицая независимый статус македонского языка, болгарские историки (например, Иван Кочев) не видят в Македонии ничего большего, чем одну из болгарских географических областей, а в македонцах - этническую группу болгар. Отрицая их независимый статус, болгарские историки стремятся показать македонцев как переходный этап к сербизации местного болгарского населения. Такое отношение вызывало и вызывает в македонской среде нескрываемое раздражение: поэтому, македонские историки, подобно своим болгарским коллегам, которые любят писать о «македонском сепаратизме», много пишут о «великоболгарском национализме» и шовинизме⁷²⁰. Если до распада Югославии в подобных идеях видели проявления сектантского курса БКП⁷²¹ и рецидивы великоболгарского национализма, то в 1990-е годы болгарский национализм превратился в едва ли не главного врага всей македонской историографии.

Современная болгарская историография в некоторой степени стремится упростить исторический процесс в регионе, игнорируя имевшую место «множественность идентичностей», которая еще более «усложнялась присутствием сильных региональных традиций»⁷²². Упрощение истории вылилось в ее последовательную болгаризацию. Поэтому, анализируя политику в СФРЮ в отношении Македонии, Ив. Кочев суммирует ее основные положения следующим образом: 1) македонский язык был создан искусственно как языки для отсталых народов Азии и Африки на базе искажения норм болгарского литературного языка; 2) при создании языка широко использовалась фальсификация более ранних болгарских исследований, а болгарские особенности языка просто отрицались и не принимались во внимание; 3) македонский язык не самостоятелен, являясь лишь письменной и региональной формой болгарского языка. Основной же вывод Ив. Кочева звучит вообще крайне категорично: македонский язык, будучи искусственно созданным, не имеет внутренних потенций для развития и его

⁷¹⁹ Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 41.

⁷²⁰ Апостолски В. На великобугарски националистички позиции / В. Апостолски. - Скопје, 1979; Апостолски В. Современите аспекти на великобугарскиот национализам / В. Апостолски // Нова Македонија. - 1980. - 15 - 27 мај; Koreni velikobugarskog šovinizma u odnosu na Socijalističku Republiku Makedoniju. - Skopje, 1968.

⁷²¹ Митрев Д. БКП и Пиринска Македонија / Д. Митрев. - Скопје, 1960.

⁷²² Семенов А. От редакции: дилеммы написания истории империи и нации: украинская перспектива / А. Семенов // Ab Imperio. - 2003. - № 2. - С. 378.

постигнет судьба других искусственных политических конструкторов, то есть крах. На первый взгляд эти идеи современной болгарской историографии ближе национализму, чем к науке. Болгарская историография, действительно, развивается, испытывая постоянное влияние со стороны национализма, но выводы в отношении Македонии - не национализм. Они подтверждают то, что значительная часть болгарских историков в изучении македонского вопроса стоит на примордиалистских позициях, будучи не в состоянии принять Македонию и македонцев как независимые и отдельные воображаемые сообщества, а видя в них исключительно болгар⁷²³.

Очевидно, что современные болгарские интеллектуалы строят свою идентичность в несколько иной перспективе, чем делали их предшественники. Если для болгарской историографии периода национального возрождения был очень актуален нарратив об отделении болгар от соседей, о выделении болгарской общности из контекста других соседних общностей, то для значительной части современной болгарской интеллектуальной традиции характерен совершенно противоположный нарратив. Болгарских историков уже не столь интересует «контекст самости» - болгарская самость и идентичность анализируется почти в духе примордиальных категорий. Их так же не интересует и базирование своей национальной идентичности и истории на «радикальном отделении от другой идентичности»⁷²⁴. Для рассматриваемого дискурса болгарской историографии характерна тенденция не отделения, а распространения своей идентичности на Македонию. Что касается македонских историков, то они не питают никакого энтузиазма от потенциального слияния с болгарами. Поэтому, македонская критика Болгарии - это своеобразный контрпроект, направленный против экспансии болгарской идентичности и призванный простимулировать собственно македонские национальные нарративы.

Для книги «Придумывание так называемого македонского книжного языка» Ив. Кочев и Ив. Александров подготовили раздел озаглавленный «Документы о придумывании македонского книжного языка». Кочев и Александров исходят из того, что «македонский книжный язык» - уникальное явление в европейской лингвистике, которое не имеет ничего общего с «нормальным возникновением и развитием естественных языков», являясь искусственным конструктором, созданным в конкретном месте, в конкретное время и по приказу властей. Авторы считают, что появление македонского языка стало возможным благодаря антиболгарской политике Тито. Более того, они утверждают, что этот язык, содержа сербские элементы, стал шагом к созданию единого югославского языка, будучи результатом «тотальной некомпетентности» его создателей. Кочев и Александров, таким образом, объявляют македонский язык сознательным отда-

⁷²³ Кочев И. Вместо предговор / И. Кочев // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. - София: Македонски научен институт, 1998.

⁷²⁴ Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 43.

лением от литературной болгарской нормы, «измышлением» и созданием «неграмотных людей»⁷²⁵.

Данный дискурс болгарской историографии свидетельствует о том, что она не относится с должным вниманием к столь критикуемой ею македонской исторической науке. Это игнорирование более показательнее на фоне заявлений о том, что СР Македония, македонский язык и македонская культура стали исключительно болгарскими политическими антиболгарскими проектами. На таком фоне македонская антисербская историография совершенно игнорируется. Это игнорирование кажется еще более странным, если принять во внимание то, что македонские историки критиковали сербский национализм наравне с болгарскими даже во времена социалистической Югославии⁷²⁶. Таким образом, современная болгарская историография, посвященная Македонии, становится если не провинциальной, то изолированной и сфокусированной на нескольких темах.

Стремясь придать больший вес своим выводам и избежать обвинений в болгарском национализме, составители сборника о языке включили в него статью австрийского исследователя Отто Кроншайнера «Распад Югославии и будущее македонского книжного языка». Кроншайнер, солидаризируясь с болгарскими историками, утверждает, что не существовало никакой необходимости создания особого языка для болгар, которые оказались вне Болгарии. Дихотомия «болгарский / македонский язык» ставится им в один ряд с политическими экспериментами по отдалению друг от друга близкородственных наций и создание новых пар языков типа «румынский / молдавский» или «финский / карельский». Подобно болгарским коллегам, он отрицает независимый статус македонского языка, считая его политическим измышлением, лингвистическим экспериментом, проведенным под сербским руководством, а автор первой македонской грамматики Блаже Конески вообще назван им болгаринем Благом Коневым. Но, в отличие от болгарских авторов, их австрийский коллега идет дальше, предлагая македонским властям, реформировать язык, убрав из него все сербские элементы и перейти на болгарскую литературную норму⁷²⁷. Македонская реакция на выводы австрийского исследователя очевидна. Македонские историки, как и их болгарские коллеги, позаботились о поиске авторитетных специалистов Европе, которые разделяли бы их мнение о независимом статусе македонского языка. Поэтому, многие издания по македон-

⁷²⁵ Кочев И., Александров И. Документи за съчиняването на македонски книжовен език / И. Кочев, И. Александров // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. - София: Македонски научен институт, 1998.

⁷²⁶ Апостолов А. Колонизацијата на Македонија во стара Југославија / А. Апостолов. - Скопје, 1966.

⁷²⁷ Кроншайнер О. Разпадането на Југославија и бъдещето на македонски книжовен език / О. Кроншайнер // Съчиняването на така наречения македонски книжовен език. - София: Македонски научен институт, 1998.

ской истории содержат переводы с европейских языков⁷²⁸, авторы которых стоят на македонских позициях. Таким образом, зарубежная научная литература и ученые используются как болгарскими, так и македонскими историками как аргумент во взаимной полемике.

Рассматривая проблему языка, как проблему политическую, современные болгарские историки не забывают и о действительно политическом аспекте вопроса. Поэтому, особое внимание ими уделяется политической истории СР Македонии. Рассматривая ее как область, населенную болгарами, они склонны интерпретировать многие политические процессы как «новую национально-освободительную борьбу» болгарского населения ... против сербского национализма. Именно этой проблеме посвящено одно из исследований Димитра Гоцева. Гоцев исходит из того, что проблема того, в какие условия великосербские коммунисты поставили болгар (т.е. - македонцев - М.К.) важна с научной и политической точек зрения. Гоцев считает, что вся политика в СР Македонии была направлена на уничтожение ее болгарской сущности и культивирование искусственного и политически надуманного «македонского патриотизма».

Димитр Гоцев стремится показать внутреннюю политику в СР Македонии как череду политических процессов против местной болгарской интеллигенции, которые были организованы «сербскими коммунистическими властями». Гоцев пишет, что коммунистические власти в Македонии стремились посадить на скамью подсудимых «болгарскую историю, болгарское национальное самосознание, культуры и язык Македонии». В данном контексте современная болгарская историография демонстрирует интересную трансформацию: если раньше болгары преподносились как едва ли не самая революционная и классово сознательная нация на Балканах, то сейчас она преподносится как главная жертва «нового варварства» - коммунистического террора⁷²⁹.

Концепция Дм. Гоцева имеет скорее политический, а не научный характер. Этому способствуют как установки авторы, содержание которых очевидно, и крайне узкая источниковая и исследовательская база, на основании которой им и была написана данная работа. Из источников им были использованы воспоминания (как правило, неопубликованные) и периодика. Список исследований вообще ограничивается десятью названиями: из них две работы на македонском⁷³⁰, остальные на болгарском языке. При-

⁷²⁸ Французский лингвист Антуан Мейе о македонском языке, 1928 г. // Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. - Т.2. С конца первой мировой войны и до создания национального государства. - Скопье. - 1985. - С. 78 - 79; Французский славист Андре Ваян о македонском языке, 1938 г. // Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. - Т.2. - С. 85.

⁷²⁹ Гоцев Д. Новата национално-освободителна борба във Вардарска Македония 1944 – 1991 / Д. Гоцев. - София: Македонски научен институт, 1998.

⁷³⁰ Список македонских книг, использованных Дм. Гоцевым, крайне невелик. См.: Ристевски С. Судени за Македонија / С. Ристевски. - Скопје, 1993; Гешев Ев. Нашата кауза / Ев. Гешев. -

чем, подбор болгарских исследований тенденциозен, о чем говорят лишь некоторые названия «Македонизм и сопротивление в Македонии против него», «Многократные искажения о национальном самоопределении македонских болгар», «Пожертвованное поколение»⁷³¹. К тому же многие работы изданы в социалистической Болгарии, что свидетельствует о наличии преемственности в отношении Македонии в болгарской историографии. Примечательно и то, что Гоцев использовал и примечательную книгу Драгана Драгнева «Скопльская икона Блаже Конески, македонский лингвист или сербский политработник».

Работа Д. Драгнева может быть определена как самое яркое событие во всей болгарской историографии по македонской проблематике второй половины 1990-х годов. Если работа К. Църнушанова о сопротивлении македонизму - вершина относительно научного анализа, то книга Д. Драгнева - самое эмоциональное произведение болгарской историографии. Уже само название («Скопльская икона Блаже Конески, македонский лингвист или сербский политработник»⁷³²) говорит скорее о полемическом и публицистическом характере исследования. Драгнев, однако, отводил своей работе значительную роль в развенчании культа Блаже Конески, который, по его словам, создан в Македонии: «вокруг личности Блаже Конески в Скопье создан культ, он целенаправленно превращен в символ культуры в Республике Македония». Стремясь разрушить культ, Драгнев отмечал необходимым доказать, что Конески был не только плагиатором в языковой сфере, но и сербским агентом «в культурной жизни страны», завесившим от М. Джиласа, ставшего реальным проводником языковых реформ в Македонии⁷³³.

Концепция Драгнева строится в значительной степени на отрицании македонской историографии. Суммируя основные ее положения, она выглядит следующим образом. Если македонские историки изображают Блаже Конески как «одаренную личность ... и редкого человека»⁷³⁴, то для Драгнева тот был потомственным сербоманом, поборником сербского правописания и сербской азбуки, «сербским троянским конем», врагом Болгарии. То, что Конески начал писать на сербском языке, Драгнев использует

Скопје, 1994. примечательно и то, что Скопье написано на болгарский манер: «Скопие» вместо «Скопје».

⁷³¹ Марковски В. Крвта вода не става (моят отговор на фалшификаторите на истината за България) / В. Марковски. - София, 1981; Църнушанов К. Македонизмът и съпротивата на Македония срещу него / К. Църнушанов. - София, 1992; Църнушанов К. Многократните изяви на националното самоопределение на македонските българи. - София, 1992; Божинова В. Жертвено поколение / В. Божинова. - София, 1996.

⁷³² Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски лингвист или сербски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷³³ Джилас «окончательно» урежда въпроса с македонската азбука и правопис // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски лингвист или сербски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷³⁴ Андреевски Ц. Разговори со Конески / Ц. Андреевски. - Скопје, 1991. - С. 9.

как аргумент его просербских и антиболгарских настроений. Вся деятельность Конески определяется Драгневим как «глубоко антимакедонская»⁷³⁵. Примечательно то содержание, которое современная болгарская историография вкладывает в понятие «македонская». Всё «македонское» воспринимается большинством историков как болгарское этнически и культурно, как болгарское с незначительными региональными особенностями.

Драгнев создает иной, чем в македонской историографии образ Конески. Конески рассматривается им не как герой, активный участник освободительного движения, а как военный преступник, враг Болгарии: «Конески - убийца. Его последователи превратили Конески из убийцы в святого, нарисовали икону, где его образ тих и скромен, а сам он заслуживший всеобщую любовь человек. Это человечешко, присвоивший себе право называть македонских болгар “племенем”. В его глазах они выглядели как несчастный и дезориентированный сербский обломок. Когда народец подрастет, то он сам поймет, что лучше быть частью “великого сербского народа”. Плевать на историю, лингвистику и этнологию!»⁷³⁶. Как видим, нарратив крайне эмоционален и далек от объективного научного анализа. Дальнейшие оценки, даваемые Драгневим, говорят в пользу этого предположения. Конески оценивается как «бездушный сербский послушник, который не имел достаточно силы, чтобы проявить человечность в отношении невинных жертв среди македонских интеллектуалов, которые за любовь к родине заплатили своей жизнью»⁷³⁷. Комментируя оценки деятельности Конески в македонской историографии, Драгнев пишет: «этот монстр впоследствии был превращен в святого и икону». Драгнев ставит его в один ряд со Сталиным, Тито, Мао: «с одной стороны, они писали стихи и прозу, с другой, без всякой милости убивали тысячи невинных людей»⁷³⁸.

Подобно другим болгарским историкам Драгнев не мог обойти вниманием роль Конески в формировании македонского литературного языка. В данном случае он, с одной стороны, демонстрирует солидарность с болгарской историографией вообще, которая скептически относится к македонскому языку, с другой, вступает в полемику с македонскими историками, склонными видеть в болгарском скепсисе проявление национализма. Если для македонской историографии Конески - автор первой грамматики

⁷³⁵ Поборник за сръбската азбука и сръбски правопис в Р. Македония // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998; Сръбски троянски кон в езиковите комисии // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷³⁶ Дълбоко антимакедонската дейност на Блаже Конески като политработник // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷³⁷ В оригинале: «невинни жертви ... които заплатиха с живота си своето родолюбие».

⁷³⁸ Мизантроп, превърнат в икона // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

и один из создателей современного литературного языка, то для Драгнева - плагиатор и фальсификатор. Драгнев считает, что македонская грамматика, изданная в 1952 году⁷³⁹, представляет собой плохо замаскированный плагиат, в то время как с подлинными авторами Конески, расправился, воспользовавшись близостью к власти⁷⁴⁰. Особый пункт обвинений со стороны болгарской историографии то, что Конески писал и по поводу теории Белича о том, что сербский язык имеет не только два фонетических, но и два грамматических варианта - синтетический и аналитический. В рамках такой концепции македонский язык мог рассматриваться как аналитический сербский. Поэтому, Конески превратился в болгарской историографии в популяризатора «республиканского пансербизма» и сторонника сербизации болгар и болгарского языка⁷⁴¹.

Все идеи Драгнева могут быть выражены в названии последней главы его книги «Преходящий языковой эксперимент - непреходящая этническая сущность». Попытка создания македонского литературного языка (*de facto* - его создание) осознается болгарскими интеллектуалами как «языковой эксперимент», как «покушение на тысячелетнюю культурную традицию македонских болгар». Болгарская историографическая традиция настаивает на том, что население современной Македонии было, есть и будет болгарским. В этом отношении болгарские историки стоят на примордиалистских позициях. Драгнев действительно пишет, что «вопреки всему в основе своей не отказалось от болгарской сущности». Политика СР Македонии в языковой и культурной сфере воспринимается как «культурный гипноз и коллективная амнезия». Вывод Драгнева - это категорично звучащий, национально ориентированный и национально маркированный нарратив: «история области как и язык не переставали быть и будут болгарскими»⁷⁴².

Настроения Драгнева показательны для всей современной болгарской историографии, подтверждая предположение Джонатана Фридмана о том, что большинство представлений профессиональных историков о прошлом теснейшим образом связаны с созданием и сознанием их идентичности в настоящем. Иными словами, история историков - это и идентичность историков⁷⁴³. Языковая политика в Социалистической Республике Македония оценивается однозначно негативно, преподносится как антиболгарская, направленная на ослабление и уничтожение болгарской идентичности. Примечательно то, что Конески и его современники не рассматривались

⁷³⁹ Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик / Б. Конески. - Скопје, 1952.

⁷⁴⁰ Плагиатство на всички нива // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷⁴¹ Аналитичен сръбски? // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷⁴² Преходен езиков експеримент - непреходна етническа същност // Драгнев Д. Скопската икона Блаже Конески, македонски линвист или сръбски политработник? / Д. Драгнев. - София, 1998.

⁷⁴³ Friedman J. History, Political Identity and Myth. - P. 43, 52.

как македонские националисты, создатели македонского государства и македонской национальной идентичности. Они, превратившись лишь в сербских агентов, преподносятся как промежуточное звено от «варваризации» и «рустикулизации» к полной сербизации. Таким образом, болгарская историография стремится направить удар не против Македонии (зачем, если она видит в ней часть Болгарии), а против Сербии, в которой видит виновницу национальных катастроф Болгарии.

Очевидно, что современная болгарская историография в отношении Македонии двойственна. С одной стороны, болгарские историки нередко стоят на примордиалистских позициях, признавая в македонцах изначальных болгар, которым лишь надо помочь осознать их болгарскую сущность и, тем самым, стать полноценными болгарам. Этот наивный примордиализм, граничащий нередко с болгарским национализмом, в значительной степени методологически и теоретически ослабляет болгарскую историографию, превращая некоторых историков в почти маргинальных националистически мыслящих интеллектуалов. С другой стороны, было бы ошибкой утверждать, что болгарская историография развивается в изоляции от западных методик изучения наций и национализма. Отношение к Македонии и македонцам, как искусственным общностям, созданным усилиями неболгарских интеллектуалов, во многом пересекается с концепцией Б. Андерсона о «воображаемых сообществах»: например, А. Коджухаров, отдавая дань теориям об изначальности болгар, все же отмечает, что Македония может быть проанализирована в категориях западных методик изучения национализма («Македония времен Тито является прекрасным примером изобретения традиций сверху донизу»). Таким образом, болгарские интеллектуалы идейно апеллируют и к примордиальным и конструктивистским концептам.

Македонская и болгарская историография нередко занимаются изучением одного и того же общего прошлого. Эта общность не является общностью этнической, языковой и культурной. Это только общность исторического прошлого, общность того, что одни и те же процессы имели место, как в Македонии, так и в Болгарии. Несмотря на общность прошлого, современные македонские и болгарские историки одни и те же исторические события интерпретируют различно. Таким образом, история как сближает, так и разъединяет болгар и македонцев. Именно в истории современные местные интеллектуалы ищут и находят основы и обоснования для своих концепций. Яркий пример такого взаимного исторического отдаления на основе общего прошлого - комплекс воспоминаний македонских и болгарских интеллектуалов о Илинденском восстании 1903 года. В 2003 году столетняя годовщина событий широко отмечалась как в Болгарии, так и в Македонии.

Праздничные мероприятия были посвящены попыткам путем вооруженного восстания свергнуть турецкую власть в регионе Македонии и

Фракии. Два государства отмечали одни и те же исторические события, придавая им совершенно различный смысл, по-разному прочитывая их политическое, историческое и, главное, этническое содержание. Болгария праздновала «героические усилия» болгарского населения, которое оказалось вне болгарского государства, по воссоединению с Софией. Такая концепция широко пропагандировалась и популяризировалась болгарскими интеллектуалами. В Македонии праздновали в принципе те же события, но они прочитывались как борьба за создание независимого македонского государства. Македонские историки так же популяризировали эти события, утверждая, что участники восстания имели македонскую, а не болгарскую идентичность. Македонская общественность с раздражением отнеслась к утверждениям болгарской стороны. Болгарские авторы, в свою очередь, пишут о македонской идентичности со значительным скепсисом⁷⁴⁴.

Несмотря на всю активность болгарских национально ориентированных интеллектуалов, их проект Македонии стал только интеллектуальным концептом. В отличие от болгарских нарративов, которые воспринимаются как проявление национализма, развитие собственно македонского проекта Македонии сложилось иначе. Македония и македонцы стали удачными национальными проектами. В их рамках были заняты многочисленные македонские интеллектуалы - историки и писатели. Это не означает того, что македонцы - искусственное и неестественное этническое образование, на что, как правило, указывают болгарские историки. Это говорит о том, болгары раньше сложились как воображаемые сообщества и добились создания своих национальных государств и идентичностей, которые в сознании болгарских интеллектуалов превратились в почти извечную данность. Македония может быть принята как воображаемое сообщество лишь в том контексте, что это явление относительно современное, где национальная идентичность возникала и развивалась на глазах соседей, которые в прошлом сами претендовали на то, чтобы направлять этнические процессы в Македонии в болгарском, сербском или греческом направлении.

Таким образом, национальный проект в Македонии был одним из наиболее успешных национальных проектов. Болгарский проект Македонии остался исключительно болгарским. Первый способствовал развитию македонской национальной идентичности. Второй культивировал болгарский национализм, был его интеллектуальным обоснованием. Македонский проект в Македонии остался проектом интеллектуальным и, в меньшей, политическим он привел к формированию современной македонской национальной идентичности на научной основе, что стало одной из гарантий мирного отделения Македонии от Югославии в начале 1990-х годов. Болгарский дискурс македонского проекта имеет скорее политический характер. Очевидна разница между двумя этими проектами и эта разница не

⁷⁴⁴ Kojouharov A. Bulgarian “Macedonian” Nationalism: A Conceptual Overview. - P. 282.

только разница языка написания истории. Разница состоит в восприятии друг друга: македонские интеллектуалы смотрят на болгар как на соседей, болгарские на македонских, как на часть самих себя. Эти два подхода почти исключают друг друга. Македонская историографическая традиция будет пытаться позиционировать себя в общеевропейской перспективе.

В такой ситуации национальная парадигма, скорее всего, будет господствовать в болгарской историографии и в дальнейшем. Возможно, интеграция Болгарии и Македонии в Европейский Союз смягчит их исторические противоречия. Таким образом, в чисто теоретической перспективе диалог между болгарскими и македонскими интеллектуалами станет возможен в случае отказа первых от националистических идей в отношении Македонии. Принимая во внимание содержание рассмотренных выше концепций, диалог кажется лишь перспективой отдаленного будущего.

Иными словами, история на Балканах является той сферой, где уверенно чувствуют себя и профессиональные историки, и националисты – культурные, этнические и политические. История остается каналом не только для конструирования новых мифов, но и для транслирования националистического нарратива на тех, кто потребляет историю – на массового читателя и студентов, изучающих историю в рамках университетских образовательных программ. До тех пор, пока историографическая балканская традиция будет заниматься воспроизводством националистического нарратива, националистические массовые движения будут получать новых сторонников, а национализм будет одним из факторов, определяющих политический ландшафт и конструирующих интеллектуальный дискурс.

3.2. Маргинальность в контексте развития национализма

Исторически Россия развивалась как государство, где этнические группы ассоциировались со своими религиозными убеждениями. Русские считались православными, калмыки – буддистами, а, например, татары и башкиры – мусульманами. В такой ситуации православие рассматривалось как русская, а ислам – как татарская или башкирская вера. События советского периода привели к кризису религии и разрушению традиционного религиозного сознания. Демократизация 1990-х годов вновь вернула религию в жизнь общества, когда граждане получили возможность определять свою религиозную принадлежность. В такой ситуации православие лишилось статуса государственно поддерживаемой религии, и часть русских обратилась к другим религиям, в том числе и к исламу.

Русский ислам – проблема новая и практически не изученная. Публикации в научных изданиях отсутствуют, а дискуссия идет в сфере электронных СМИ. Причем, ее инициаторами выступили авторы православной ориентации, склонные к крайнему русскому национализму, и видящие в

исламе в целом – «агрессивное парарелигиозное движение»⁷⁴⁵. Странно почти полное отсутствие научных публикации по этой теме, принимая во внимание тот факт, что «...все большую роль в жизни мусульманского сообщества играют новообращенные мусульмане, которые хорошо владеют русским языком...»⁷⁴⁶. В то же время на фоне значительного количества исследований собственно по исламу, как отечественных, так и переводных⁷⁴⁷, работ по русским мусульманам, к сожалению, нет. Тем не менее, переход русских в ислам – актуальное явление в виду того, что русский ислам представляет собой новый, неизвестный ранее, тип русской национальной идентичности. Может быть, этот тип является маргинальным, вытесненным в сферу электронных СМИ, не представляя собой магистральную тенденцию развития национальной идентичности русских в России – он, тем не менее, заслуживает того, чтобы стать предметом исследования в контексте, как изучения ислама, так и национализма.

Единого определения русского ислама ни в религиозной публицистике, ни в исследовательской литературе не выработано. Мнения исследователей, самих русских мусульман и их критиков в этом отношении в значительной степени отличны друг от друга. Сергей Градировский, исследователь и популяризатор русского ислама, определяет его как «...ислам, пропитанный русскостью, благодаря чему он становится комплементарен русскому началу, оказывается въязычен в русское языковое пространство...»⁷⁴⁸. В другом интервью им подчеркивалось, что это такой тип ислама, который не нарушает единство государства, а, наоборот, стимулирует его, отвечая и соответствуя государственным интересам. Корректируя определение «русского ислама», С. Градировский отмечает, что это – не просто русские, принявшие ислам, а ислам, принявший русские формы⁷⁴⁹.

Наиболее полное определение русского ислама по С. Градировскому представлено в его статье «Культурное пограничье: русский ислам». Автор предлагает понимать под «русским исламом» – «...явление, лежащее на стыке исламской и русской культур, в том числе культур мышления, потому что мышление осуществляется в языке...». С другой стороны, русский ислам, будучи в основном городским феноменом, представляет собой и новый культурный феномен. Таким образом, русский ислам превращается

⁷⁴⁵ Державин А. Русский, примешь ислам? / А. Державин // Русский Вестник. – 2002. – 19 апреля.

⁷⁴⁶ Русский ислам? // <http://www.islam.ru/pressclub/analitika/grad>

⁷⁴⁷ В 1990-е годы вышло несколько исследований по исламу, претендующих на характер фундаментальных и обобщающих. См.: Хисматуллин А.А. Суфизм / А.А. Хисматуллин. – СПб., 2003; Родионов М.А. Ислам классический / М.А. Родионов. – СПб., 2003; Ислам в СНГ. – М., 1998; Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / сост. С.М. Червонная, ред. М.Н. Губогло. – М., 1998; Малащенко А. Новая Россия и мир ислама / А. Малащенко // Свободная мысль. – 1992. – № 10; Малащенко А. Исламское возрождение в современной России / А. Малащенко. – М., 1998.

⁷⁴⁸ http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/evocation/

⁷⁴⁹ http://www.archopelag.ru/ru_mir/novie_identichnosti/islam/russian-islam

в «культурное пограничье»⁷⁵⁰, где синтезируются элементы русской культуры по средствам использования русского языка с другими культурными типами – российским тюркским и собственно исламским. Поэтому, возможна исламизация культуры⁷⁵¹. В результате и возникает русский ислам – ислам, русский национальный по форме и выражению, но именно общеисламский по своей природе.

Анализируя проблемы современного русского ислама и перехода русских в ислам, возможно, следует обратиться к западным теориям национализма, в частности к «воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона. Согласно Б. Андерсону, нации, как сообщества, не являются изначальным явлениям, то есть они не примордиальны, а принадлежат исключительно современной истории. Пути возникновения таких сообществ могут быть различными. Вместе с тем, их объединяет роль местных интеллектуалов, которые на страницах своих работ воображают свои нации как нечто определенное: так возникают воображаемые сообщества. В такой перспективе, русские мусульмане так же принадлежат к числу воображаемых сообществ. Это сообщество, которое воображается в двух перспективах – с одной стороны, русскими мусульманскими (пока и немногочисленными) интеллектуалами, так и их православными оппонентами. Если русские мусульмане воображают себя себе и другим позитивно, то православные авторы, наоборот, наделяют русских мусульман не добродетелями, а недостатками.

Русские мусульмане, являются ли они «воображаемым сообществом» или нет, стремятся к своей институционализации. Одно из ее проявлений – активная издательская деятельность. За последние годы в России вышло много книг на русском языке, посвященных основам ислама, истории ислама, исламскому праву и т.п. Среди этих публикаций много переводов, которые знакомят на русском языке с памятниками мысли мусульманских стран и исламским богословием⁷⁵². В 1990-е годы российские мусульмане или русскоязычные читатели, интересующиеся исламом, получили возможность на русском языке ознакомиться с проблемами ритуалов в исламе, например, с намазом⁷⁵³. Несколько раз переиздавался Коран, выходила литература, посвященная ему⁷⁵⁴. Есть и издания справочного характера, при-

⁷⁵⁰ http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/cultural-bound/

⁷⁵¹ По проблеме исламизации культуры см.: Иордан М. Исламизация культуры как воплощение этических идеалов ислама / М. Иордан // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / сост. С.М. Червонная, ред. М.Н. Губогло. – М., 1998. – С. 61 – 69.

⁷⁵² Сады Праведных из слов пророка Мухаммада, да благословит его Аллах и да приветствует / пер. и прим. Владимир (Абдулла) Нирша. – М., 2003.

⁷⁵³ аль-Албани Мухаммад Насир ад-Дин, Описание намаза Пророка (да благословит его Аллах и приветствует) с самого начала до конца, как если бы вы видели это собственными глазами. Текст / пер. Д. Хайруддин. – М., 2003.

⁷⁵⁴ Коран / пер. И.Ю. Крачковского. – РнД., 2003; Кулиев Э. На пути к Корану / Э. Кулиев. – М., 2003; Тафсир аль-Коран, аль-Мунтахаб. – М., 2003.

званные познакомить с основами ислама, образом жизни мусульман⁷⁵⁵. В 2002 году был реализован крупный проект, инициированный издательским домом «Ummah». В его рамках впервые на русском языке вышли книги, посвященные исламскому праву, исламским пророчествам, месту женщины в исламе, жизни пророка Мухаммада, истории ислама⁷⁵⁶.

Официальные власти заметили появление русского ислама, но тоже оказались не в состоянии определить для себя, что это такое. Представители властей в России, как в центре, так и в регионах (за исключением, может быть национальных республик, да и в тех в период второго президентского срока В.В. Путина возрождаются тенденции к принудительной русификации), как правило, этнические русские, мало уважающие (или просто не уважающие, или даже отрицающие) чужие и другие, нерусские, идентичности - языки, религии, памяти, этничности, мифологии. В России, в том числе и с подачи самой Церкви, существует тенденция срастания в регионах РПЦ с местными администрациями⁷⁵⁷. Один из примеров подобной политики: секретарь Межрелигиозного совета России Р. Силантьев называл русский ислам, то есть русских перешедших в ислам, опасной сектой неоязыческого толка⁷⁵⁸. Российские мусульманские деятели отреагировали на это, оценив подобное заявление как «некомпетентное и тревожное»⁷⁵⁹.

Сами сторонники русского ислама признают если не свою маргинальность, то уникальность и редкость. Русский ислам - явление относительно новое, хотя еще Велимир Хлебников писал, что «...мусульмане тоже русские и русским может быть ислам...»⁷⁶⁰, но серьезно это никто не воспринял. Один из исследований этого феномена пишет, что раннее русский ислам «...казался некой мечтой или аналитическим выводом, мало отражающим реальное положение дел. Еще пол века назад словосочетание “русский мусульманин” было нонсенсом. Ислам считался татарской верой. Пионерами русского ислама были русские женщины, вышедшие замуж за мусульман-иностранцев, побывавшие в плену у моджахедов ветераны Аф-

⁷⁵⁵ Аляутдинов Ш. Ислам в вопросах и ответах / Ш. Аляутдинов. – М., 2003.

⁷⁵⁶ Кулиев Э. Пророчества о приближении конца света согласно Корану и сунне / Э. Кулиев. – М., 2003; Хаттаб Х. Справочник мусульманской женщины / Х. Хаттаб. – М., 2003; Филипс А.А.Б. Законы жизни мусульман. Эволюция фикха / А. Филипс. – М., 2003; Ибн Хишам, Жизнеописание пророка Мухаммада / Ибн Хишам. – М., 2003; Рахман Х.У. Краткая история ислама / Х.У. Рахман. – М., 2003.

⁷⁵⁷ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в 1993 году писал, что «полное разобщение Государства и Церкви в России противоестественно // Советская Россия. – 1993. – 13 мая.

⁷⁵⁸ Странное утверждение на фоне традиционно негативного для ислама отношения к язычеству.

⁷⁵⁹ Черниенко А.К. У русских мусульман много вопросов к господину Силантьеву. Материал размещен по адресу: <http://www.islam.ru/pressclub/gost/chernenko/>

⁷⁶⁰ Цит. по: Батунский М. Исламские проблемы в контексте российской политики и науки // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / сост. С.М. Червонная, ред. М.Н. Губогло. - М., 1998. - С. 201.

ганской войны (1979-1989) и редкие современные богоискатели...»⁷⁶¹. В такой ситуации признавалась и исключенность, «аутсайдерство», русских мусульман из русского культурного и религиозного мейн-стрима.

В целом, русские мусульмане считают себя именно мусульманами, а в своем исламе видят именно ислам. Поэтому, они не согласны с определениями, которые даются им со стороны их критиков. Особое раздражение (точнее - непонимание) вызывает то, что их иногда называют сектой. Сами русские мусульмане себя сектой не считают, видя в принятии ислам не вступление в секту, а переход из одной традиционной конфессии в другую: «...русские мусульмане не собираются на конспиративных квартирах, а посещают мечети, мы открыто выступаем на собраниях, которые проводят этнические исламские диаспоры, проводим свои собственные собрания, участвуем в коллективном намазе как ежедневном, так и пятничном... ничто из наших заявлений либо поступков не может прямо или косвенно указывать на какие-то сектантские тенденции...»⁷⁶².

Положение русского ислама осложняется и тем, что он не встречает понимания среди российского общества. Православные идеологи видят в нем опасность для российского православия, татарские и башкирские мусульманские теоретики, хотя и признают русских мусульман в качестве единоверцев, тем не менее, относятся к ним с опасением, видя в них потенциальных конкурентов, способных лишиться их лидерства среди мусульман России. Вызывает русский ислам, точнее сам термин «русский ислам», возражения и со стороны зарубежных исламских богословов. Они считают, что ислам, как религия, един, что существует единая умма. Такая претензия странна, так как русские мусульмане придерживаются норм ислама, сохраняя свою идентичность, как мусульмане в Турции или мусульмане-шииты в Иране. Сам термин вызывает много споров, что усложняет анализ современного русского ислама.

Одна из основных трудностей, с которой мы сталкиваемся при изучении современного состояния русского ислама, определение численности русских мусульман. Единые статистические данные отсутствуют. Мусульман в России вообще, по разным оценкам, от 14 до 20 миллионов⁷⁶³. По подсчетам РПЦ (в данном случае, правда, неясно - завышенным или заниженным) число этнических русских исповедующих ислам составляет более 30 тысяч человек⁷⁶⁴. Такие же статистические данные приводит и Ю.В. Максимов, говоря об этнических русских, правда, не принявших, а «совра-

⁷⁶¹ <http://www.muslimuzbekistan.com/rus/rusnews/2004/01/analit05012004.html>

⁷⁶² Черниенко А.К. У русских мусульман много вопросов к господину Силантьеву. Материал размещен по адресу: <http://www.islam.ru/pressclub/gost/chernenko/>

⁷⁶³ Малашенко А. Русский национализм и ислам // Этнические и региональные конфликты в Евразии. - Кн. 2. Россия, Украина, Белоруссия. - М., 1997. - С. 8.

⁷⁶⁴ www.samara.orthodoxy.ru/

тившихся в ислам»⁷⁶⁵. Ряд авторов избегает точных статистических данных, предпочитая писать о «нескольких десятках тысяч»⁷⁶⁶. Численность этнических русских принявших ислам в странах СНГ, например, в Казахстане, и там проживающих, определить еще сложнее⁷⁶⁷.

С другой стороны, трудно понять, кто такие русские мусульмане. Другими словами, нарисовать условный портрет среднестатистического русского мусульманина невозможно. Скорее всего, русские мусульмане - это, как правило, молодые люди до сорока лет, как правило, с высшим образованием. Таким образом, в России возникают новые социальные страты, которых раньше не существовало: появляются «...интеллектуальные исламские сообщества, думающие и говорящие на русском языке...»⁷⁶⁸. Вместе с тем, русские мусульмане – это именно русские мусульмане. Поэтому ислам перестает быть атрибутом исключительно культур нерусских народов, а стать для русского мусульманином – вовсе автоматически не означает перестать быть русским и стать татаринном, чеченцем, башкиром⁷⁶⁹.

Анализируя проблемы современного русского ислама, необходимо и отметить и истоки перехода в него, то есть то, что в нем привлекает русских. Ислам, по мнению ряда, исследователей, представляет собой наиболее динамично развивающуюся религию, которая привлекает все больше и больше верующих⁷⁷⁰. Возможно, переход в ислам – результат глубокого личного кризиса, «глубокой неудовлетворенностью жизнью»⁷⁷¹. Многие русские приняли ислам не из-за трудностей тех регионов, где они живут, не из-за экономических и политических трудностей России (так как русская идентичность в общероссийском контексте чрезвычайно слаба и размыта, будучи не в состоянии представить одинаково привлекательный для всех образ России), а из-за тех трудностей, которые начали испытывать русские интеллектуалы с понижением своего социального статуса⁷⁷².

По мнению исследователя А. Иваненко, ислам становится привлекательным в силу целого ряда причин, а именно: рационализма («...в противовес ортодоксальному христианству, прикрывающему свою невнятность мистицизмом, ислам дает ясное представление о Боге, личности Иисуса Христа, о загробной жизни, истоках мирового зла...»), удобства («...ислам

⁷⁶⁵ Максимов Ю.В. «Русский ислам» в Интернете - школа новых янычар // <http://www.um-islam.nm.ru>

⁷⁶⁶ Ряховская М. Новые русские мусульмане в старой русской деревне. Материал размещен в Интернете по адресу: <http://www.psdpru.ru/rights/diasporas/77167217>

⁷⁶⁷ <http://www.pravoverie.org/Articles/Analitic/mahdi.htm>

⁷⁶⁸ http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/cultural-bound/

⁷⁶⁹ <http://www.muslimuzbekistan.com/rus/rusnews/2004/01/analit05012004.html>

⁷⁷⁰ Антес П. Ислам в современном мире / П. Антес // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / сост. С.М. Червонная, ред. М.Н. Губогло. - М., 1998. - С. 25 - 60; см. так же: Antes P. Die Religionen der Gegenwart / P. Antes. - München, 1996.

⁷⁷¹ <http://www.psdpru.ru/rights/diasporas/77167217>

⁷⁷² Beer W.R. The Social Class of Ethnic Activists in Contemporary France / W.R. Beer // Ethnic Conflict in the Western World. - Ithaca, 1977. - P. 158.

не приписывает практически невыполнимых православных постов, подталкивающих верующих к лицемерию...) и антисистемности ислама («...ислам предстает единственной серьезной альтернативой обществу потребления...»)⁷⁷³. В данном случае, некоторые русские интеллектуалы почти руководствуются антихристианским утверждением Ш. Авинери: «...христианство опустошило Валгаллу, выкосило священные рощи, искоренило национальную образность как дремучие суеверия как дьявольскую отраву и взамен подарило нам образы наций, чей климат, законы и культура были чуждыми нам...»⁷⁷⁴.

Ислам интересен для многих новообращенных именно русских мусульман как не просто новая вера, а как новый образ жизни. Для многих из них смена религиозной принадлежности – это не просто сфера конфессии, а радикальные перемены в поведении и стиле, образе, жизни⁷⁷⁵. В этой перспективе русский этнический ислам был вызван к жизни общим кризисом России в 1990-е годы. Если, по словам Мирослава Хроха, «когда терпит крах общество, последней опорой начинает казаться нация»⁷⁷⁶, то для многих русских такой опорой оказалась религия, в том числе – и ислам. Именно кризисные изменения, разрушение старой советской модели идентичности, невозникновение новой российской ментальности и привели к тому, что некоторые русские стали строить свою идентичность о внешне нерусской плоскости - в исламе.

Возможна и еще одна интерпретация принятия русскими ислама как пути сохранения, поддержания и культивирования русской национальной идентичности. Распад Советского Союза, образование новых государств, значительная часть которых взяла курс на строительство именно национальной государственности, реанимация старых территориальных и национальных противоречий - все это привело к росту национализма на постсоветском пространстве. Несмотря на то, что многие исследователи не склонны преувеличивать роль национализма («...национализм при всей его неизбежности уже не играет той исторической роли, которая принадлежала ему в эпоху между Французской революцией и крахом колониализма после Второй мировой войны...»⁷⁷⁷), в России она, тем не менее, продолжает сохранять свое значение.

В этом контексте переход русских в ислам - проявление их своеобразного национализма, которому предшествовала попытка диалога между мусульманами и православными националистами в первой половине 1990-х годов, когда некоторые российские интеллектуалы обсуждали возможный

⁷⁷³ <http://www.muslimuzbekistan.com/rus/rusnews/2004/01/analit05012004.html>

⁷⁷⁴ Avineri Sh. Hegel's Theory of the Modern State / Sh. Avineri. – Cambridge, 1974. – P. 21.

⁷⁷⁵ Об исламе как образе жизни см.: Малащенко А.В. Ислам и исламоведение в СНГ в 1990-е годы / А.В. Малащенко // Ислам в СНГ. – М., 1998. – С. 14.

⁷⁷⁶ Hroch M. Nationale Bewegung früher und heute. Unpublished Paper. 1991. – P. 14.

⁷⁷⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм. После 1780 года. – С. 267.

православно-мусульманский союз против Запада⁷⁷⁸. Отказ от православия не воспринимается ими как национальная измена, так как среди новообращенных русских мусульман процент православных минимален, так как религиозная политика советской власти привела к тому, что современная Россия унаследовала православное население с весьма поверхностными знаниями о православии. Поэтому, принятие ислама русскими - русский национализм, который базируется в одинаковой степени на русской культуре (принятие ислама автоматически не влечет за собой разрыв с русской европейской культурой), так и на новой религии⁷⁷⁹. Это, скорее всего, доказывает, что национализм чрезвычайно прочно укоренился в сознании и поведении человека⁷⁸⁰.

Что касается динамики развития русского ислама в будущем, то в данном случае выводы пока маловозможны. Сложно судить о том, какие процессы будут иметь место среди русских мусульман. Отличительная черта всех российских мусульман вообще, по мнению А. Малашенко, состоит в их значительной разобщенности. Взаимная консолидация исламских общин на территории России - трудный процесс, который осложняется многочисленными (языковыми, этническими, культурными) факторами. В 1990-е годы в исламе России раздробленность была настолько велика, что говорить о существовании «единой мусульманской общины» было невозможно⁷⁸¹.

Маловероятно, что ислам - новая мода, от которой русские мусульмане откажутся, вернувшись в православие или отдав предпочтение какой-нибудь третьей религии. Вместе с тем, исламизация части русских может разрушить целостность русской нации (если такая и существует), приведя к особой институционализации русских мусульман, так как «полное этническое, религиозное и языковое однообразие»⁷⁸² будет разрушено. Скорее всего, среди русских этнических мусульман может начаться процесс этнической консолидации, хотя эта перспектива так же вызывает сомнения. Вспомним в связи с этим замечание американского историка Джона Х. Кутски, который задался вопросом, почему «...страны, где живут представители многих языковых и культурных групп не распались, а те, которые

⁷⁷⁸ Об этой проблеме см.: Малашенко А. Русский национализм и ислам. – С. 21 – 22.

⁷⁷⁹ О соотношении ислама и национализма см.: Левин З.И. Ислам и национализм в СНГ / З.И. Левин // Ислам в СНГ. – М., 1998. – С. 43 – 60; Мусина Р. Мусульманская идентичность как форма «религиозного национализма» татар в контексте этносоциальных процессов и этнополитической ситуации в Татарстане / Р. Мусина // Ислам и этническая мобилизация: национальные движения в тюркском мире / сост. С.М. Червонная, ред. М.Н. Губогло. – М., 1998. – С. 259 – 272.

⁷⁸⁰ Breiully J. Reflections on Nationalism / J. Breiully // Philosophy and Social Science. – 1985. – March 1. – P. 73.

⁷⁸¹ Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. – С. 208.

⁷⁸² The State of the Nation State // The Economist. – December 22, 1990 – January 14, 1991.

содержат лишь часть одной языковой группы не объединились...»⁷⁸³. Поэтому, перспективы развития русских мусульман кажутся неясными.

В 1990-е годы, когда собственно русский ислам лишь возникал, была предпринята и первая попытка представить ислам светскими властями как неотъемлемую часть нового российского общества. В 1993 году Николай Федоров выступил со статьей «Ислам – тоже наша судьба». И хотя он признавал, что ислам христианам европейцам кажется чужим, тем не менее, он является частью российской культурно-религиозной мозаики. Н. Федоров писал: «признание ислама неотъемлемой частью российской культуры вместе с серьезным изучением исламской цивилизации и современных достижений естественно предполагает решение ряда непростых правовых вопросов, касающихся функционирования исламских институтов и регулирования повседневной жизни мусульман в соответствии с их религиозными, нравственно-правовыми убеждениями и традициями»⁷⁸⁴. Эта попытка бывшего министра юстиции не встретила понимания. Ислам продолжал осознаваться как нечто чуждое и привнесенное извне.

Русский ислам встретил негативные оценки среди русских националистов православного толка, некоторые из которых вообще настаивают на тезисе «живо православие – жива Россия», надеясь, что «...Россия будет возрождаться как православная страна...»⁷⁸⁵. Уже в начале 1990-х годов РПЦ вернулась на антиисламские позиции русских дореволюционных националистов. В восстановлении старого национализма, направленного против мусульман, преуспел митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, известный своим лозунгом «Живо православие – жива Россия». Для национализма Иоанна характерен значительный антиисламский подтекст: он писал о захвате Константинополя, «второго Рима» мусульманами, утверждая, что город был «отдан на попрание иноверцам, последователям Магомета». С другой стороны, он рассуждал и о «жестокости и коварстве» татар-мусульман, которые, в его глазах, естественные враги России⁷⁸⁶.

Анатолий Артемов, считает, что процесс принятия русскими ислама не имеет собственно российских национальных истоков. По его мнению, ислам и русская идентичность – понятия совершенно между собой не связанные. Появление ислама среди русских связывается им с мусульманской пропагандой и насилием, которое исходит от мусульман в отношении русских. Яркий пример - принятие ислама пленными солдатами в Афганистане и Чечне. При этом путь собственных духовных исканий не признается

⁷⁸³ Kautsky J.H. An Essay in the Politics of Development / J.H. Kautsky // Political Change in Underdeveloped Countries / ed. J.H. Kautsky. – N.Y. – L., 1962. – P. 35.

⁷⁸⁴ Федоров Н. Ислам - тоже наша судьба / Н. Федоров // Независимая газета. – 1993. – 30 марта.

⁷⁸⁵ День. – 1993. – 18 – 24 сентября; День. – 1991. – 17 – 23 ноября.

⁷⁸⁶ Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, Будь верен до смерти. – М., 1993. – С. 5, 48.

им как основной источник роста численности мусульман. Русский ислам неприемлем для А. Артемова настолько, что вся численность русских мусульман оценивается им в ... 300 человек по всей России. Несмотря на такое отрицание ислама, по мнению автора, тотальная исламизация России не грозит⁷⁸⁷. Другие русские критики ислама так же склонны видеть в нем искусственно поддерживаемый, антирусский проект, который не находит сторонников, а наоборот, встречает неприятие в русской среде. Правда, в такой ситуации они, почему-то избегают обращения к проблеме относительно динамичного роста числа русских сторонников ислама⁷⁸⁸.

Если мы обратимся к самим мусульманам или их немногочисленным исследователям, то они не склонны преуменьшать роль и значение русского этнического ислама. Более того, по их мнению, он имеет все шансы на развитие. Например, А. Иваненко предполагает, что русский ислам является «перспективным и закономерным явлением российского общества». По его словам, «исламский сегмент» в современной русской культуре, которая пребывает в «...условиях деградации всех остальных сегментов имеет все шансы для того, чтобы в недалеком будущем превратиться в основную и направляющую силу российского общества...»⁷⁸⁹. Среди наиболее видных и интересных популяризаторов идеи русского ислама - Сергей Градировский. Работы Градировского - некая смесь идей Гумилева, геополитики, одобренная периодическим обращением к проблемам ислама в России. Рассматривая проблему русского ислама, Градировский не считает, что принятие ислама чревато разрывом с русской средой. Оно не ведет, по его словам, к реноминации - смене этноса, к которому причисляет себя тот или иной верующий.

Тем не менее, критики русского ислама более активны, чем его относительно немногочисленные сторонники. Главный противник ислама в России и, тем более, русского ислама – Русская Православная Церковь. РПЦ, воспользовавшись интересом к ней со стороны государства и желанием властей загладит вину за антицерковные преступления советского времени, воспользовалась ситуацией и попыталась стать единственной государственной религией, не всегда считаясь с другими традиционными для России конфессиями. В такой ситуации, по словам, Т. Саидбаева, «...нападки на ислам не только не ушли в прошлое, а, наоборот, заметно усилились...»⁷⁹⁰. Марк Батунский, характеризуя антиисламскую позднесоветскую и раннероссийскую риторику, отмечает, что она создает крайне негативный образ ислама, «...приписывая ему все мыслимые и немысли-

⁷⁸⁷ <http://religion.sova-center.ru/discussions/>

⁷⁸⁸ Державин А. Русский, примешь ислам? / А. Державин // Русский Вестник. – 2002. – 19 апреля.

⁷⁸⁹ <http://www.muslimuzbekistan.com/rus/rusnews/2004/01/analit05012004.html>

⁷⁹⁰ Саидбаев Т.С. Ислам - как он есть. В плену стереотипов тысячелетней давности / Т.С. Саидбаев. - [б.м.], 1994.

мые преступления...»⁷⁹¹. Такая ситуация подтверждает то, что в России существует исламофобия, вызванная патологиями развития российского общества, важнейшая из которых неспособность осознать и принять многоконфессиональность российского социума⁷⁹².

Противники русских мусульман своими усилиями стремятся создавать негативный образ русского ислама, представляя и позиционируя его как один из вызовов России, как угрозу национальной безопасности⁷⁹³. Они считают, что ислам опасное течение, ведущее к уничтожению России⁷⁹⁴. Более того, ислам им кажется нероссийским феноменом, хотя ислам на территории РФ появился раньше, чем христианство⁷⁹⁵. Ислам рассматривается ими как путь денационализации русских, как уничтожение традиционной русской идентичности, основанной для них исключительно на православии. Логика таких критиков предельно проста: всё, что не православно - опасно. Поэтому, ислам - это терроризм. Критика ислама со стороны русских националистов, с одной стороны, поверхностна и примитивна, а, с другой, свидетельствует о том, что они плохо знакомы как с русским, так и исламом вообще - в первую очередь, с Кораном и работами других теоретиков ислама. Не удивительно, что среди русских интеллектуалов стремление националистов, особенно православной ориентации, вызывает лишь «умиление»⁷⁹⁶.

К числу таких непримиримых противников русского ислама принадлежит Ю.В. Максимов, считающий, что переход в ислам – не личный выбор, а трагическая ошибка и совращение. В росте популярности ислама русские авторы православной ориентации обвиняют самих мусульман, ведущих, по их словам, активную пропаганду, и СМИ, которые якобы намеренно популяризируют идеи ислама среди русского населения. Критики ислама считают, что это – экстремистская религия, оправдывающая терроризм. Поэтому, анализируя террористические акты в России за последние годы, они всегда стремятся упомянуть среди исполнителей пару русских, который в результате своих заблуждений отошли от православия и обратились в ислам. Более того, ислам для его критиков – одна из самых примитивных религий, направленная на полное подчинение человека. Для

⁷⁹¹ Батунский М. Исламские проблемы в контексте российской политики и науки. – С. 201.

⁷⁹² Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. – С. 190.

⁷⁹³ Об антиисламских течениях в РФ 1990-х годов см.: Кудрявцев А.В. Исламофобия в постсоветской России / А.В. Кудрявцев // Ислам в СНГ. – М., 1998. – С. 160 – 171.

⁷⁹⁴ Прокофьев Ф. На пути к русскому халифату / Ф. Прокофьев // Радонеж. – 2003. – № 8.

⁷⁹⁵ Малашенко А. Исламское возрождение в современной России. – С. 187.

⁷⁹⁶ «Меня просто умиляет та агрессия, с которой эксперты-оппоненты и рядовые обыватели набрасываются на само словосочетание русский ислам». См.: Градировский С. Вызовы со стороны новых идентичностей: статус русского в современной России обескураживающее ничтожен. Этот пространственный материал размещен по адресу: http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/evocation/

русских критиков ислама выход из такой ситуации прост: ислам России не нужен, поэтому надо добиваться обращения мусульман в православие⁷⁹⁷.

Один из противников русского ислама А. Державин, обещавший «бурю протеста» против русских мусульман⁷⁹⁸, видимо, воспользовавшись тем, что «широкого распространения достоверной информации об исламе»⁷⁹⁹ в России не существует, вообще пишет, что «...православные не намеренны смотреть спокойно, и не собираются давать в обиду своих братьев во Христе...». Мусульмане же критикуются за «прозелитизм, прикрытый словами о толерантности»⁸⁰⁰. Вместе с тем русскими авторами православно ориентации декларируется и то, что «...Русская Православная Церковь не утратила своего интегрирующего потенциала, и в Православие переходит больше представителей традиционных мусульманских народов...». С другой стороны, тот же А. Державин утверждает, что православие будет способствовать и успешной ассимиляции нерусских, раннее мусульманских, народов. Кроме этого критики, русского ислама указывают на то, что русские мусульмане «рвутся к власти»⁸⁰¹, чем оправдывают необходимость придания именно православию особого государственного статуса, его повсеместного распространения и обращения в него мусульман⁸⁰².

В критике русского ислама замечены и православные организации, например, Союз Православных Граждан, который обвинят мусульман-татар в систематическом преследовании русских православных и нарушении прав русского населения. Татарстан обвиняется в антирусском сепаратизме и в «...развязанной татарскими националистическими кругами агрессивной истерии против строительства православных храмов...». Русскими мусульмане в глазах участников таких «православных организаций» - еретики, попавшие в опасную секту - ислам. В таком прочтении ислам превращается в угрозу России, в «очередной эксперимент по радикальному изменению цивилизационно-культурного менталитета русского народа». Ислам вообще обвиняется в стремлении уничтожить Россию⁸⁰³. СПГ считает, что именно православие должно стать государственной религией, которой следует создать режим наибольшего благоприятствования, в то время как ислам подвергается нападкам со стороны русских националистов православного толка.

⁷⁹⁷ Максимов Ю.В. «Русский ислам» в Интернете - школа новых янычар // <http://www.um-islam.nm.ru>

⁷⁹⁸ Державин А. «Русский ислам» рвется к власти под видом борьбы с религиозным экстремизмом. Материал размещен по адресу: <http://www.religioved.narod.ru/metodol/007.htm>

⁷⁹⁹ Русский ислам? // <http://www.islam.ru/pressclub/analitika/grad>

⁸⁰⁰ Прокофьев Ф. На пути к русскому халифату // Радонеж. 2003. - № 8.

⁸⁰¹ <http://www.religioved.narod.ru/metodol/007.htm>

⁸⁰² Державин А. Русский, примешь ислам? / А. Державин // Русский Вестник. – 2002. – 19 апреля.

⁸⁰³ <http://whiteworld.ruweb.info/rubriki/000108/007/02092302.htm>

Несмотря на всю остроту критики русского ислама из православного лагеря, ее значение не следует преувеличивать в силу того, что само православие в России далеко от религиозной чистоты и сталкивается с многочисленными трудностями. Большинство русских православных - это бывшие советские люди, которые в советский период были атеистами, не имевшими религиозных предпочтений и убеждений. Если такие и существовали, то были весьма поверхностными и примитивными. Сергей Градировский характеризует таких критиков ислама как людей, который «только недавно узнали, что по своему рождению они православные, но на самом деле, куда с большим интересом читающие Рериха». В исламе их пугает не другая мировая религия, а искусственно нагнетаемый страх об исламском терроризме⁸⁰⁴.

Сами русские мусульмане считают, что заявления их оппонентов типа «распространение ислама – это путь к терроризму» ошибочны и безосновательны. Это, действительно, так: критический и аналитический уровень полемики, исходящей из православных изданий крайне примитивен. Большинство православных оппонентов мало знают о реальном классическом исламе, имеют о нем искаженные представления, которые сформировались под влиянием средств массовой информации, не всегда способных разграничивать ислам и терроризм. В действительности «подавляющее большинство русских мусульман не уходит в экстремизм. Исламская ортодоксальная доктрина, опирающаяся на Коран, Сунну и на авторитетное мнение ученых, в любом случае является более логичной и аргументированной, нежели мнение псевдоисламских лидеров, которые пытаются завлечь людей в тоталитарные секты и использовать их в своих личных интересах»⁸⁰⁵.

Более того, русские мусульмане декларируют свою готовность ведения диалога с православными. Махди Сенчинов, например, говорит, что «...с русскими-православными мы собираемся вести конструктивный диалог, у нас есть общие темы и проблемы». Среди последних он упоминает и общее участие русских православных и русских мусульман в возрождении русской нации. Таким образом, русские осознаются некоторыми исламскими теоретиками как нация, исповедующая две религии - христианство и ислам. Правда, по мнению ряда мусульманских авторов, православие показало и доказало свою неспособность участвовать в возрождении русских, возрождение через христианство кажется им ошибочным, так как «по истечении тысячи лет, которые русские исповедовали православие, мы оказались на грани исчезновения...»⁸⁰⁶. При готовности мусульман вести диалог с христианами нередко именно вторые оказываются к нему неподго-

⁸⁰⁴ http://www.archipelag.ru/ru_mir/religio/novie-identichnosti/islam/evocation/

⁸⁰⁵ Черниенко А.К. У русских мусульман много вопросов к господину Силантьеву. Материал размещен по адресу: <http://www.islam.ru/pressclub/gost/chernenko/>

⁸⁰⁶ <http://www.pravoverie.org/Articles/Analitic/mahdi.htm>

товленными: если мусульмане уделяют в таких спорах основное внимание высшим религиозным ценностям, общим для ислама и христианства, то мышление христиан нередко не подчинено никакой логике, кроме стремления доказать, что ислам является злом⁸⁰⁷.

Несмотря на то, что численность российских мусульман невелика, они заслуживают того, чтобы их изучали и не игнорировали их права в религиозной сфере. В этой статье мы, скорее, поставили проблемы, чем проанализировали их. Поэтому, выводы так же будут в большей степени общими, но не конкретными. «Почему русские принимают ислам?», «Как это влияет на их идентичность?», «Как этот процесс соотносится с национализмом?» – вот некоторые из проблем, поднятых в этой статье.

Первое, причины перехода в ислам. В данном случае просто «перехода в ислам», а не «из православия в ислам». Определит, что привлекает русских в исламе однозначно невозможно. Скорее всего, единой причины не существует, а существует целый ряд факторов, которые способствуют тому, что русские делают выбор в пользу именно ислама: большинство русских православны лишь по определению, в действительности имея весьма поверхностные представления об исламе. С другой стороны, к исламу многие этнические русские пришли в результате собственных поисков и духовных размышлений. Этот путь характерен для интеллектуалов, которые впоследствии могут стать лидерами русской мусульманской общины в случае ее сохранения в будущем.

Второе, это – идентичность. Принятие ислама – разрыв со старой культурной средой. Это не может не оказать влияния на идентичность новообращенных мусульман. Трудно определить, какие процессы происходят в рамках идентичности русских мусульман. Скорее всего, приняв ислам, они продолжают оставаться именно русскими, но русскими мусульманами. В случае сохранения такой тенденции, русские постепенно (в течение нескольких десятилетий) могут эволюционировать в сторону нации, которая будет конфессионально разделена на православных и мусульман. Вероятно, между этими двумя сообществами не будет кардинального разрыва. Русских-христиан и русских-мусульман будет объединять общая история и язык. Именно русский язык будет одной из основ русской идентичности, несмотря на то, что она может оказаться мусульманской. Ислам, скорее всего, будет не в силах оказать радикального влияния на русский язык. Он, скорее, наоборот, приведет к формированию нового течения в русской культуре. Правда, это будет уже другая, русская мусульманская культура.

Третье, как все вышесказанное соотносится с национализмом. Принятие ислама частью русских автоматически изменяет их национальную идентичность. Изменения идентичности, какими бы они не были, ведут и к

⁸⁰⁷ Кудрявцев А.В. Исламофобия в современной России. – С. 167.

изменениям в рамках национализма. Национализм русских мусульман в отличие от национализма русских-православных может иметь несколько иные мировоззренческие основания. Если у православных русских национализм будет базироваться на идеях православия и, возможно, монархии, то русские мусульмане будут, скорее всего, отдавать приоритет русскости, исламу и солидарности с другими мусульманскими народами.

В случае появления двух русских национализмов в будущем, возникает и еще одна проблема: не чревато ли это конфликтом между русскими православными и русскими мусульманами. Однозначно исключать такого варианта нельзя, но, скорее всего, этого не произойдет. Мирное сосуществование русских православных с представителями мусульманских наций в России свидетельствует о возможном мирном соседстве и русских мусульман и русских православных. Однако в таком случае угроза может исходить только от русских православных, так как мусульмане, оставшись меньшинством, скорее всего, не будут пытаться изменить ситуацию в свою пользу радикальными методами, так как будут осознавать, что это чревато их уничтожением. Поэтому, угроза может исходить лишь от православных, органически неспособных к диалогу.

Последнее, чему так же следует уделить внимание - позиция властей. Российские власти на протяжении 1990-х годов не выработали четкой политики в отношении существующих в России религий. Этим воспользовались некоторые представители Русской Православной Церкви, которые попытались превратить именно православие в государственную религию. Несмотря на то, что в РФ религия отделена от государства, количество сообщений в средствах массовой информации о встречах чиновников с деятелями РПЦ, о строительстве новых храмов и церквей настолько значительно, что формирует образ православия как государственной религии. В тоже время ислам, несмотря на значительную численность мусульман, в информационном поле в общероссийском масштабе представлен в гораздо меньшей степени.

В такой ситуации сложно судить о возможной государственной политике в отношении русских мусульман. Если в период первого и второго президентства Б.Н. Ельцина в России имело место национальное возрождение нерусских народов, то с 1998 года в России основные тенденции развития национальной политики остаются неясными.

3.3. Перспективы применения нарративной теории при изучении идентичностей и национализма

Те, кто занимается историей европейских сообществ в Америке, вероятно, вспомнит, что многие деятели украинского, латышского или литовского происхождения, кто на момент эмиграции был слишком мал или родился уже в Америке, со смешанными чувствами пишут о летних лагерях, куда ездили детьми вместе со своими родителями. Практически все авторы сходятся на том, что тогда они были детьми, которые были не прочь сбежать из лагеря в соседний лес или небольшой американский (канадский) городок, а взрослые все время почему-то заставляли их читать стихи или петь песни. Вечером же все собирались у костра, где взрослые говорили о «старой родине». Подобные описания, которые отличаются друг от друга мелкими подробностями, мы находим и в украинской, и в латышской и литовской диаспорной традиции. В первой лекции среди теорий национализма я упоминал и т.н. нарративную теорию. Давайте сегодня попытаемся проанализировать некоторые националистические дискурсы именно в рамках этого подхода.

Старая Родина была ли едва ли не главной темой для эмигрантов старшего поколения. Они ее помнили и нередко надеялись вернуться. Для второго и тем более третьего поколения родина предков актуальна в гораздо меньшей степени, чем страна их проживания. К тому же воспоминание о ней нередко удел незначительной группы интеллектуалов, в то время как для остальной части ассимилировавшихся потомков европейских эмигрантов их историческая родина не представляет интереса. Что касается украинских интеллектуалов в диаспоре то в своих попытках построения родины они нередко идут вслед за уже сложившейся интеллектуальной традицией. Это тем более актуально, если они владеют украинским языком и в состоянии читать произведения украинских политиков на языке оригинала. В данном случае язык выступает в роли моста между диаспорой и родиной. Если эти интеллектуалы сами заняты в сфере общественных наук, то изучение их исторической родины становится нередко их профессией. Такие реконструкции носят профессиональный характер и в значительной степени отличны от тех нарративов о родине, которые мы находим на страницах произведений самих эмигрантов и их потомков.

Степень и глубина этих нарративов нередко зависит еще от одного фактора – места рождения. Некоторые видные деятели украинской культуры в диаспоре родились в Украине и покинули ее в таком возрасте, когда они уже имели о ней определенные представления. Например, почти все представители так называемой Нью-Йоркской группы в поэзии Украинского зарубежья родились в Украине. Исключение составляет, пожалуй Мария Ревакович, эмигрировавшая в США из Польши. Именно их нарративы об Украине в большей степени соотносятся с теми или иными прояв-

лениями украинской действительности. Эмигранты второго и третьего поколения таким опытом не обладали и были вынуждены самостоятельно формировать круг своих образов об исторической родине. Выросшие в национальной среде они могли воспитываться в условиях культивирования всего национального или, если их родители стремились к лучшей жизни для своих детей, в забвении всего, например, украинского. В зрелом возрасте, если они становились специалистами в сфере гуманитарных наук, они нередко обращались к изучению родины предков и их нарративы о ней могут варьироваться от идеализации до отрицательного отношения к языку и культуре той группы, выходцами из которой они являются.

Отдельная группа дискурсов – это англоязычные реконструкции Украины, предпринятые американцем Аскольдом Мельнычуком и канадкой Джэнис Кулык Кифер. В отечественной историографии сильно мнение, что США – это плавильный котел, а Канада все еще знает специфику населяющих ее этнических групп. Когда мы обратимся к творчеству двух вышеназванных авторов нас будет ожидать небольшое открытие: идентичность и проза Мельнычука в большей степени украинская, чем то, что пишет Кулык Кифер в Канаде, стране официально проводящей политику мультикультурализма. Именно для таких авторов и характерно это глубоко персонифицированное воспоминание о детстве, скаутском лагере и разговорах о родине у костра. Если Бойчук, Вовк, Тарнавська могли эти разговоры вести, то Мельнычук и его современники были вынуждены их слушать. В своем англоязычном романе «Посол мертвых» Мельнычук описал эту ситуацию так: «костер – ежевечерний ритуал, на который собирались взрослые, чтобы петь и предаваться воспоминаниям о былой родине. Порой эти посиделки превращались в мини-концерты: кто-то читал стихи, кто-то на четыре голоса исполнял душевные песни, и все рассказывали забавные истории о друзьях, коим не суждено было пережить войну»⁸⁰⁸.

Анализируя эту проблематику, следует принимать во внимание и тенденции детерриторизации украинского языка и соответственно создаваемой на нем литературы от украинской литературной традиции прошлого, от идеального образа Украины, который культивировался эмигрантами старшего поколения. Украинские интеллектуалы в диаспоре были более мобильны, чем их украинские коллеги, и их украинский язык был связан исключительно с ними и их происхождением и не соотносился с местным ландшафтом и социальной средой. Он использовался редко, как правило, дома, в церкви, в творчестве, рассчитанном на таких же украинских эмигрантов. Вместе с тем, сам язык творчества меняется: оставаясь украинским, он приспособливается для описания американской и канадской реальности. Так происходит детерриторизация украинского языка. Язык от-

⁸⁰⁸ Мельничук А. Посол мертвых / А. Мельничук // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 90.

дается от этнической принадлежности, перестает быть важнейшим определяющим фактором.

В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать как формировались и развивались нарративы об Украине в среде представителей украинской диаспоры, как они описывались средствами художественного языка. Научный язык описания украинской родины не будет в сфере внимания автора в настоящей статье, так как он заслуживает того, чтобы стать объектом отдельного исследования. С другой стороны, украиноязычная перцепция Украины так же будет вне сферы нашего внимания – украинские дискурсы крайне разнообразны и их сложно объединить в рамках одного исследования, тем более статьи. К тому же к этой тематике уже обращались украинские коллеги, не уделяя при этом должного внимания англоязычной украинской литературе.

В рамках настоящего исследования возможна и постколониальная перспектива. Писатели, которые будут в центре нашего внимания, пришли в литературу и науку в 1970 – 1980-е годы, когда Украина отсутствовала, а вместо нее существовала малопонятная для них Украинская ССР. Появление же в начале 1990-х независимого украинского государства стало для них полной неожиданностью. Именно это событие стало тем катализатором, который заставил их обратиться к своим украинским корням. Иными словами, являются ли их созданные ими украинские нарративы на английском языке проявлениями постколониального дискурса интеллектуальной традиции украинской диаспоры? В отношении постколониального статуса Украины в украинских студиях высказываются различные точки зрения, хотя значительная часть украинских интеллектуалов не склонна политически видеть в СССР русскую колонию⁸⁰⁹. В украинских культурных, в первую очередь – литературных, исследованиях постколониальный статус украинской культуры нередко признается⁸¹⁰. Поэтому, мы можем интерпретировать интерес англоязычных авторов украинского происхождения к Украине как именно попытку осмыслить родину предков в категориях постколониальных теорий⁸¹¹.

Поиск авторами украинского происхождения места в американской и канадской литературе, равно как и украинцев в канадском обществе, не был простым. «Колониальное воображение» и негативное отношение к украинцам преобладало в канадской прозе до 1945 года. Переход к политике мультикультурализма (де-факто с 1950-1960-х годов), в том числе и под

⁸⁰⁹ Ukraine in the 1990s / eds. M. Pavlyshyn, J. E. M. Clarke. – Melbourne, 1992; Zon H. van., The Political Economy of Independent Ukraine / H. van Zan. – NY, 2000; Motyl A. Dilemmas of Independence / A. Motyl. – New York, 1993; Kuzio T. Ukraine. State and Nation Building / T. Kuzio. – L., 1998.

⁸¹⁰ Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire From Napoleon to Postcolonial Times / M. Shkandrij. -Montreal, 2001.

⁸¹¹ Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.. The Empire Writes Back. Theory and Practice in Post-Colonial Literature / B. Ashcroft. – L., 1989.

давлением украинского сообщества, позволил зазвучать разным литературным голосам, включая украинские. Утверждение об ассимиляции не следует понимать как окончательный разрыв с украинской национальной средой, хотя украинские канадские авторы признают усиление канадского мейнстрима и ослабление собственно украинского сообщества. Канада принадлежит к числу тех стран, где официально признан мультикультурализм, ассимиляция части украинского населения с его последовательной интеграцией в канадское общество все же имеет место. Возможно, эта ассимиляция - личный выбор, а не результат направленной политики. В США, официально не придерживающихся мультикультуралистской линии в развитии национальных отношений, сосуществование различных этнических групп, сохраняющих свой язык и культуру, давно стало фактом.

Поэтому, канадские и американские писатели украинского происхождения знали (знают) украинский язык. Представители третьего и четвертого поколения украинским языком не владеют, или владеют слабо. Включенность в англоязычную культурную среду и поверхностное владение украинским языком не означает отсутствия связи с Украиной и диаспорой. Англоязычие при осознании себя как лиц украинского происхождения, а своих произведений как находящихся на грани двух культур - отличительная черта творчества канадских авторов украинского происхождения. Энох Падолски, в связи с этим, высказал предположение, что возможны четыре варианта отношений (интеграция, ассимиляция, отдаление, маргинализация) между литературой этнического сообщества и национальной литературой государства, где оно проживает⁸¹².

Джэнис Кулык Кифер - писательница, родившаяся в Торонто и получившая образование во Франции и Англии и живущая в Онтарио, возможно – не только самая крупная канадская писательница украинского происхождения, но и наиболее интегрировавшаяся в канадское общество. Канадская критика указывает на то, что успех писательницы - результат разрыва с украинской этнической средой⁸¹³. Она пишет прозу на английском языке, ее путь к украинской тематике не прост. Она долго противилась этому, воспринимая себя именно как канадскую англоязычную писательницу. Первая поэтическая книга «Белизна ангелов меньших» увидела свет в 1986 году. Произведения писательницы («Экспресс Париж - Неаполь», «Созвездия»)⁸¹⁴ выходили на протяжении 1980-1990-х годов. Она - автор

⁸¹² Padolsky E. Canadian Minority Writing and Acculturation Options / E. Padolsky // Canadian Review of Comparative Literature. - 1989. - P. 600 - 618; Padolsky E. Cultural Diversity and Canadian Literature: A Pluralistic Approach to Majority and Minority Writing in Canada / E. Padolsky // International Journal of Canadian Studies. - 1991. - Vol. 3. - No 1. - P. 111 - 128.

⁸¹³ Mukherjee A.P. Canadian Nationalism, Canadian Literature and Racial Minority Women / A.P. Mukherjee // Floating the Borders: New Contexts in Canadian Criticism / ed. N. Aziz. - Toronto, 1999. - P. 151 - 172.

⁸¹⁴ Kulyk Keefer J. White of the Lesser Angels / J. Kulyk Keefer. - Charlottetown, 1986; Kulyk Keefer J. The Paris - Napoli Express / J. Kulyk Keefer. - Ottawa, 1986; Kulyk Keefer J. Constellations / J.

нескольких литературоведческих работ⁸¹⁵. Эти работы вышли на английском языке и найти в них что-нибудь украинское - задача сложная и невыполнимая в виду полного отсутствия украинских мотивов.

Подобно многим украинским эмигрантам, выросшим и получившим образование на Западе, ее с Украиной связывает немного. С ней она контактирует на страницах своих книг (да и то украинская тематика – не главная в ее творчестве) и на профессиональном уровне: в 1998 году она вместе с известной украинской исследовательницей Соломией Павлычко выпустила совместную работу «Киев двух земель: новое видение. Антология рассказов из Украины и Канады». В 2005 году она опубликовала исследование о развитии украинской канадской идентичности⁸¹⁶. Однако наиболее яркие ее украинские нарративы представлены в ее прозе, в романах «Зеленая библиотека» и «Мед и пепел: история семьи»⁸¹⁷. Поэтому, канадская критика склонна видеть в ней писательницу, открывающую свою «вторую страну» - Украину.

В «Зеленой библиотеке» и «Мед и пепел», по словам автора, она хотела «выписать свою этническую принадлежность в прямом смысле этого слова»⁸¹⁸. Средствами английского языка она реконструирует украинскую действительность. Этого ее сделать не удастся, и вместо реконструкции получилась мифологизация. Она создала еще один из литературных мифов, связанных с Украиной, подтверждая свое развитие в рамках именно канадской литературы, так как для Канады создание своих литературно-национальных мифов являлось (а на фоне современного мультикультурализма - является) актуальной задачей⁸¹⁹. Реконструкция Украины предпринята на основе воспоминаний родственников-украинцев и впечатлений от поездок в Украину. Героиня «Зеленой библиотеки» Ива Чаун неожиданно узнает о своем на половину украинском происхождении. Это приводит к резким изменениям в ее жизни: она оказывается вынужденной пересмотреть и отказаться от сформированных годами стереотипов. Она пытается сама определить свою национальную идентичность. Другие герои книги, эмигранты старшего поколения пан Мороз и Оля Павленко, готовы к ре-

Kulyk Keefer. - Toronto, 1987; Kulyk Keefer J. *Traveling Ladies* / J. Kulyk Keefer. - Toronto, 1992; Kulyk Keefer J. *Rest Harrow* / J. Kulyk Keefer. - Toronto, 1992.

⁸¹⁵ Kulyk Keefer J. *Under Eastern Eyes: A Critical Readings in Maritime Fiction* / J. Kulyk Keefer. - Toronto, 1988; Kulyk Keefer J. *Reading Mavis Gallant* / J. Kulyk Keefer. - Toronto, 1989.

⁸¹⁶ Kulyk Keefer J., Pavlychko S. *Kyiv, of Two Lands: New Visions, an Anthology of short fiction from Ukraine and Canada* / J. Kulyk Keefer. - Coteau, 1998; Kulyk Keefer J. *Dark Ghost in the Corner: Imagining Ukrainian-Canadian Identity* / J. Kulyk Keefer. - Saskatoon, 2005.

⁸¹⁷ Kulyk Keefer J. *The Green Library* / J. Kulyk Keefer. - Toronto, 1996; Kulyk Keefer J. *Honey and Ashes: the Story of Family* / J. Kulyk Keefer. - Toronto, 1998.

⁸¹⁸ Kulyk Keefer J. *Coming Across Bones: Historiographic Ethnofiction* / J. Kulyk Keefer // *Writing Ethnicity: Cross-Cultural Consciousness in Canadian and Quebecois Literature*. - Quebec, 1996. – P. 84 - 104.

⁸¹⁹ Carson N. *Canadian Historical Drama: Playwrights in the Search of the Myth* / N. Carson // *Studies in Canadian Literature*. - 1977. - Vol. 2. - No 2.

альному возвращению в Украину. Для второго поколения канадских украинцев возвращение на историческую родину невозможно. Для третьего - возвращение может иметь только символический характер.

Героиня романа Ива Чаун готовится к поездке на родину предков. Такое содержание книги подтверждает предположение канадской критики о том, что в 1990-е годы англоязычная проза национальных сообществ в Канаде отошла от традиционного для себя вопроса «Где мы?», пытаясь найти ответ на другой «Кто мы?». Историческая родина и поездка туда рассматривалась в такой ситуации как один из способов найти ответ. Еще до реальной поездки она посещает Украину в воображении. Эта метафорическая поездка - своеобразный опыт знакомства с Украиной. В 1993 году Ива случайно находит старую фотографию, где видит женщину с мальчиком, который похож на ее сына. После этого у нее появляются подозрения, что она имеет украинское происхождение. Она начинает свои поиски и обращается за помощью к своим знакомым - семье Морозов. Оля Павленко (пани Мороз) подтверждает, что мальчик с фотографии Иван Котелько, ее отец, а его мать, бабушка ивы, - украинская поэтесса Леся Левкович, расстрелянная в Бабьем Яру. В одном из интервью Кулык Кифер призналась, что прототипом Леси стала Олена Тэлига.

По словам современной украинской исследовательницы Н. Тучынской, Оля Павленко - не второстепенный персонаж. Она играет роль сказочника, первооткрывателя для Ивы ее исторической родины. Одно упоминание о расстрелянной поэтессе открывает неизвестный мир украинской культуры. Факт украинского происхождения изменяет отношение Ивы к Оле Павленко. Если в ее детских воспоминаниях - она уборщица в их доме, которая не знает английского языка, то теперь она узнает, что Оля Павленко свободно говорит на английском языке и имеет два образования. Еще более удивительно для Ивы, что украинский язык и украинская культура - основные факторы национальной идентификации для Оли Павленко. Ива узнает, что ее отец так и не выучил английский язык, предпочел жить среди украинских эмигрантов. Украинский язык для него - показатель чуждости канадскому обществу.

Оксана Мороз, еще одна героиня «Зеленой библиотеки», представляет второе поколение эмиграции. Она символизирует глубину и степень ассимиляции некоторой части украинской диаспоры. Она не хочет возвращаться в Украину. Она стесняется своего украинского происхождения, а после того, как ее отец и брат возвращаются на родину - отказывается контактировать с ними. Не понимая своих поступков, не осознавая их негативной роли, она лишает себя уникальности, личности и индивидуальности. Оксана вычеркнула из памяти часть историю своей семьи, окончательно ассимилировавшись в Канаде. Ива летит в Украину, где встречается с Олексою Морозом. Играя с ним в слова, заучивая новые украинские фразы, она осознает, что украинский язык и украинская культура для нее родные. По-

этому, в англоязычный текст вводятся украинские слова. Однако, во время ссоры Алекса переводит ей с английского на украинский «I love You» и «Fuck You» - именно этот урок языка показывает ей, насколько она вернулась в Украину, хотя она и понимает, что никогда не научится свободно говорить на украинском языке. Такова точка зрения украинского критика Натальи Тучынської. Украинский канадский исследователь Максим Тарнавський интерпретирует этот аспект иначе. Комментируя слова одного из героев романа об отсутствии в украинском языке эквивалента для «Fuck You», он отмечает, что так может писать лишь человек, «имеющий очень вычищенное представление об украинской культуре»⁸²⁰.

В романе «Зеленая библиотека» есть и автобиографические мотивы. Автор сама совершила путешествие из Канады в Киев. В романе описан ее собственный опыт сближения с культурой, которая до этого была для нее чужой. Комментируя эту ситуацию она пишет: «сначала я сопротивлялась визиту, вдвойне сильным было у меня чувство стыда, который я всегда испытывала при одной только мысли о Шевченко, стыда за мой украинский язык, который заставлял меня читать «Кобзаря» в переводе». Однако посещение музея Тараса Шевченко в Киеве освободило ее от «юношеского стыда» за украинское происхождение. На последних страницах «Зеленой библиотеки» Ива звонит Олексе в Киев из Канады. Эта символическая сцена олицетворяет восстановление ее связи с исторической родиной, с украинским языком, что, по мнению украинской критики, говорит о желании Дж. Кулык Кифер показать важность сохранения украинского языка для украинской диаспоры в Канаде. Тема путешествия и возвращения потомков европейских эмигрантов и самих эмигрантов на их историческую родину - не новая тема для канадских писателей европейского происхождения. Дж. Кулык Кифер в одной из своих работ, комментируя проблему возвращения, писала, что дорога домой связана с многими психологическими трудностями: «нам говорили, что мы не можем вернуться домой, а если и вернетесь то поймете, что дом переместился, он расположен не там и не тут, не в новой или старой стране, он находится где-то по середине».

Тема возвращения - результат работы памяти и стремления зафиксировать ее в виде литературного нарратива. По словам Дж. Пивато, возвращение или путешествия в страну предков, реальное и воображаемое, помогает осознать свою историческую родину, взглянуть на нее под своим углом зрения. Оно нередко приводит к изменениям в отношении Канаде и канадского общества. Эти путешествия важны приводят пересмотр старых

⁸²⁰ Максим Тарнавський в связи с этим пишет: «Anyone who believes that Ukrainians has no equivalent for the F word has a very sanitized notion of Ukrainian culture» - Tarnawsky M. "What is Told" in "The Green Library". History, Institutions, Language. A Paper presented at the conference Cross-Stitching Cultural Borders: Comparing Ukrainian Experience in Canada and the United States. October 29 - 31, 1998. Toronto / M. Tatnawsky // Canadian Ethnic Studies. - Vol. 31. - No 3. - P. 104-113.

и традиционных семейных нарративов и стереотипов о предках-эмигрантах. Дж. Пивато пишет, что в семейных мифологиях эмигрантов уже мертвые предки предстают более живыми, чем их живые потомки. Именно поездки приводят к ревизии этого мнения среди наиболее молодых представителей этнических групп. Эти изменения и анализирует Дж. Кулык Кифер.

Роман «Зеленая библиотека» встретил разные оценки среди канадских украинцев. Скорее всего, многие восприняли его как упрощенное описание украинской действительности, как попытку автора рассказать даже не историю Украины, а истории украинцев, с которыми она знакома слабо. К тому же сама Кулык Кифер в одном из интервью заявила, что своим романом хотела рассказать «много историй»⁸²¹. Такая точка зрения автора была использована ее критиками. Исследователь украинской литературы М. Тарнавський предполагает, что основа поисков этничности в романе - это украинская история. Тарнавський указывает на поверхностный уровень знания украинской истории Дж. Кулык Кифер, предполагая, что она могла прийти на страницы романа со страниц «Украины: истории» Ореста Субтельного - издания, рассчитанного на англоязычного читателя. Украинская критика Канады указывала на то, что Дж. Кулык Кифер написала в значительной степени упрощенный роман, так как сосредоточила свое внимание на таких образах (например, Чернобыле), которые в большей степени известны и понятны для среднего канадца. Поэтому, М. Тарнавський указывает на то, что роман фрагментарен⁸²².

«Мед и пепел» - еще одна «украинская» книга писательницы. Комментируя ее творческую историю, она отмечала, что сама «росла с историями, которые заставили меня осознать, что я происхожу из того места, которое проникнуто историей». Следует признать, что этот роман вписываются в подобные произведения (находящиеся на грани прозы и публицистики) канадских авторов, потомков европейских эмигрантов. Примечательно, что книги подобного плана возникли в конце 1990-х годов, а их появлению предшествовал рост интереса к Восточной Европе, как родине значительного процента современных канадцев.

«Мед и пепел» - работа, основанная на реальных воспоминаниях автора и ее родственников. События, описываемые в книге, начинаются в 1900 году с рождением деда писательницы Томаша Соловски. Она рассматривает историю пяти поколений своей семьи и завершает посещением Киева в 1997 году. Комментируя особенности книги, она указывает на то, что «писала не только об истории семьи, но и о том, как эта семейная история переплетается с историей страны». Издатели книги указывают, что книга содержит ценный «опыт иммигрантов, общий для многих канадцев». Это - очень личный взгляд на историю Украины сквозь историю нескольких по-

⁸²¹ The Ukrainian Weekly. – 1996. – Vol. LXIV. – No. 45.

⁸²² Canadian Ethnic Studies. - Vol. 31. - No 3. - P. 104-113.

колений одной семьи: «каждая семья имеет свои мифы и каждый из ее членов в праве их по-своему интерпретировать». Один из канадских критиков, анализируя «Мед и пепел», подчеркнул то, что книга стала ценным напоминанием того, что Украина, которую многие канадские украинцы воспринимают как родину, «не такая приятная, как мы привыкли думать». «Мед и пепел» стал попыткой обобщения опыта нескольких поколений канадских украинцев, шагом в сторону отказа от предубеждений, доставшихся в наследство от своей «старой страны».

Анализируя проблему реконструкции украинской родины Дж. Кулык Кифер следует упомянуть языковой фактор. Ее отношения с украинским языком нельзя назвать идеальными. Кулык Кифер вспоминает, что дома родители с ней не разговаривали на украинском языке⁸²³. В одной из своих статей она пишет: «через язык я узнала страшные унижения, мои учителя в украинской школе, которые знали только основы английского языка, не учили нас ни грамматике, ни лексике, придерживаясь того мнения, что их задача научить нас формулировать свои мысли или исправить наше произношение. Они отказались поверить, что я не говорю на украинском языке, что он мне не родной, а чужой». Она не отрицает, что уже двадцать лет пытается понять украинский язык, историю и культуру. Языковые трудности характерны для многих канадских украинцев: если в 1990-е годы около 50 % канадских украинцев признавали украинский язык как родной, то лишь 20 % использовали его регулярно в быту.

Несмотря на чуждость украинского языка, ее проза содержит украинские мотивы и, поэтому, ее «украинские» книги можно интерпретировать в категориях «литературных историй». Этот контекст показывает, что ее художественное творчество представлено «гипотетическими предположениями», нежели результатами научного анализа, что особенно интересно, если принимать во внимание, что Дж. Кулык Кифер не только писательница, но и известная исследовательница канадской литературы. Отрыв литературного компонента творчества от научного превращает украинские сюжеты в воспоминания, вызванные личным опытом. Это делает ее украинскую прозу уязвимой со стороны критики.

Рассматривая идентичность Д. Кулык Кифер в контексте ее отношения к родине предков, упомянем научно-исследовательскую деятельность писательницы. В центре ее интересов - модернизм и канадская литература. Ее исследования посвящены проблемам канадской литературы. Украинская проблематика и история украинской литературы, попадает в сферу ее внимания не часто. Этому способствует то, что родной язык для Д. Кулык Кифер именно английский, а украинским она владеет в меньшей степени. Поэтому, в центре ее исследований проблемы, несвязанные с Украиной вообще: морская проза, канадский модернизм. Правда, в ряде работ она уде-

⁸²³ The Ukrainian Weekly. – 1996. – Vol. LXIV. – No. 45.

лила внимание мультикультурализму, транскультурным связям, их отражению в литературе, проблемам этничности⁸²⁴. Несмотря на высокий уровень научного анализа проблем, связанных и с украинской диаспорой, это не делает ее более близкой к украинской культурной среде.

Таким образом, ее интеграция и ассимиляция в англоканадское общество настолько глубока, что она, скорее всего, не отделяет себя от канадской литературы и именно ей посвящает большую часть исследований, так как объективно воспринимает ее как «свою». Можно согласиться со словами М. Тарнавського о том, что Д. Кулык Кифер «не является частью общества, которое описывает», так как ее проза «типично канадская». С другой стороны сама писательница признавалась, что хотела подавить в себе свою украинскость, так как «не нуждалась в украинском багаже»⁸²⁵. Скорее всего, Кифер удалось стать канадской писательницей раньше, чем она осознала свои связи с украинским сообществом.

В данном случае мы наблюдаем одно из проявлений канадского мультикультурализма: литература меньшинства перестает быть таковой, вливаясь в национальный литературный контекст. Произведения писательницы трудно соотносить с каким-то одним определенным типом литературы: она может быть интерпретирована в категориях этнической литературы или литературы меньшинства. В ее идентичности англоканадский элемент возобладал над украинским. Сама она позиционирует себя как в первую очередь канадскую писательницу⁸²⁶. Несмотря на периодическое обращение к Украине, вопрос о ней как украинском авторе не стоит. Джэнис Кулык Кифер - англоязычный автор украинского происхождения, связь которой с канадской украинской средой, несмотря на всю искренность и наивность ее книг, слаба, поверхностна и неразвита.

Аскольд Мельнычук родился в семье украинских эмигрантов в Нью-Джерси в 1954 году. Подобно другим детям эмигрантов он рос в украинской среде и смог успешно интегрироваться в американское общество: он – профессор университета Массачусетс—Бостон, ведет писательский семинар в Беннингтонской высшей школе. Мельнычук известен как писатель и переводчик. В 1972 году он начал издавать журнал AGNI, который стал

⁸²⁴ Kulyk Keefer J. Home Comings / Border Crossing: Travels through Imagined and Actual Worlds / J. Kulyk Keefer // *Dangerous Crossings: Papers in Transgression in Literature and Culture* / ed. M. Loeb, G. Porter. - Uppsala, 1999. - P. 15 - 30; Kulyk Keefer J. Personal and Public Records: Story and History in the Narration of Ethnicity / J. Kulyk Keefer // *Tricks with a Glass: Writing Ethnicity in Canada* / ed. R.G. Davis, R. Baena. - Amsterdam, 2000. P. 1 - 8; Kulyk Keefer J. The Sacredness of Bridges: Writing Emigrant Experience / J. Kulyk Keefer // *Literary Pluralities* / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 97 - 110; Kulyk Keefer J. From Dialogue to Polylogue: Canadian Transcultural Writing during the Deluge / J. Kulyk Keefer // *Difference and Community: Canadian and European Cultural Perspectives* / ed. P. Easingwood, K. Gross, L. Hunter. - Amsterdam, 1996. - P. 59 - 70.

⁸²⁵ The Ukrainian Weekly. – 1996. – Vol. LXIV. – No. 45.

⁸²⁶ В одном из интервью она сказала, что «do not know the language. I see myself as a *Canadian-Ukrainian* writer». См.: The Ukrainian Weekly. – 1996. – Vol. LXIV. – No. 45.

самым известным его проектом. Для нас он интересен как автор романов, написанных на английском языке и ставших его попытками представить и описать свою украинскую родину и родину своих предков. В 1994 году выходит его роман «What is Told»⁸²⁷, переведенный на украинский язык и изданный в 1996 году под названием «Що сказано»⁸²⁸. В 2002 году на английском выходит его второй роман «Ambassador of Dead»⁸²⁹, пока не переведенный на украинский, но переведенный на русский⁸³⁰.

Если первый роман Мельнычука, уже получивший изучение и поэтому не анализируемый в рамках настоящей лекции, можно интерпретировать если не в категориях исторического романа, то хотя бы романа про историю, вторая книга почти полностью посвящена истории украинской диаспоры в США на примере двух украинских семей – Круков и Блудов. Роман нельзя назвать автобиографическим, хотя некоторые моменты основаны на личном опыте автора. Герой «Посла мертвых» Ник Блуд родился уже в Америке и рос в атмосфере сохранения украинских традиций и языка усилиями украинцев, которые были перемещенными лицами и недавно стали жителями США. С Украиной, старой родиной, Ника Блуда по началу связывали родители, но после смерти «почти утратил какие бы то ни было связи с общиной, в которой вырос». Поэтому он с такой готовностью едет к Аде Крук – матери друга своего детства Алекса. На фоне этой поездки раскрывается история двух украинских семей, показано как изменялось их отношение к «старой родине» – к Украине.

В таком контексте символично название романа – «Посол мертвых». Если, читая его первые главы нам кажется, что Ада Крук и есть этот своеобразный посол, связывающий украинцев в Америке с их родиной. Она – живая память, хранительница воспоминаний. Поэтому, диалог с ней превращается в ее монолог, рассказ-воспоминание о том, как она и другие украинцы жили там, в Украине, которую дети, Ник и Алекс, так никогда и не видели. Воспоминания Ады – глубоко персонифицированы, но и не уникальны. Это – личный срез украинской истории XX века. Если перцепция украинской истории у Дж. Кулык Кифер во многом наивна, то Мельнычук, в большей степени владеющий украинским языком, осведомлен явно лучше. Его Ада помнит и Голодомор, и политические репрессии, и войну, и ту противоречивую роль, которую в ней сыграли украинцы. Его герои способны и на некоторые «историографические» обобщения – они понимают, что в школе в Украинской ССР им преподносили одну историю, а дома они учили другую. Этим эпизодом Мельнычук стремится подчеркнуть множественность памятей и исторических опытов в Украине XX века.

⁸²⁷ Melnyczuk A. What is Told / A. Melnyczuk. – Boston – L., 1994.

⁸²⁸ Мельнычук А. Що сказано / А. Мельнычук. – Харків, 1996.

⁸²⁹ Melnyczuk A. Ambassador of Dead / A. Melnyczuk. – Boston, 2002.

⁸³⁰ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 5 – 6.

Украинская история в описании Мельнычука многоуровневая: он нашел место и для национальных стремлений украинцев и для того, чтобы вспомнить о том, о чем многим его современникам вспоминать неудобно и неприятно – об участии немцев во второй мировой войне на стороне Германии, о еврейских погромах, которые устраивали украинцы в годы войны, о немецких репрессиях против украинской национально настроенной интеллигенции. В этой перспективе его книга может быть интерпретирована в категориях, как этнической литературы, так и литературы меньшинства, потому что как бы не был автор интегрирован в американский интеллектуальный и литературный эстаблишмент его проза будет, скорее, интересна этническим украинцам или их потомкам, сохранившим связи с украинским сообществом. Мельнычук не вычищает украинскую историю и не идеализирует ее. Для него отношение к истории – повод подчеркнуть свою идентичность, а сама история превращается в сферу, где он выстраивает свое украинское самосознание. Он выстраивает его таким, каким видит без идеализаций, хотя украинские авторы в Америке до него неоднократно писали, что в глазах американцев и канадцев украинцы выглядели злобными антикоммунистами, непримиримыми антикоммунистами, антисемитами и немецкими подручными. С другой стороны, он и не вкладывает в уста своих героев критические оценки этих событий. История предстает как череда личностных опытов и переживаний украинцев-эмигрантов. На фоне влияния на Дж. Кулык Кифер Субтельного перцепция украинской истории, которую мы находим у Мельнычука, формирует несколько иной, более реалистичный, образ Украины.

«Посол мертвых» – это, своего рода, роман-воспоминание, попытка автора вспомнить историю своих предков и через нее найти свою Украину. Однако, сделать этого он не может, так как рос в Америке и, поэтому, старшее поколение эмигрантов выступает в качестве своеобразных посредников. Именно они доносят нарратив об Украине, нарративы Мельнычука – это, скорее, нарративы о нарративах – переосмысление опыта старших. Поэтому, он признает, что поколение его родителей «постоянно вспоминало о тех местах, которых никто из нас, детей, никогда не видел, и рассказывали истории, которых мы не могли себе представить, на языке, на котором, как мы считали, нигде на свете, кроме наших домов, не говорили». Отношения отцов и детей он не идеализирует, показывая, что дети проявляли мало интереса к родине родителей: «Мы бегали и дурачились, но не было никакой возможности увильнуть от взрослых, заставлявших нас без конца повторять стихи на их языке». В сознании ребенка Украина и украинские родственники существуют, но выглядят уже несколько нереально: он знал о двоюродных дядьках и тетках, «которые томились на старой родине»⁸³¹, но это не делало их более реальными и значимыми для не-

⁸³¹ А. Мельничук. Посол мертвых // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 91.

го. Постепенно они становились частью той старой родины, которая все более казалась чужой. Эта сюжетная линия романа, навеянная личным опытом, подтверждает выводы исследователей украинской идентичности в диаспоре, которые предполагают, что украинцы, родившиеся в Америке уже не смогли получить идентичность, которую имели их родители, так как воспитываясь в американской среде. В такой ситуации нарративы об украинской «старой родине», хотя и сохраняли свою актуальность, но быстро американизировались и, поэтому, были не так привлекательны для них как собственно американские перспективы.

Взрослые же эмигранты стремились постоянно культивировать особый образ Украины, как именно своей родины, что подчеркивалось во всем – и в совместном обеде («обед был коллективным мероприятием, все собирались за источенными древесными жучками садовыми столиками среди сосен. Хозяйки накрывали их клеенчатыми скатертями и ставили картонные тарелки. В полдень появлялось множество блюд: холодный борщ, разумеется, колбаса, ветчина и даже хлеб — все домашнее»⁸³²) и в коллективной молитве. Культивирование всего украинского было одним из каналов поддержания украинской национальной идентичности в Америке. С одной стороны, украинские эмигранты были вовлечены в регулярное декларирование и подчеркивание своей украинскости, что проявлялось в популяризации украинской культуры на бытовом уровне. С другой стороны, религия так же играла роль канала для поддержания украинского самосознания.

Именно, молитва была для украинцев в США неким таинством, которое, казалось бы, сближало их с покинутой Украиной, так Церковь была одним из наиболее акторов в культивировании украинской идентичности. Роман же Мельнычука интересен тем, что он продемонстрировал бытовой дискурс восприятия этого идентичностно-культивирующего влияния церкви. «Несколько сотен людей восхищенно внимали бубнящему голосу лысого священника, только мы не участвовали в молитве. Я в последний раз взглянул на фигуру матери, заштрихованную перекрещивающимися солнечными лучами, на стоявшего рядом с ней отца, на чьем лице была написана крайняя сосредоточенность — видимо, для них происходящее действительно много значило»⁸³³. Для американских украинцев старшего поколения, которые сохранили связи с украинским сообществом, роман Мельнычука интересен как зазвучавший этнический голос украинцев⁸³⁴, выросших в Америке. То, что он звучит по-английски уже не столь важно, так как позиционирует в первую очередь именно украинские образы. Однако Мельнычук показывает, что для молодых украинцев, которые росли в

⁸³² Мельничук А. Посол мертвых / А. Мельничук // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 98.

⁸³³ Мельничук А. Посол мертвых / А. Мельничук // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 92.

⁸³⁴ Mandel E. Ethnic voices in Canadian writing / E. Mandel // Identities: The impact of ethnicity on Canadian society / ed. W. Isajiw. – Toronto, 1977. – P. 57 – 68.

Америке, весь этнический антураж не играл связующей роли с Украиной и прошлым родителей. Они, наоборот, от этого прошлого стремились отстраниться, так как оно для них было «картой минного поля, причем – у каждого своя»⁸³⁵.

Украинские герои романа вброшены автором в жизнь среднего американского городка Рузвельт, где их соседи – такие же эмигранты – русские, итальянские, польские. Мельничук не склонен оценивать историю украинской диаспоры как уникальное явления, создавая ее образ как постепенное умирание привнесенной культуры, языка и традиций. Вот почему, многие украинцы в Америке заболели метафорической «болезнью исчезновения», когда украинское постепенно отмирало, и украинцы превращались в американцев. В то время, как «каждое воскресенье из-под сводов церкви, увенчанных воздушными золотыми куполами-луковицами, на улицу выплескивалась толпы старых и новых иммигрантов», а многие стремились остаться украинцами («ошеломленные новым миром, люди отвечали на давление чуждых внешних сил тем, что раздували в себе пламя миссионерства. Они собирались именем Бога, и общая цель заряжала их дух, наделяя практическим рвением»), тех, у кого такое желание отсутствовало, было не меньше. Некоторые стремились противостоять прошлому, повторяя себе «Слава Богу, мы в Нью-Джерси. Америка. Это - Америка». Поэтому, они считали, что «нужно радоваться настоящему, что бы ни случилось на старой родине»⁸³⁶.

Однако настоящее нередко украинцев не радовало, и они вынужденно доказывали американцам, что они украинцы, а не русские. В своем романе Аскольд Мельничук описывает, видимо, автобиографический эпизод, связанный с его опытом обучения в американской школе. По словам Мельничука, украинские дети в американских школах нередко переживали одно и то же унижение, связанное с родной историей. Он пишет, что воспитывался в своеобразной атмосфере гипертрофированной любви к Украине и нетерпимости к ее врагам: «наши родители были выходцами из страны, которая в какой-то момент словно бы исчезла с лица земли, что имело исключительные последствия, от которых я в значительной мере был защищен тем, что посещал католическую школу при церкви. Там, под присмотром агрессивных монахинь и пламенных дьяконов, мои тревоги приобретали форму обычных подростковых комплексов». Американская школа встречала их совершенно иначе: одна из американских учительниц спросила Алекса Крука, как его фамилия и тот, ответив, был поправлен учительницей, что такой фамилии нет и надо произносить Круг. Такая автобиографическая деталь подтверждает предположение канадской историографии о том, что украинский голос в американском и канадском обществе на протяжении длительного времени звучал по-украински и, поэтому, не

⁸³⁵ Мельничук А. Посол мертвых / А. Мельничук // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 96.

⁸³⁶ Мельничук А. Посол мертвых / А. Мельничук // Дружба народов. – 2004. – № 5. – С. 99.

был услышан англоязычным большинством⁸³⁷. Когда же он зазвучал по-английски американцы были не готовы воспринимать его. Алекс возражает ей, говоря, что такая фамилия существует и, что он – украинец. Она же просит показать Украину на карте, что он сделать не может. Американка резюмирует: «такой страны нет, это теперь Россия»⁸³⁸. Дома Алекс рассказывает это матери и та пытается его убедить, что он не представитель меньшинства, а полноценный человек. Увещевания матери оказываются бесполезными и в следующий раз он заявляет учительнице, что он – итальянец: кто такие итальянцы она знает и этим все заканчивается. Болезнь исчезновения становится все более очевидной. В романе эта ситуация дополняется и тем, что автор использует не украинские имена, а американский аналог – Николас вместо Мыкола, Алекс – вместо Алексей. Это свидетельствует о постепенном отдалении англоязычных американских авторов от украинского сообщества, что проявляется в сокращении украинского национального колорита, в том числе и в лексической сфере.

Молодые американские украинцы все более противопоставляют себя своим родителям. Например, Алекс осуждает увлечение матери сбором открыток, которые напоминали ей ее старую жизнь в Украине. В разговоре с Ником он говорит, что когда мать смотрит на него, то видит свое прошлое. Это они называют «синдромом прошлой жизни» - поведения родителей, которое «мы ни как не могли объяснить». И когда молодые американские украинцы говорят о проблемах, они видят истоки только в одном: «все из-за этого проклятого прошлого»⁸³⁹. Если для молодежи прошлое было негативно окрашено, то старшие, например, Ада некоторые его эпизоды могли идеализировать. Пример такой идеализации - ситуация с Антоном, первой любовью Ады, который после войны уехал в Англию, где стал университетским профессором. И вот украинцы, которые «живут внутри этнического циклона, атмосфера в котором всегда была бурной» приходят послушать его лекцию ... и оказываются разочарованными – пророк, которого они так долго ждали, оказался лжемессией, говорившим с ними по-английски. После этого никто не решился к нему подойти, и даже Ада вынесла свой вердикт: «он продался англичанам»⁸⁴⁰.

В таком контексте очевидно стремление Мельнычука показать, что развитие американской украинской диаспоры в Америке отличалось тенденцией к разрушению единства внутри некогда сплоченной украинской общины. К моменту детских и юношеских лет писателя украинская диас-

⁸³⁷ Young J. The unheard voices / J. Young // *Identifications: Ethnicity and the writer in Canada* / ed. J. Balan. – Edmonton, 1982. – P. 104 – 115.

⁸³⁸ Случай, описанный Мельнычуком, видимо, не уникальный. О таком отношении пишет и З.Е. Когут. См.: Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. - Київ, 2004. – С. 7.

⁸³⁹ Мельничук А. Посол мертвых / А. Мельничук // *Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 121.

⁸⁴⁰ Мельничук А.. Посол мертвых / А. Мельничук // *Дружба народов*. – 2004. – № 5. – С. 122 – 123.

пора в США уже в значительной степени была дефрагментированной и не только в политическом плане. Она была расколота и в отношении к месту самих украинцев в рамках общества Запада. Если для значительной части украинцев главной задачей было сохранение именно украинской идентичности, то для второй не менее важным было интеграция в общество новой родины. Если первые были настроены на сбережение традиционных ценностей, то вторые – склонялись к постепенной модернизации украинских общин. В данном случае герои Мельнычука, Ада и Антон, воплощают две эти тенденции. Примечательно то, что Мельнычук не склонен к схематизации внутрисиаспорных отношений и не сводит дихотомию «консерватизация – модернизация» к дихотомии «старшее поколение – младшее положение», показывая, что каждый из сегментов украинского диаспорного сообщества не знал внутреннего единства.

Однако, именно благодаря Антону, она узнает о своей роли «посла мертвых» - так называется повесть, которую он приносит ей на следующий день и дарит, делая предложения, на которое Ада отвечает отказом. В книге Антона она фактически прочитала историю своей жизни. Возвращение к прошлому становится для нее своеобразной психологической терапией, в то время как ее собственные сыновья «все больше отдалялись от нее, уже несколько лет, как они отказались говорить по-украински и полностью перешли на английский». Это становится для нее настоящей трагедией, так как «смысл ее жизни состоял в том, чтобы быть мостом между мирами, только, похоже, движение по этому мосту было односторонним»⁸⁴¹. Молодые украинцы, хотя и понимали и говорили на украинском языке уже не воспринимали украинское как свое. Общение со старшим поколением постепенно становилось односторонним: интеллектуальные призывы старших эмигрантов воспринимались как правило их ровесниками, в то время как молодежь ментально и интеллектуально была ориентирована на прием совершенно других сигналов⁸⁴². Ее миссия донести прошлое, память об уже умерших украинских предках, становится почти никому ненужной. Украинцы сторонятся ее, стремясь все более походить на среднего американца. Они «старались продемонстрировать большинству определенный образ: человек при галстуке, женатый, исправно выплачивающий кредит, — член некой лиги». Она осознает, что «им не хватало смелости быть самими собой — мешал страх обнаружить темные стороны души»⁸⁴³.

Поэтому, многие украинцы, даже эмигранты, которые помнили «старую родину», отдаляются от нее. Прошлое перестает быть для них объеди-

⁸⁴¹ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 99.

⁸⁴² Об этой проблеме см.: Balan Y. Salt and Braided Bread: Ukrainian Life in Canada / Y. Balan. – Toronto, 1984; Czumer W.A. Recollections about the Life and the First Ukrainian Settlers in Canada / W.A. Czumer. – Edmonton, 1981; Gerus O.W., Rea J.E. Ukrainians in Canada / O. Gerus. – Ottawa, 1985; A Heritage in Transition: Essays in the History of Ukrainians in Canada / ed. M. Lupul. – Toronto, 1982.

⁸⁴³ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 103.

няющим фактором, и Мельнычук, руководствуясь, возможно, личным опытом пишет: «У моей мамы, успешно освоившейся в новой роли жены американского доктора, был пункт: она ни под каким предлогом не желала говорить о прошлом. Пунктик был несколько даже навязчивым, поскольку я не припоминаю, чтобы в шестнадцать лет так уж интересовался этим прошлым. Каждому — свое время, это наш общий дар»⁸⁴⁴. В такой ситуации иногда даже молодежь, например, Алекс начинала задумываться о прошлом: сам не понимая почему, Алекс думал о матери, ее родственниках, которых он ни видел, он пытался представить себе их лица. Это приводило его в замешательство — он не был готов к этому, значит — не все украинское в нем умерло. Однако Алекс не находя объяснения, говорит «как же мы здесь одиноки» и гасит свое раздражение алкоголем⁸⁴⁵.

Не находя своего места ни среди американцев, ни среди украинцев, Алекс в очередной раз в алкогольном угаре попадает в больницу, куда приходит навестить его Ник. Здесь он и сталкивается с тем, что друг его детства все более отторгает от себя все украинское. Комментируя визиты к украинским родственникам, он лишь едко замечает: «как будто попадаешь с вечеринки в психушку». Память старшего поколения («вся эта украинская галиматья») становится неинтересной и молодежь начинает относиться к ней с сомнением. В данном контексте возможно параллель с развитием этнической литературы в соседней Канаде: если там она упорно искала свое место на протяжении 1960-1970-х годов и нашла его к 1980-м⁸⁴⁶, то американская литература представленная авторами украинского происхождения остается в значительной степени маргинальной, находящей крайне ограниченный круг читателей-потребителей. Опыт родителей заключается для них в простой и бесхитростной маргинальной формуле: «они всех имели, их все имели, а теперь они своими рассказами имеют нас». Ник видит, что его друг говорит о своей матери и других украинцах с ненавистью, но он находит в себе силы понять его: «рассказы украинцев были такими запутанными, в них трудно было отделить реальность от мифа и понять, чья же версия верна. Гораздо легче было все это просто забыть»⁸⁴⁷.

«Посол мертвых» - это и история постепенного забывания своих корней. Мельнычук показывает, как старшие Блуды не воспитывают интерес сына к прошлому, к старой родине. Они делали это лишь до тех пор, пока в Украине была жива мать отца. После ее смерти они уезжают в другой город и связи с украинской общиной оказываются разорванными. Ник понимает, что родители стремятся, как можно надежнее закрыть дверь в прошлое, чтобы оно перестало им напоминать о том, кто они. Они даже меня-

⁸⁴⁴ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. — 2004. — № 6. — С. 104.

⁸⁴⁵ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. — 2004. — № 6. — С. 115.

⁸⁴⁶ R. August. Babeling beaver hunts for home fire: The place of ethnic literature in Canadian culture // Canadian Forum — 1974. — August. — P. 8 — 13.

⁸⁴⁷ А. Мельнычук. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. — 2004. — № 6. — С. 118.

ют фамилию – с Верблюд на Блуд. Ассимиляция становится более ощутимой⁸⁴⁸. Вот почему, Мельнычук пишет, что «представления о былой родине у них быстро американизировались». И поэтому, если «первые свои двенадцать лет я прожил в замкнутом мирке коммуны точно так же, как остальные дети наших соседей-соотечественников, и это, хоть отдаляло нас от сверстников-американцев, одновременно давало ощущение определенности и смысла»⁸⁴⁹, то последующие годы стали годами поиска ответа на вопросы: «Что такое старая родина?» и «Что значит быть украинцем в Америке?».

В данном случае возможна ментальная параллель между Аскольдом Мельнычуком и Зеноном Когутом как представителями разных поколений украинской диаспоры. Они – представители американо-канадского университетского научного сообщества. Мельнычук мучился этими вышеупомянутыми вопросами, так как его идентичность формировалась как в первую очередь американская и уже потом – как собственно украинская. Идентичность Когута, по его собственному признанию складывалась изначально как украинская и для него эти вопросы были актуальны в меньшей степени⁸⁵⁰. Поэтому, заметно разное отношение к выбору предмета исследования – если для Когута культивирование своей украинской идентичности связано с изучением Украины, то есть донесением украинской истории до американцев и канадцев, то Мельнычук от изучения американской проблематики лишь со временем переходит к украинской. Поэтому, он не в состоянии ответить на вопрос «Что значит быть украинцем в Америке?». Показывая то, как его герои культивировали свою идентичность, он затрагивает лишь внешнюю сторону проблемы, в то время как вопросы выстраивания идентичности остаются без ответа.

После смерти родителей эти вопросы для Ника Блуда становятся особо актуальными, и он идет за ответами к единственному человеку, который мог помочь, к Аде. От нее он и узнает правду, которая оказалась более страшной, чем он предполагал. Без осуждения, но с сочувствием Ада рассказывает ему о Голодоморе, о том, как выживала его мать: «ходили слухи, что она выжила за счет своей сестры... Не знаю, правда ли это. Это случилось во время Голода, в тридцатые годы, тогда погибли миллионы людей. О тех временах рассказывают много ужасов, кто знает, что в этих историях правда? Говорили, что во время Голода они с матерью уехали в деревню. У крестьян не осталось ничего, и они принялись друг за друга. Младшая се-

⁸⁴⁸ Об ассимиляции украинского населения в англоязычной среде Северной Америке см.: Anderson A.B. Assimilation in the bloc settlements of north-central Saskatchewan: a comparative study of identity change among seven ethno-religious groups in a Canadian prairie region. Doctoral Dissertation / A.B. Anderson. – Saskatoon: University of Saskatchewan, 1977; Fedorkiw L. Ukrainian surnames in Canada / L. Fedorkiw. – Winnipeg, 1977.

⁸⁴⁹ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 119.

⁸⁵⁰ Когут З.Є. Коріння ідентичності. Студії в ранньомодерній та модерній історії України / З.Є. Когут. - Київ, 2004. – С. 7.

стра твоей матери умерла, и твоя бабушка попыталась спасти старшую дочь единственным доступным ей в тех условиях способом. И спасла. Твоя мать выжила». Об отце же она говорит, что в свое время видела его в немецкой форме⁸⁵¹.

В дальнейшем Мельнычук сознательно описывает духовные мучения американского украинца, стремясь показать его, в первую очередь, как человека, чем стремится избежать той ситуации негативного отношения к украинцам как к диким пастухам с европейской окраины или военным преступникам, связанных с нацистами. Такая ситуация была, в частности, характерна для Канады, где англоязычным писателям украинского происхождения было довольно-таки сложно сформировать положительный образ американского украинца-эмигранта⁸⁵². Спасение от таких воспоминаний Ник Блуд ищет в Европе: в Италии он случайно встречается украинца-монаха из Канады, который приглашает его в украинский монастырь. Неожиданно для себя он соглашается и в монастыре встречается Антона, который оказывается для него еще одним «послом мертвых». Антон объясняет ему, что тот пытается найти корни и говорит, что ему повезло уже из-за того, что в Америке у него возникло такое желание. Антон и подтверждает и опровергает рассказы Ады: от него он слышит, что его тетка (умершая во время голода сестра матери), которую он так и не увидел, стала жертвой принесенной во имя того, чтобы он смог появиться на свет. От него он узнает, что отец не служил в вермахте, хотя «таких украинцев были тысячи, наши руки в крови, этого нельзя отрицать». Однако, Антон не в силах ответить на его главный вопрос: «И что же мне делать?». Он ограничивается лишь тем, что замечает: «ничего, грехи отцов – старая история»⁸⁵³. Николас же от этого наследства не в состоянии отказаться, так как это часть его личной истории, истории семьи. С другой стороны, он не в состоянии взять исключительно украинские нарративы и выстраивать свою жизнь, основываясь только на них. Поэтому, герой Мельнычука постоянно вынужденно сочетает два наследия - украинское, полученное от предков и американское, приобретенное в годы социализации⁸⁵⁴.

В итоге Ник, ставший уже врачом, продолжает своими силами выстраивать свою идентичность. Такая позиция Мельнычука свидетельствует о том, что литература писателей, выходцев из европейских сообществ, тесно связана с их идентичностью: литература воспринимается ими как пло-

⁸⁵¹ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 121.

⁸⁵² Budurowycz B. The changing image of Ukrainians in English-Canadian fiction / B. Budurowycz // Journal of Ukrainian Studies. Vol. 14. – No 1 – 2 (Special Issue) / eds. E. Burstynsky, R. Lindheim. – 1989. – P. 143 – 157.

⁸⁵³ Мельнычук А. Посол мертвых / А. Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 125.

⁸⁵⁴ О ситуации двойного наследия и его места в идентичности на примере украинской диаспоры в Северной Америке см.: Kruchka Glynn A. Vera Lysenko, Ukrainian Canadian: the expression of her dual heritage in her life and works / A. Kruchka Glynn. – Edmonton, 1993.

щадка для проявления своей этничности⁸⁵⁵. Он вновь возвращается к Аде: та неожиданно вызывает его ночным звонком. Прежде чем сказать ему, зачем она его вызвала, она, словно, отчитывает его: «Ты мало знаешь о своей культуре и своем народе. Ешь побольше, ты же хочешь стать американцем. Но что такое американец? Здесь все откуда-то приехали. Пройдут века, но американцы в первую очередь останутся людьми, откуда-то приехавшими. Большинство из них помнят. Ирландцы помнят. Англичане помнят. Африканцы помнят. Корейцы, евреи. И ты должен помнить». Она напоминает ему: «ты свой мир получил в наследство от нас»⁸⁵⁶. когда же она говорит ему, чтобы тот пошел и посмотрел ее сына Алекса в соседней комнате, то тот уже мертв. Все становится ясно: Ада больше долго не протянет, и «послом мертвых» станет он.

В целом украинская тематика в романе Аскольда Мельнычука прописана более тонко и реалистично, возможно – более украински. Это стало возможно в силу того, что он в большей степени владеет языком, часто бывает в Украине и периодически обращается к творчеству украинских авторов, переводя их на украинский язык. Роман базируется на своеобразной триаде: воображение – представление – культура⁸⁵⁷. Мельнычук сознательно конструирует американское украинское сообщество, представляет его американскому англоязычному читателю, что создает специфический тип украинской, локализованной в Америке, культуры, который базируется, возможно, на американском политическом и украинском этническом опыте. Скорее всего, именно это знакомство Мельнычука с украинской литературой в первоисточнике позволяет воспринять его как украинского американского писателя. Однако украинские сюжеты ограничены набором тем, хорошо понятных для англоязычного читателя – голод, война, эмиграция... По сравнению с американской линией украинская поэтому прописана несколько слабее. Американские сюжеты – одна из сильных сторон книги. Здесь Мельнычук описал то, что знает реально, на чем базируется его личный опыт. И та Украина, которую мысленно представляли себе американские украинцы, литературно явно выписана лучше, чем Украина, представленная в собственно украинской линии романа.

Канадские и американские украинцы смогли относительно быстро найти свое место в американском и канадском обществе, интегрировавшись в него. Эта интеграция не означала полной ассимиляции, разрыва с языком и культурой. Украинцы были в состоянии сохранить важнейшие атрибуты нации и способствовать утверждению в Канаде мультикультурализма. Сохранение идентичности не исключает глубокой ассимиляции. Степень ассимиляции различна, она привела к отдалению от украинской

⁸⁵⁵ Identifications: Ethnicity and the writer in Canada / ed. J. Balan. – Edmonton, 1982.

⁸⁵⁶ Мельнычук А. Посол мертвых / А.Мельнычук // Дружба народов. – 2004. – № 6. – С. 127.

⁸⁵⁷ Kostash M. Imagination, representation, and culture / M. Kostash // Literary pluralities / ed. C. Verduyn. – Peterborough, 1998. – P. 92 – 96.

общины значительного числа граждан Канады и США украинского происхождения. Глубина ассимиляции очевидна, если обратится к анализу творчества американско-канадских писателей с украинскими корнями. Анализируя их работы, мы можем разделить их на несколько групп. Первая группа представлена авторами украинского происхождения, которые являются двуязычными. Английский язык – не основной язык их творчества. Писатели второй группы знают оба языка, но пишут на английском. Степень владения украинским различна, варьируясь от поверхностной до глубокой. Третья группа – авторы украинского происхождения, которые пришли к украинскому языку и культуре в зрелом возрасте. Они не в состоянии в совершенстве овладеть им, и он не станет языком их творчества. Авторы четвертой группы, имея украинские корни, уже не идентифицируют себя с украинской культурой. Родной для них язык – английский, на котором написаны их произведения. Степень их интеграции наиболее глубока. В зависимости от стиля, направленности и содержания произведений мы можем отнести Кулык Кифер и Мельнычука к любой из этих групп.

Разделив американско-канадских писателей украинского происхождения на четыре группы, возможно выделить несколько вариантов описания украинского опыта. К украинской теме обращаются не все канадские авторы с украинскими корнями. Наиболее ясные и четкие и соотносящиеся с реальной ситуацией образы Украины мы находим у двуязычных писателей. Приходится признать, что украинский язык – важнейший канал приобщения к украинской культуре и истории. Владение им, осознание и принятие его именно как родного языка – важнейший канал создания подлинно художественных образов Украины. Творчество американско-канадских авторов, которые преимущественно англоязычны, демонстрирует нам несколько иной дискурс восприятия Украины. Произведения этих авторов встречают наибольшее число претензий и возражений со стороны канадских украинских деятелей, связанных с украинской средой: сталкивается северо-американский опыт восприятия Украины с теми представлениями украиноязычных интеллектуалов. Образ Украины у писателей украинского происхождения, пишущих на английском языке, именно северо-американский, так как они сформировались как авторы в местном канадском англоязычном социуме.

В данном случае уместно вернуться к проблеме, заявленной выше, проблеме модели развития украинской англоязычной литературы в Канаде. Если украинский канадский историк Орэст Мартынович в отношении собственно украиноязычной литературы в Канаде отмечает, что она пережила маргинализацию (последний вариант, согласно типологии Э. Падольски)⁸⁵⁸, то модель развития англоязычной украинской литературы опреде-

⁸⁵⁸ Martynowych O. Ukrainians in Canada: The Formative Period, 1891 – 1924 / O. Martynowych. - Edmonton, 1991. - P. 609; Padolsky E. Ethnicity and Race: Canadian Minority Writing at a Crossroads / E. Padolsky // Literary Pluralities / ed. C. Verduyn. - Peterborough, 1998. - P. 19 - 36.

литель сложнее. Падолски упоминает три модели - интеграцию, ассимиляцию и отдаление. Последнее характерно для литературы на украинском языке, хотя степень ее маргинализации преувеличивать не следует. Англоязычная проза пережила интеграцию, которая вылилась в ассимиляцию. Глубина и особенности этой ассимиляции не имеют общего характера и индивидуальны для авторов украинского происхождения, пишущих на английском языке.

Из этого вытекает проблема собственно идентичности, границы которой размыты, четкие рамки отсутствуют и строгая классификация маловероятна. Незначительная часть канадских писателей украинского происхождения, пишущих на английском языке, осознает себя как украинцев, идентифицируясь с украинской культурой. Их творчество может быть билингвальным. Писатели, знающие украинский язык, но пишущие на английском имеют двойную размытую идентичность. Украина для них уже не родина, а - родина предков. Она превратилось в «место памяти». Украинская культура, украинский язык, украинские традиции - так же не являются для них родными. Неправильный украинский язык - это своеобразное наследство от родителей, которые, возможно, знали его лучше.

Украинский язык одновременно и связывает американско-канадских писателей с украинским сообществом и отдаляет от него. Украинские канадские и американские украиноязычные интеллектуалы никогда не будут готовы признать их как украинцев⁸⁵⁹. Они примут их как канадцев или американцев украинского происхождения. Именно для таких авторов поиски своей украинской идентичности и своей Украины представляют интерес. Джэнис Кулык Кифер и Аскольд Мельнычук решили искать Украину в зрелом возрасте. Они пришли в Украину сознательно, хотя раньше она их мало интересовала. Этим сходство ограничивается. Возможно упомянуть различия, связанные с творческими стилями и методами писателей. Роман Д. Кулык Кифер - роман феминистский, а не украинский. Именно феминизмом, желанием утвердить свободный выбор женщины, которая вольна

⁸⁵⁹ Максим Тарнавський пише в зв'язі з цим с сарказмом: «But it is also immediately obvious that this is a completely unjustified assumption. Even if Keefer and Melnychuk were descriptive realists like Dickens or Tolstoy--which they are not-- and even if both writers were explicitly concerned with depicting Ukrainians in their respective countries--this, at least in part, they are--then they would still be expressing their own personal views. If the former Governor General of Canada were to write about his experiences as a Ukrainian in Canada, would the world he describes correspond to the one in which the grandson of Stepan Bandera lives? Probably not! And so too the authors we approach today, must not be regarded as spokespersons or representatives. Rather, like the frogs lined up for dissection in a high school biology class, they are unique and individual specimens. With scalpel in hand, we must find an approach that will reveal the characteristics of the entire species, without destroying the peculiarities of the individual. The novels before us offer a great variety of incision points for our scalpel». См.: Tarnawsky M. "What is Told" in "The Green Library". History, Institutions, Language. A Paper presented at the conference Cross-Stitching Cultural Borders: Comparing Ukrainian Experience in Canada and the United States. October 29 - 31, 1998. Toronto / M. Tarnawsky // Canadian Ethnic Studies. - Vol. 31. - No 3. - P. 104.

в определении идентичности, он проигрывает романам А. Мельнычука. Книги последнего далеки от модного феминистского дискурса, что не делает их более примитивными. Это делает их более искренними и наивными в поиске Украины. Возможно, между двумя авторами есть и еще одно сходство. Они не открывают Украину, они не описывают Украину реальную. Перед ними и не было такой цели. Украина для них - одно большое ими же «воображаемое сообщество».

В целом, романы Джэнис Кулык Кифер и Аскольда Мельнычука демонстрируют нам связь языка написания с теми представлениями о родине, которые этот язык формирует. Такая ситуация стала возможно, скорее, в силу того, что и Дж. Кулык Кифер и А. Мельнычук, вероятно, сами, не отдавая себе в этом отчета, создавали свои украинские нарративы в рамках постколониального контекста. Украина, выписанная ими, это колонизованная украинская реальность, которую они пытаются деколонизовать: с одной стороны, ментально ее осмыслить, представить как свое большое место памяти, а, с другой, понять ее и, тем самым, освободить. Набор украинских дискурсов, который мы наблюдаем в романах англоязычных писателей украинского происхождения, постколониален в силу языка описания.

3.4. Национализм в современной Российской Федерации: тенденции и противоречия

В предыдущих лекциях мы говорили, как правило, о тех национализмах, которые не имеют отношения к российской проблематике. Исключением является лекция, посвященная особенностям чувашского историописания в контексте развития идентичности и национализма. Эта лекция так же будет касаться чувашской тематики, но лишь от части. Мы попытаемся проанализировать развитие национализма на примере двух дискурсов – русского и чувашского.

Это вызвано тем, что современная Российская Федерация является многонациональной страной и говорить, например, только о русском национализме означает крайне упрощать проблему. К тому же мне кажется, что русский национализм, хотя и самый влиятельный, но не самый интересный по своим конкретным дискурсам, которые мы могли бы проанализировать.

В начале лекции я хочу сразу акцентировать внимание на нескольких аспектах: во-первых, я не согласен с имеющимися в политологической литературе попытками в контексте национализма анализировать деятельность Русского Национального Единства, Славянского Союза и прочих организаций; во-вторых, я не согласен с попытками интерпретировать деятельность Единой России так же в категориях анализа национализма. По-

ясню свою позицию. Движения типа РНЕ маргинальны и имеют весьма отдаленное отношение к национализму. Единая Россия так же не является ни национальной, ни националистической партией в силу двух обстоятельств – она себя в качестве таковой не позиционирует и второе (принципиально важное соображение) эта партия является постсоветской и, поэтому, тенденция к сращиванию с государственно-административным аппаратом более очевидна, чем стремление позиционировать себя как политическую партию европейского типа.

В целом, мне кажется более целесообразным анализировать национальные / националистические движения в силу значительной присущей им специфики в рамках отдельного лекционного курса. Для РНЕ там, вероятно, точно найдется место в то время, как Единая Россия является более сложным казусом для политического анализа. Прежде чем непосредственно перейти к анализу заявленных в начале лекции националистических дискурсов, необходимы несколько теоретических замечаний. Во-первых, в России на протяжении ее истории развивались несколько националистических традиций и различные националистические дискурсы могли друг с другом конкурировать – это относится как к отношениям между русским национализмом и национализмами нерусских народов, так и борьбе различных тенденций в рамках русского национализма. Иными словами, русский национализм в России не имел ни политической, ни интеллектуальной монополии.

Во-вторых, для развития национализмов в России характерна более замедленная динамика, чем в Европе, что характерно для русского национализма, а так же для других национализмов. В-третьих, русские как этническая группа, в отличие от ряда европейских наций, не знали угнетения со стороны инонациональной группы, что оказало существенное влияние на развитие русского национализма. В-четвертых, русское национальное движение практически никогда не имело массового характера, и в рамках русского национализма доминировал т.н. «высокая культура». В-пятых, в советский период наметилась тенденция синтеза национального и социального движения, что характерно, в первую очередь, для нерусских национализмов.

В-шестых, русский национализм и национализмы других наций, проживающих на территории России, смогли стать политическими движениями только в 1990-е годы при сохранении значительного культурного и интеллектуального течения, которое продолжает доминировать. В-седьмых, в России достаточно сложно провести границу между политическим и этническим национализмом в силу того, что русского политического национализма, вероятно, пока не существует, а в национализмах других наций политическое и этническое содержание глубоко переплелись.

Вероятно, это соображение наиболее важно для анализа национализма в современной России. Это – основные особенности развития национализ-

ма в России, о которых, как мне кажется, нам не следует забывать, анализируя три националистических дискурса – русский, чувашский и эрзянский. Анализируя доступные и открытые источники по этой проблематике, я решил сосредоточить свое внимание на «интеллектуальной» активности русских и чувашских националистов, подобрав относительно новые тексты, которые, как мне кажутся, актуальны и отражают то состояние, в котором пребывает националистический дискурс в России.

Следует начать с русского национализма. В качестве текста, от которого мы будем отталкиваться, я решил остановиться на книге Егора Холмогорова «Русский националист». Это – текст не самого лучшего литературно-публицистического качества, но, с другой стороны, очень показательный написанный в эклектической манере, свойственной почти всем националистам. Егор Холмогоров пытается придать своей концепции русского национализма универсальный характер. Он склонен к теоретизированию, попыткам доказать изначальность и непогрешимость русского национализма по сравнению с другими. Под национализмом им понимается следующее: «...национализм это политическая идеология, политическое учение, которое настаивает на том, что приоритет во всех делах государства должен принадлежать не отдельному лицу – монарху или президенту, не определенному сословию – олигархам, аристократам, чиновникам и так далее, не абстрактной сумме всех избирателей, а Нации, особым образом организованной совокупности граждан этого государства...»⁸⁶⁰.

Холмогоров отрицает, что в националистической идее содержатся призывы к разжиганию национальной розни или негативное отношения к представителям других наций. Он, наоборот, склонен обвинять в этом другие политические идеологии: «...сам по себе национализм никакой ненависти к другим нациям не предполагает. С той же основательностью можно сказать (и ведь говорили много раз), что идея демократии предполагает ненависть ко всякому сколько-нибудь выдающемуся над толпой человеку. А идея либерализма непременно порождает ненависть богатых к бедным. Если судить об идеях по их искажениям, то ни одна самая светлая, самая чистая и прекрасная идея не останется незапятнанной...».

В этом контексте для Е. Холмогорова характерно противопоставление националистического дискурса с другими политическими идеологиями, в первую очередь – с левыми. Е. Холмогоров склонен обвинять политических оппонентов в сознательном расколе общества в то время, как националисты, по его мнению, стремятся к общественной консолидации: «...вопреки лжи социалистов и коммунистов старой закалки, не усвоивших уроков истории, национализм не является идеологией богачей, которые вбивают ее в голову бедняков, которых отвлекают тем самым от классовой борьбы. Наоборот, национализм во все времена был идеологией простых

⁸⁶⁰ См.: Холмогоров Е. Русский националист / Е. Холмогоров. – М., 2006. В дальнейшем все цитаты по этому изданию.

людей, уставших от того, что элита, влившись в те или иные интернациональные структуры, начинает направо и налево торговать родной страной...».

Понятие «национализм» Е. Холмогоров склонен анализировать в контексте понятия «нация», под которой он понимает: «...Нация это совокупность людей живущих на определенной территории, являющихся или желающих быть гражданами одного государства, объединенных общей историей и решимостью продолжать эту историю дальше, то есть общими планами на будущее...». Холмогоров, как и другие националисты, вообще склонен крайне много писать о нациях, ее внеисторичности, современности, присущих ей качествах.

В итоге нацией, в трактовке Е. Холмогорова, оказывается «...нация является одной из важнейших структур, обеспечивающих человеческую солидарность в масштабах «большого» исторического времени. Это солидарность, прежде всего, в созидании будущего, общего для всего сообщества, будущего предсказуемого и связанного с прошлым и настоящим. Нация обеспечивает существование человеческого сообщества в условиях долговременных исторических конфликтов с другими сообществами, передает в руки сообщества контроль за государством как инструментом такого конфликта, создает механизмы этнического союза, позволяющего этническому сообществу инкорпорировать в себя, в соответствие своим целям иные этнические и субэтнические сообщества. Наконец, нация оформляет “предельное историческое задание” человеческого сообщества, его эсхатологию...».

С понятием «нация» в трактовке Е. Холмогорова связан и термин «народ», под которым он понимает «...носителя культурной самости, носителя идентичности, которая утверждается и отстаивается в историческом конфликте ...». Несколько развивая и конкретизируя определение «народа», Е. Холмогоров пишет, что «...народ сосредоточивает в себе ту культурную, религиозную жизнь, развивает язык, которые представляют внешнему наблюдателю своеобразие и отличие России от любой другой страны. Народ, этнос – понятие психологическое и культурное. Членам единой нации обязательно иметь одинаковую картину мира, но не обязательно иметь одинаковый бытовой, культурный строй. Народ объединен и общностью повседневной жизни. Русская государственность никогда не требовала от народов, вошедших в состав России, непременно включения в русский народ, ассимиляции, и тем удивительней то, что эта добровольная ассимиляция во многих случаях успешно шла...».

Как русский националист Е. Холмогоров предпочитает писать о русской нации: «...Русские националисты говорят об этой общности людей как о Русской Нации...». Для Е. Холмогорова, как и для его исторических предшественников, характерно максимально широкое восприятие русской нации и включение в ее состав украинцев и белорусов, которым он отка-

зывает в праве на независимое существование. И хотя выше мы цитировали фрагмент из книги Е. Холмогорова, где тот утверждал, что национализм не несет в себе некой изначальной агрессии в отношении других наций, слова «...прежде всего, потому, что никаких «русских» в противоположность, например, украинцам и белорусам не существует. Великая ветвь восточного славянства называлась и называется «великороссы», то есть те, кто живут в Великой России, в России, распространившейся далеко за свои первоначальные пределы. Украинцев раньше часто называли малороссами, то есть жителями Малой России, России Первоначальной, вокруг Киева. Но потом они почему-то решили, что это название для них обидно и стали титуловать себя украинцами, то есть окраинными жителями, что, на мой лично взгляд куда обидней...» свидетельствуют скорее об обратном.

Примечательно в этом контексте то, что если мы попытаемся сравнить подобную риторику русских и украинских националистов, то заметим, что для украинского национализма присущая некая рациональность (политические националисты стремятся в чем-то обвинить русских, облекая обвинения в политические и исторические формулировки, но никто не пишет о том, что русских как нации не существует), а для русского иррациональность (вместо того, чтобы принять факт распада восточного славянства русские националисты пытаются вообразить украинцев как «неправильных себя»). В целом, для Е. Холмогорова, как и для любых националистов, вообще характерно почти мистическое отношение к нации. Вместо попыток анализа исторических особенностей русских мы находим воспевание некой русской неповторимости и уникальности: «...что значит сказать “мы русские”? Это значит возложить на себя “шапку Мономаха” тяжестью в одиннадцать веков и 43 года, если считать от воцарения Рюрика, а можно ведь считать и раньше. Это значит дать ответ перед поколениями и поколениями наших предков, которые создали нашу землю, сохранили, украсили её и оставили нам в наследство. Это значит мерить себя другой меркой и взвешивать совсем на других весах...». Попытки интерпретировать русских в почти мистических категориях не принадлежат к числу сильных сторон книги Е. Холмогорова.

Подобно другим националистам, Е. Холмогоров – явный и яркий примордиалист. Он верит в изначальность и внеисторичность русской нации: «...в противоположность историческому беспамятству Национализм предполагает, что Нация состоит не только из тех, кто живет, но и из тех, кто умер недавно или давно, из наших прадедов и прашуров. Все они имеют право голоса в обсуждении того, как нам жить дальше. Все они имеют право требовать от нас, чтобы мы продолжили их дело и сохранили то, что они нам оставили...». Холмогоров пытается полемизировать с исследователями национализма, которые склонны видеть в нем явление современной истории. Холмогоров склонен сами понятия «нация» и «национализм» историзировать. Согласно его логике, нации существовали всегда на протя-

жении всей истории и, поэтому, национализм возник задолго до того, как полагают исследователи-модернисты.

Комментируя эту точку зрения, Е. Холмогоров пишет, что «...Жанна Д'Арк, икона французского национализма, это не городской интеллектual конца XVIII века, а народная героиня, простая крестьянка, умевшая, однако, провозглашать в простых и доходчивых, идущих от сердца словах, провозглашать базовые для французского национализма формулы. Жанна – подлинная мученица национализма, освященного светом христианской веры, но отнюдь не первая его мученица – элементы национальной мобилизации и националистического сознания разбросаны в истории от древнего ханьского Китая и Эллады, до Макиавелли и Святителя патриарха Гермогена...».

О подобном, как мы помним, пишет и Энтони Смит. Но Егор Холмогоров – это не Энтони Смит. По методологическому инструментарию, которым пользуются авторы, Э. Смит – признанный академический ученый, в то время как Холмогоров остается националистом-полемистом. Помните, выше мы говорили о весьма специфическом отношении Е. Холмогорова к нерусским нациям на примере восточных славян. Его негативное отношение к ним только украинцами и белорусами не ограничивается: «...в сегодняшней России идет большая распря не между русскими и “другими национальностями”, а между русскими и сознательно нерусскими. Между теми, кто приемлет наследство веков, кто знает, что жизнь началась не вчера и кончается не завтра, и теми, кто живет одним днем, одним часом, иногда – одной минутой, в течение которой деньги перебрасываются со счета на счет. Этим вторым выгодно спрятаться за какую-то этническую вражду, которой на самом деле нет, и обвинять русских националистов в ксенофобии...».

Это, вероятно, не просто классический, но крайний примордиализм. Приняв логику Е. Холмогорова, мы должны признать, что все народы России являются неправильными или несостоявшимися русскими. В этом контексте Е. Холмогоров полемизирует с одним текстом, известным как Конституция Российской Федерации. В то время, как в Конституции утверждается, что «...каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность... никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности...каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества...»⁸⁶¹, то Е. Холмогоров склонен интерпретировать ситуацию несколько иначе: «...националисты исходят из того, что быть гражданином одного с нами государства – значит быть членом одной с нами нации, русской нации. А быть членом русской нации – это и большая ответственность и высокое достоинство. А значит должны

⁸⁶¹ Конституция Российской Федерации // Конституции стран СНГ и Балтии / сост. Г.Н. Андреева. – М.: Юристъ, 1999. – С. 343. В тексте я процитировал 26 статью Конституции РФ.

существовать жесткие критерии отбора, которые позволят получить человеку и высокие права и высокие обязанности. Это – знание русского языка, это понимание особенностей не только нашей истории, но и нашей нынешней культуры, это способность искренне болеть за Россию и русских, считать себя с ними братом...».

На этом полемика с Основным законом у Е. Холмогорова не заканчивается. В то время, как Конституция не допускает пропаганды социальной ненависти и вражды, то Холмогоров оставляет за населением право «...перевешать элиту на фонарных столбах, если её торговля Родиной зайдет слишком далеко...». В такой ситуации для Е. Холмогорова характерны и весьма специфические идеи об особенностях политического и государственно-административного развития России. Отрицая современное административное устройство, он пишет о том, что «...националисты считают, что государство должно быть национальным... национальное государство это государство, которое существует ради Нации, в ее интересах и под ее высшим суверенитетом... это значит, что другой цели, кроме блага нации, государство не ставит...».

Для русского национализма в рецепции Е. Холмогорова характерна тенденция добровольного выставления себя за пределы политического дискурса. То течение, к которому принадлежит автор анализируемой нами сегодня книги, отказывает в легитимности таким акторам (участникам) политического процесса как политические партии: «...национализм – это не партийная программа, это определенная подкладка, которую, с нашей точки зрения, необходимо подшивать под любую программу. Правую или левую, социалистическую или капиталистическую, либеральную или консервативную. Под любую программу любой партии, если эта партия имеет своей целью не уничтожение России, а ее развитие и процветание, ее независимость и самостоятельность. Национализм – нормальный рефлекс, нормальное чувство нормального человека, так же, как патриотизм...».

Наряду с внутренними проблемами Е. Холмогоров уделяет значительное внимание и критике современной внешней политики России. В своем анализе этой проблемы он отталкивается от того, что «...в отношениях с “соседями”, отделившимися республиками бывшего СССР, России необходимо выйти из “постбеловежской” ситуации, характеризующейся двумя установками, противоположными по знаку, но едиными по сути. Установкой на “ностальгию по союзу” и установкой на “уважение независимости” отделившихся...».

В такой ситуации может возникнуть вопрос относительно особой националистической перцепции внешней политики России в современном дискурсе русского национализма. Русские националисты ничего принципиально нового не предлагают, полагая необходимым руководствоваться стремлением вернуть все отделившиеся территории: «...России необходимо начать предъявлять претензии там, где раньше предъявлялся отказ от

претензий, необходимо указывать на спорные вопросы там, где прежде их стремились игнорировать, наконец, необходимо видеть проблему катастрофического распада единого государства там, где прежде предлагалось видеть так называемый “цивилизованный развод”. Другими словами, России нужна идеология русской ирреденты. Идеология возвращения РФ тех территорий исторической России, на которые у нее имеется историческое и моральное право, и относительно которых есть практический смысл их возвращать...».

Невольно возникают аналогии и параллели с внешней политикой Германии в период между 1933 и 1945 годом, когда национал-социалистическое руководство так же было движимо идеей объединения всех немцев в рамках одного государства. Это, как мы помним, закончилось второй мировой войной, в результате которой на политической карте Европы вместо двух Германий появились сразу две. Нам, вероятно, сразу следует признать, что концепция внешней политики России в националистическом прочтении не отличается ни оригинальностью, ни глубоким политическим анализом.

В этом контексте мы вынуждены согласиться с мнением, которое уже неоднократно высказывалось в западном национализмоведении, о том, что идеологам национализма, как правила, присуща некая «интеллектуальная нищета». В целом, Е. Холмогоров отказывает в легитимности постсоветским государствам, воспринимая их как временно отпавшие русские территории: «...в отношениях с “независимыми государствами” Современной России очень вредит этот пафос исторического и внешнеполитического равноправия, которому привержена вся наша внешняя политика последних лет, исторически не обоснованная. До XX века большинство отделившихся республик не имело исторической национальной государственности. Эта государственность была искусственно для них создана в рамках советской национальной политики. Более того, даже в составе СССР некоторые из этих государств были созданы как автономии РСФСР, то есть не были даже субъектами союзного процесса в 1922 году, и лишь впоследствии были выделены как отдельные административные единицы “союзные республики”...».

Но, вероятно, и сам Е. Холмогоров понимает, что подобные идеи звучат столь радикально, что могут быть восприняты как экстремистские и маргинальные. Поэтому, он пытается доказать, что русские националисты не ставят под сомнение факт существования государств, возникших после распада Советского Союза. В связи с этим он пишет, что «...современная Россия не ставит под сомнение независимое существование отделившихся народов исторической России. Хотят – пусть живут отдельно. Но никакого права на ограничение суверенитета и прав России признаваться не должно. И попытки ограничения прав России должны приводить к немедленной постановке вопроса о принадлежности тех или иных территорий. Политика

современной РФ велась долгие годы прямо противоположным образом. Мы ставили под сомнение право украинцев избирать Ющенко, киргизов свергать Акаева, а грузин подчиняться Саакашвили. Мы пытались влиять на страны СНГ как независимые государства и контролировать их политические системы...».

В целом, русский национализм в интерпретации и прочтении Е. Холмогорова предстает как весьма эклектичный проект, раздираемый внутренними спорами и противоречиями, части которого почти несвязанны между собой. Иными словами, современный российский контекст развивается в условиях сосуществования и взаимной конкуренции политического и этнического национализма. О конструктивной и деструктивной силе этих двух течений судить сложно, хотя не исключено, что деструктивные элементы в условиях радикализации националистического спектра в политической жизни России могут возобладать.

Оставим на время русский националистический дискурс и обратимся к работам чувашских авторов. Чувашские националисты более интеллектуальны, чем их русские коллеги. Судя по их текстам, они прочитали не только русскую националистическую критику нерусских националистов, но и некоторые зарубежные «умные» книжки. В Чувашии мы наблюдаем интересный феномен – смыкание национального и интеллектуального (университетско-академического) дискурса. В этой ситуации чувашский националистический дискурс анализировать гораздо интереснее.

Сами чувашские интеллектуалы признают, что чувашский национализм имеет ряд особенностей, которые выделяют его из массива соседних национальных и националистических движений. Один из ведущих чувашских интеллектуалов Б. Чиндыков, комментируя специфику националистического дискурса в Чувашии, пишет, что «...особенностью чувашского национализма, в отличие от соседних республик, являлось то, что в нем напрочь отсутствовала коммунистическая составляющая. Это было вызвано как демократическим, антикоммунистическим мышлением лидеров национального движения, так и ярко выраженным неприятием чувашскими коммунистами целей и задач национального ренессанса. И раньше, в советские годы, руководство Чувашской областной партийной организации по сравнению с партийными организациями других значимых автономий всегда с большой опаской защищало интересы республики и зачастую само являлось инициатором подавления национальных устремлений своего народа в области образования и культуры, не говоря уже о какой-либо защите национальных прав чувашской диаспоры...»⁸⁶².

Для чувашского национализма, по мнению его теоретиков, актуальной является задача сохранения чувашской нации и реализации ее права на выбор собственного пути развития: «...сегодня вопрос стоит не о том, чтобы

⁸⁶² Чиндыков Б. Время и пространство ЧНК. Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru>

чуваши могли получать образование на родном языке, к чему пытаются иногда свести все разговоры... сегодня речь должна идти о том, какую ценность может представлять чувашская цивилизация в выборе парадигмы развития...». Виктор Аванмарт (Егоров)⁸⁶³, например, полагает, что постепенная политика подавления чувашской идентичности, которая в латентном виде имеет место, влияет крайне негативно не только на чувашей, но и на саму Россию, ослабляя ее политическое единство, способствуя росту национальных противоречий: «...Россия много потеряла, и продолжает терять от подавления чувашской цивилизации. В недрах этого древнего народа – земледельца сохранились те ценности, которые в условиях все сокращающихся ресурсов могут составлять основу новой нравственности...». Аванмарт тревожно оценивает перспективы развития чувашской нации: «...сегодня же сама самобытность чувашского народа подвергается огромной эрозии, так называемой западной культурой, которая проникает настолько глубоко, насколько оно более подвержено русификации и христианизации...»⁸⁶⁴.

Анализируя развитие чувашского националистического дискурса на современном этапе, следует принимать во внимание тенденцию к его дефрагментации. С другой стороны, носители националистического нарратива являются, как правило, представителями интеллектуального сообщества, которое, в свою очередь, так же не знает внутреннего единства. Писательские организации являются важными каналами для поддержания, сохранения, развития и трансляции вовне чувашской идентичности. В настоящее время в Чувашии насчитывается три крупных объединения местных писателей, которые в разной мере контактирует с изданиями на чувашском и русском языке. Крупнейшие чувашские издания – газеты «Хыпар» и «Хресчен сасси». Русскоязычный журнал «Лик» так же демонстрирует своеобразный чувашский националистический дискурс, выполняя роль привлечения к чувашской культуре чувашей, утративших родной язык, и русского населения.

Эта расколотость значительно вредит чувашскому национальному движению на современном этапе, усиливая негативные тенденции в рамках самой чувашской нации, о чем писал, например, известный чувашский писатель Хведер Уяр (1914 – 2000), который в своем эссе «Почему чуваш не любит чуваша» констатировал, что «...на самом ли деле чуваш не любит чуваша? Есть ли в жизни подтверждение этому? Сколько угодно! - утверждает автор. Уже само отрицание чувашами чувашского говорит о многом. Обращение в татар целых чувашских деревень. Неверие в будущее своей нации. Привычка жить в угоду соседним народам. Может, наши

⁸⁶³ Егоров В.Г. Чуваш просвещенный / В.Г. Егоров // Канаш. – 1998. – №6 – 8, 10 – 12.

⁸⁶⁴ Аванмарт (Егоров) В. Школа Яковлева в Симбирске как ноосферный полигон. Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru>

предки тогда уже заметили близость чувашского и татарского языков, вполне может быть...»⁸⁶⁵.

Хведер Уяр полагал, что ассимиляционные процессы в XX веке значительно ослабили потенциал чувашей. С другой стороны, советская политика, которая культивировала национальный нигилизм и развивала у нерусских народов комплекс национальной неполноценности привела к падению уровня бытовой и политической культуры чувашского населения: «...Теперь же чувашский интеллигент ближнего своего видит в русском, тянется к русскому. Мы знаем: русский народ многочислен, он сильнее, культурней, иногда нахальнее, наглее (в последнем убеждает интервенция российских войск в Чечню). "Шишки", сливки чувашской «интеллигенции», правдиво показанные писателем Семеном Хуммой, учитывая данное положение вещей, решили вконец обрусеть – практично и удобно. В этом «деле» нашим молодцам очень стараются помочь их жены – русские или обрусевшие в городе чувашки. В итоге после женитьбы подобный грамотей вскоре начисто забывает по-чувашски и писать, и говорить. Наварное, ситуация обусловлена культурным уровнем человека. Почему-то такой забывчивости у представителей других народов я не замечал. Знающий несколько языков француз никогда не перекрасится в англичанина или немца. Родной язык у него остается родным, и никакого ренегатства... и только чуваш, немного заговоривший по-русски, по своей глупости и под влиянием жены начинает забывать родной язык и стыдится своей национальности. Слава богу, хоть чувашский акцент остается. И где он, пресловутый зов крови?...».

Хведер Уяр констатировал, что в советский период в Чувашской АССР, действительно, имели место процессы, которые, с одной стороны, демонстрировали ошибочность и недальновидность национальной политики, и, с другой, способствовали росту недовольства советской политики, которая постепенно начала ассоциироваться с русификаторскими тенденциями: «...мы уничтожаем самих себя. У нас нет народного вождя, батыра, как Шамиль, Дудаев, наш Яковлев. А тем, кто мог бы выйти на этот уровень, или перебили бы крылья, или для них все кончилось бы тюрьмой. Москва была мастером по этой части. Чтобы нерусские народы не рассуждали о своих лидерах, вооружилась всемогущим термином. Похвалил свой народ - ты националист. Осмелился на городском собрании в присутствии нескольких русских выступить с чувашской речью – все, ты националист. Надел национальную одежду – уже слов нет, ясно. Жена чувашка, и вы говорите по-чувашски – вы националисты. Коммунисты утверждали, что самые надежные те, кто взял в жены русскую. Нельзя было выделять чувашский народ, показывать свое лицо. Писали по указке так: “Под чутким руководством великой партии, как и все дружные народы советской страны,

⁸⁶⁵ Уяр Х. Почему чуваш не любит чуваша? Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru>
Далее – все цитаты по этому источнику.

чуваши...” И так всегда. Нечто среднее статистическое, ни души, ни лица...».

Современные чувашские интеллектуалы полагают, что подобные настроения не изжиты окончательно. По мнению ряда чувашских авторов в современной Чувашской Республике проводится античувашская политика, инициированная, с одной стороны, русскими националистами, а, с другой, местными политическими элитами, которые не имеют четко выраженной национальной идентичности, являясь по своей сути советской (или постсоветской) элитой. В связи с этим Б. Чиндыков пишет, что «...Самыми яркими противниками идеи и практики национального возрождения Чувашии открыто выступали республиканские отделения общероссийских общественно-политических движений и партий. Изю всех сил изобличая сталинизм и советскую власть, «демократы» тем временем бессознательно продолжали мыслить сталинской категорией «буржуазного национализма», когда дело касалось национального вопроса. Возрождение чувашского духа и начало наполнения чувашской государственности реальным содержанием были объявлены национализмом...В России, как правило, вину за любой этнополитический конфликт или рост напряженности всегда принято сваливать на то или иное национальное движение, преследующее цели защиты родного языка, культуры и земли. В условиях России оно и не может быть по-другому, ибо Россия как государство веками формировалось в атмосфере беспрестанного захвата и покорения. В менталитете правителей (и, видимо, большинства населения) никогда не было чувства равноправия по отношению к другим народам (будь то к своим или чужим), поэтому в России всегда с особой жестокостью подавлялись любые устремления к национальной независимости, будь то польское, финское или другое национально сопротивление...»⁸⁶⁶.

Подобные идеи в чувашском националистическом дискурсе не облекаются исключительно в такие формы, связанные с литературой. В ряде случаев чувашский национализм заявляет о себе как политическое движение. В таких ситуациях его лидеры говорят языком политических манифестов и прокламаций. Например, в 2005 году в Чебоксарах на одном из съездов представителей чувашской интеллигенции было принято «Заявление о проблемах чувашского языка». Этот текст – интересный источник, который отчетливо демонстрирует некоторые тенденции развития чувашского националистического дискурса.

В тексте явно доминирует национальный нарратив: «...волей истории, в результате восточной экспансии Московии, чувашский народ оказался насильно включенным в состав России и вынужден был там находиться. В течение веков Российская империя в отношении нас, как, впрочем, и других нерусских народов, проводила политику национального угнетения,

⁸⁶⁶ Чиндыков Б. Время и пространство ЧНК. Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru>

причисляя к народам низшего сорта и подвергая нечеловеческим лишениям. Для России мы являлись лишь поставщиками молчаливой бесплатной рабочей силы и безропотного пушечного мяса ...»⁸⁶⁷.

Авторы текста пытались выстроить националистический дискурс, основываясь на оппозиции «чуваши / русские», «Чувашия / Россия». Именно поэтому, подчеркивалось, что «...в настоящее время Чувашская Республика также является единственным в мире государственным образованием, обязанным гарантировать чувашскому народу его развитие, расцвет и позволяющим наиболее полно удовлетворять его национальные потребности. В то же время она обязана создавать проживающим на ее территории национальным меньшинствам все условия для полноценного их развития, в том числе и реализации их национально – культурных потребностей...».

Указывая на то, что ЧР является государственным образованием, призванным поддерживать чувашей и развитие чувашской культуры, авторы заявления констатировали, что политика, проводимая властями РФ, противоречит интересам чувашей. По их мнению, «...мы вынуждены констатировать, что государствообразующая нация, составляющая, кроме того, по своей численности на территории Республики большинство населения, подвергается в своем же государстве языковой дискриминации. И это вызывающее тревогу явление наблюдается во всех сферах жизни чувашского общества. Вопреки требованию действующего законодательства, чувашский язык на административной территории Республики фактически не обрел статус государственного языка.

Обсуждение и принятие законов, заседания и распоряжения правительства Республики, ведение делопроизводства и переписки происходят не на государственном чувашском языке. То же самое происходит и на уровне органов местного самоуправления. Имеется много примеров отказа в приеме заявлений и обращений граждан в государственные, правоохранительные и судебные органы, а также отказа в защите законных прав граждан данными органами власти по языковому признаку...». В целом, эта идея пребывает в русле тех ценностей, которые сформулированы в Конституции Российской Федерации. С другой стороны, часть чувашских интеллектуалов полагает, что эти положения основного закона на территории ЧР не выполняются и саботируются.

Такие попытки отстоять права на использование родного языка, что закреплено в Конституции РФ, нередко вызывают раздражение и русских националистов и / или националистически ориентированных государственных служащих. Ситуация усугубляется и тем, что в общественный и культурный дискурс реализации языковых прав нередко вмешиваются службы, которые этим не должны заниматься. Такая политика в перспективе может привести к радикализации национальных движений в Россий-

⁸⁶⁷ Заявление о языковой ситуации в Чувашской Республике. Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru> Далее – все цитаты, относящиеся к тексту, по этому источнику.

ской Федерации, даже таких аморфных и не выраженных четко, как чувашское и, например, украинское.

В ряде случаев чувашские интеллектуалы, понимая, что все методы борьбы за свои права исчерпаны относительно национальной политики пишут со злой иронией. Например, известный чувашский писатель Владимир Степанов, комментируя успехи постсоветских государственных служащих в борьбе против мифического сепаратизма, пишет, что «...в Чувашской Республике опыт, накопленный в борьбе с национализмом, образует залежи многокилометровой толщины, его можно добывать открытым карьерным способом и свободно экспортировать в другие регионы. Пора Федеральному центру заинтересоваться богатствами Чувашии, они уникальны тем, что на территории республики никогда не было проявлений чувашского национализма. Были требования, призывающие к сохранению национально-этнической культуры, да и то в столь мизерном объеме, что всерьез говорить смешно, не сравнить с нормами международного права. Но национализм в Чувашии считается имеющим место, и народ здесь всегда начеку. И, чисто в российском духе, тратятся огромные средства на борьбу с тем, чего на самом деле нет...»⁸⁶⁸.

Некоторые пассажи В. Степанова могут показаться оскорбительными для российских националистов: «...борьба с национализмом в Чувашии идет с первых дней советской власти, продолжается сегодня и закончится только тогда, когда, наверное, чувашей в Чувашии вообще не останется. Это факт. Россия против казни преступников, но и то же время не против вынесения смертного приговора против народов, живущих на своей родине, но почему-то заселяющих территорию России. В этом и состоит суть гуманности по-русски. Так как в Чувашии национализмом воспринимается проявления родной культуры, то фактически поощряется негативное отношение чувашей к своей культуре. В итоге воспитывается поколение людей, для которого гражданственность – пустой звук и не существует ничего святого. Ошибаются те, кто полагает, что такое поколение будет беззаветно любить Россию. Для этих людей Россия всего лишь объект купли-продажи...».

Проблема же состоит в ином – в современной РФ исключительно российский национализм монополизировал за собой право именоваться патриотизмом в то время, как националистические тенденции среди нерусских интеллектуалов воспринимаются как проявления русофобии и антирусского национализма. Об этом пытается сказать и В. Степанов, указывая на то, что не следует абсолютизировать позитивные качества русских как главной государственной нации в современной Российской Федерации: «...существует стереотип, что русские лишены национализма (проскальзывает иногда, так, шовинизм), русская культура – гарант общественно-

⁸⁶⁸ Степанов В. Was ist das – чувашский национализм? Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru> Далее – все цитаты, относящиеся к тексту, по этому источнику.

социального благополучия. Главное, русские – политически надежные люди. Это – миф. Много говорят о терпимости, толерантности русских. Толерантность проявляется только тогда, когда человек забывает национальный язык и переходит на русский. Терпимость русских, на проверку, на самом деле терпимость других народов по отношению к русским. Если русских не терпели бы, происходили бы нескончаемые конфликты. А вот нетерпимость к другим народам – это российская норма...».

По мнению В. Степанова, русский национализм в значительной степени отличается от европейских национализмов. Русские националисты, не имея политического опыта, выдвигают максималистские политические требования. Именно в этой попытке унифицировать националистическое поле состоит важнейшая проблема русского национализма. В то время как в Европе немецкие националисты мирно сосуществуют с проявлениями особой баварской идентичности и баварского национализма, а в Испании кастильские и каталонские националисты пытаются общаться в режиме двустороннего диалога – русские националисты стараются не замечать не только национализмы нерусских народов, но и сами нерусские этнические группы.

Сложно прогнозировать развитие ситуации, но, вероятно, русский национализм сможет стать одним из факторов, которые будут способствовать дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в России – в первую очередь, на региональном уровне. Будучи представителем национального нерусского интеллектуального сообщества, В. Степанов полагает, что основная угроза целостности Российской Федерации кроется не в националистических устремлениях элит и интеллектуалов в нерусских регионах. По его мнению, русский национализм обладает большей разрушительной силой, чем национализм любого нерусского сообщества.

Комментируя это утверждение, В. Степанов пишет, что «...русский национализм обладает ужасной разрушительной силой. Одной из основных причин распада Советского Союза стало именно это явление (конечно, распад произошел при стечении нескольких обстоятельств, ясно, что только по одной причине СССР не распался бы). Стоило подписать Беловежское соглашение, народы сразу разбежались. Даже белорусы и украинцы стали проявлять нетерпимость к русским. К толерантной культуре так не относятся. Ответ на поверхности: русская культура – инструмент имперской политики... в России существуют ограничения посещения столицы Федерации Москвы, граждане своей страны воспринимаются как оккупанты, которых быстрее надо выкинуть из столицы. Национальные меньшинства воспринимаются до сих пор как инородцы. Вышло так, что вся Россия должна работать на Москву, иными словами, Россия – это колония Москвы. Поэтому внутренняя политика Федерации направлена на сохранение и развитие политики КПСС, когда человек должен был думать политически правильно, то есть в русле генеральной линии партии... компартия мало

уделяла внимания этносам. Царил классовый подход. В СССР не было народов, а имелись классы, прослойки и массы. Теперь в России – свои и чужие. В данной ситуации чувашаши воспринимаются как чужие...».

Чувашские национально ориентированные интеллектуалы склонны интерпретировать подобную политику в отношении нерусских народов не столько как проявление российского национализма, сколько как проявление крайне низкого уровня развития политической культуры в России – в первую очередь, политической культуры федерализма и диалога. В такой ситуации русским оппонентам чувашских интеллектуалов не хватает толерантности. Они практически не способны слышать голоса других национальных движений: «...вслед за расстрелом Верховного Совета РФ была спешно принята новая Конституция Российской Федерации, уравнивавшая в правах национальные автономии с обычными областями. Вместо того, чтобы трансформировать Россию – по примеру Евросоюза – в содружество государств населяющих ее народов (в форме федерации или конфедерации), обычные области России были объявлены такими же субъектами федерации, как и республики – тем самым была выхолощена сама суть федеративного устройства страны. Сделано это было, конечно, специально для того, чтобы “поставить на место” зарвавшиеся (то есть заявившие о своем суверенитете) республики и раз и навсегда покончить с “парадом суверенитетов”. И это было только начало – вся последующая политика Москвы эволюционировала в сторону не просто унификации субъектов федерации, но и целенаправленного искоренения из политической жизни России каких бы то ни было этнических компонент. Вскоре началась чеченская война, которая была направлена отнюдь не только против непокорной Чечни, но и, не в меньшей степени, против всех других национальных республик. Затем из новых российских паспортов была удалена графа “национальность” и было объявлено о формировании новой, “русской” нации. Затем Москва вынудила национальные республики отказаться от своих притязаний на независимость и привести свое законодательство в соответствие с законами РФ. Важным инструментом экономического давления на республики стали изменения в межбюджетных отношениях между Центром и регионами. Циничным образом был изменен “Закон о языках”, который обязал все российские народы использовать в своей письменности кириллицу...»⁸⁶⁹.

Поэтому чувашский национализм в РФ обречен на превращение в своеобразную дорожную полосу с односторонним движением, что крайне негативно влияет на динамику развития межнациональных отношений. Не исключено, что в будущем это может привести к взаимной радикализации как русского национализма, так и национальных движений нерусских народов. Выше я цитировал один из фрагментов, где упоминается «Моско-

⁸⁶⁹ Чиндыков Б. Время и пространство ЧНК. Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru>

вия». В принципе, я согласен, что сведение России до Московии нередко вызывает раздражение и непонимание у российских националистов. С другой стороны, у чувашских интеллектуалов есть своя логика, с которой сложно не согласиться. На протяжении всего существования ЧАССР они были вынуждены изучать чувашскую историю под русским углом зрения и нередко на русском языке. Такая ситуация по инерции продолжает сохраняться и в современной Чувашской Республике.

Поэтому, часть представителей чувашского интеллектуального сообщества пытается эту концепцию самым радикальным образом пересмотреть и отказаться от нее. Например, Лугусь Югур Кули (Н.Е. Лукианов) пишет, что «...мы в составе Российской империи находимся с XVI века, когда, как и другие народы Среднего Поволжья, были насильно включены туда в результате восточной экспансии Московии. Теория о «добровольном вхождении» не выдерживает никакой критики, поскольку она уже по своему определению изначально лишена какой-либо здравой логики. Никакой народ по своей воле не может проситься в рабство или в подчинение к другому народу, государству. Эту теорию нужно оценить как одну из версий для объяснения того, как чувашаи оказались в составе соседнего, по тем временам, не очень развитого государства с довольно дикими нравами, которая в то время отвечала потребностям определенной политической конъюнктуры, и не более. Вплоть до двадцатого века народ был лишен какой-либо возможности самостоятельно решать свою судьбу и определить свой политический статус...»⁸⁷⁰.

Проанализировав некоторые националистические дискурсы в России на примере русского и чувашского национализма, нам следует подвести итоги этой лекции. Русский и чувашский национализмы принадлежат к националистическим движениям совершенно отличного друг от друга типа. Русский национализм – это типичный национализм большой нации. Но в развитии современного русского национализма основная опасность сокрыта не в этом. Русский национализм – это национализм мессианского типа, потенциальный великодержавный национализм. Чувашский национализм – национализм совершенно отличного типа с мощным интеллектуальным течением.

Позитивным остается только то, что русские националисты не контролируют политический дискурс. За русским национализмом, как правило, нет идеи, нет теории и, как следствие, нет интеллектуалов. В отличие от русского национализма за национализмом современной чувашской интеллигенции есть своя идея, политическая идеология. Поэтому, крайне низкий уровень развития политической культуры – отличительная черта современного русского национализма. Чувашский национализм демонстрирует более высокий уровень политической культуры, в том числе – и культуры

⁸⁷⁰ Лугусь Югур Кули, Чувашское национальное движение: современное состояние и перспективы. Этот материал доступен на сайте <http://chuvash.ru>

диалога. Правда, русские националисты, к которым, как к своим оппонентам, иногда обращаются чувашские интеллектуалы, предпочитают этого вовсе не замечать. Русский национализм – это искусственный национализм.

Как не кощунственно звучит (для русских националистов) за русским национализмом нет никакой русской нации. В современной России проживает более ста миллионов носителей русского языка, которых следует превратить в нацию. Однако проблемы и перспективы нациестроительства практически не интересуют русских националистов, которые развивают иллюзию о существовании некоего великого русского народа. Никто не ставит под сомнение сам факт его существования.

С другой стороны, не имеет смысла отрицать, что этот народ испытывает немалые проблемы и сложности с собственной идентичностью. В такой ситуации перспективы развития русского и чувашского национализма остаются достаточно неясными и неопределенными. Вероятно, очевидно лишь следующее: пока РФ будет развиваться как относительно демократическая страна ни русские, ни чувашские крайние националисты не получат политического шанса. Но тенденции постепенного сворачивания демократических институтов ведут к росту национализма.

В этой ситуации основная опасность лежит не в сфере нерусских национализмов, которые будут развиваться как сугубо региональные феномены. Главнейший вызов российской государственности сокрыт в русском национализме, в котором в отсутствии умеренного интеллектуального течения лидируют маргинальные и радикальные националисты.

Заключение

Национализм – сложный феномен. Национализм – это явление, которое не принадлежит безраздельно ни одной социальной науке. Национализм – феномен исторический, политический, культурный, интеллектуальный. Вероятно, исследования национализма должны иметь междисциплинарный характер. Национализм – объективная реальность не только мировой политики, но и политической жизни в современной Российской Федерации и на постсоветском пространстве. Национализм – явление не просто историческое, но и динамично развивающееся. Он в полной мере проявляет себя в настоящее время, что подчеркивает необходимость изучения национализма.

Подводя итоги предыдущих лекций, нам следует акцентировать внимание на нескольких проблемах:

Национализм – политический феномен. На протяжении трех столетий своего существования европейский национализм так или иначе заявлял о себе как именно политический феномен. Эта политическая предопределенность в еще большей степени характерно для национализмов, которые появились после возникновения независимых государств в Северной и Южной Америке. В данном случае очевидна тенденция соприкосновения и даже тесного переплетения националистических движений с политическими идеологиями, в первую очередь – с либерализмом.

Этнический национализм. Проявления национализма не всегда ограничиваются политической сферой. В ряде стран и регионов национализм утвердился как этнический феномен, связанный с национальными и националистическими движениями. В этом случае этническая компонента в национализме подавляет политическую. Национализм может терять свою либеральную привлекательность. В период этнических чисток в Хорватии и Сербии, Грузии и Нагорном Карабахе мало кто из действующих политиков обращался к гражданским правам и либеральным ценностям. Права человека не выдержали конкуренции с национальными мифами.

Национализм и гражданские права. Великая французская буржуазная революция с ее триадой «свобода – равенство – братство» породила феномен политического гражданского национализма. Европейские и американские национализмы выросли из движений, который изначально развивались как политические и уже потом стали националистическими. Такие движения в качестве центральных требований выдвигали требования политических прав и гражданских свобод.

Национализм и идентичность. За национализмом всегда стоят интеллектуалы, носители «высокой культуры», которые сознательно как определенный проект выстраивают свою собственную идентичность, которую потом транслируют на носителей народной культуры, способствуя их постепенной национализации. Именно так большинство современных ев-

ропейских и американских наций обрели свою национальную идентичность.

Национализм и история. Нет более «лучшей» сферы для проявления своих национальных и / или националистических чувств и культивирования национальных или национально ориентированных нарративов чем история. Исторические исследования нередко могут оказаться в центре националистической рефлексии или политизированной националистической спекуляции. С другой стороны, умеренный национализм в исторических исследованиях в принципе имеет позитивное значение, способствуя укреплению идентичности и росту национального самосознания. Когда же национализм опускается до культивирования идеи национального превосходства и уничижительного отношения к историческим соседям, то он, вероятно, не имеет ничего общего с академической исторической наукой. Следует помнить, что такие националисты от истории характерны для любой исторической науке. В ряде случаев такой исторический национализм обретает маргинальные формы, хотя бывает сложно очертить границы нормы и маргинальности.

Национализм и мифы. Национализм – необычайно питательная среда для культивирования старых и создания новых мифов. Национализм порождает взаимную мифологию, способствуя формированию образа врага. В период между двумя мировыми войнами в Германии усиленно поддерживался и культивировался нарратив о том, что поляки – ленивая нация, которая незаслуженно занимает германские территории. Польские националисты, в свою очередь, писали о якобы присущей немцам изначальной воинственности. Те же германские националисты искренне верили в угнетение немцев в Чехословакии, а их чешские «коллеги» – в германизаторские антиславянские планы немцев. Мало кого в Польше, Германии и Чехословакии интересовало то, что в Средние Века в Центральной Европе уже не было этнически чистых территорий, а германизация нередко носила добровольно-вынужденный характер. Национализм в такой ситуации стал почти мифической категорией. «Парадокс» немецко-польско-чешского националистического треугольника состоит в другом. Давайте перелистаем межвоенные националистические польские, чешские и немецкие журналы. Среди немецких националистов было немало носителей славянских фамилий, а фамилии чешских и польских националистов подозрительно были похожи на немецкие.

Национализм и литература. Литература, как и история, чрезвычайно важна для развития национализма, поддержания и сохранения национальной идентичности. Европейские литературы нередко развивались как национальные проекты. Первые писатели не только создавали литературную норму, но могли быть и политическими националистами. Примечательно то, что некоторые из них могли иметь инонациональные корни, не могли говорить на языке крестьян, а писали на созданном ими и понятном для

интеллектуалов языке. Многие европейские литературы сберегли эту националистическую инерцию и в настоящее время. В умеренном национализме, который проявляется в литературе, нет ничего страшного. Национализм может проявляться даже в использовании своего национального языка, а не языка доминирующего национального сообщества. Опасно то, когда литература переходит рамки культурной идентичности, становясь каналом для транслирования на общество националистических идей. Вероятно, от подобной маргинализации не застрахована ни одна национальная литература. Но в такой ситуации литература перестает быть литературой, смещаясь в сторону политической борьбы.

Национализм и интеллектуальное сообщество. Национализм стал плодом развития «высокой культуры», его создателями и первыми сторонниками были нередко лишь создававшие его интеллектуалы. Современный национализм, несмотря на массовость националистических движений, по-прежнему остается интеллектуальной идеологией. Идеи националистических движений и партий нередко рождаются среди писателей или в академических институтах и университетах.

Национализм и гражданское общество. Национализм представляет наибольшую опасность в национализирующихся обществах, в государствах, пребывающих в состоянии политического транзита. По мере развития и укрепления политических институтов, по мере втягивания населения в электоральные процедуры на альтернативной основе значение и влияние национализма может сокращаться. Мобилизующая сила и идеологическая притягательность национализма рано или поздно уступят свое место опыту политического участия. Устойчивые демократии, вероятно, в меньшей степени подвержены угрозе крайнего этнического национализма, чем молодые демократии в Восточной Европе.

Национализм и СМИ. В современном мире средства массовой информации играют роль, которую сложно переоценить. С появлением и активным развитием Интернета эта роль возрасла. Современные СМИ, вероятно, являются пределом мечтаний для любого среднестатистического националиста. С другой стороны, национализм проник в Интернет и уже вряд ли его покинет. Но эта проблема имеет и другое измерение. Нередко телевидение и радио могут становиться источниками национальной и / или националистической пропаганды. В такой ситуации СМИ превращаются в профессионального ретранслятора исторических мифов. Исторические мифы опасны не только своей простотой, доступностью и устойчивостью, но и тем, что формируют информационное пространство, отмеченное гегемонией мифов и взаимным национальным недоверием.

Национализм и национальная безопасность. В ряде стран, в первую очередь – многонациональных, национализм может восприниматься как угроза территориальной целостности и национальной безопасности. Современная Российская Федерация в 1990-е годы обрела печальный опыт поли-

тического и этнического сепаратизма на Северном Кавказе. В странах типа Российской Федерации проблема национализма в контексте национальной безопасности будет, вероятно, в ближайшие годы сохранять свою актуальность. Представляется необычайно сложной и важной проблемой, чтобы структуры призванные обеспечивать национальную безопасность не брали на себя дополнительную ответственность определять национальную идентичность граждан, предоставив им самим выбор в этой сфере. Цензура национальной идентичности и попытки возвысить одни языки за счет других приводили к плачевным последствиям. Россия избежала развития событий по балканскому варианту, но опасность территориального и этнического сепаратизма не преодолена окончательно. Национализм перестанет представлять опасность по мере укрепления институтов гражданского общества, развития толерантности и углубления межнационального и межрелигиозного диалога.

Национализм непредсказуем. Из предыдущих лекций становится ясно, что национализму свойственен странный динамизм, которого нет у других политических идеологий, возникших раньше или появившихся уже в век национализма. Политическая судьба национализма в целом остается неясной. Нет ясности относительно перспектив развития отдельных европейских национализмов. Несколько лет назад никто не мог и предположить, что сербский парламент, где немало политических националистов, проголосует за предоставление столь широкой автономии Косово. С другой стороны, никто не может гарантировать, что в албанском национализме Косово не произойдет смена поколений и сегодняшние умеренные националисты будут «управлять» Косово из Белграда, будучи отстраненными от власти молодыми националистическими радикалами. Национализм превращает врагов в союзников и союзников во врагов. В этом – не только гарантия стабильного существования национализма, но и причина волнений для существующих национальных государств.

Автор предвидит замечания некоторых коллег относительно того, имеет ли смысл студентам, обучающимся по направлению «регионоведение», изучать столь разнообразные темы. Автор уверен, что регионовед-международник должен обладать различными знаниями в области политики, истории, культуры изучаемого региона. В целом ряде регионов местная специфика и их современный статус сложились во многом благодаря именно фактору национализма. С другой стороны, автор понимает, что национализм, будучи многоплановым и многосложным феноменом, нуждается в дальнейшем изучении. Сложно найти лучший объект, чем национализм, для изучения в рамках междисциплинарного синтеза. И последнее, чем чаще современное российское интеллектуальное сообщество будет обращаться к изучению национализма, тем больше оно будет готово к новым националистическим вызовам.

Список литературы

Основная литература:

- Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы / В.А. Авксентьев. – Ставрополь, 2001. – 267 с.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001. – 286 с.
- Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатова; Отв. ред. Л. М. Дробижева. – М., 1996. – 381 с.
- Джунусов М.С. Национализм: Словарь-справочник / М.С. Джунусов. – М., 1998. – 284 с.
- Кокберн С. Пространство между нами: Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. – М., 2002. – 209 с.
- Коротеева В.В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В.В. Коротеева. – М., 1999. – 139 с.
- Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения / В.А. Михайлов. – Саратов, 1993. – 147 с.
- Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны / В.А. Тишков. – М., 2001. – 551 с.
- Этничность. Национальные движения. Социальная практика / ред. В.Дресслер-Холохан. – СПб., 1995. – 329 с.

Дополнительная литература:

- Anderson B. Imagined Communities / B. Anderson. – NY., 1983. – 362 p.
- Armstrong J. Nations before Nationalism. – Chapel Hill., 1982. – 293 p.
- Becoming National. A Reader / eds. G. Eley, R. Suny. – NY., 1996. – 286 p.
- Breuilly J. Nationalism and State / J. Breuille. – Manchester, 1982. – 64 p.
- Cockburn C. The Space Between Us. Negotiating Gender and National Identities in Conflict / C. Cockburn. – L. – NY., 1998. – 241 p.
- Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983. – 231 p.
- Giddens A. The Nation-State and Violence / A. Giddens. – Camb., 1985. – 363 p.
- Hechter M. Internal Colonialism: the Celtic Fringe in British National Development, 1936 – 1966 / M. Hechter. – L., 1975. – 451 p.
- Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780 / E. Hobsbawm. – NY., 1990. – 234 p.
- Hobsbawm E. Națiuni și naționalism din 1780 până în prezent / E. Hobsbawm. – Chișinău, 1997. – 211 p.
- Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe / M. Hroch. – Camb., 1985. – 349 p.

Kedourie E. Nationalism / E. Kedourie. – L., 1960. – 529 p.

Mann M. The Sources of Social Power / M. Mann. – Camb., 1993. – 371 p.

Mapping the Nation. – L.-NY., 1996. – 591 p.

Motyl A. Revolutions, Nations, Empires / A. Motyl. – NY., 1999. – 198 p.

Nationalism in Asia and Africa / ed. E. Kedourie. – L., 1971. – 360 p.

Nairn T. The Break-up of Britain. Crisis and Neo-Nationalism / T. Nairn. – L., 1977. – 368 p.

Nairn T. Faces of Nationalism / T. Nairn. – L., 1997. – 361 p.

Said E. Orientalism / E. Said. – L., 1978. – 641 p.

Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times / M. Shkandrij. – Montreal – L. – Ithaca, 2001. – 549 p.

Smith A. The Ethnic Origins of Nations / A. Smith. – Oxford, 1986. – 274 p.

Smith A. Nationalist Identity / A. Smith. – L., 1991. – 281 p.

Smith A. Nationalism: Theory, Ideology, History / A. Smith. – Oxford, 2000. – 261 p.

Yekelchik S. Stalin's Empire of Memory. Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination / S. Yekelchik. – Toronto, 2004. – 361 p.

Учебное пособие

Кирчанов Максим Валерьевич

**НАЦИОНАЛИЗМ: ПОЛИТИКА,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ**

Учебное пособие для вузов
(курс лекций)

Редактор